

К 200-летию

Института востоковедения РАН

К пятой годовщине воссоединения Крыма с Россией

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ
МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК «ХЕРСОНЕС ТАВРИЧЕСКИЙ»
СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

III МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

**«Исторические, культурные, межнациональные, религиозные
и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом
и странами Востока»**

6–8 июня 2019 г., г. Севастополь

Материалы конференции
Том 1

Москва
2019

УДК 908
ББК 63.3(6Кры)
И90

Ответственный редактор:

А.Д. Васильев

Составители:

Н.В. Гинькут, В.В. Лебединский, В.В. Прудников

И90 Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока : Материалы конференции. Том 1. / Отв. ред. А.Д. Васильев ; Сост. Н.В. Гинькут, В.В. Лебединский, В.В. Прудников. – М.: Пробел-2000, 2019. – 308 с. : ил.

ISBN 978-5-98604-722-5

ISBN 978-5-98604-723-2 (Том 1)

*Издание подготовлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований,
проект № 19-09-20073*

ISBN 978-5-98604-722-5

ISBN 978-5-98604-723-2 (Том 1)

© ФГБУН Институт востоковедения РАН, 2019

© ФГБУК Государственный историко-археологический
музей-заповедник «Херсонес-Таврический», 2019

© Севастопольский государственный университет, 2019

Содержание

ARMSTRONG P. Zeuxippos Ware and the Archaeology of Trade in Twelfth- and Thirteenth-Century Chersonesos.....	8
АРГУН А.В. Материальная культура раннесредневековой Анакопии в пространстве севера византийской ойкумены.....	13
АКИМЧЕНКОВ В.В. К истории изучения «Книги Ахикара Мудрого» в 30-е гг. XX в.....	18
АЛЕКСЕЕНКО Н.А. Византия и Крым в контексте находки печати Андроника Палеолога.....	23
БЛИЗНЮК С.В. Леонтий Махера и его хроника «Повесть о сладкой земле Кипр».....	27
БОРИСОВА Г.А. Изучение подводного культурного наследия в условиях пещер	31
БОЧАРОВ С.Г. Средиземноморье и Крым в XIV– XV вв. Венецианская Газария – присутствие Республики Св. Марка на крымском побережье: археологический контекст	36
БУКАТОВ А.А. Находки периода крымской кампании из бухты Казачья.....	40
ВАКУЛОВА Т.В. Крым в экономических отношениях России с государствами Средиземноморского региона (конец XVIII - XIX вв.)	43
ВАСИЛЬЕВ Д.Д. Тамги раннесредневековых кочевников Северного Причерноморья и их параллели в центре Азии.....	48
ВАХОНЕЕВ В.В. Археологические исследования парохода «Веста» – участника русско-турецкой войны 1877-1878 гг.....	51
ВИНОКУРОВ Н.И., ТРЕЙСТЕР М.Ю. Фрагменты сосудов мозаичного стекла из раскопок цитадели городища Артезиан.....	56
ВОРОНИН К.В. Стеатитовая икона с образами великомучеников Федора, Георгия, Дмитрия из раскопок в Херсонесе и ее культурно-исторический контекст: изображения триумvirата святых воинов в христианском искусстве XII-XIII веков.....	60
ГАВРИТУХИН И.О., СВИРИДОВ А.Н., ЯЗИКОВ С.В. Первые результаты изучения могильника римского времени «Фронтное 3».....	65
ГАРАС Л.Н. Миграционный фактор в социально-политических процессах современной Италии.....	70
ГОРБУНОВ П.А. Подводные археологические исследования в акватории Юго-Восточного Крыма в контексте изучения международных торгово-экономических связей в XIII–XIV вв.....	74
ДИНЬ ЛЕ ХОНГ ЗАНГ. Инициатива КНР «Пояс и путь»: перспективы и выгоды для Российской Федерации.....	78
ДОРОШКО В.В. Гончарные кувшины римского времени с биконическим туловом на высоком поддоне: к вопросу о времени и месте производства.....	82
ДОРОШКО О.П. Сковороды с рифлеными ручками римского времени (по материалам раскопок Херсонеса Таврического и его округи).....	86
ДЮЖЕНКО Т.В., БУКАТОВ А.А. Граффити и дипинти на средневековых амфорах и поливной посуде из подводных разведок в Карантинной Бухте.....	91

ЕВДОКИМОВА А.А. Византийские надписи Крыма, формулы и лингвистические особенности.....	95
ЖАНТЕЛИЕВА Н.Г. А.Н.Бернштам и Крым.....	105
ЖИГАЛОВА Н.Э. Борьба за галлиполи в контексте османо-византийских взаимоотношений в первой половине XV в.	109
ЖИЛИНА Н.В. Зооморфные мотивы средневекового орнамента по крымским и славяно- русским материалам. Параллели, связи и своеобразие	113
ИВАНОВ А.В., КУЛАГИН А.В. К истории топонима «Мыс Визуля» в районе Казачьей бухты г. Севастополя.....	118
ИРХИН А.А. Россия, США и Турция в Черноморско-Средиземноморском регионе: интересы, противоречия, перспективы.....	122
КАЛИНИНА Т.М. Танаис или Борисфен в представлениях арабских географов	126
КАТЮШИН А.Е. Крымская война: к вопросу о тыловых коммуникациях.....	133
КОНКИН Д.В. «Слухи, скандалы, расследования»: крымско-турецкие связи и противодействие им российских властей в первой половине XIX в.....	138
КОСТРОМИЧЕВ Д.А., ДЮЖЕНКО Т.В. Две традиции использования строительной керамики в одном погребальном сооружении херсонесского некрополя	143
КРАСНОДУБЕЦ Е.М. Перстень с астральной символикой из раскопок К.К. Косцюшко- Валюжинича в Херсонесе Таврическом.....	149
КРОЛ А.А., ЗАЙЦЕВ И.В. «Последний мамлюк» в Крыму. Эпитафии командующего египетским корпусом Селима Фатхи-паши и полковника Рустем-бея в Евпатории (1855 г.).....	154
КУДРЯВЦЕВ А.А., КУДРЯВЦЕВ Е.А. Северный Кавказ и Крым в геополитических и экономических планах России и Турции на Кавказе во второй пол. XVI – нач. XVII вв.....	159
КУЩ Т.В. Пиратство в Восточном Средиземноморье в XV в.	164
ЛЕБЕДИНСКИЙ В.В., ГИНЬКУТ Н.В., ТАТАРКОВ Д.Б., ДВУХШОРСТНОВ В.И., ПРОНИНА Ю.А. Подводно-археологическая разведка кораблекрушений византийского периода в районе Балаклавы	168
МАЙКО В.В. Новое в изучении археологии Генуэзской Газарии.....	179
МАСЛОВСКИЙ А.Н. Керамика производства Юго-Восточного Крыма как маркер торговых путей на территории Золотой Орды	183
МИХАЙЛОВА Е.В. Денежные единицы в англоязычных версиях Библии и Корана: лингвокультурологический аспект.....	186
МОГАРИЧЕВ К.Ю. Еврейская сельскохозяйственная колонизация в Крыму в контексте договора правительства СССР и Агро-Джоинта 1924 г.....	191
МОГАРИЧЕВ Ю.М., ЕРГИНА А.С. Пещерный храм Южного монастыря Мангупа: к вопросу об истоках росписей.....	195
МОСКАЛЕНКО О.А. Эволюция метафоризации присоединения Крыма и Севастополя к России в испанском медиадискурсе как реакция на реализацию внешнеполитического курса Российской Федерации в Черноморско-Средиземноморском регионе	198
НЕДЕЛЬКИН Е.В. Сельскохозяйственное производство в Байдарской долине (Юго-Западный Крым) в первой половине XVI в.....	202

НЮШКОВ В.А. Торгово-экономические контакты древней Абхазии с Северным Причерноморьем в I – VI вв. н.э.	207
ОБЛОМСКИЙ А.М. Антропоморфные амулеты из верховьев р. Воронеж. К вопросу о южных связях населения региона в VI-VII вв.	212
ПИЩУЛИНА В.В. Транскультурные взаимодействия в храмовой архитектуре Крыма и Северного Причерноморья периода Средневековья	218
ПОЛЯНСКАЯ Е.С., БОБКИН Д.П. Распространение виноградарства и виноделия в Северном Причерноморье и его влияние на межнациональные связи	223
РОМЕНСКИЙ А.А. Реальные и фантомные походы Руси в византийскую Таврику	229
САЗАНОВ А.В. Джон Вильям Хейс и его «Late Roman Pottery»: 47 ans après	233
СЕДИКОВА Л.В. Поливная полихромная керамика с орнаментом сграффити из Херсонеса.....	242
СТУПКО М.В. К атрибуции и датировке херсоно-византийских монет типа «два креста» (Анохин 1977: 384)	246
СУНГУРОВ А.Ю. Взаимодействие власти, экспертного сообщества и гражданских организаций: российский опыт и крымская специфика.....	252
ТИХОНОВА Н.Е. Образ Османской империи и российско-турецкие отношения на страницах крымскотатарской газеты «Переводчик-Терджиман».....	256
ТРЕЙСТЕР М.Ю. Позднеэллинистические литые в формах стеклянные сосуды и их фрагменты из погребений кочевников Азиатской Сарматии	260
УШАКОВ С.В. Амфорный комплекс засыпи большой цистерны из раскопок базилики «Крузе» в Херсонесе	265
ФЕДОСЕЕВ Н.Ф., ПОНОМАРЕВ Л.Ю. Об использовании позднеантичных склепов в «хазарское» время (на примере некрополей Керченского полуострова).....	270
ХРАПУНОВ Н.И. К истории британских путешественников по Крыму на рубеже XVIII–XIX вв.	277
ХРАПУНОВ Н.И., ХРАПУНОВА С.Н. В поисках восточных удовольствий: приключения спутников Екатерины II в 1787 г.....	281
ЧИХАРЕВ И.А. Восточное Средиземноморье: новые подходы к конструированию региона и место в нем России	286
ЧХАИДЗЕ В.Н. Матрега – генуэзский город XIV–XV вв. на Таманском полуострове	290
ШУЛЬГА Д.П. Соотношение терминов «Византия» и «Восточная Римская Империя» в сравнении с китайской династийной традицией	294
ШУЛЬГА Д.П., ДУДУКИН К.А. Новая находка золотой монеты Анастасия I в городе лоян (в контексте Великого шёлкового пути).....	297
ЯРМАК О.В., КАНАХ А.М., НЕЛИНА Л.П., ШКАЙДЕРОВА Т.В. Ценностный аспект формирования национально-государственной идентичности студенческой молодежи Крыма и Севастополя.....	301

**ZEUXIPPUS WARE AND THE ARCHAEOLOGY OF TRADE
IN TWELFTH- AND THIRTEENTH-CENTURY CHERSONESOS**

Армстронг П.

Zeuxippus Ware

и археология торговли в Херсонесе XII-XIII вв.

My paper is primarily about the ‘trading value’ of Zeuxippus Ware, a late Byzantine glazed table ware whose production centre is unknown and which has been found in quantity at Cherson. In order to place its ‘trading value’ in context it is necessary first to consider some other contemporaneous wares and production centres.

Zeuxippus Ware was identified by Peter Megaw who called it ‘Zeuxippus’ after the Baths of Zeuxippus in Constantinople where it had been found previously [Megaw 1968, Megaw 1989]. But at Saranda Kolonnes in Paphos, Cyprus, Zeuxippus Ware was found together with another glazed table ware which Megaw called ‘Low Ring Base Ware’ pointing out that the latter’s specific characteristics, namely the low foot, the carefully bevelled rim and generally high quality of potting, isolated it from the more usual rough characteristics of generic Aegean Wares that were travelling around the Aegean and east Mediterranean [Megaw 1975]. But what Megaw also did, in conjunction with the scientist Richard Jones, was to show that the fabrics of Zeuxippus Ware and Low Ring Base Ware had much in common, and were probably produced close to each other at an unknown location [Megaw and Jones, 1983: 257 table 3; Megaw 1989: 263]. However I am going to propose a locality for their production in this paper.

Before presenting my hypothesis, the recently identified glazed table ware production centre at Chalkis, on the west coast of the island of Euboia, the port of the city of Thebes, should be taken into account. It has already been established that Chalkis was a major manufactory which exported its ceramic products around a wide area of the east Mediterranean and even into the Black Sea [Waksman et al 2014]. However it does not fit the pattern established some years previously, supported by subsequent excavations, that glazed table wares were made in many of the cities in Greece from the end of the eleventh century to the early thirteen centu-

ry, mainly to service the immediate urban market and so exporting few of their products [Megaw and Jones 1983; Papanikola-Bakirtzis 1999]. The production centre at Chalkis was almost certainly connected with the manufacture and export of silk cloth from Thebes [Armstrong, at press]. Venetian merchants began to trade in Theban silk from the middle of the eleventh century; within a few decades a major ceramic manufactory had been established at Euripos; at the beginning of the twelfth century amphora production began at Euripos for the export of local wine. As the silk production was managed by Venetians, which we know from documentary evidence, it is likely that establishment of the pottery production at Chalkis was facilitated by the Venetians in order to increase the efficiency of the export process of valuable silk cloths. In conjunction with this recent work should be taken into account which has demonstrated that the cost of glazed table wares was considerably more than was previously understood, so that the argument is that the Venetians replaced the untradeable rocks or water that would have been used as heavy ballast for transporting lightweight silks with the money generating ballast of glazed ceramics and wine [Sanders 2016].

The discussion now moves to Constantinople and Genoese traders there. In 1192 a deed was drawn up in Latin donating to the Genoese resident in Constantinople the church of the Botaniates Palace situated at Sirkeci on the Golden Horn [Talbot Rice 1930]. In 1202 the same document was drawn up in Greek, reinforcing the authority of the Genoese over this church. This document is often quoted as evidence for Polychrome tile production in Nikomedia [Mason and Mundell Mango 1995: 322], and is usually only taken into account by scholars interested in architectural tiles who seem to ignore the elephant in the room: what were the Genoese doing in this part of Constantinople? They are normally considered to have been confined to Pera, on the other side of the Golden Horn. But to have a functioning church in this district implies a congregation, that is, people living in its vicinity. The argument now turns back to Low Ring Base Ware. Laboratory analysis of a bowl of this type found on the Camaltı Burnu I wreck [Günsenin 2003: 368, fig. 10a-b] associates it with Sirkeci production [Waksman, pers. communication; Waksman and Girgin 2008]. No argument for ceramic provenance can seriously hang on the analysis of one vessel, rather it has been taken as the stimulus for the hypothesis presented here, and not as evidence per se. The hypothesis is that Zeuxippus and Low Ring Base Wares were made at Sirkeci in Constantinople in the manner of the production centre at Chalkis, that is, to facilitate and make more efficient trading processes. These two wares are often found together (Armstrong, at press). Furthermore it is proposed that these ceramic productions were instigated by Genoese merchants, following the model already established by the Venetians at Chalkis.

Supporting evidence is provided by finds of well-dated Zeuxippus Ware bacini in Italy [Berti and Gelichi 1997]. At this point it is important to note that the Zeuxippus Ware considered here is the so-called ‘proto-type’ which was identified and classified by Megaw, in particular his Class II, with a creamy glaze and added colour. Its early twelfth-century chronology is provided by the excavations at the Great Palace in Constantinople, where a closed deposit with the latest coin of Alexios III (1195–1203) contained 5% Zeuxippus Ware of the type that was also in the destruction horizon of Saranda Kolonnes in 1222, and by an amalgam of three different pieces of evidence assembled by Papanikola-Bakirtzis [Megaw, 1968, 76; Papanikola-Bakirtzis, 2001]. The Italian bacini also support this dating, as can be seen on Table 1.

City	Building or church	Date	Number of ZW II bacini
Varazze (Savona)	S. Ambrogio Vecchio	4th ¹ / ₄ 12th c	2
Genoa	S. Giovanni di Prè	1180-	1
Parma	Arcivescovado	1231?	1
Pisa	S. Michele Scalzi	1177-1204	6
Pisa	S. Stefano	4th ¹ / ₄ 12th c	2

Table 1. Bacini of Zeuxippus Ware Type II in Italy, their location and date

Type II Zeuxippus Ware has been found in many locations in Italy but it is important to distinguish between sherds and bacini. Sherds indicate the presence of the type while bacini make a public statement about the pottery itself. It is of great significance that the bacini are all located in northwest Italy. Are these bacini emblems of trading successes by the city states? I have suggested that Zeuxippus Ware manufacture was facilitated by Genoese merchants in Constantinople which, while the bacini support such a proposal to a certain extent, the numerous examples in Pisa might argue for a Pisan element in their production. However, the data must be subject to survival rates and possibly does not represent the twelfth-century picture.

My final argument is the famous Zeuxippus plate depicting St George killing a dragon, shown on fig. 1, found at Chersonesos. The problem with this St. George is his hairstyle: it is the preferred hairstyle of western Europeans at this time, and witnessed in contemporary illustrations [Armstrong 2006]. St. George and indeed Byzantine figures in general, have curly hair. The Zeuxippus ‘St. George’ is adorned with the accoutrements of medieval knight. He is wearing a weapon belt

into which is set a short-handled striking instrument, both essential elements of a knight's kit. This plate was not an isolated find showing knightly figures who are obviously westerners, but rather the most complete one [Armstrong 2006]. Cherson has also produced a Zeuxippus plate with a hunter who is clearly a Byzantine figure [Yakobson 1978: pl. 75, no.3], which demonstrates that the so-called St. George really is not meant to be Byzantine. The limited zone where depictions on ceramic of western knights have been found suggests that they were meant for a targeted clientele, or possibly even commissioned. Since the activities of Genoese traders at Cherson are well documented, it might be that 'St. George' is actually a recently-knighted Italian merchant resident in the city. Thirteenth-century texts in Italy complain about the quality of men being admitted to the knighthood, with a particular distain for the knighting of merchants, who have never raised a sword in battle [Dean 2000].

This presentation is a summary of the arguments for thinking that Zeuxippus Ware may have been created as a secondary cargo under the direction of Genoese merchants to supplement the movement of more valuable commodities. As a model it explains much. The 'trading value' of this desirable pottery lies in a combination of both its intrinsic good quality and properties as profitable ballast.

Bibliography:

ARMSTRONG, P. 'Iconographic Observations of Figural Representation on Zeuxippus Ware', in P. Armstrong (ed.), *Ritual and Art. Byzantine Essays for Christopher Walter*. London, 2006, 75–93.

ARMSTRONG, P. 'Greece in the eleventh century' in J. Howard-Johnston (ed.), *Being in Between: Byzantium in the Eleventh Century. Social Change in Town and Country*. Ashgate, at press.

ARMSTRONG, P. *Byzantine and Later Torone: Material Culture as History in the north Aegean and Thraco-Macedonian region*. Athens, at press.

BERTI, G., GELICHI, S. "'Zeuxippus Ware" in Italy', in Maguire, H. (ed.) 1997. *Materials Analysis of Byzantine Pottery*, Washington D.C., 1997, 85–104.

T. DEAN, *Towns of Medieval Italy in the Later Middle Ages*. Manchester, 2000.

GÜNSENIN, N. 'L'épave de Çamaltı Burnu I (Île de Marmara, Proconnèse): résultats des campagnes 2001–2002', *Anatolia Antiqua / Eski Anadolu* 11, 2003, 361–76.

IAKOBSON, A. L. *Keramika i keramicheskoe proizvodstvo srednevekovoi Tavriki*, Leningrad, 1979.

MEGAW, A. H. S. 'Zeuxippus Ware', *Annual of the British School at Athens* 63, 1968, 67–88.

MEGAW, A. H. S. 'An Early Thirteenth-Century Aegean Glazed Ware', in G. Robertson and G. Henderson (eds.), *Studies in Memory of David Talbot Rice*. Edinburgh, 1975, 34–45.

MEGAW, A. H. S. 'Zeuxippus Ware again', in V. Déroche and J.-M. Spieser (eds.), *La céramique byzantine*. Athens, 1989, 259–66.

MEGAW, A. H. S. JONES, R. E. 'Byzantine and Allied Pottery: a Contribution by Chemical Analysis to Problems of Origin and Distribution', *Annual of the British School at Athens* 78, 1983, 235–63.

MASON, R., MUNDELL MANGO, M. 'Glazed 'Tiles of Nicomedia' in Bithynia, Constantinople, and elsewhere' in C. Mango and G. Dagron (eds.), *Constantinople and its Hinterland*. Aldershot, 1995, 313–331.

PAPANIKOLA-BAKIRTZIS, D. 'Zeuxippus Ware: Some Minor Observations', in J. Herrin, M. Mullett and C. Otten-Froux (eds.), *Mosaic. Festschrift for A. H. S. Megaw*. London, 2001, 131–4.

PAPANIKOLA-BAKIRTZIS, D. (ed.) *Byzantine Glazed Ceramics. The Art of Sgraffito*, Athens, 1999.

SANDERS, G. *Recent Finds from Ancient Corinth: How Little Things Make Big Differences*, *Babesch Papers on Mediterranean Archaeology*, 10th Byvanck Lecture. Leiden, 2016.

TALBOT RICE, D. *Byzantine Glazed Pottery*, Oxford, 1930.

WAKSMAN, S. Y., GIRGIN, Ç. 'Les vestiges de production de céramiques des fouilles de Sirkeci (İstanbul). Premiers éléments de caractérisation', *Anatolia Antiqua / Eski Anadolu* 16, 2008, 443–69.

WAKSMAN, S. Y., KONTOGIANNIS, N. D., SKARTSIS, S. S., VAXEVANIS, G. 'The Main 'Middle Byzantine Production' and Pottery Manufacture in Thebes and Chalcis', *Annual of the British School at Athens* 109, 2014, 379–422.

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ АНАКОПИИ В ПРОСТРАНСТВЕ СЕВЕРА ВИЗАНТИЙСКОЙ ОЙКУМЕНИ

A. Argun

Early Medieval Material Culture of Anakopia in Space of the North Byzantine Oekumena

Археологическое изучение Анакопийской крепости впервые было проведено экспедицией 1957-1958 гг., под руководством М. М. Трапш. Раскопками были охвачены башни второй линии обороны (за исключением башен №1, №2), проведены разведки внутри крепости, выявлен ряд архитектурных объектов и захоронения. Керамический материал данных раскопок был изучен О. Х. Бгажба, который составил хронологические таблицы по основным комплексам керамики местного производства [Бгажба 1977]. В последующем на основе подъемного материала и случайных находок были освещены отдельные вопросы хронологии объектов крепости (Аргун 2008). В 2014-2015 гг.¹ в Анакопийской крепости проводились археологические раскопки воротного узла второй линии обороны [Аргун 2016: 235-258].

В течение двух полевых сезонов были зафиксированы ранее неизвестные архитектурные объекты, уточнена строительная техника и принципы устройства фундаментов стен. Были зафиксированы и сопоставлены с более ранними данными культурные слои раскопок. Вещевой материал раскопок был классифицирован по категориям, типам и видам. Отдельные категории находок ранее были описаны. [Аргун 20016: 4-10; 2017: 4-11]. Данное исследование посвящено анализу керамического материала из раскопок 2014-2015 гг., которые представлены фрагментами тарной, кухонной, столовой, строительной керамики. Материал раскопок 2014-2015 гг. богаче и разнообразнее материалов раскопок 1957-1958 гг. Была установлена форма местных красноглиняных, лощеных кувшинов со сливом, расписанных бурыми красками. (Рис.1, 43.). М. М. Трапш

¹Состав археологической экспедиции Ан-14: Научный руководитель - Бгажба О.Х., начальник - Сангулия Г. А., зам. начальника - Аргун А. В., начальник камеральных исследований - Головина Л. П., археологи - Джоупа И. А., Кайтан Ш. Г., архитектор-реставратор (магистрант) – Быстрицкая М. А., художник – Пинчук Я. В.

относит их бытование ко времени VII-IX вв. [Трапш 1975: 137]. Фрагменты похожих кувшинов были выявлены Ю.Н. Вороновым на ряде объектов в окрестностях Сочи [Воронов 2014: 377]. Наряду с вышеописанным типом, встречаются фрагменты миниатюрных тонкостенных, лощеных кувшинчиков светлого обжига на низком поддоне в различном исполнении. Одни из них сохранили следы бурой росписи, другие - следы вертикального лощения, иногда в сочетании с разнообразным орнаментом под венчиком: многорядная волна, линии и т. д. Большая часть этих сосудов оказалась двуручными, форма тулова меняется от биконической до грушевидной (Рис.1, 34-36). В отчетах экспедиции 1957-1958 гг. данный тип посуды отсутствует, но имеются аналогии из могильника близ крепости Герзеул [Бгажба 1977: 56]. Их форму можно связать с находками более раннего времени на территории Гудаутского района, из погребений в с. Ачандара IV-VI векам н.э. [Скаков, Джопуа 2006].

Также заслуживает внимания еще одна форма кувшинов (горшков) среднего размера с уплощенной ручкой, примыкающей к венчику. Близки к Анакопийским по формам кувшины (горшки) из Джамагатского могильника, которые относятся к VI-VII вв. [Биджиев 1993: рис. 42]. Синхронные слои средневекового Херсонеса дают нам схожие типы керамики, датированные временем до X в. [Белов 1938: 280]. Судя по импортным керамическим предметам, можно сделать вывод, что с конца IX в. в Анакопию более интенсивно проникают образцы из-за пределов Абхазского царства. Скорее всего, ближе к X в. среди кувшинов начинают доминировать высокогорлые кувшины с узким дном, кувшины со сливом, которые массово встречаются в Херсонесе [Якобсон 1959: 310]. Впервые для Анакопии было выявлено большое количество фрагментов белоглиняных ваз и мисок, большая часть из которых была расписана линиями и точками красно-бурого цвета по белой глазури. Данный тип столовой посуды обнаруживает сходство форм с херсонесскими образцами, бытовавшими во второй половине IX – X вв. [Якобсон 1959: 334, рис.182]. Чаще всего эти изделия имеют выраженный узкий поддон, от которого с большим расширением отходят стенки, завершающиеся резко отогнутой, четко выраженной каймой (Рис. 1, 37-42, 44.). В то же время в материалах Херсонеса представлены не линейные, а композиционные рисунки.

Наиболее информативными из всей керамики являются желобчатые амфоры разных видов (Рис.1, 29-33.). Среди них выделяются светло-кирпичного обжига с покрытием наружной поверхности светлым ангобом, залегавшие в одном горизонте с белоглиняными чашами. Анакопийские амфоры исключительно импортные. Похожие амфоры Херсонеса классифицированы по типам и датам [Якобсон 1959: 313].

Пифосы Анакопии из раскопов 2014-2015 гг. имеют близкое сходство с находками 1957-1958 гг. [Трапш 1975: 134-135] (Рис.1, 1-28.). В верхних слоях присутствует большое количество пифосообразных тарных кувшинов на плоском поддоне и фрагменты массивных кувшинов с глубокими врезками на ручках, которые бытовали в XI-XII вв. [Трапш 1975: 138-139].

Ранний керамический материал времени основания второй оборонительной линии не содержит импортной продукции, состоит преимущественно из фрагментов кирпичей, солен и калиптеров, а также горшков, кружек, пифосов, тонкостенных лощенных кувшинчиков, появление которых можно отнести к VI-VII вв. Период до X в. характеризуется отсутствием монет и предметов роскоши. Недостаточная изученность местного керамического материала привела к установлению широкого хронологического диапазона бытования утилитарных керамических изделий, таких как пифосы, горшки, кровельная черепица и т.д. Однако результаты современных исследований кладочных известковых растворов, проведенных на объектах второй линии обороны, могут быть использованы для корректировки хронологии культурных слоев и типов, видов вещевого материала, повышая их возраст примерно на 50 лет [Pishchulina, Kotlyar, Argun 2018].

В 80-х годах IX в. происходит первый династический кризис в Абхазском царстве. Наследник абхазского престола Баграт принимает византийский титул магистра и возвращает трон. С этого периода наблюдается политическое и церковное сближение двух государств, что в целом подтверждается раскопочным материалом. Появление амфор в Анакопии на фоне уменьшения количества пифосов, свидетельствует о значительной роли импорта на временном отрезке IX-XI вв. Третий династический кризис в царстве стал причиной появления в Анакопии в 30-х гг. XI в. византийских военных сил, что также находит подтверждение в раскопочном материале [Аргун 2017]. А результаты сопоставления Анакопийских материалов с керамикой Херсонеса, других поселений Крыма [Плетнева 2003: 117], Таматархи [Чхаидзе 2008: 146-148] подтверждает сложение общего торгово-экономического пространства на обширной территории, с доминирующим значением ведущих экономических центров Византии для времени IX - XI вв.

Библиография:

АРГУН А.В. Монетные находки 2008 г. в Анакопийской крепости. Доклад на МНК 31.05 – 5.06.2015., ИА РАН АБИГИ "Социальная стратифи-

кация населения Кавказа в конце античности и начале средневековья: археологические данные". Сухум.2015.

АРГУН А.В. Архитектурный анализ воротного узла Анакопийской крепости (в свете новых данных). // Материалы МНК 14-17 мая 2015., АБИ-ГИ ИВ РАН, Сухум-Москва, 2016. С.235-258.

АРГУН А.В. Вислая печать из предвратной башни Анакопийской крепости. VI «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Материалы международной археологической конференции 31мая-2 июня 2016 г. Краснодар, 2016 г. С 4-10;

АРГУН А.В. Монетные находки археологической экспедиции Ан-15. VII «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Материалы международной археологической конференции 31мая-2 июня 2017 г. Краснодар, 2017. С.4-11.

БГАЖБА О.Х. Очерки по ремеслу средневековой Абхазии (VIII-XIVвв.). Сухуми: Алашара, 1977.

БЕЛОВ Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935-1936 гг. Гос. издательство Крымской АССР, 1938. С.280.

БИДЖИЕВ Х.Х. Тюрки Северного Кавказа. Черкесск. 1993. Рис.42.

ВОРОНОВ Ю.Н. Древности Сочи и его окрестностей. Научные труды, Т.4. Сухум: Абхазский институт гуманитарных исследований АНА, 2014. с. 273-399.

ПЛЕТНЕВА С.А. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. Археология. М., 2003.

СКАКОВ А.Ю., ДЖОПУА А.И. Могильник абазгов в Бзабской Абхазии. Материалы и исследования по археологии Кубани. В. 6. 2006. С. 235-247.

ТРАПШ М.М. Средневековая Анакопия. Труды. Т-4. – Сухуми, 1975.

ЧХАИДЗЕ В.Н. Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове. М. «Таус». 2008.

ЯКОБСОН А.Л. Раннесредневековый Херсонес. МИА, №63. 1959.

PISHCHULINA V., KOTLYAR V., ARGUN A. Integrated Cross-disciplinary Approach to Dating the Architectural Heritage Objects Based on Abkhazia and Chechnya Architectural Monuments Dating back from 2nd to 11th Centuries. 2nd International Conference on Art Studies: Science, Experience, Education (ICASSEE 2018). Advances in Social Science, Education and Humanities Research, volume 284. Atlantis press. P. 613-617.

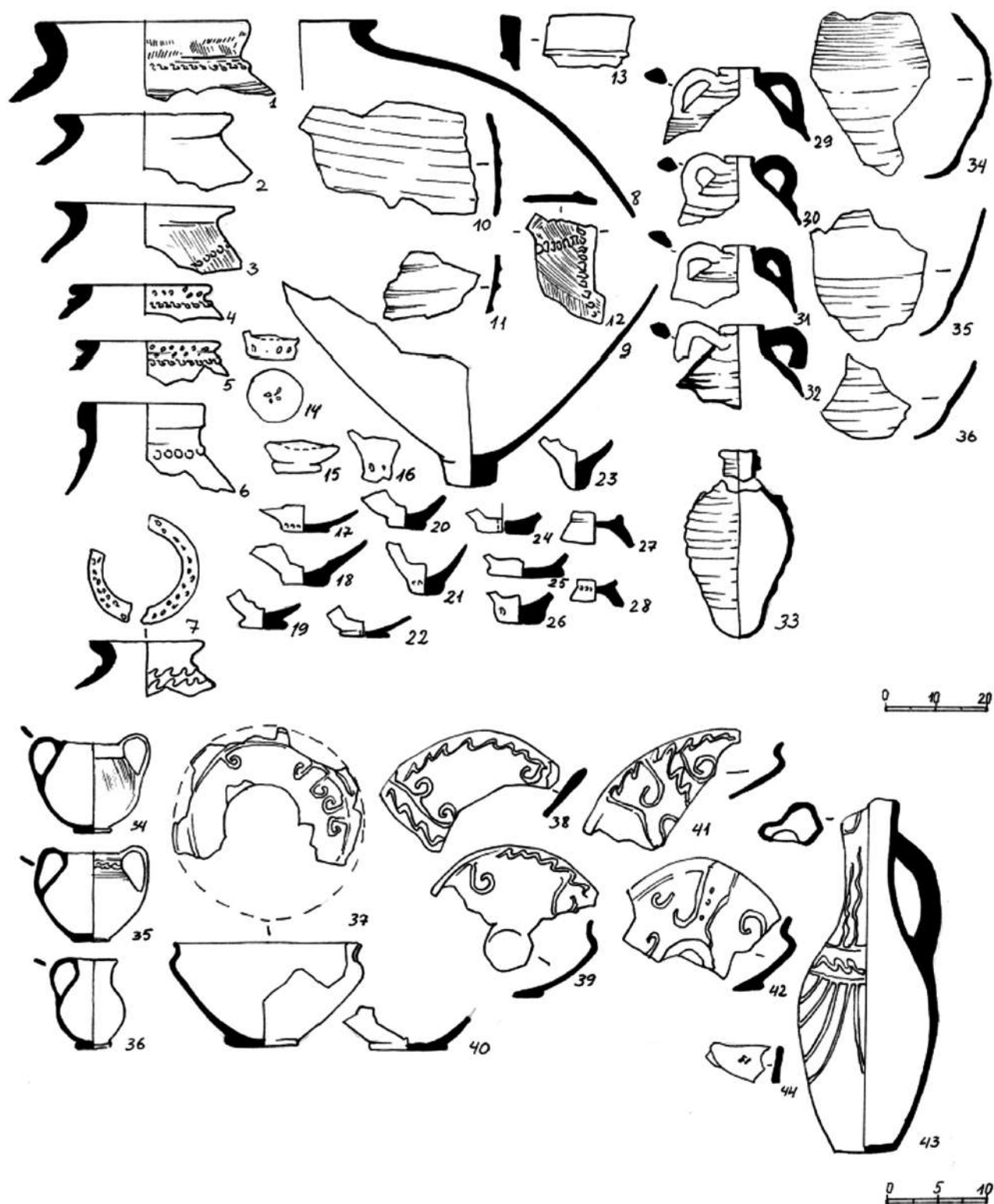

Рис. 1. Керамические находки из раскопов 2014–2015 гг. в Анакопийской крепости. Пифосы (1-28), амфоры (29-33), тонкостенные кувшинчики (34-36), белоглиняные чаши (37-42, 44), 44 – клеймо мастерской, красноглиняный лощеный кувшин (43).

К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ «КНИГИ АХИКАРА МУДРОГО»

В 30-Е ГГ. XX В.

V. Akimchenkov

**To the History of Study of Ahikar Wise's Book
in the 1930-ies**

В разные исторические эпохи «Повесть об Ахикаре Мудром» и составляющие ее речения получили широкое распространение, став базисом для разнообразных повествовательных фабул и самостоятельных произведений, в том числе пополнив текст Ветхого Завета. К сегодняшнему дню данный источник в достаточной мере изучен. Значительный вклад в этот процесс внес австрийский католический теолог, профессор Венского университета Михаэль Вайгль, издавший монографию «Аrameйские речения Ахикара и ветхозаветная литература премудрости» в серии приложений к журналу «*Zeitschrift für die alttestamentliche Wissenschaft*» [Weigl 2010], снискавшую положительные отзывы российском научном сообществе [Лявданский 2012]. В отечественной исторической науке упомянутая проблема также нашла отображение [Клочков 1977; Апресян 2008].

Исследователями неоднократно предпринимались попытки перевода текста «Повести об Ахикаре Мудром» для его последующей публикации. Так, первый перевод, по мнению профессора М.И. Даяна, был осуществлен на английский язык исследователем Диллоном в 1898 г. [Архив РАН, ф. 543, оп. 5, д. 51, л. 3]. Нам, в свою очередь, удалось выявить лишь переводное издание британского востоковеда, профессора теологии Оксфордского университета Фредерика Крэвена Конибера и профессора палеонтологии Кембриджского университета Джеймса Рендела Харриса, датируемое этим же годом [Coneybeare, Harris, Lewis 1898]. Также, по словам М.И. Даяна, исследователь Аббиан Эллин перевел текст с сирийского на библейско-мишнаитский иврит [Архив РАН, ф. 543, оп. 4, д. 525, л. 23].

Данный памятник назидательной литературы древнего Ближнего Востока несколько раз переводили и на русский язык. Нам известны переводы С.С. Аверенцева по изданию Ф.К. Конибера и др. [Повесть об Ахикаре Прему-

дром 2004], А.М. Белова и Л.Х. Вильскера [Повесть об Ахикаре Премудром 1960], а также перевод О.В. Творогова древнерусского текста «Повести об Акире Премудром», относящегося к XI–XVII вв., на современный русский язык.

Однако стоит обратиться к отечественному опыту ее изучения в 30-е гг. XX в. Первым в советской историографии к изучению текста вышеупомянутого источника приступил философ, автор статей по еврейской истории Моисей Исаакович Даян (1877–1940) [Акимченков 2017]. Его заметка по этой проблеме под названием «Ахикар Мудрый», датированная 1939 г., выявлена нами в личном фонде академика Н.А. Морозова Архива РАН. Профессор Даян поддерживал с Николаем Александровичем плодотворные деловые отношения, о чем свидетельствует сохранившийся корпус эпистолярного наследия ученых. В одном из писем, датированном 21 ноября 1938 г., М.И. Даян сообщал Н.А. Морозову о том, что он приступил к переводу текста «Книги Ахикара Мудрого» на русский язык. Из его слов становится понятным, что ученый располагал текстом источника написанном на сирийском языке, хранящимся в фондах Библиотеки Кембриджского университета. По-видимому, речь идет о сирийском списке XVII в., который и ныне входит в фонды упомянутой библиотеки.

Издать перевод книги М.И. Даян планировал в Гослитиздате, снабдив его введением Н.А. Морозова. [Архив РАН, ф. 543, оп. 4, Д. 525, л. 23]. В письме от 22 января 1939 г. Даян просил Николая Александровича привлечь для составления отзыва Гослитиздату советского востоковеда-семитолога, академика Павла Константиновича Коковцева и советского востоковеда-ассириолога, академика Василия Васильевича Струве. Также рассматривался вариант подготовки ими введения либо предисловия к тексту перевода, поскольку сам Н.А. Морозов был занят написанием математического труда и исполнить просьбу М.И. Даяна не мог [Архив РАН, ф. 543, оп. 4, д. 525, л. 24].

Для потенциальных авторов предисловия профессор Даян подготовил краткие заметки, в которых в виде тезисов изложил содержание книги [Архив РАН, ф. 543, оп. 4, д. 525, л. 26]. В свою очередь Гослитиздат предложил Н.А. Морозову дать самостоятельный отзыв о готовящемся переводе «Книги Ахикара Мудрого». С этой целью 13 мая 1939 г. М.И. Даян направил ему письмо с заметкой под условным названием «Ахикар Мудрый», которую Н.А. Морозов мог использовать для подготовки отзыва [Архив РАН, ф. 543, оп. 4, д. 525, л. 28]. В силу значимости данного источника, приведем текст вышеупомянутой заметки: «Впервые это имя упоминается в книге Товита, где говорится, что Ахикар был родственником или другом (здесь тексты рас-

ходятся) Товита и занимал пост канцлера ассирийской державы (при Саннехерибе [Синнахерибе]). Там же упоминается о некоем Надане, усыновленном Ахикаром, отплатившем Ахикару черной неблагодарностью (Кн. Тобиан, XIV, 10, 11).

Климент Александрийский рассказывает, что Демокрит заимствовал свою мудрость от Ахикара (Stromatal, 15).

Страбон сообщает, что жители Борсиппы воздавали божеские почести Ахикару (Ojeograjoh. XVI, 2, § 39).

У Феофраста [Теофраста] он упоминается как Акихар (Diogenes Laertius, № 50).

Ахикару было 60 лет, у него было 60 жен (Ср. Песнь Песней, VI, 8, [...]). В арамейском агадическом фольклоре это число является излюбленным и обыкновенно служит для обозначения чего-то очень значительного, максимального ([...]).

Детей у Ахикара не было и Ахикар усыновил своего племянника, сына своей сестры, юного Надана. Это имя означает дар, подобно еврейскому «Натану».

Возмужав, Надан стал ковать козни против Ахикара, стремясь занять место в государстве.

Надану удалось путем темных интриг и подлогов добиться обвинения Ахикара в государственной измене и предательстве родине.

Первый министр Ахикара был приговорен к смертной казни.

От лютой смерти спасает Ахикара его друг Набусемак, спрятав Ахикара в подземелье и выдав труп обезглавленного раба за тело Ахикара.

Выждав благоприятный момент, Набусемак открыл Саннехерибу [Синнахерибу] правду и тот обрадовался возможности вновь пользоваться советами умудренного опытом государственного человека.

Саннехериб [Синнахериб] отправил, по приглашению фараона, Ахикара в Египет, где последний доказал огромную свою ученость и мудрость. По возвращении из Египта с богатыми дарами фараона, Ахикар подверг Надана заслуженному наказанию по традиционной мере строгости: «Тот, кто роет яму другому, сам попадет в нее» [...].

Влияние книги Ахикара Мудрого сказалось на «Жизни Эзопа» Максима Плануда, в которой много подробностей сходственны с преданиями об Ахикаре. (Fabule romanenses, I, 225 и сл. в изд. Eberhard).

Соревнование в остроумии между Ахикаром и египетскими мудрецами напоминает состязание между Йошуа б. Хананья [Иехошуа бен Ханания] и афинскими мудрецами [...].

У того и другого один и тот же прием – отвечать на неразрешимый вопрос выставлением еще больших трудностей. Так, например, афинские мудрецы спрашивают Иошую [Иехошуа бен Ханания], как сшить куски сломанного жернова; он им отвечает требованием дать ему для этого нитки, изготовленные из жил жернова. Буквально тот же вопрос и тот же ответ фигурирует в книге Ахикара, как в сирийской версии (65 стр.), так и в арабской (24 стр.). Такая же тождественность между ответом Ахикара египетским мудрецам и ответом Иошуи на требование перенести в город отдаленный колодезь. Дается согласие, но при одном условии: для этого переноса доставить канаты из мякины.

Чудо искусства Ахикара – сооружение замка между небом и землею, имеет место и в легенде о Хираме (Ялкут [Шимони] к Иезекиилю, XXVIII, 2, § 367).

В индусской версии легенды об Ахикаре наибольшим торжеством мудреца является ответ его, каким концом, верхним или нижним, следует посадить лозу, чтобы из нее выросло дерево. Тот же вопрос получает свое разрешение, по еврейской легенде, в ответе Соломона Мудрого царице Савской.

Легенду про царицу Савскую и испытание ею мудрости Соломона напоминает нам и история с путешествием Ахикара к фараону, подвергшего тяжелому испытанию прославленную мудрость Ахикара.

Аналогии между множеством стихов у Ахикара с древней библейской литературой заняло бы слишком много места. Оставляю это для научного аппарата русского перевода книги.

Книга Ахикара Мудрого делится на две части. Одна из них посвящена жизнеописанию Ахикара и Надана и их взаимоотношениям, отчасти быту и нравам ассирийского двора эпохи Саннехериба, в также мытарствам и злоключениям Ахикара, закончившимся его путешествием в Египет ко двору фараона и победоносному его возвращению в Ассирию.

Вторая часть книги состоит из мудрых изречений Ахикара, нравственных поучений и правил общежития.

Вторая часть сильно напоминает Притчи, Экклезиаст и Сираха. Именно людей и названия мест преимущественно ассирийские, во всяком случае семитические.

Время рассказанных событий от 705 до 681 г. до нашей эры, – эпоха царствования Саннехериба. [...]». [Архив РАН, ф. 543, оп. 5, д. 51, л. 1–3].

В 1940 г. М.И. Даян скончался. Судьба рукописи осуществленного им перевода остается неизвестной. Перевод отдельных наставлений Ахикара на английский язык из привлеченной профессором Даяном рукописи сирийского списка XVII в. был осуществлен лишь в 1961 г. [Goodman 1961].

Библиография:

АКИМЧЕНКОВ В.В. «Прямая обязанность советских историков и археологов вскрыть обман “жрецов” буржуазной историографии»: Статья профессора М.И. Даяна. 1939 г. // Исторический архив. М.: РОССПЭН, 2017. – № 4(145). С. 160–171.

АПРЕСЯН Р.Г. Случай Ахикара (К происхождению морали) // Философия и культура. 2008. № 9. С. 74–86.

КЛОЧКОВ И.С. «Повесть об Ахикаре»: историчность литературного героя // Вестник древней истории. 1977. № 3. С. 3–10.

ЛЯВДАНСКИЙ А.К. [Рецензия] // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия I: Богословие. Философия. 2012. Вып. 6(44). С. 105–110.

Повесть об Ахикаре Премудром // Аверинцев С.С. Переводы: Многоценная жемчужина. Киев, 2004. С. 188–215.

Повесть об Ахикаре Премудром // От Ахикара до Джано / Пер. с сир. А.М. Белова и Л.Х. Вильскера. М., 1960. С. 14–36.

CONEYBEARE F.C., HARRIS J.R., LEWIS A.S. The Story of Ahiqar from the Syriac, Arabic, Armenian, Ethiopic, Greek and Slavonic Versions. London; Glasgow: Clay & Sons, 1898.

GOODMAN A.E. The Words of Ahikar // Documents from Old Testament Times: Translated with Introductions and Notes by Members of the Old Society for Old Testament Study and ed. by D.W.Thomas. New York; Evanston: Harper Torchbooks, The Cloister Library, Harper & Row, Publishers, 1961. P. 270–275.

WEIGL M. Die aramäischen Achikar-Sprüche aus Elephantine und die alttestamentliche Weisheitsliteratur. B.: De Gruyter, 2010 (Beihefte zur Zeitschrift für die alttestamentliche Wissenschaft; 399). XVI, 880 S.

**ВИЗАНТИЯ И КРЫМ
В КОНТЕКСТЕ НАХОДКИ ПЕЧАТИ АНДРОНИКА ПАЛЕОЛОГА**

N. Alekseenko

**Byzantia and Crimea
in the Context of Finding the Seal of Andronik Paleolog**

Анализ византийских памятников сфрагистики показывает неизменный интерес к Крымскому региону, не только со стороны Византии, но и других государств, появлявшихся в тот или иной период на территории причерноморского региона.

Если говорить о печатях правителей, то на протяжении всей своей средневековой истории Таврика ещё с эпохи Юстиниана I (525–565), и даже ранее, постоянно находилась в русле развития внешней политики Византийской империи и, вне всякого сомнения, играла в ней одну из ведущих ролей, находясь на страже имперских интересов в Северном Причерноморье.

Об этом красноречиво свидетельствуют находки императорских модливдовулов в Херсоне и его округе [Соколова 1991: 204, 205, №№ 1–9; Алексеенко 1995: 158–160; 1999: 145–149, №№ 1–11; 2009: 237–241, №№ 1, 2; 2010: 366–367. № 1; Alekseenko, Nessel' 2017: 12–13, nr. 12, 13, fig. 1, 11–12].

Кризис фемного строя, достигший своего апогея в конце XI столетия, и начавшаяся в это время эпоха крестовых походов внесли свои коррективы во взаимоотношения Таврики с центром. Свидетельств о политико-административном влиянии империи в регионе практически нет, что вызывает оживлённые дискуссии на эту тему. Сфрагистика здесь пока мало чем помогает. Находок печатей XII–XIII вв. слишком недостаточно.

В то же время благодаря письменным источникам известно, что с начала XIII столетия Херсон вошёл в сферу интересов Трапезундской империи [Пападопуло-Керамевс 1897: 117]. Связи местной администрации с трапезундскими правителями подтверждают и находки в Херсоне их печатей [Соколова 1991: 205 №№ 7–9]. О существовании торгово-экономических связей Херсона со своим южным соседом свидетельствует и присутствие трапезунд-

ской монеты на местных денежных рынках. Находки трапезундских монет известны в Херсоне [Алексеев 1997: 7], а также Чембало и Сугдее.

Однако интерес к Таврике в этот период проявляют не только представители династии Комнинов. В последнее время сфрагистические находки пополнились уникальной печатью ещё одного, вышедшего на политическую арену Причерноморья, игрока – Иконийского султаната. В середине XIII столетия была слава сельджуков Рума начала увядать. В это время в Конии правили три брата соправителя – Кай-Кавус II, Кылыч-Арслан IV и Кай-Кубад II (1249–1257). Именно им и принадлежала найденная в Центральном Крыму булла [Хромов 2013: 123–124]. Но союза между братьями не было; напротив, начались раздоры за престол. Каждый из них искал поддержки извне: Кылыч-Арслан отправился за помощью к Великому хану, а Кай-Кавус, опираясь на родство с никейским императором и его помощь даже вошёл на престол [Жаворонков 1978: 96, прим. 19]. Очевидно и в Крыму братья искали какую-то поддержку. Не возникает сомнения, что сельджукские купцы торговали на полуострове. Среди археологического материала нередко сельджукские товары. О существовании контактов Херсона с сельджуками Рума свидетельствуют и находки их монет при раскопках городища [Алексеев 1996: 187–189].

К сожалению, ничего невозможно сказать о деятельности никейских императоров по отношению к Таврике и Херсону. Письменные источники и сфрагистика на этот счёт безмолвствуют. Хотя никейские монеты в незначительном количестве присутствуют среди нумизматических находок в Таврике.

Лишь с возвращением Константинополя византийскому престолу и реставрацией империи мы можем говорить, что Империя вновь обратила свой взор на свою бывшую северную провинцию.

И сегодня о существовании контактов Таврики с Византией свидетельствуют не только находки монет Палеологов и трапезундских Комнинов XIII–XIV вв. [Алексеев 1997: 7], но и одна уникальная для Крыма сфрагистическая находка. Это печать византийского императора Андроника Палеолога, найденная в окрестностях села Мичуринское Белогорского района.

По вопросу о принадлежности печати определённому василевсу мнения исследователей расходятся. И. Йорданов экземпляр из Национального археологического музея в Софии относит к императору Андронику II Палеологу (1282–1328) [Jordanov 2011: 24, nr. 51], а И.В. Соколова владельцем экземпляра из собрания Государственного Эрмитажа считает Андроника III Палеолога (1328–1341), в ходе гражданской войны отобравшего византийский престол у своего деда Андроника II [Соколова 2007: 104, № 205].

Проблему атрибуции моливдовула к какой-то степени помогают решить монеты Палеологов, но так или иначе находка столь поздней печати византийского императора очевидное свидетельство того, что на рубеже XIII/XIV – первой трети XIV вв. территория Таврики вновь попадает в зону интересов причерноморской политики Империи, очевидно направленную на поддержание союза с татарскими ханами против внешних врагов. Конечно, сегодня невозможно определить причину и назвать документ к которому была подвешена найденная в центральном Крыму императорская булла. Понятно одно, что это был экстраординарный случай, имевший исключительно важное значение.

Источники повествуют, что Палеологи всячески стремились заключить союзнические отношения с Золотой Ордой. Очевидно отправка посольств в Орду была обычным делом для византийской дипломатии. Примеров тому достаточно. По словам Георгия Пахимера Михаил VIII Палеолог считал, что добиваться мира с татарами следует посредством брачных союзов [см.: Жаворонков 1978: 100, прим. 68]. Надо полагать, что и в начале XIV столетия политика византийской дипломатии вряд ли существенно изменилась. И какая бы не была причина отправки высочайшего императорского повеления в Крым, находка печати – очевидное свидетельство того, что в этот период Таврика вновь попала в зону внимания Византии, в очередной раз переживавшей сложную внутри-и внешнеполитическую ситуацию.

Библиография:

АЛЕКСЕЕНКО Н.А. Моливдовул Маврикия Тиберия из Херсонеса // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. Симферополь, 1995. С. 158–160.

АЛЕКСЕЕНКО Н.А. К вопросу о денежном обращении и развитии торговых связей Херсонеса в XIII веке // Херсонесский сборник. Севастополь, 1997. С. 4–9.

АЛЕКСЕЕНКО Н.А. Провинциальный Херсон в сфере интересов византийского двора по данным императорских моливдовулов // Древности 1997–1998. Харьков, 1999. С. 145–160.

АЛЕКСЕЕНКО Н.А. Новые императорские моливдовулы из Херсона (к вопросу о малых печатях византийских императоров) // Древности 2009. Харьков, 2009. С. 237–241.

АЛЕКСЕЕНКО Н.А. Несколько новых находок ранневизантийских моливдовулов на территории Украины и в Крыму // Сугдейский сборник. Киев; Судак, 2010. Вып. IV. С. 365–375.

ЖАВОРОНКОВ П.П. Никейская империя и Восток (Взаимоотношения с Иконийским султанатом, татаро-монголами и Киликийской Арменией в 40–50-е годы XIII в.) // ВВ. М., 1978. Т. XXXIX. С. 93–101

ПАПАДОПУЛО-КЕРАМЕВС А.И. Сборник источников по истории Трапезундской империи. СПб., 1897. Т. I.

СОКОЛОВА И.В. Византийские печати VI – первой половины IX вв. из Херсонеса // ВВ. М., 1991. Т. 52. С. 201–213.

СОКОЛОВА И.В. Печати византийских императоров. Каталог коллекции. СПб., 2007.

ХРОМОВ К.К. Сельджукская вислая печать из Крыма // Восточная нумизматика в Украине. Киев: Логос, 2013. Часть III. Улус Джучи, Крымское ханство и сопредельные государства в XIII–XVIII вв. С. 123–124.

ALEKSEIENKO N., NESSEL' V. Late Roman and Early Byzantine Seals from Cherson and Its Environs // ŚWIATOWIT (Supplement Ser. C): Pontica et Caucasica. Warsaw, 2017. Vol. 1. S. 11–16.

JORDANOV I. The collection of Medieval Seals from the National Archaeological Museum Sofia. Sofia, 2011.

**ЛЕОНТИЙ МАХЕРА И ЕГО ХРОНИКА
«ПОВЕСТЬ О СЛАДКОЙ ЗЕМЛЕ КИПР»**

S. Bliznyuk

**Leontios Machairas and his Chronicle
«Recital Concerning the Sweet Land of Cyprus Entitled Chronicle»**

Леонтий Махера - самый известный средневековый кипрский хронист. Его хроника «Повесть о сладкой земле Кипр» - широко известное сочинение, которое было написано в конце XIV – начале XV вв. на разговорном народном языке, а именно на кипрском диалекте среднегреческого языка. Хроника Леонтия Махеры является блестящим образцом народной византийской литературы позднего средневековья. В то же время она не подпадает ни под одну из условных классификаций западной или византийской традиций историописания, а трансформирует традицию византийцев и крестоносцев и создает новый греко-франкский, т.е. кипрский (Kypriotike) стиль[Nicolaou-Konnari 2007: 297]. Несмотря на то, что сам Махера определяет жанр своего сочинения как «хронику», его в большей степени можно назвать историей, подобной историям византийских авторов. Как Анна Комнина пишет историю правления своего отца Алексея I Комнина, как Георгий Акрополит пишет историю никейских императоров, так и Махера пишет историю династии Лузиньянов на Кипре.

Хроника Леонтия Махеры служит незаменимым источником для изучения политической, экономической, социальной, правовой и культурной жизни королевства Кипр периода правления династии Лузиньянов, одного из самых крупных и жизнеспособных государств крестоносцев на Востоке. В то же время Махера представляет весь спектр взаимоотношений королевства с греческими, латинскими и мусульманскими соседями, с западноевропейскими королями, итальянскими морскими республиками и римской курией. Великие магистры Ордена госпитальеров и римские папы, короли и сеньоры Франции и Арагона, дожи и знать итальянских морских республик, египетские султаны, византийские императоры и турецкие эмиры проходят чередой перед глазами читателя.

История семьи Махеры, члены которой находились на службе короля или крупнейших франкских сеньоров, собственный жизненный путь хрониста – прекрасная иллюстрация сотрудничества отдельных представителей греко-киприотов с латинянами. Если в XIII – начале XIV в. мы не видим никаких признаков соприкосновения греческого и латинского общества [Близнюк 1994], то во второй половине XIV в. начинается осторожное, сдержанное движение навстречу друг другу. Взаимодействие греков и латинян, определенно проявившееся на фоне опасности внешнего завоевания острова во время кипро-генуэзской войны 1373-1374 гг., стало основой для последующего взаимовлияния и формирования греко-латинской левантийской культуры в целом. Хроника Леонтия Махеры дает уникальную возможность проследить механизм интеграционных процессов, характерных для государств крестоносцев и латинских колоний в Восточном Средиземноморье XIV-XVI вв., прежде всего Кипра, Крита, Родоса, Хиоса. Сам язык Махеры, переполненный французскими, итальянскими, арабскими словами и терминами, прекрасное тому доказательство. В то же время Махера, находившийся на королевской службе и принятый при дворе, постоянно дает понять читателю, что он ромей, он и его народ принадлежат к византийскому православному миру с его древней культурой, его народ чтит православную веру и хранит родной ромейский язык. Однако из-за грехов ромеев-киприотов его родной остров когда-то был завоеван франками и его родной ромейский язык был варваризирован из-за иностранных заимствований. Рождение новой левантийской культуры, несомненно, растянулось во времени и заняло не одно столетие. Лишь к концу XIV-XV вв. можно наблюдать инкорпорирование в среду господствующего класса, прежде состоявшего только из латинян, представителей греческой и сирийской общины Кипра. Сам Махера легко общается с греками, сирийцами, франками, итальянцами, православными и католиками, богатыми и бедными, знатными и незнатными, иностранцами и подданными короля. Словом, для самого хрониста, как и для его соотечественников и современников, вера, социальный статус или этническая принадлежность не были препятствием для общения. При королевском дворе мы не раз встречаем греческих или сирийских кухарок, поваров, посыльных, конюхов, медиков, переводчиков, которые неплохо чувствовали себя среди франков. Они не раз были источником информации самого хрониста. С другой стороны, франкская знать постепенно адаптировалась в кипро-византийской культурной среде.

Одновременно Махера очень четко показывает связь кипрской истории с историей Латино-Иерусалимского королевства. Он объясняет, как и почему Кипр стал приемником первого государства крестоносцев, а Фамагуста –

символом святого города [Близнюк 1990: 191-195], как корона Иерусалима оказалась у Лузиньянов и как формировалась кипро-иерусалимская знать на территории острова. Все события кипро-иерусалимской истории историческая память киприотов бережно хранила.

Леонтий Махера весьма реалистично описывает и интерпретирует многие процессы и события кипрской истории XIII-XV вв. и по праву считается главным летописцем и первым историком королевства Кипр. Он весьма точно не только представляет международную обстановку в регионе, но и оценивает ситуации, дает характеристики политическим деятелям и даже целым народам, как, например, венецианцам, генуэзцам, каталонцам. Махера в некоторой степени берет на себя роль учителя, педагога, наставника общества. И главным учителем для него самого и для всех его соотечественников является история родного острова. Именно в истории Кипра он находит примеры для подражания и осуждения, для похвалы и обвинения, для восторга и ненависти. В представленной Махерой кипрской истории, как в зеркале, отражаются все перипетии, происходившие в крестоносном движении позднего средневековья. Интересно, что Черноморский регион на политическую карту Махеры не попадает. Его королевство стоит на переднем крае в борьбе с сарацинами и турками, с ними же оно развивает дипломатические или торговые отношения. Одновременно оно постоянно и прочно связано со многими государствами Западной Европы. Черноморский бассейн, являвшийся одним из основных поставщиков рабов на рынок Фамагусты, не представляет никакого интереса для хрониста и уходит из поля его зрения. Однако, читатель находит немало интересных и точных наблюдений хрониста об особенностях политики и дипломатии Генуи и Венеции на Востоке, организации их власти в колониях, об их влиянии на развитие местного и международного рынка, т.е. тех процессов и явлений, которые были характерны для всех их владений в Восточном Средиземноморье и в Черноморье. Все это делает хронику Леонтия Махеры ценнейшим источником для изучения истории итальянского присутствия на Востоке и в Латинской Романии в целом.

Хронист представляет чрезвычайно сложную и пеструю этно-социальную палитру населения самого Кипра. Он не только отмечает всю неоднородность его состава, но и объясняет происхождение, формирование той или иной группы: франкской знати, иностранцев, состоявших на службе кипрских королей [Близнюк 2001: 274-286; Bliznyuk S.V. 2005: 109-125], натурализованных Генуей или Венецией «белых генуэзцев» и «белых венецианцев». Среди последних, согласно Махере, было много сирийцев. Это подтверждается и другими источниками. А вот то, что среди них были люди «из

Каффы, Хиоса и Галаты», является уникальным свидетельством кипрского хрониста (§ 375).

Итак, хроника Леонтия Махеры по праву считается энциклопедией средневековой истории острова. Махера мог что-то не сказать, не знать, ошибаться в датах или метрологии, но исказить умышленно он себе не позволял. Его хроника дает современному исследователю великолепную возможность увидеть рождение, развитие и жизнь государства крестоносцев на Кипре, а также основные исторические процессы, характерные для всего Восточного Средиземноморья и Латинской Романии.

Библиография

БЛИЗНЮК С.В. Леонтий Махера и его хроника «Повесть о сладкой земле Кипр». М., 2018.

БЛИЗНЮК С.В. Мир торговли и политики в королевстве крестоносцев на Кипре в 1192-1373 гг. М., 1994.

БЛИЗНЮК С.В. Неизвестный венецианский документ 1346 г. по истории кипро-венецианских отношений // Средние века. 1990. Т. 53. С. 191-203.

БЛИЗНЮК С.В. Иностранцы на службе кипрских королей первой половины XIV в. // Двор монарха в средневековой Европе: явление, модель, среда. / Под ред. Н.А. Хачатурян. СПб., 2001. С. 274-286.

BLIZNYUK S.V. Die Fremden am Hofe der Könige von Zypern im 14/15. Jhd. // Επετηρίδα. Κέντρο Επιστημονικών Ερευνών. XXXI. Nicosia, 2005. P. 109-125.

Λεοντίου Μαχαιρά Χρονικό της Κύπρου. Παράλληλη διπλωματική έκδοση των χειρογράφων / Ed. Μ. Πιερής, Α. Νικολάου-Κόνναρη. Nicosia, 2003.

MACHAIRAS L. Recital Concerning the Sweet Land of Cyprus Entitled Chronicle / Ed. R.M.Dawkins. Oxford, 1932. Vol. I-II.

NICOLAU-KONNARI A. Diplomats and Historiography: The Use of Documents in the Chronicle of Leontios Makhairas // Diplomats in the Eastern Mediterranean 1000-1500: Aspects of Cross-Cultural Communication. Nicosia, 2007. P. 293-323.

ИЗУЧЕНИЕ ПОДВОДНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В УСЛОВИЯХ ПЕЩЕР

G. Borisova

Exploration of Underwater Cultural Heritage in Caves

Подводные пещеры с объектами культурного наследия были обнаружены в разных странах: на территории Центральной Америки (в Мексике и Белизе), на островах Карибского бассейна, в США, Европе и Азии (Филиппины). Пещеры – естественные укрытия, многие из которых использовались в качестве жилищ и сакральных мест, а позже были затоплены в результате повышения уровня мирового океана. Изучение подводных пещер Черного моря имеет особое значение в связи с тем, что на протяжении последних 50 000 лет черноморский бассейн неоднократно менял свои границы. При этом во время континентальных оледенений прерывалась связь между Средиземным морем и Черным – уровень воды Черного моря опускался ниже Босфорского порога, кроме того, наблюдалось постепенное опреснение вод, о чем свидетельствуют геологические отложения. Около 11 000 лет назад уровень моря был на 155 м ниже современного [Димитров, Димитров, Солаков, Пейчев 2005]. Позже размывание преграды привело к резкому повышению уровня воды, а также ее солёности, что, в свою очередь, повлекло катастрофические последствия как для населения, так и для местной флоры и фауны. Находки в Болгарии свидетельствуют о том, что во времена позднего энеолита (4500 –4100 гг. до н.э.) на побережье Средиземного моря существовала развитая культура, получившая название Варна. Ее наиболее значимые памятники – Варненский некрополь и комплекс Дуранкулак, в котором находится одно из крупнейших доисторических кладбищ Европы. Исчезновение культуры Варна связывают с резким изменением климата [Todorova 1978]. Более ранние поселения, вероятно располагавшиеся на побережье, в настоящее время находятся под водой, однако на сегодняшний день подобные находки очень редки.

В Европе объекты подводного культурного наследия в пещерах были обнаружены в разных странах, в том числе во Франции, Италии, Бельгии и

Гибралтаре. Отдельно стоит выделить пещеру Коске во Франции, где было выявлено большое количество наскальных изображений. Вход в пещеру находится на глубине 37 метров, далее в пещеру ведет подводный туннель длиной 116 м. Пещера Коске была обнаружена в 1985 году дайвером Анри Коске, который преодолел подводный туннель лишь в 1991 году.

Наскальные рисунки относятся к двум периодам, соответствующим двум этапам заселения пещеры. Первый этап датируется 29 000 – 26 000 гг. до н.э. (граветтская культура), сохранилось 65 изображений рук. Стоит отметить, что изображения рук также встречаются в пещерах Мексики и наскальной живописи Гватемалы. После перерыва в 10 000 лет, пещера использовалась повторно. Второй период датируется 20 000 – 17 000 гг. до н.э. (солютрейская культура), к нему относятся 177 изображений (рисунки и гравировки) животных, в т.ч. морских, а также зола от костров, кремниевые орудия, кусок глины с отпечатками пальцев и другие следы пребывания человека. Часть рисунков, выполненных с помощью угля, а также наличие золы позволило провести радиоуглеродный анализ и выделить два этапа в заселении пещеры. При заселении пещеры уровень моря был примерно на 110-120 м ниже современного, а побережье располагалось в нескольких километрах от входа в пещеру и гораздо ниже него [Collina-Girard 2004]. Аналогичное изменения уровня воды происходили и в Черном море.

Коске не единственная подводная пещера в этой области, известно еще несколько (Grotte du Figuier, Grotte de la Triperie, Grotte des Trémies), в которых были обнаружены каменные орудия [Collina-Girard 2014]. Однако уникальность объекта заключается в том, что после повышения уровня мирового океана пещера Коске была полностью изолирована от окружающей среды, что способствовало сохранности рисунков.

Вероятно, большое количество изображений осталось под водой. Агрессивная морская среда, а также ракушки и водоросли практически полностью их уничтожили – под водой были выявлены некоторые изображения, однако в плохой сохранности. Актуальна проблема сохранности изображений при проведении археологических работ – в пещере сформировалась замкнутая экосистема, которая может быть нарушена выдыхаемым углекислым газом и колебанием уровня влажности. Аналогичная проблема встречается в других пещерах с наскальными рисунками, например, в пещерах Ласко и Шове.

В 2012 г. был основан национальный парк «Каланки» (Calanques National Park), занимающий площадь более 520 км², из которых только 85 км² – наземная территория. Пещера Коске и другие подводные пещеры также входят в национальный парк [Collina-Girard 2014]. Основное направление

дальнейших исследований – составление и уточнение батиметрической карты континентального шельфа в данном районе, реконструкция палеоландшафта и выявление других подводных пещер с объектами подводного культурного наследия.

Пещера Маригондон на филиппинском острове Себу также была затоплена после окончания последнего ледникового периода. Сейчас она находится на глубине 40 м и в 75 м от берега.

Во время работ подводные археологи использовали по два алюминиевых баллона объемом 10 л, заполненных EAN 32%, а также дополнительный алюминиевый баллон (side-mount) объемом 5 л, заполненный EAN 50% – для декомпрессии. Четыре команды из двух дайверов каждая проводили по два-три погружения в день. Общее время подводных археологических работ при этом составляло 40-60 минут в день. Всего 8 подводных археологов за время работ провели на дне в общей сложности 67 часов.

Для разграничения областей раскопок на дне пещеры были установлены квадратные металлические каркасы размером 1x1 м и 2x2 м. Весь собранный ил и донные осадки были помещены в сетчатые мешки, которые естественным образом отсеивали осадок по мере подъема дайверов и задерживали весь материал, чей размер составлял более 25 мм. Второе просеивание через ячейки 6 мм и сортировку выполняли на поверхности [Peterson, Jalandoni, Rocha 2017].

Команда археологов была разделена 4 группы, перед каждой из которой стояла своя задача. Эти задачи не менялись во время всего полевого сезона во избежание ошибок и недопонимания. Одна из команд составляла карту пещеры, две другие работали с археологическим материалом, еще одна команда исследовала особенности пещеры и прилегающие территории. Была настроена видеотрансляция на поверхность – археологи проводили мониторинг работ в режиме реального времени, кроме того, это обеспечило дополнительную безопасность и экстренную связь [Peterson, Jalandoni, Rocha 2017].

Отдельно стоит выделить специфические аспекты подготовки пещерных дайверов и подводных археологов для работы в пещерах. В США Американская Академия Подводных Исследований (The American Academy of Underwater Sciences) разработала стандарты, регламентирующие деятельность водолазов-исследователей (Standards for Scientific Diving). Отдельный раздел посвящен работе в подводных пещерах: прописаны требования к оборудованию, стандарты безопасности и другие аспекты, которыми необходимо руководствоваться при проведении исследований в пещерах. В России при подготовке пещерных дайверов необходимо также учитывать специфические условия конкретных пещер. Например, факторы, которые необходимо

принимать во внимание при подготовке погружений в Ординской пещере [Горбунов 2009]:

- низкая температура воды (4-8°C), при которой необходимо использовать сухие гидрокостюмы с утеплителями, а также перчатки сухого типа;
- неустойчивость и хрупкость сульфатных пород, которая затрудняет прокладку ходового конца для навигации и может быть повреждена неосторожными действиями дайверов;
- наличие узких ходов, где из-за илистых отложений возможна резкая потеря видимости.

Пещеры с объектами подводного культурного наследия можно условно разделить на два типа: 1) затопленные пещеры и 2) подводные пещеры. К первой категории можно отнести пещеры, которые использовались на суше в качестве жилищ или ритуальных пространств, а позже были затоплены при повышении уровня Мирового океана. В этих пещерах может сохраниться культурный слой, такой же, как и в пещерах на суше. Ко второму типу относятся подводные пещеры, которые использовались, уже будучи затопленными, в основном как места для ритуалов. Стоит отметить, что в таком случае большинство объектов подводного культурного наследия будут обнаружены недалеко от мест доступа к воде [Campbell 2017]. Тем не менее, это разделение условно, так как, например, мексиканские сеноты сочетают в себе сразу оба типа. На полуострове Крым наиболее актуальны исследования подводных пещер первого типа, к которым относятся рассмотренные пещеры Коске и Маригондон. Кроме того, особое значение имеет изучение и реконструкция палеоландшафта. Исследования подводных пещер позволят получить новые данные о самых ранних этапах заселения полуострова.

Библиография:

ГОРБУНОВ А.А. Подготовка пещерных дайверов в России // Пещеры: сб. науч. тр. – Пермь, 2009. – Вып. 32. – С 129-134.

ДИМИТРОВ П.С., ДИМИТРОВ Д.П., СОЛАКОВ Д.П., ПЕЙЧЕВ В.Д. Новейшая геологическая история Черного моря и проблема потопов. // Геология и полезные ископаемые мирового океана. – 2005. – С. 102-111.

CAMPBELL P.B. Future Directions in Underwater Cave Research // The Archaeology of Underwater Caves – United Kingdom, 2017 – P. 287-293.

COLLINA-GIRARD J. Karst Memorûes Aboye and Beneath the See: Mar-seilles and Continental Shelf During the Cosquer Cave Occupation // Landscapes and Landforms of France – 2014. – P. 229-239.

COLLINA-GIRARD J. Prehistory and coastal karst area: Cosquer Cave and the “Calanques” of Marseille // Speleogenesis and Evolution of Karst Aquifers. – 2004.

COLLINA-GIRARD J. Underwater Landscapes and Implicit Geology. Mar-seilles and the National Calanques Park // Underwater Seascapes – Switzerland, 2014. – P. 53-71.

PETERSON J.A., JALANDONI A., ROCHA C. An Archaeological Survey of an Underwater Cave in Marigondon, Philippines // The Archaeology of Under-water Caves – United Kingdom, 2017 – P. 131-145.

TODOROVA KH. The eneolithic period in Bulgaria in the fifth millennium B.C. –Oxford: British Archaeological Reports , 1978. – BAR supplementary series 49.

**СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ И КРЫМ В XIV– XV ВВ. ВЕНЕЦИАНСКАЯ ГАЗАРИЯ
– ПРИСУТСТВИЕ РЕСПУБЛИКИ СВ. МАРКА НА КРЫМСКОМ ПОБЕРЕ-
ЖЬЕ: АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ**

S. Bocharov

**Mediterranean and Crimea in the XIV– XV Centuries.
Venetian Gazaria - the Presence of the Republic of St. Mark
on the Crimean Coast: Archaeological Context**

В начале необходимо уточнить, что понимается в докладе под термином Венецианская Газария. Это вся совокупность письменных и материальных свидетельств венецианского присутствия на территории Золотоордынского государства и в первую очередь остатки прибрежных торговых поселений республики св. Марка в Северном Причерноморье. В этом контексте Венецианская Газария являются неотделимой частью общей системы венецианских владений в Византийской империи – Венецианской Романи [Thiriet 1959: 21-29], но имеет одно существенное отличие. Это отличие заключается в том, что венецианские селения основываются не на землях, принадлежащих Византийской империи, а на землях Золотой Орды и на тех условиях которые выдвигают ханы - правители золотоордынского государства. В связи с тем, что в Средние века именно вопросы землевладения были базисными и приоритетными в общественных отношениях, венецианское присутствие в Северном Причерноморье не может полностью соответствовать термину Венецианская Романия. Как часть общего исторического процесса движения венецианских купцов в Восточное Средиземноморье – да, она часть этого процесса, но по факту владения землёй венецианцы поселяются на землях Золотой Орды, а не Византии. В этом мы видим основные различия более общего понятия Венецианская Романия и более узкого и локального понятия Венецианская Газария [Бочаров 2017: 244]. В географическом выражении это территория северного побережья Чёрного моря от устья Дуная до Геленджикской бухты (включая крымское) и все побережье Азовского с близлежащими территориями, то есть вся береговая линия, принадлежавшая Золотоордын-

скому государству. Значительного земельного домена на территории Северного Причерноморья составить не удалось (рис. 1) – скорее это прибрежные зоны, находившиеся под властью ханов Золотой Орды, а после середины XV в. под властью их преемников, куда были инкорпорированы венецианские торговые поселения. Предметом археологического изучения Венецианской Газарии может быть вся совокупность материальных свидетельств венецианского присутствия на очерченной территории – культурные напластования и их отдельные составляющие городов, селений, некрополей, якорных стоянок и других памятников, в хронологических рамках XIII – XV вв. [Bocharov 2018: 447]. В этом докладе будут представлены первые результаты поиска следов материального присутствия республики св. Марка на побережье Восточного Крыма.

Исторические факты таковы. Первая попытка венецианцев организовать стационарное торговое поселение в Северном Причерноморье датирована последней третью XIII века относится к старому византийскому центру в Восточном Крыму городу Сугдея (Солдайя) [Thiriet 1981: 80], эту факторию пришлось покинуть в первом десятилетии XIV в. во время конфликта с Золотой Ордой [Nystazopoulou Pélékidis 1970: 18-20]. Позднее роль основного центра Венецианской республики в регионе перейдет и закрепиться за факторией Тана [Карпов 1997: 16] части крупного золотоордынского города Азак на северном берегу Азовского моря в устье реки Дон [Бочаров 2017: 238]. Основание и активное функционирование Таны не означало, что республика св. Марка прекратила свои попытки создать дополнительные торговые пункты на побережье Крымского полуострова. Вторая неудачная попытка связана с устройством торгового поселения в Воспоро (Боспор) на берегу Керченского пролива и датирована 1347 г. [Martin 1993: 230]. Третья попытка закрепиться на полуострове была предпринята Венецией в середине 50-х – начале 80-х гг. XIV в. Торговое поселения Провато планировалось разместить в одноимённой бухте (современно название – Двухякорная) в Восточном Крыму (Рис. 2). Затем в 1358 г. венецианцы расширили своё присутствие в регионе. Хан Золотой Орды Бердибек подтвердил их право на владение портом Провато, а также разрешил использовать гавани Солдайи и Калиеры [Diplomatarium 1899: 25-26, 51-52]. После третьей неудачной попытки Венецианская республика уже не пытается основать свою факторию в Крыму [Бочаров 2015а: 315]. Позднее морские караваны венецианских кораблей конечной целью которых была Тана совершали только краткие оно –трёх дневные остановки с целью пополнения запасов воды и провизии в портах крымского побережья - в Каффе, Херсоне (Херсонесе) и в пункте именуемом - мыс св. Иоанна [Карпов 1994: 55, 72]. И если нахождение Каффы в Восточном и

Херсона в Юго-Западном Крыму не вызывает затруднений, то место расположения стоянки у мыса св. Иоанна было неизвестно.

С целью поиска венецианской якорной стоянки у мыса св. Иоанна археологической экспедицией «Каффа» была проведена программа, которая выполнялась с 1998 по 2001 гг. как архивных так и натурных археологических исследований и раскопок на побережье Восточного Крыма. В итоге удалось установить, что материальные следы венецианской якорной стоянки у мыса св. Иоанна нашли отражение в культурном слое небольшого поселения площадью около 40 х 100 м, расположенного в Кучук-Янышарской долине, на берегу Тихой бухты (рис. 2). На поселении были заложены два разведочных раскопа размером 3,00 х 3,00 м. Глубина культурных напластований с находками XIV-XV вв составила от 0,32 до 0,56 м [Бочаров 2015б: 705-709].

В 2000 - 2007 гг. так же велись работы по локализации венецианской пристани Правато. Было проведено сплошное археологическое исследование побережья Двухякорной бухты 37 шурфами 2,00 х 2,00 м и 2 раскопами 3,00 х 3,00 м. Незначительные культурные напластования XIV в. удалось зафиксировать только в одном раскопе [Бочаров 2015а: 306-312]. Результаты археологического исследования показывают, что на побережье Двухякорной бухты Венецианская республика не успела создать стационарного поселения. Правато использовалась как сезонная якорная стоянка (рис. 2). В этом месте в условленный срок встречались венецианские суда и караваны из Солхата и в течении десяти дней совершался торг, после чего суда брали курс на Венецию, а ордынские торговцы отправлялись в обратный путь.

Библиография:

БОЧАРОВ С.Г. Венецианское присутствие в Крыму и якорная стоянка Правато в 1356 – 1382 гг. // Стратум Плюс 6, 2015а, с. 305–318

БОЧАРОВ С.Г. Венецианская якорная стоянка у мыса св. Иоанна в Восточном Крыму (конец XIV – первая половина XV вв. // Исторический журнал: научные исследования 6 (30). 2015б, с. 700–709. DOI: 10.7256/2222-1972.2015.6.17435

БОЧАРОВ С.Г. 2017: Археология Венецианской Газарии XIII – XV вв. Определение термина и научное содержание // Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорск № 4. 2017, с. 233 - 249

КАРПОВ С.П. Пути средневековых мореходов. Черноморская навигация Венецианской республики в XIII-XV вв. М., 1994

КАРПОВ С.П. Когда и как возникла Тана (О происхождении итальян-

ской фактории на византийской окраине) // Византийский Временник 57(82). 1997, с. 5–18

BOCHAROV S. Archaeology of Venetian Gazaria, 13th-15th centuries. Definition of Terms and Scientific Sources // *Studia mediaevalia Europaea et orientalia: miscellanea in honorem professoris emeriti Victor Spinei oblata*. Ed. G. Bilavski, D. Aparaschivei, Bucuresti: Editura Academiei Romane. 2018, p. 439 - 454

DIPLOMATARIUM Veneto-Levantinum, siva Acta et Diplomata res Venetas, Graecas atque Levantis illustrantia. 2. A. 1351—1454. Ed. R. Predelli, Venetiis. 1889

MARTIN M. The Venetians in the Black Sea: a general survey // *Rivista di Bizantinistica* 3. 1993, p. 227–248

NYSTAZOPOULOU PÉLÉKIDIS M. Venise et la mer Noir du XIe au XVe siècle // *Thesaurismata* 7. 1970. p. 15–52

THIRIET F. *La Romanie Vénitienne au Moyen Age*. Paris, 1959

THIRIET F. De l'importance des mers dans le système romaniote de Venise // *Byzantino Bulgarica* 1. Sofia. 1981, p. 73–86.

НАХОДКИ ПЕРИОДА КРЫМСКОЙ КАМПАНИИ ИЗ БУХТЫ КАЗАЧЬЯ

A.Bukatov

Findings of the Period of the Crimean Campaign in Cossack Bay

На протяжении полевых сезонов 2017-2018 гг. экспедиция отдела подводной археологии музея-заповедника «Херсонес Таврический» проводила разведки в бухте Казачья. Исследования ведутся в соответствии с научной темой «Гавани Херсонеса», направленной на изучение использования бухт Гераклейского полуострова в качестве гаваней города. Целью подводных разведок 2018 г. в бухте Казачья было продолжение обследования восточного рукава бухты, где возможно располагалась гавань, связанная с херсонесским поселением на Маячном полуострове [Щеглов 1976: 42; Николаенко 1996: 32]. За два полевых сезона здесь был собран позднеантичный и средневековый археологический материал, а также большое количество находок, связанных со стоянкой военных кораблей и коммерческих судов в период Крымской войны [Ляшук, Букатов 2019]. Рядом находился французский военно-административный район морского базирования, получивший название «Камьеш» [Ляшук 2014].

Подводные находки в основном представлены разнообразными предметами посуды из глины, стекла, фаянса и фарфора, бутылками, курительными трубками. Наиболее информативны клейма на изделиях, позволяющие определить время и место производства, а также разнообразные сюжеты на столовой посуде. Значительное количество находок представлено тарелками с псевдо-китайским сюжетом «Голубая ива» (рис. 1.1), в основном, английского производства (г. Стаффордшир). Среди предметов посуды можно выделить несколько наиболее интересных экземпляров. Отметим пиалу (рис. 1.2a, 1.2b) с изображением выставочного павильона Всемирной промышленной выставки, проходившей с 1 мая по 15 октября 1851 года в Лондоне. На этой выставке была представлена продукция наиболее передовых предприятий, разделённая на разные классы: горное дело, металлургия, машиностроение, химия и фармацевтика, пищевая промышленность, сельскохозяйственные орудия, текстиль, металлообработка, керамическое производство,

производство стекла, строительство и т.д. Среди награждённых участников были российские предприятия и промышленники.

При подводных разведках в 2017 г. и 2018 г. были обнаружены два фрагмента, оказавшиеся частями фаянсовой тарелки (рис. 1.3), произведённой на предприятии Jon & Matthew Perston Bell, одного из участников Всемирной промышленной выставки 1851 г., особо отмеченном жюри «за хорошее качество и достижения в производстве посуды, им показанные» [Report... 1856: 541]. Указанный предмет посуды не единственная находка с клеймом предприятия из города Глазго, к его продукции также относится интересная кружка (рис. 2), украшенная изображениями по мотивам романа «Хижина дяди Тома» Гарриет Бичер-Стоу (1851). Хижина дяди Тома была не просто романом; это был культурный феномен. Его влияние распространилось по всей Америке и Европе через широкое общественное обсуждение, театральные интерпретации и множество визуальных и материальных воплощений. Были проданы сотни тысяч экземпляров книги только в Англии и Франции. Публикация произведения стала поводом для изготовления многочисленных керамических и фарфоровых фигур, ваз и декоративных тарелок, изображающие сцены из романа. Эти предметы создавались в основном для украшения в викторианских салонах [Jill Weitzman Fenichell, 2006].

Сюжеты на нравоучительную тему в то время довольно часто наносились на предметы посуды, имея целью нравственное воспитание молодёжи. Подобного смысла оформление мы видим и на найденных в 2017 г. фрагментах тарелок с клеймом «Eton College» с изображением джентльмена с семьёй.

Призовой медалью Всемирной промышленной выставки было отмечено и предприятие Derbu Pottery (Joseph Bourne), наладившее выпуск керамических бутылок «имевших свойство защиты от воздействия света, что было признано чрезвычайно сложным достижением». Эти бутылки в большей степени применялись для экспорта товаров в Индию и другие места [Report... 1856: 541]. Среди подводных находок присутствует целая серия подобных керамических сосудов (рис. 1.4).

Клейма на фаянсовой посуде представляют и французские предприятия. Клейма PORCELAINE OPAQUE ANGLAISE. D. JOHNSTON; J.VIEILLARD & Cie. BORDEAUX принадлежат предприятию J. Vieillard & Cie (1845-1868) из Бордо. Присутствует и продукция предприятий Faiencerie de Gien (г. Жьен), клеймо «GIEN GEOFFROY et Cie MEDAILLE EXPOSITION 1841 PORCELAINE OPAQUE»; мануфактуры Creil-Montereau faience, Lebeuf, Milliet & Co, клеймо «LM & Cie» (1840-1876 гг.); завода Буланже в Шуази-ле-Руа (1836-1863 гг.), клеймо «DE DENI PORCELAINE MANUFACTURE H. HAUTIN et L. BOULENGER CHOISY LE ROI...».

Французского производства и бутылка стекла оливкового цвета, на найденном в 2018 г. фрагменте которой стоит клеймо «Litre/ Richarme/ Rive de Gier», принадлежащее стекольному заводу Richarme в Рив-де-Жье (коммуна в департаменте Луара в центральной Франции). Это предприятие начало работу в 1826 г.

Коллекция кухонной посуды также пополнилась в 2018 г. фрагментами бульонниц, археологически целым кувшином и горшком с остатками пригоревшего содержимого.

Находки из бухты Казачья периода Крымской кампании иллюстрируют не только военное противостояние сильнейших Европейских держав, но и дают своеобразный срез мирового рынка потребительских товаров 40-50 гг. XIX века, иллюстрируют экономическое соперничество, процессы развития промышленного производства, конкуренцию на мировых рынках.

Библиография:

ЛЯШУК П. М. Из истории французского торгового городка Камьеш под Севастополем в 1854–1856 гг. «Милитари Крым». 2014.

ЛЯШУК П.М., БУКАТОВ А.А. Комплекс периода Крымской войны из подводных разведок в бухте Казачья Материалы научной археологической конференции «Подводная археология в России. Основные направления исследований» 21-23 марта 2018 г. Феодосия, 2019.- с. 70-74.

НИКОЛАЕНКО Г.М. 1996. О ближней хоре Херсонеса Таврического в IV в. до н.э. // ХСб. VII. Севастополь. С.25-35.

ЩЕГЛОВ А.Н. 1976. Полис и хора. Симферополь, «Таврия». С.17.

Reports by the juries on the subjects in the thirty classes into which the exhibition was divided. Presentation copy // W. Clowes and Sons, Stamford street and Charing cross. London, 1852.

JILL WEITZMAN FENICHELL Fragile Lessons: Ceramic and Porcelain Representations of Uncle Tom's Cabin.

<http://www.chipstone.org/article.php/280/Ceramics-in-America-2006/Fragile-Lessons:-Ceramic-and-Porcelain-Representations-of-Uncle-Tom%E2%80%99s-Cabin>

**КРЫМ В ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ РОССИИ
С ГОСУДАРСТВАМИ СРЕДИЗЕМНОМОРСКОГО РЕГИОНА
(КОНЕЦ XVIII - XIX ВВ.)**

T. Vakulova

**Crimea in the Economic Relations of Russia
with the States of the Mediterranean Region
(End of XVIII - XIX Centuries)**

Актуальность исследования данной темы обусловлена не только ростом интереса к современной истории интеграции Крыма в российское экономическое пространство, но и изучением роли, с которой Крым выступал в экономических отношениях России с государствами Средиземноморского региона в конце XVIII - XIX вв.

После присоединения полуострова в XVIII веке Российская империя получила возможность оказывать влияние на международную экономическую политику не только государств имеющих выход в черноморскую акваторию, но и держав Большого Средиземноморья. Благодаря своему географическому положению и природным условиям Крым имел потенциал, который реализовывала Российская империя. Уже XIX в. Крым становится военным форпостом Российской империи на Чёрном море, и экономической площадкой для международной торговли со Средиземноморскими странами.

В XIX веке Россия через Крым ускорила свою интеграцию в мировую торговлю. Получив крымский полуостров, Российская империя значительно упрочила своё положение на Чёрном море, сумела значительно расширить свои прямые торговые контакты и рынки сбыта. Крым всё большее значение приобретал вместе со своим экономическим развитием.

Вначале перед Россией встаёт ряд важных задач, важнейшей из которых, являлось обеспечение черноморского флота и населения полуострова продовольственными и промышленными товарами, что и становится мотивацией к развитию на полуострове сельского хозяйства и промышленности.

В первой половине XIX была заложена экономическая база, которая создала условия для полноценного ведения международной торговли в этом регионе. Другой проблемой стало отсутствие транспортной коммуникации и здесь получило своё развитие судоходство и кораблестроение. С ростом транзитной коммерции для её регулирования государству потребовалось создание таможенных учреждений в Крыму, которые и были созданы. Сельскохозяйственная, промышленная и таможенная сферы образовали взаимосвязанную между своими элементами систему, которая способствовала развитию внутренней и внешней торговли Крыма, в системе торгово-экономических отношений России со странами средиземноморья.

Природные и климатические условия полуострова быстро определили специализацию районов в сельском хозяйстве. Особое внимание из сельскохозяйственных отраслей в первой половине XIX века получило овцеводство и виноградарство. Сюда привозили испанских тонкошёрстных овец, высаживали саженцы лучших сортов французского и итальянского винограда. Производители получали существенные льготы и дотации от государства. В том числе землю в качестве потомственного владения. Своё развитие получило садоводство и табаководство. Осуществлялись попытки развить шелководство.

Самыми крупными отраслями промышленности Крыма стала добыча соли и рыболовство. Крымская соль вывозилась чаще во внутренние губернии Российской империи, а сардины, сельдь, осётр и различные виды красной рыбы невероятно ценились в странах Европы. Обрабатывающая промышленность в Крыму строилась по принципу мануфактуры. Наиболее развившимися её отраслями были производство сафьянов, сёдел, кожи, свечей и мыла. Было налажено кирпично-черепичное и известковое производство. Обрабатывающая промышленность в первую очередь была ориентирована на местные нужды. Добывающая же промышленность имела общероссийское значение, а потому получала для своего развития существенные послабления.

Судоходство и судостроение получило развитие в рамках прибрежной полосы всей Таврической губернии. Прежде всего, в материковых городах. Известны были частнособственнические кораблестроительные верфи. Например, «Маркусов Эллинг». Связано это было с возможностями доставки материалов. В Крыму существовали казённые судостроительные доки, находились они в Севастополе. В первую половину XIX века здесь строились суда для черноморского флота, а во второй половине, с переходом доков в руки РОПиТ, ряд товарных и пассажирских пароходов и катеров. В 1798 г. был принят закон «О установлении на полуострове Таврическом порто-франко

сроком на 30 лет и о даровании разных выгод жителям сего острова и приезжающим туда иностранцам» [ПСЗРИ. 1830 Т. XXV].

Уже в 1800 году на территории полуострова возник таможенный надзор, забрав у портовых городов право «порто-франко». Полноценно Таможенное управление в Крыму сформировалось в 1820-х гг. Его преобразование в течение века было связано и с общероссийской таможенной реформацией и с ростом или упадком товарооборота в основных портовых городах Крыма. Например, в Севастополе на период становления, военным портам таможенный надзор был упразднён.

В целом между сельским хозяйством, промышленным комплексом, судостроительством и таможенным управлением отчётливо видна глубокая взаимосвязь. Сельскохозяйственная деятельность поставляла продукцию для продажи и сырьё для местной обрабатывающей промышленности, рост промышленности увеличивал товаропроизводство, от чего накапливался излишек изделий для продукции. Для реализации экспорта требовался торговый флот. Таможня осуществляла государственное регулирование над экспортно-импортным потоком. Вместе эти отрасли крымского хозяйства сформировали экономическую систему, позволившую Российской империи использовать Крым как плацдарм для интеграции в сферу мировой торговли по Южному направлению.

Здесь выделяется две основные перспективы для развития внешней торговли России. Идея первой укрепилась в государстве ещё во второй половине XVIII в. – получить свободный путь в Средиземное море. Конечно, в первую очередь это было продиктовано военно-политическими потребностями, но и экономические возможности были предельно высоки. Поэтому вопрос о режиме черноморских проливов Босфора и Дарданелл был важнейшим в российской внешней политике XIX века. Свободный выход в Средиземное море позволял российской державе устанавливать прямые торговые связи со странами данного региона и уменьшить посредническую роль западноевропейских государств в её внешней торговле.

Вторая возможность для роста объёмов внешней торговли и расширения рынков сбыта представилась России вместе со строительством Суэцкого канала в 1869 году. Этот путь позволял значительно сократить путь к Индийскому и Тихому океану, к Индии, Китаю и Японии. Тем не менее, реализовать данную возможность Российской империи в XIX веке не удалось. Россия встретила на этом пути мощнейшее сопротивление англичан, которые фактически заполучили его в монопольное использование. Только единичные русские торговые корабли совершали по каналу рейсы.

Реальный географический ореол внешней российско-имперской торговли осуществляемой по южному направлению через Чёрное и Азовское море включает в себя прибрежные государства данных морских акваторий. В частности Турция, Румыния, Греция, Египет, Королевство обеих Сицилий, Неаполитанское королевство, Италия, Франция, Испания и Португалия, и даже Англия осуществляли торгово-экономические взаимодействия с Российской империей в этом направлении. Беспрепятственно русские торговые суда обосновались в Средиземном море только с 1830-х гг. вследствие напряжённых отношений с Османской Портой. В российском экспорте преобладали продукты сельского хозяйства. А важнейшим экспортным товаром России в порты этих стран на протяжении всего XIX века был хлеб и его производные.

Основными портами на крымском полуострове, через которые реализовывалась внешняя торговля России – были Феодосия, Евпатория, Севастополь и Керчь. Наибольшее процветание они получили с 1870-х гг., когда благодаря свободной торговле сумели восстановиться после Крымской войны. Через эти порты во второй половине XIX века шёл крупный поток зерна и хлеба. В Европе собственно крымское зерно ценилось за отменное качество.

Таким образом, роль Крыма в торгово-экономических отношениях России со странами средиземноморья в XIX столетии заключается в том, что посредством полуострова на Чёрном море была образована крупная экономическая площадка для ведения международной торговли. Благодаря своим уникальным географическим и климатическим условиям, а также учитывая характер товаров отпускаемых Россией на мировой рынок в конце XVIII – XIX вв., т.е. в основном сельскохозяйственную продукцию и сырьё, Крым с его мощным хозяйственным потенциалом превращался в источник для внешней и внутренней торговли государства. Оценивая роль Крыма в процессе интеграции России конца XVIII - XIX века в мировую торговлю мы приходим к выводу, что наиболее благоприятные условия в этом процессе складываются в 1870-х гг., когда через Крым пролагается путь экспорта хлеба и зерна. Однако в остальной период Крым проигрывал в отношении ведения международной торговли Одессе. Одесса практически постоянно обладала правом порто-франко, рядом с ней проходили речные транспортные пути, связанные с центром Российской империи, государство всячески поощряло торговлю в Одессе. Крым же во многом подчинялся вопросам военной стратегии. А производимая Крымом продукция – шерсть, мясо, зерно, фрукты и овощи, соль, вино и другое во многом шло на обеспечение населения Крыма и внутренних губерний России. Тем не менее, можно утверждать, что российские власти полноценно использовали торгово-экономические воз-

возможности Крыма изучаемого нами периода. Российская империя получила свободный вход торговых кораблей в Средиземное море и установила прямые, без иностранного посредничества, торговые контакты со странами Средиземноморья.

Библиография:

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ XIX – НАЧАЛА XX века. Документы российского министерства иностранных дел. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. – 741 с.

ДОГОВОРЫ РОССИИ С ВОСТОКОМ ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ТОРГОВЫЕ. Собрал и издал Т. Юзефович – СПб.: типография О.И. Бакста, 1869. – 300 с.

КУЛИЕР И.М. История русской торговли и промышленности / Сост. А.В. Куряев. – Челябинск: Социум, 2003. – 557 с.

КАЛИНКИН А.В. Внешняя торговля России в первой половине XIX века / А. В. Калинин // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 6. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. – С.13-35

МАРЦИНОВСКИЙ П. Н. Феодосия во внешней торговле (1856—1914) [Элек-тронный ресурс] / П.Н. Марциновский // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. – 2016. — Т. 12. – С. 1-13

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ ЗАКОНОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ. Собр. первое. СПб., Тип. II Отд. Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1830 Т. XXV: 64–68.

НИФОНТОВ А.С. Внешняя торговля России во время Восточной войны 1853-1856 гг. / Проблемы социально-экономической истории России – М.: Издательство «Наука», 1971. – С. 69-90.

ПОТАПОВ И.С. Внешняя торговля и торговая политика с 70-х годов XIX в. до первой мировой войны / Международная торговля. – М.: Внешторгиздат, 1954. – С. 164- 196.

СКАЛЬКОВСКИЙ А.А. Хронологическое обозрение истории Новороссийского края Часть 2. – Одесса: Городская типография, 1838. – 364 с.

ШАКУНОВ В.Н Крым во внешнеторговой стратегии Российской империи в XIX веке // Известия Самарского научного центра РАН, Т. 16, №3, 2014. – С. 7-11.

**ТАМГИ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ КОЧЕВНИКОВ
СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ И ИХ ПАРАЛЛЕЛИ
В ЦЕНТРЕ АЗИИ**

D. Vasilyev

**Tamgas of Early Medieval Nomads in
Northern Black Sea Coast and Their Parallels
in the Centre of Asia**

Среди многочисленных исследований тамгообразных изображений Северного Причерноморья исследователи, как правило, специально выделяют знаки, идеография которых напоминает руны [Мещанинов 1933; Соломо-ник 1959; Турчанинов 1971; Драчук 1975]. При этом поиски аналогов ведутся в основном в западном направлении и осторожно связываются с варяжско-славянским проникновением [Рыбаков 1940]. Немногие руноподобные надписи и сопровождающие эту эпиграфику тамгообразные изображения на бытовых предметах, монетах и оружии позволяют предложить для сравнения аналоги из Центральной Азии и Южной Сибири.

Факторы композиционного, идеографического и семантического характера выделяют тамги в отдельный изобразительный жанр и придают им особую роль в идеографическом и текстовом комплексе памятника. Анализ тамговой символики кочевников в составе петроглифических комплексов на каменных сооружениях, оружии, бытовых предметах, в виде клейм для скота, рисунков на одежде и на коврах различного типа позволяет рассматривать тамгу как явление мировоззренческой и социальной культуры.

Причерноморско-крымская тамговая идеография прослеживается в весьма длительном хронологическом диапазоне примерно с середины первого тысячелетия н.э. и вплоть до начала XX в. И этот массив эпиграфических памятников, связанных с историко-культурной традицией кочевых цивилизаций Евразии, можно считать наименее изученным разделом регионального источниковедения.

Практика изображения родовых тамг фиксируется на нескольких типах объектов, которые могут быть функционально выделены следующим образом:

- тамги обладания (территорией, имуществом, отдельным предметом);
- тамги наследования;
- тамги персонификации;
- тамги присутствия.

Первую группу, жизненно наиболее значимую, составляют тамги, маркирующие родовые пастбищные и обрабатываемые территории, пограничные, тамги-клейма на скоте и имуществе, тамги-метки владельца на предметах обихода.

Вторая группа имеет несколько дискуссионный характер, поскольку исследователями высказывались различные точки зрения на константность и эволюцию тамг в связи с преемственностью поколений. Высказывалось мнение, что наследующие родовую собственность владельцы добавляли к исходному родовому тамговому символу новую деталь [Кызласов 1960: 93-120]. Однако текстологический анализ древнетюркских эпитафий в бассейне Верхнего Енисея на тюркских стелах с тамгами подтвердил неизменность тамгового символа у прямого наследника родовых территорий и обнаружил его эволюцию у родственников, не имевших права на майорат [Васильев 1995: 256-266].

Третья группа, в большинстве своем, имеет мемориальный характер и представлена тамгами, дополняющими эпитафийный текст, формула которого (имя-титул-род-прижизненные деяния-скорбь-тамга) предусматривает этот компонент как этно-родовую и личностную атрибуцию.

К четвертой группе могут быть отнесены тамги, которые гравировались посетителями культовых объектов, путниками в определенных местах следования, охоты, жертвоприношения, а также одновременно представителями нескольких родов в моменты совместных знаменательных событий или при заключении договоренностей и союзов.

Тамги всех четырех групп, кроме того, могут соседствовать с петроглифами, композиционно дополняя друг друга. Семантика тамг, являющихся одновременно компонентом надписи (иногда в виде отдельной буквы) и пиктограммой, делает их петро-эпиграфическим комплексом. Крымский пример такого рода отмечен, например, В.С.Драчуком в виде надписей на наконечниках копий, которые «отличаются от круга вещей, изготовленных в Северном Причерноморье» [Драчук 1975: 93, табл. XIX]. Надписи же, по своему репертуару, являются не скандинавскими рунами, а восточно-европейскими

руноподобными надписями кочевников раннего средневековья, которые большинством исследователей полагаются тюркоязычными.

Публиковавшиеся нами по результатам полевых исследований наскальные комплексы, имеющие в репертуаре одновременно рисунки, тамги и надписи, типа скалы Хая-Ужу на Хемчике, горы Тепсей и Сулекской писаницы на Среднем Енисее, и ряд других демонстрируют полные аналоги крымским тамгам сарматского и более позднего времени, примерно до середины первого тысячелетия н.э.

В восточно-европейской части ареала раннесредневековых кочевий степной Евразии в ряде случаев весьма перспективным может стать коррелятивный анализ цепочки восточно-тюркских, центральноазиатских, северокавказских, крымских, восточно-европейских родовых клейм и тамг, как источника по истории миграций евроазиатских этносов и культур.

Библиография:

МЕЩАНИНОВ И.И. Загадочные знаки Причерноморья, ИГАИМК, Вып.62, М.-Л. 1933;

СОЛОМОНИК Э.И. Сарматские знаки Северного Причерноморья, Киев, 1959;

ТУРЧАНИНОВ Г.Ф. Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы. Л., 1971;

ДРАЧУК В.С. Системы знаков Северного Причерноморья, Киев, 1975.

РЫБАКОВ Б.А. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X-XII вв., Советская археология, т. У1, М.-Л., 1940.

КЫЗЛАСОВ Л.Р. Новая датировка памятников енисейской письменности. «Советская археология», №3, 1960, С.93-120.

ВАСИЛЬЕВ Д.Д. Персоналии древнетюркских эпитафий. Возможности источниковедческого анализа, «Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины», Вып.3, М. ИВ РАН, 1995. С.256-266.

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАРОХОДА «ВЕСТА» –
УЧАСТНИКА РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1877-1878 ГГ.**

V. Vakhoneev

**Archaeological Research of «Vesta» Steamship –
the Participant of Russian-Turkish War of 1877-1878**

Пароход «Веста» был построен для английской фирмы «Robinson & Co» в 1856 г. на судовой верфи «J.V.Palmer» в Ньюкасле (Англия). По классу он был винтовым трехпалубным товаро-пассажирским и первоначально именовался «Norma». Однако в конце 1858 г. прежний владелец по невыясненным причинам продал пароход Русскому обществу пароходства и торговли ОПиТ). Судно, вскоре получившее наименование «Веста», прибыло из Англии в новый порт приписки – Одессу.

С началом новой русско-турецкой войны 1877 – 1878 гг. Черноморский флот практически отсутствовал, что явилось одним из следствий проигрыша в Крымской войне. 12 апреля 1877 г. «Весту» зачислили в состав Черноморского флота как пароход активной обороны с вооружением из пяти 152-мм гаубиц, двух 107-мм, одного 87-мм орудия и двух 44-мм скорострельных орудий Энгстрема, а также шестовых, буксируемых мин и двух паровых катеров, приспособленных к применению мин.

Под командованием капитан-лейтенанта Н.М. Баранова «Веста» произвела ряд смелых операций у берегов Турции.

11 июля 1877 г. выйдя из Одессы для крейсерства у берегов Добруджи у Кюстенджи (Констанца), «Веста» встретила турецкий броненосный корвет «Фетхи-Буленд». Несмотря на то, что командир имел приказ не вступать в бой с превосходящим противником, броненосец был принят за гражданское судно или военный транспорт. «Фетхи-Буленд», имея превосходство в вооружении, скорости и броне открыл огонь из крупных башенных орудий. «Веста» в данной ситуации попыталась выйти из-под обстрела, но большая скорость турецкого корабля привела к затяжному бою. Имея более сильный кормовой огонь, «Веста» начала маневрирование, не давая «Фетхи-Буленду» использовать мощную бортовую артиллерию. В тоже время огонь «Весты»

удерживал быстроходного противника от сближения и предотвратил возможность нанесения таранного удара.

Турецкие броненосцы в то время строились в основном в Англии и обладали превосходными боевыми качествами. Эти современные корабли имели толстую бортовую броню и сильную артиллерию в бронированных башнях. «Веста» же, обычный торговый пароход, вообще не имела брони, толщина ее бортового железа была всего 2,2 см, а артиллерия состояла из орудий и мортир, предназначенных только для ближнего боя.

Несколько раз корабли сближались до 2-3 кабельтовых, что позволяло «Весте» вести ружейный огонь. Экипаж парохода, несмотря на большие потери, повреждения судна и артиллерии, сражался с редким мужеством, заставив современников сравнивать этот бой 20-летнего парохода с подвигом брига «Меркурий». После нескольких пробоин, повреждения руля и вывода двух мортир, «Веста» нанесла значительный урон противнику. Удачный снаряд, пущенный лейтенантом З.П. Рождественским (впоследствии командующий 2-ой Тихоокеанской эскадрой, погибшей в Цусимском сражении), вывел из строя одно из носовых башенных орудий противника и произвел сильный пожар. Вскоре неприятель замедлил ход, а затем, отказавшись от продолжения боя, повернул к Кюстенджи.

Сильное утомление машинной команды и повреждения руля заставили Баранова отказаться от преследования, тем более что на горизонте появились дымы турецких судов.

После окончания войны, 12 января 1878 г., «Весту» возвратили РОПиТ. По состоянию на 1 января 1887 г. в порту приписки Одесса пароход числился под № 209.

5 ноября 1887 г. «Веста» следовала рейсом из Самсуна в Одессу. У мыса Тарханкут около 3 ч ночи в неё врезался в районе грот-мачты пароход «Синеус». «Веста» со всем экипажем (34 человека) погибла.

Место гибели парохода долгое время оставалось неизвестным. Лишь в 2015 г. под водой был проведён осмотр неизвестного ранее судна. Координаты объекта были получены из данных тралового рыболовства, где данная акватория фигурирует, как участок с зацепами тралов.

Впоследствии идентификация объекта была произведена на основе видеозаписи носовой части затонувшего судна. Характерный нос с резным орнаментом соотносился с изображениями парохода «Веста» на полотнах маринистов Р.Г. Судковского, А.П. Боголюбова и И.К. Айвазовского.

Кораблекрушение находится на расстоянии 16 км от берега на юго-запад от мыса Тарханкут на глубине 52 м.

В ходе подводных обследований места гибели парохода в апреле 2016 г. была проведена гидроакустическая съемка дна. На полученной сонограмме чётко фиксируются остатки кораблекрушения на ровном грунте.

В ходе данных работ была проведена подводная разведка с использованием телеуправляемого подводного аппарата. На дне фиксировались многочисленные завалы, корпус затонувшего судна очень развален. Вдоль правого борта с внешней стороны обшивки судна зафиксированы остатки рубки со штурвалом.

Летние работы включали детальный осмотр кораблекрушения, составление его фотомозаики и общего плана.

Кораблекрушение представлено сильно разрушенным остовом судна. Размер кораблекрушения на дне составил 58x14 м. При этом кормовая часть сильно заилена и разрушена. Носовая часть немного смещена относительно центральной оси затонувшего судна.

Нос затонувшего судна, размерами 9x5 м, отломан и лежит на левом борту. Он оканчивается характерным бушпритом. По правому выступающему борту под бушпритом прослеживаются следы резного орнамента украшения борта. На штатном месте по правому борту зафиксирован адмиралтейский якорь, а на баке – сильно обросшая лебедка. Вдоль бортов носовой части парохода сохранились остатки леерного ограждения и по две шлюпбалки с каждого борта. В месте разлома носа и остальной части судна имеется доступ в часть внутренних помещений носа, в т.ч. в носовой кубрик, но ввиду аварийности участка осмотр внутри не проводился. Возвышение носа над дном составляет более 4 м.

Участок от носа до котлов имеет наибольшие разрушения: палуба и надстройка полностью уничтожены, борта раскрыты наружу.

Правый борт отстоит от основного массива развала носовой части судна на расстоянии от 2 до 3 м и представлен массивным крупным фрагментом борта со шпангоутами наружу, лежащим на дне под углом до 40°. Под его обломанным краем со стороны носовой части судна обнаружены остатки сильно заиленной капитанской рубки, представленной целым штурвалом с механизмом, тумбы для компаса. На поверхность был поднят как сам корпус компаса, так и его детали: пеленгатор, защитная крышка и два свечных фонаря для подсветки компаса. Один из фонарей был поднят в комплекте с подсвечником. Второй подсвечник не обнаружен.

На расстоянии 3 м в сторону кормы под бортом с внешней стороны на грунте зафиксирован сигнальный бортовой фонарь, далее – палубный осветительный керосиновый фонарь. Оба фонаря впоследствии были подняты на поверхность.

Левый борт также сложен наружу и местами сохранил леерное ограждение. На заваленном фрагменте борта в одном месте сохранился целый иллюминатор.

На участке от фрагмента носа до середины кораблекрушения между бортами фиксируются массивные тяжело идентифицируемые завалы. Среди отдельных элементов можно отметить нижнюю часть обломанной фокмачты, фрагмент якорной цепи под ней, целую прямоугольную дверь и ножку стола.

Далее в сторону кормы на участке вдоль левого борта на поверхности дна обнаружены два стеклянных стакана, латунная ступа с двумя ушками и скопление фаянсовых столовых тарелок. Судя по компактности распространения находок, имеющих столовую принадлежность, следует предположить нахождение на этом участке камбуза или кают-компаний.

Всего на данном участке на грунте обнаружено и поднято на поверхность 9 фаянсовых тарелок. Все они имеют на лицевой части маркировку РОПиТа: гюйс с изображением двуглавого орла (на семи тарелках гюйс развернут влево, на двух – вправо). Стеклянные цилиндрические стаканы с внешней стороны имеют гравировку два скрещенных якоря – один из распространенных символов РОПиТа.

Центральная часть судна подверглась наибольшим разрушениям. На участке длиной 15 м с обоих бортов отсутствует обшивка. По-видимому, данный участок подвергся максимальному разрушению вследствие прохождения по нему трала.

Машинное отделение представлено остатками двух сдвоенных крупных вертикально стоящих котлов вдоль корпуса судна и двух горизонтально лежащих котлов поперек.

По левому борту от горизонтально лежащих цилиндров на ровном илистом дне выступает верхняя часть крупной овальной кастрюли, которая была оставлена на месте. Рядом лежала её крышка, поднятая на поверхность. После расчистки на крышке были зафиксированы две надписи: штамп «РОПТ» и граффито «ВАСИЛИЙ».

Гравировка «РОПТ» служит еще одним доказательством верной идентификации затонувшего судна как пароход «Веста», поскольку из всех судов РОПиТа, затонувших в Чёрном море, только два потерпели крушение у м. Тарханкут: винтовой пароход «Веста» и колесный пароход «Генерал Коцебу», обнаруженный в 2013 г. северо-западнее мыса Тарханкут.

Центральный участок кормовой части в сравнении с другими участками имеет лучшую сохранность. На участке, размерами 5х3 м, сохранился палубный настил, который обрывается со стороны кормы.

Следов борта кормы на грунте не обнаружено. На данном участке фиксируется несколько крупных фрагментов обшивки и обрывки сетей тра-ла. С правого и левого бортов в завалах зафиксировано два сигнальных шаровидных фонаря красного цвета, производства, судя по маркировке, английской фирмы «RIDSDALE».

В целом, следует отметить, что остов затонувшего судна оказался в зоне активного тралового рыболовства. Неоднократные проходы тралов по нему привели к разрушению всех его надстроек и бортов. Не разрушенным тралами остался лишь нос парохода.

Таким образом, в результате проведенных работ 2016 г. был составлен план кораблекрушения, проведена идентификация отдельных завалов, а также поднято на поверхность несколько предметов, обладающих музейным значением. Находки дополнили коллекцию Музея подводной археологии.

Дальнейшее планирование подводных исследований должно включать уточнение составленного плана и безопасного разбора завалов, наиболее перспективных в плане получаемой информации участков.

Обнаружение и исследование знаменитого парохода «Веста» спустя 130 лет после его гибели является, безусловно, важным событием в деле сохранения и популяризации подводного культурного наследия.

Винокуров Н.И.,

Трейстер М.Ю.

**ФРАГМЕНТЫ СОСУДОВ МОЗАИЧНОГО СТЕКЛА ИЗ РАСКОПОК ЦИТА-
ДЕЛИ ГОРОДИЩА АРТЕЗИАН¹**

N.I. Vinokurov,

M.Yu. Treister

**Fragments of Mosaic Glass Vessels
from the Excavations of the Citadel of Artezian Fortified Site**

Ранние образцы мозаичного стекла [о мозаичном стекле в целом см.: Oliver 1968: 48–70; von Saldern 2004: 164–166] происходят из хорошо датированных комплексов первой половины I в. до н.э., в частности, кораблекрушения у о. Антикитира [Avronidaki 2012: 132–133, 140–143, nos.104–109] и с о. Делос [Nenna 1999: 35–63; например, no. B14, pl. 61; nos. B42–43, pl. 46; no. B82, pl. 62; no. B81, pl. 63]. Выполненные в таком стиле сосуды, в частности из так наз. ониксового стекла, подобное по цвету и форме разводов уникальному кубку в собрании Музея Метрополитен, появляются еще во II – начале I в. до н.э. [Grose 1989: 180, 192–193, fig. 107; 203–204, no. 210; Lightfoot 2001: 21 (слева)].

В Северном Причерноморье фрагменты сосудов мозаичного стекла известны по находкам из Ольвии [Пуклина 2016: 164–165, рис. 1, 1–3], святилища у пер. Гурзуфское седло [Новиченкова К.В. 1999: 19–22; Новиченкова Н.Г. 2015: 98–99, рис. 197), Пантикапея [Сорокина 1962: 212–213, рис. 1), Горгиппии [Алексеева, Сорокина 2007: 56–57, Ф.Ф2, табл. 37, 1; рис. 9; 60–61, Ч.Ф1, табл. 38, 3; рис. 14] и из сарматских погребений Прикубанья; погребения № 10/1979 кургана у хут. Песчаного, датированного около середины I в. до н.э. [Marčenko, Limberis 2008: 300, 339, Kat. Nr. 12.6, Taf. 19, 2], и кургана № 28/1902 у ст. Ладожской (Marčenko, Limberis 2008: 300, Kat. Nr. 60.1, Taf. 89, 5), комплекс находок из которого относят ко второй половине I

¹ Контекст находки подготовлен Н.И. Винокуровым, анализ находок и выводы – М.Ю. Трейстером. Рассматриваемый предмет, найденный экспедицией под руководством Н.И. Винокурова, хранится в ВКИКМЗ (Керчь). Материалы из металла, кости и стекла, найденные при раскопках городища, обработаны М.Ю. Трейстером в Керченском музее в 2013 и 2014 гг. Фрагмент из раскопок 2018 г. исследован по фотографиям.

в. н.э. [Marčenko, Limberis 2008: 300], а также Нижнего Подонья и междуречья Волги и Дона [см. в этом томе: Трейстер 2019: 247].

Учитывая редкость таких находок, заслуживают внимания фрагменты сосудов мозаичного стекла из раскопок цитадели городища Артезиан в Крымском Приазовье. Городище Артезиан в Крымском Приазовье погибло в сильном пожаре в начале боспоро-римской войны 44/45–49 гг. н.э. [см., например, Abramzon et al. 2012: 207–278; Винокуров 2014: 98–105; Винокуров, Крыкин 2016: 64–73; 2017: 170–194]. Благодаря нумизматическим материалам слой пожара точно датирован 46/47 гг. [Абрамзон, Винокуров 2016: 712–743]. После катастрофы, при правлении царя Котиса I стены акрополя городища были выбраны для новой крепости, при этом в траншее выборок стен сбрасывались слои горения и строительный мусор. Они содержали множество интересных находок, включая уникальные золотые боспорские, серебряные римские монеты и ювелирные украшения, вероятно, из расхищенного имущества побеждённых сторонников царя Митридата III. Если первый фрагмент блюда происходит из неповрежденного слоя пожара внутри цитадели, точно датированного 46/47 г. н. э., что второй обломок найден севернее от неё в насыпи террасы, синхронной или даже предшествовавшей времени сооружения ранней цитадели, и предварительно отнесённый ко второй половине I в. до н. э. Впрочем, эта дата предварительна и будет уточнена последующими раскопками.

В гомогенном слое пожара помещения № 4 на раскопе III был найден фрагмент плоского блюда мозаичного стекла с чередующимися полосами-разводами белого, серого и черного цветов различной ширины (рис. 1, 1). Форма толстостенных плоских блюд, выполненных в такой технике, особенно характерна для класса сосудов „*composite mosaic vessels: non-carinated forms*“, датируемых концом I в. до н.э. – началом I в. н.э. [Grose 1989: 258–261, 232 (ills.), 325, nos. 526–529; ср. Особенно № 529]. Находки блюд мозаичного стекла в Северном Причерноморье чрезвычайно редки – фрагменты такого блюда коричневого стекла с белыми прожилками происходят из кургана № 28/1902 у ст. Ладожской [Гущина, Засецкая 1994: 53, № 187, табл. 20; Лимберис, Марченко 2003: 111, 123, № 28; 158, рис. 17; Marčenko, Limberis 2008: 300, Kat. Nr. 60.1, Taf. 89, 5], комплекс находок из которого относят ко второй половине I в. н.э. [Marčenko, Limberis 2008: 300].

Фрагмент края чаши из раскопок насыпи террасы (рис. 1, 2) очень близок по декору фрагменту чаши из Тарса, датирующемуся концом I в. до н.э. – I в. н.э. [Arveiller-Dulong, Nenna 2000: 146–147, no. 181]. Очень близки по декору, в том числе по цвету фрагменты блюд и чаш (*patella*) (Roman cast mosaic vessels: Family IV, composite Mosaic vessels (carinated forms), carinated

dishes [Grose 1989: 227, 229, 231, ill., 310–311, nos. 446, 448; 315, no. 471; 320, no. 507; 256–258, figs. 143, right]), которые датированы концом I в. до н.э. – началом I в. н.э., предположительно италийской работы. Впрочем, сосуды этой группы были широко распространены и представлены также находками в Египте, сомали и Йемене [Freestone et al. 2005: 73–74].

Находки фрагментов мозаичного стекла при раскопках цитадели городища Артезиан не только расширяют список подобного материала из памятников Северного Причерноморья, но и подчеркивает значимость городища, куда попадали среди прочих редких импортных материалов, в том числе из стекла (см., например, флакон в форме двусторонней головы из клада № 2 [Abramzon et al. 2012: 240, 241, fig. 9, 2; 244–247, fig. 11]), такие драгоценные сосуды.

Список сокращений:

ВДИ – Вестник древней истории

ВКИКМЗ – Восточно-крымский историко-культурный музей-заповедник

JGS – Journal of Glass Studies

Библиография:

АБРАМЗОН М.Г., ВИНОКУРОВ Н.И. Золотые статеры Аспурга и Митридата III и новые комплексы с монетами и ювелирными изделиями с городища Артезиан // ВДИ. – М., 2016. № 3. С. 712–743.

АЛЕКСЕЕВА Е.М., СОРОКИНА Н.П. Коллекция стекла античной Горгииппии. – М., 2007.

ВИНОКУРОВ Н.И. Раскопки помещения 10 (2009, 2011, 2013 гг.) ранней цитадели городища Артезиан // Таврические студии. Исторические науки. Симферополь: РВУЗ «Крымский университет культуры искусств и туризма». – Симферополь, 2014. Вып. 6. С. 98–105.

ВИНОКУРОВ Н.И., КРЫКИН С.М. Рим, Боспор и Фракия в середине I в. н. э. // Вестник Московского Городского Педагогического Университета. – М., 2016. № 2 (22). С. 64–73.

ВИНОКУРОВ Н.И., КРЫКИН С.М. Римская политика в Северном и Северо-Западном Причерноморье в середине I в. н. э. // Проблемы истории, филологии, культуры. – Магнитогорск, 2017. № 4 (58). С. 170–194.

НОВИЧЕНКОВА К.В. Стекланные мозаичные сосуцы из святилища у перевала Гурзуфское Седло // Третьи Дмитриевские чтения. История Южного берега Крыма. – Ялта, 1999. С.19–22.

НОВИЧЕНКОВА Н.Г. Горный Крым II в. до н.э. – II в. н.э. По материалам раскопок святилища Гурзуфское Седло. – Симферополь, 2015.

ПУКЛИНА О. Стекланные полихромные сосуцы из Ольвии // Едывако. – Киев, 2006. № 4(16). С. 164–167.

СОРОКИНА Н.П. Стекло из раскопок Пантикапея 1945–1959 гг. // Пантикапей (Материалы и исследования по археологии СССР, 103). – М., 1962. С. 210–236.

ТРЕЙСТЕР М.Ю. Позднеэллинистические литые в формах стекланные сосуцы и их фрагменты из погребений кочевников Азиатской Сарматии // Материалы III Международной научной конференции «Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока». М., ИВ РАН, 2019. Т.1. С. 226–230.

ABRAMZON M.G., TREISTER M., VINOKUROV N.I. Two Hoards of Coins and Jewelry Items from the Time of the Roman-Bosporan War (45–49 AD) from Artezian Site // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. – Leiden, 2012. Vol. 18.2. P. 207–278.

ARVEILLER-DULONG V., NENN, M.-D. Musée du Louvre. Département des antiques grecques, étrusques et romaines. Les verres antiques. I. – Paris, 2000.

AVRONIDAKI C. The Glassware // N. Kaltsas, E. Vlachogianni, P. Bouyia (eds.). The Antikythera Shipwreck, the Ship, the Treasures, the Mechanism. Exhibition Catalogue. – Athens, 2012. P. 132–145.

FREESTONE I.C., AMBERS J.C., SIMPSON ST J., AS-SAYYANI M. A Roman Mosaic Glass Bowl from the Wadi Dura in Yemen // JGS. – Corning, 2005. Vol. 47. P. 69–75.

GROSE D.F. The Toledo Museum of Art. Early Ancient Glass. – N.Y., 1989.

MARČENKO I.I., LIMBERIS N.J. Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Denkmälern des Kubangebietes // A. SIMONENKO, I.I. MARČENKO, N.J. LIMBERIS, Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern (Archäologie in Eurasien. 25). – Mainz, 2008. S. 267–400.

NENNA M.-D. Les Verres (Délos. 37). – Paris, 1999.

OLIVER A. JR. Millefiori Glass in Classical Antiquity // JGS. – Corning, 1968. Vol. 10. P. 48–70.

**СТЕАТИТОВАЯ ИКОНА С ОБРАЗАМИ ВЕЛИКОМУЧЕНИКОВ ФЕДОРА,
ГЕОРГИЯ, ДМИТРИЯ ИЗ РАСКОПОК В ХЕРСОНЕСЕ И ЕЕ КУЛЬТУРНО-
ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ: ИЗОБРАЖЕНИЯ ТРИУМВИРАТА СВЯ-
ТЫХ ВОИНОВ В ХРИСТИАНСКОМ ИСКУССТВЕ XII – XIII ВЕКОВ**

K. Voronin

**The Steatite Icon Depicting the Great Martyrs Theodore, George, Deme-
trius from the Excavations in Chersonesos and its Cultural and Historical
Context: Images of the Triumvirate of Holy Warriors in the Christian Art
of the XII and XIII Centuries AD.»**

Стеатитовая икона с развернутыми фронтально ростовыми фигурами трех святых воинов, благословляемых видимым по пояс Христом, парящим в небесной полусфере над их головами, и изображениями Архангелов Гавриила и Михаила в круглых медальонах, найдена при археологических раскопках в Херсонесе в 1930 году в комплексе постройки, датированной исследователями 13 -14 веками [Белов 1960: 257 – 263; Яшаева, Денисова, Гинькут, Залеская, Журавлев 2011: 164, рис. 39; Evans, Wixom 2006: 300, fig. 203]. Этот образ крупного для стеатитовых икон размера 17.5 x 13.4 x 0.8 см изначально представлял собой живописную рельефную икону, имел цветную роспись, надписи и был позолочен (рис.1). Несомненно, что натуральный цвет стеатита не предполагался как один из ключевых цветов композиции при создании этого произведения и является продуктом его археологизации. Восстановление первоначального облика этой иконы, фрагменты которой были повреждены огнем, возможно лишь отчасти и требует детального инструментального исследования. В настоящее время о ее цветовых решениях косвенно свидетельствуют некоторые декоративные детали. Тонкий изящно вырезанный растительный декор на нимбах святых и неглубокий мелкий геометрический рисунок на краях туник и наручах воинов не читались бы под красочным покрытием – это, вероятно, свидетельствует о том, что они были позолочены. Голубой пигмент, следы которого сохранились на иконе, это, по всей видимости, ультрамарин, применявшийся при создании высоко

художественных произведений столичного Константинопольского происхождения. Горизонтально ориентированные сегменты свободного пространства над головами святых на фоне иконы предполагают на ней строчное размещение надписей. В рисунке фигур воинов, правомерно определенных по иконографии как святые Федор, Георгий и Дмитрий, присутствуют темперамент и элегантная экспрессия. Уточненная стилистика их изображения вызывает аллюзии с манерой живописных памятников комниновского круга, наиболее близкий из которых икона с святыми Федором и Дмитрием из монастыря Святой Екатерины на Синае [Mouriki 1990: 111-112, 168, fig. 40]. Композиция иконы размещена в арке, вероятно, символизирующей вход в пространство рая, опирающейся на изящные колонны с изображениями птиц на капителях, мотив которой имеет прямые или близкие аналогии на византийских стеатитовых, живописных иконах и книжных миниатюрах второй половины 11 - 12 века [Яшаева, Денисова, Гинькут, Залесская, Журавлев 2011: 165, рис. 40, 445, 166, рис. 41, 446; Durand 1992: 272, fig. 177; Mouriki 1990: 106, 156, fig. 25, 26, 27; Банк, Бессонова 1977: 66 -67, рис. 520; Lowden 1994: 162-163, fig. 178].

Помимо иконы из раскопок в Херсонесе в настоящее время известно еще два памятника византийского искусства, на которых запечатлен триумvirат святых воинов Георгия, Федора и Дмитрия.

Наиболее ранний по времени образ, это хранящаяся в Государственном Эрмитаже живописная икона размером 28.5 x 36 x 2 см на деревянной основе из каштана, атрибутированная как Константинопольское произведение позднего 11 – раннего 12 века [Пятницкий 1990: 101-102, рис. В-85]. В вытянутом по горизонтали углубленном в ковчег золотофонном среднике иконы изображены стоящие фронтально святые воины Георгий, Федор и Дмитрий. Их светлые по тону с подрумянкой лики рафинировано выписаны и обладают физиономической индивидуальностью. Около голов святых воинов помещены выполненные красным пигментом каллиграфичные колончатые надписи с их именами на греческом. Основные цвета рисунка иконы – золотой, красный, светло синий, светло зеленый и коричневый разных оттенков. Щиты воинов и элементы их костюма (фибулы, воротники, наручи, детали доспехов) обильно декорированы жемчугами, выполненными белилами. Рисунок фигур Георгия, Федора и Дмитрия спокоен и статичен. Темперамент движения в их силуэтах созданы отличиями в вооружении воинов и несимметричными контрастными цветовыми пятнами, формирующими одежды святых – плащи красного, светло синего и светло зеленого цвета, одна туника синего и две туники красного цвета. Светлые, цвета слоновой кости, поля иконы с

красными опушкой и лузгой вокруг средника более поздние и, вероятно, относятся к поствизантийскому периоду.

Другой менее известный памятник это представленная на выставке в Музее Древнерусского искусства им. А. Рублева в 2007 год иконка арочной формы размером 7.2 x 5.6 x 0.7 см, вырезанная из светло-зеленого стеатита [Гнутова 2007: 138, 202, рис. 121]. Ее поверхность, вероятно, была позолоченной - как на сходной по формату и технике исполнения фрагментированной иконке с фигурой апостола Павла из собрания Британского музея, на которой сохранились остатки позолоты [Eastmond 1994: 168, fig. 183]. Этот образок чрезвычайно близок по композиции к иконе из раскопок в Херсонесе (рис. 2). На нем изображены стоящие фронтально в рост святые Дмитрий, Георгий и Федор с благословляющим их Христом, видимым по пояс из небесной полусферы. У головы Спасителя помещена его монограмма, а на поле горизонтально ориентированного пространства фона иконки над головами воинов - их имена, вырезанные линейными каллиграфическими надписями на греческом. Изображение на иконке плотно вписано в декорированную геометрическим рисунком арку с узким сводом на редуцированных упрощенных колоннах, находящую аналоги в византийских и южно-итальянских произведениях позднего 12 - 13 века – резьбе по камню, живописи и книжной миниатюре [Банк, Бессонова 1977: 28 – 29, рис. 901; Wixom 2006: 494-495, fig. 330, 479-480, fig. 316; Mouriki 1990: 106-107, 162, fig. 31-33]. Фигуры святых воинов и изображение Спасителя сопоставимы по масштабу и выходят на поверхность арки за пределы средника иконки. Визуально доминируют небесная сфера с благословляющим Христом и крупные лики святых Дмитрия, Георгия и Федора. Темперамент движения их фигур обозначен действиями рук, обращенными к оружию.

Образы с изображением триумвирата святых Федора, Георгия и Дмитрия формируют небольшой иконографический ряд этого сюжета, в котором присутствуют закономерные различия, выраженные в том числе в воинском облачении святых, облик которого соответствует видам оружия, реально существовавшим на момент создания каждого из этих произведений. На наиболее ранней живописной иконе из собрания Эрмитажа конца 11 – раннего 12 века представлены три фронтальных фигуры святых воинов, из которых левый и центральный – копьеносцы с округлыми щитами, а правый держит на плече обнаженный меч с прямым клинком. Композиция стеатитовой иконы 12 века из Херсонеса соотносима с предыдущей, но дополнена изображением благословляющего Христа в небесной полусфере, архангелов Гавриила и Михаила в круглых медальонах и помещена в изысканную декоративную арку. Святые воины изображены в сходных позах и с теми же видами оружия

(левый и центральный - копьеносцы, правый держит на плече обнаженный меч с прямым клинком), но с щитами листовидной, а не круглой формы, которые они придерживают у своих ног. На стеатитовом образке 13 века, как и на иконе из Херсонеса, святые Дмитрий, Георгий и Федор благословляются Христом, парящим в небесной полусфере, а вся композиция помещена в арку. Однако, здесь святые воины изображены без щитов как меченосцы, а движения их рук акцентированы на умении владеть этим видом оружия с прямым массивным обоюдоострым клинком. Изначально характерный для западноевропейской средневековой культуры символический акцент на меч как элитарный атрибут знатного воина, видимо, объясним временем создания данной иконки в период существования Латинской империи (1204 – 1261), образованной из части земель Византии после захвата Константинополя крестоносцами в 1204 году.

Три памятника византийского искусства 12 -13 веков с изображением триумвирата святых Федора, Георгия и Дмитрия являются самостоятельными неинспирированными друг другом произведениями, созданными в разное время по заказу представителей византийской элиты. Их существование является несомненным свидетельством многовекового совместного почитания этих святых воинов в кругах византийской аристократии. Согласно хроникам, заступничество святых воинов Федора, Георгия и Дмитрия неоднократно даровало победу христианскому оружию. Лев Дьякон в 9 книге «Истории» указывает, что 24 июля 971 года именно помощь Святого Федора помогла византийскому императору Иоанну Цимисхию одержать победу над войском руссов под предводительством князя Святослава у крепости Доростол [Бибиков 2009: 309]. Примечательно, что по Синаксарю за три дня до этого отмечалась память мучеников Федора и Георгия. В 29 главе «Истории Иерусалимского похода» священник Петр Тудебод сообщает, что 28 мая 1098 года именно эти три святых воина явились во главе небесной рати в рядах крестоносцев, ранее давших вассальную присягу византийскому императору Алексею 1 Комнину, при победоносной для христиан битве за Антиохию [Tudebodi 1815-1875: 801-802]. А Неофит Кипрский, византийский богослов и литератор второй половины 12 – начала 13 века, в своем похвальном слове называет Святых Федора, Георгия и Дмитрия соратниками и сопричастниками (Пятницкий 1990: 101).

Библиография:

БАНК А.В., БЕССОНОВА М.А. Искусство Византии в собраниях СССР. Том 2. М, 1977.

БАНК А.В., БЕССОНОВА М.А. Искусство Византии в собраниях СССР. Том 3. М, 1977.

БЕЛОВ Г.Д. Шиферная икона из Херсонеса. // СА – М, 1960. № 2. С 257-263.

БИБИКОВ М.В. Byzantinorossica. Свод византийских свидетельств о Руси. Нарративные памятники. Том 2. Москва, 2009.

ГНУТОВА С.В. Резная икона «Святые воины Димитрий, Георгий и Феодор». // Шесть веков русской иконы. Новые открытия – М, 2007. С 138, 202.

ПЯТНИЦКИЙ Ю.А. Икона «Святые воины Георгий, Федор и Димитрий». // Синай, Византия, Русь. Православное искусство с 6 до начала 20 века – СПб, 1990. С 101-102, 168.

ЯШАЕВА Т., ДЕНИСОВА Е., ГИНЬКУТ Н., ЗАЛЕССКАЯ В., ЖУРАВЛЕВ Д. Наследие византийского Херсона. Севастополь – Остин, 2011.

DURAND J. Steatites. // Byzance. L'art byzantin dans les collections publiques francaises – Paris, 1992. P 272.

EASTMOND A. Steatite fragment with St Paul. // Byzantium. Treasures of byzantine art and culture from British collections – London. 1994. P 168.

LOWDEN J. The Codex Ebnerianus. // Byzantium. Treasures of byzantine art and culture from British collections – London. 1994. P 162-163.

MOURIKI D. Icons from the 12th to the 15th Century. // Sinai treasures of the monastery of Saint Catherine – Athens, 1990. P 104-124, 156, 162, 168.

PEVNY O.Z. Icon with Three military Saints. // Glory of Byzantium - New York. 2006. P 300.

TUDEBODI P. Historiam de Hierosolymitano itinere. // Patrologia Latina. Vol. 155 – Paris, 1815-1875.

WIXOM W.D. Icon with Scenes from the Life of Saint Panteleimon and Deesis. // Glory of Byzantium - New York. 2006. P 479-480, 494-495.

Гавритухин И.О.,

Свиридов А.Н.,

Язиков С.В.

**ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ МОГИЛЬНИКА
РИМСКОГО ВРЕМЕНИ ФРОНТОВОЕ 3**

Gavritukhin I.,

Sviridov A.,

Jazikov S.

**First Results of Research of the Roman Period Burial Ground
«Frontovoe 3»**

Памятник археологии «Фронтное 3» (Нахимовский р-н г. Севастополь) открыт и исследован в 2018 г. в ходе охранно-спасательных работ Крымской Новостроечной экспедиции ИА РАН в зоне строительства шоссе «Таврида». Раскопками под руководством С.В. Язикова и А.Н. Свиридова на площади 13948 м²; изучено 5 ям, 4 могилы эпохи бронзы и 228 римского времени. Могильники исследованы полностью (Рис. 1, а). Современными мародерами памятник затронут не был. Ниже дана краткая характеристика некрополя римской эпохи.

Могильник – грунтовый; погребальные сооружения, вне зависимости от их типов, как правило, расположены рядами. По распространению ряда находок (в т.ч. более 40 монет) и др. особенностям, на могильнике выделяются зоны.

Наиболее ранние могилы (последние десятилетия I – I-я пол. или сер. II в.) концентрируются на северо-западе некрополя (Рис. 1, в). Далее (до I-й пол. или сер. III в. – период 1) он рос на восток и юг, где образовались две зоны плотно расположенных погребений. В западной части восточной зоны зафиксировано 7 случаев перекрытия одной могилы другой (Рис. 1, г). Вероятно, развитие некрополя периода 1 на восток по неким причинам было невозможно и некоторые новые захоронения делали на освоенных ранее участках. Финал периода 1 фиксирует смена одночленных лучковых фибул дву-

членными, граница их ареалов четко прослежена на стыке поздней южной зоны периода 1 с ранней зоной периода 2 (Рис. 1, *д-е*).

В период 2 (с сер. или 2-й пол. III в.) могильник расширялся от южной зоны периода 1 на восток и юг; плотность расположения могил становится заметно более разряженной. Со 2-й четв. или сер. IV в. на юго-востоке некрополя сформировалась поздняя зона периода 2. С ее южной и восточной периферии происходят находки, датируемые не ранее 4-й четв. IV в. (Рис. 1, *жс*). Индикаторов именно V в. – нет, кроме пряжки из заполнения погр. 178 (Рис. 1, *з*). Датирует она финал использования могильника или же время проникновения в могилу после того – не ясно.

Среди погребальных конструкций господствуют ямы с подбоями (одним, реже двумя), в основном перекрытые каменным закладом (Рис. 2, *а*), в ранней части могильника встречаются погребения без заклала (Рис. 2, *б*), либо с его имитацией в виде нескольких камней по дну входной ямы (Рис. 2, *в*). Преобладают трупоположения на спине, головой в юго-восточный сектор. В 90 погребениях отмечены остатки деревянных конструкций, в т.ч. в 4 случаях остатки гробов, в 7 – колод.

14 подбойных могил из поздних зон периода 1 содержали остатки кремаций на стороне (Рис. 2, *г*). Сожженные кости могли выспаться полосой (с расположением инвентаря как у трупоположений); кучкой, в т.ч. в комбинации с трупоположением; на камнях заклада кучкой или в амфоре.

Все 3 могилы с заплечиками (Рис. 2, *д*) и 12 склепов (Рис. 2, *е*) относятся к периоду 2. В склепах подчетырехугольная в плане погребальная камера (до 2,7х3 м) является продолжением длиной оси входной ямы (длиной до 5,2 м, с 5-8 ступеньками); 1-5 костяков расположены только параллельно либо только перпендикулярно оси входной ямы.

В двух небольших ямах периода 1 захоронены собаки; в одной прямоугольной яме (2,1х0,7 м) – конь.

Из около 20000 находок – около 15000 бус и бисера; преобладают стеклянные, есть из гагата, сердолика, янтаря, горного хрусталя, халцедона, агата, фаянса. Среди металлических подвесок: лунницы; колокольчики; кольцевые и состоящие из колец сферические, в т.ч. с литыми шишечками; антропоморфные; птицевидные; шишковидные и др. Наибольшее количество и разнообразие бус и подвесок характерно для периода 1.

Керамических сосудов найдено более 500, большинство (402) – краснолаковые. Количество и разнообразие лепной посуды (101 экз.) возрастает в период 2. Светлоглиняные позднегераклейские амфоры варианта Внуков С IVD представлены в поздней части периода 1 и ранней периода 2; варианта С IVF – в периоде 2. Светильников – 4. Уникален сосуд в виде быка.

Стеклянных сосудов – около 230. Не менее 55 – бальзамарии, за единичными исключениями, характерные для периода 1. К редким находкам периода 1 принадлежат: стакан с рельефным орнаментом и греческой надписью «Одержжи победу»; миниатюрная зеленовато-синяя ойнохоя с напаянной нитью непрозрачного белого стекла; т.н. баночки для притираний формы Айсингс-68; небольшой сосуд в виде разноцветной амфоры; кубок на ножке; кубок с орнаментом из белых и бирюзовых нитей; питьевые рога и др. В наборах периода 2 представлены: стаканы/чаши с округлым туловом и отогнутым наружу венчиком, как с оплавленным, так и обрезанным краем; стаканы формы Айсингс-108; колбовидные сосуды и бутылки; кувшины и др. К самым поздним относится конический кубок с каплями синего стекла.

В ранних зонах найдено 15 мечей; в поздних – мечи, топор, наконечник копья, «кинжалы» с вырезами у рукояти, рукояти и конические умбоны от двух щитов. В 14 случаях обнаружены кольчатые двусоставные удила.

В погребениях периода 1 известно 45 бронзовых игл, в его ранней зоне – 5 костяных пиксид с розовой пудрой. Зеркала (не менее 24) типа Хазанов-VI вытесняются типом IX, позднейшие представлены в ранней зоне периода 2. Также для периода 1 и начала периода 2 характерны бронзовые детали шкатулок и ключи. Отметим и подвешенные к кольцам приборы, состоящие из свернутой трубочки, заходящей в наполовину открытый аналогичный футляр; на загнутые концы этих деталей одеты колечки. Сферические флаконы с цилиндрическим горлом представлены в ранней зоне периода 2. Пинцеты найдены в ранней и поздней частях некрополя. В комплексах периода 2 встречено 6 односторонних трехслойных костяных/роговых гребней.

Фибул – около 450. Большинство – смычковые. Наиболее ранние – одночленные лучковые варианта 2, небольшие с кнопкой или завитком на конце сплошного приемника, римская шарнирная дуговидная; немного позднее – лучковые варианта 3, римские типа Feugere-23a и с эмалью. Для поздних зон периода 1 показательны одночленные лучковые фибулы вариантов 4 и 5, а господствуют инкерманские. В ранней зоне периода 2 могильника преобладают двучленные лучковые фибулы, есть двучленная сильно профилированная, двучленные прогнутые подвязные с узкой ножкой и креплением оси пружины вертикальной стойкой, относящиеся к вариантам 2 и 3. Только последние варианта 3 и схожая с ними, но с широким кольцом для оси пружины, представлены в поздней зоне периода 2.

Деталей ременных гарнитур – около 200. В период 1 преобладают пряжки и накладки позднеантичного круга, единично представленные и в ранней зоне периода 2; есть и вытянутые шарнирные пряжки, пряжки типа Малашев П1, наконечники, близкие типу Малашев Н3а. Пряжки типа Малашев П7

и близкие ему по оформлению язычка и типа Madyda-Legutko D-29 найдены в поздних зонах периода 1 и ранней периода 2. В период 2 господствуют пряжки типов Малашев П9 и П10, встречены наконечники Малашев Н7, пряжки позднеримского круга. На крайнем юге и востоке могильника (Рис. 1, *жс*) есть пряжки, язычок которых огибает рамку на всю ее высоту, С-видные накладки, мечевидные наконечники.

Найдено около 150 браслетов. Для периода 1 показательны: с завязанными концами; с окончаниями, расширенными в виде стилизованных змеиных голов; единичны с каплевидными и фигурными утолщениями на концах и др. В период 2 распространяются пластинчатые шарнирные браслеты со щитком, украшенным окантованной вставкой из сердолика; замок одного такого более раннего браслета образован крючками. Единичен в периоде 2 браслет с замком «петля+крючок» и обмоткой корпуса.

Большинство из около 200 перстней – пластинчатые с расширяющимися концами на которых крепилось гнездо со вставкой; есть литые, в т.ч. с врезным декором и сложных форм. Среди перстней периода 1: с парными дужками и вставками; с круглой полихромной вставкой; с несомкнутыми концами в виде волют; с окончанием в виде извивающейся змеи; пластинчатые со щитком или с калачевидной дужкой, имеющие заходящие друг на друга концы, и др. Кроме металлических, отметим стеклянный полихромный перстень.

Серег – около 150; преобладают с замком из петли и крючка, в т.ч. с замком, украшенным проволочной спиралью. Для периода 2 показательны серьги с пластиной, украшенной в стилистике, перекликающейся с упомянутыми шарнирными браслетами. Наличие в периоде 1 их прототипов позволяет ставить вопрос об участии населения Юго-Западного Крыма в формировании убора, включающего серьги и браслеты со щитками, украшенными пресованной позолоченной обкладкой со вставкой. Его дополняли перстни и фибула, украшенные вставками из сердолика.

В ряд уборов периода 1 входили и золотые изделия, в т.ч. украшенные сканью, зернью, вставками из камней и стекла: серьги, в т.ч. редких форм; лунницы, как узкие с шишечками на концах и у петли, так и богато украшенные широкие; полые цилиндры на петлях, украшенные еще богаче; др. подвески; пронизи; нашивки (треугольные с завитками у верхнего угла; в виде сегмента сферы; умбоновидные). На двух подвесках из погр. 287 присутствуют выпуклые изображения женщины с младенцем. К периоду 1 относятся и тонкие золотые листочки: гладкие с тремя зубцами, прямоугольные и неясной формы; в виде кабана; «наглазник» и «нагубник»; три миндалевидных лепестка. Золотые изделия периода 2 – единичны.

У ряда изделий имеются вставки-геммы. На стеклянной вставке из погр. 141 присутствует сюжетное изображение.

Благодарим Евгения Владимировича Суханова, картографировавшего ранние формы керамики (Рис. 1, в).

**МИГРАЦИОННЫЙ ФАКТОР
В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ
СОВРЕМЕННОЙ ИТАЛИИ**

L. Garas

Migration Factor in the Socio-Political Processes of Modern Italy

Миграционные процессы, охватывая многие регионы и обретая глобальные масштабы, становятся магистральным вектором развития современного мира. Тем не менее многоаспектность данного феномена не позволяет охарактеризовать его однозначно. Конечно, миграции оказывают влияние как на страны-доноры, так и страны-реципиенты, однако, сущностные коррективы данный феномен привносит в жизнь стран приема. Воздействуя на политику и экономику, миграционные процессы обуславливают культурно-психологическую трансформацию личностных особенностей самих мигрантов, а также характеристик принимающих сообществ в целом.

Миграционный кризис 2015 года, затронув все страны Европейского Союза, вынудил лидеров европейских государств к поиску «адекватного ответа». Так, был принят пакет антикризисных мер: для сокращения потока мигрантов заключено соглашение с Турцией, приняты решения о сохранении пограничного контроля внутри Шенгенской зоны до декабря 2016 г. (ряд стран до середины 2017 г.), выделено €62 млрд. ряду стран Ближнего Востока и Африки для возвращения нелегальных мигрантов, введена политика квотирования распределения мигрантов между странами ЕС и др. Отсутствие эффективного миграционного режима в рамках ЕС поставило «под удар» целостность и жизнеспособность самого «европейского проекта».

Не смотря на общий «вызов», в каждой стране ЕС миграционные процессы обладают своеобразием. Особой привлекательностью в региональных перемещениях населения обладает итальянское государство. Сегодня мигрантов в Италии свыше 8 % населения (самые крупные диаспоры: румынская, марокканская, албанская, китайская, украинская и др.). Однако, учитывая нарастание объема миграционных потоков, картина со временем может измениться. Если количество иммигрантов будет превышать, например, 20 %

от населения страны, то, наверняка, они будут более четко артикулировать свою точку зрения и отстаивать свои интересы, оказывая активное влияние на традиции принимающего сообщества, навязывая свои порядки и нравы. В таком случае населению принимающего сообщества останется небогатый выбор действия: либо соглашаться со всем этим, либо каким-то образом противостоять [Апанович, <http://old.mgimo.ru>].

Следует отметить, что уже сегодня массовый приток иностранцев вызывают неоднозначную реакцию коренного населения страны, наблюдается превалирование настроений обеспокоенности в итальянской среде, некоторая часть которой настроена достаточно враждебно, а иногда и агрессивно (например, нападения на мигрантов). Указанный тезис подтверждается данными опроса 2013 года, проведенного Немецким Фондом Маршалла. Согласно которому население Италии склонно воспринимать иммиграцию преимущественно как проблему (46% респондентов), а не ресурс развития экономики страны [Transatlantic Trends 2013: 71], а так же усматривать в ней дополнительную нагрузку на социальную сферу (более половины респондентов – 52%) [Transatlantic Trends 2013: 67]. Все это не просто ставит миграцию в центр политической повестки, а и обуславливает распространение тенденций поправления электоральных предпочтений. Политизация данного вопроса, формирование образа «врага» в лице иммигрантов создают ситуацию в которой всегда удобно перекладывать вину за просчеты в социально-экономической, культурной политике, а так же разыгрывать «карту миграции» в политической игре. Так, тема «вторжение мигрантов» и увязка её с «евроскептицизмом», став ключевой в парламентской избирательной кампании Италии 2018 год, обеспечила правый поворот, а позиции, занятые политическими партиями в ходе избирательной кампании, сделали триумфаторами - правоцентристскую коалицию (набрала в целом 37% голосов) [Правый поворот: чем закончились парламентские выборы в Италии, <https://www.rbc.ru>] (основная доля – это националисты из «Лиги Севера» М. Сальвини (17,5%), партия С. Берлускони «Вперед, Италия» (14%)) и популистскую партию «Движение пять звезд» (около 32%).

«Движение пяти звезд» и «Лига» в июне 2018 года сформировали первое в Западной Европе популистское правительство, проявив общность интересов, в первую очередь в вопросах иммиграции. Так, в октябре 2018 г. премьер-министр Италии М. Сальвини лично предложил пакет мер, направленных на поддержание безопасности (так называемый «декрет Сальвини», который оппозиционные силы сравнили с «расовыми законами») [Оппозиция Италии сравнила декреты Сальвини с «расовыми законами», <https://regnum.ru>]. Иммиграционные ограничения, принимаемые на волне по-

дыгryвания избирателю, могут оказать негативные последствия на межэтнические отношения и перспективы социально-экономического развития страны-реципиента, так как достаточно велик риск усечения востребованных экономикой страны контингентов иммигрантов. То есть, итальянское государство, длительный период проводя «политику открытых дверей», в сфере миграции постепенно трансформируется в сторону «полного отказа» от приема мигрантов под лозунгом «Остановите вторжение!» и даже запрета беженцам въезда в Рим [Послы 10 стран ЕС не смогли договориться о приеме мигрантов с судна Diciotti, <https://mir24.tv>].

Миграционная динамика в Италии коррелирует с увеличением присутствия мусульман в стране. Сегодня они составляют около трети иностранцев (свыше 1,6 млн. человек), а к 2020 году - предположительно 4,9 % населения страны, опережая по динамике другие группы населения, в частности христиан. В данном контексте особо актуализируется вопрос правового регулирования исламского присутствия в поликонфессиональном сообществе, учитывая неоднозначное отношение местного населения как к мусульманам, так и к беженцам в целом.

Поэтому, в целях недопущения латентизации ислама, в феврале 2017 года между итальянским государством и исламскими общинами (представляют более 70 % мусульман) заключен первый официальный документ - «Национальный пакт для ислама в Италии», который призван стать основой обеспечения институционального диалога государства с широким спектром ислама. Теперь мусульманские организации обязаны не только сформировать реестр своих имамов, а и проповедовать на итальянском языке, что, конечно, вызвало неоднозначную реакцию. Тем не менее этот документ является свидетельством прогресса отношений, так как давно созрела необходимость в едином официальном представительстве относительно разрозненных исламских общин как в целях налаживания диалога с государством, так и для решения насущных проблем исламской уммы в Италии. Именно религиозные общины могут внести большой вклад в консолидацию всего гражданского общества, а так же сформировать «фронт» против жесткого фундаментализма, которому можно противостоять только вместе с мусульманами, а не без или против них.

Таким образом, в современном мире миграция стала одним из главных факторов политического процесса глобального и регионального уровней. Вектор миграционных устремлений достаточно конкретен и направлен в страны «богатого Севера» со стороны глобального «Юга». Усугубление глобального неравенства, усиление разрыва в уровнях жизненного благополу-

чия, расширение географии военных конфликтов, дестабилизация стран и регионов обуславливают нарастание миграционного притока в страны Европы.

Своеобразием отличаются процессы миграции в Италии. Миграционные процессы, инспирируя создание обществ с доселе не встречавшимся социокультурным разнообразием (рост мусульманского присутствия), обуславливают не просто к рост напряженности, а приводят к политизации данного вопроса. Ни один избирательный цикл в большинстве стран ЕС, в том числе и в Италии, сегодня не обходится без острых столкновений политических акторов относительно миграционной политики. Тем не менее применение только репрессивно-запретительных мер не принесет желаемого результата, так как сбалансировать миграционные процессы и обеспечить стабильное развитие общества призвана адекватная система государственного управления.

Библиография:

АПАНОВИЧ М. Мигранты «топят» Евросоюз [Электронный ресурс]. URL: <http://old.mgimo.ru/news/experts/document276929.phtml> (дата обращения: 24.01.2019).

Оппозиция Италии сравнила декреты Сальвини с «расовыми законами». URL: <https://regnum.ru/news/2490999.html> (дата обращения: 29.01.2019).

Послы 10 стран ЕС не смогли договориться о приеме мигрантов с судна Diciotti. URL: <https://mir24.tv/news/16319445/v-es-ne-smogli-dogovoritsya-o-prieme-migrantom-v-sudna-diciotti> (дата обращения: 12.12.2018).

Правый поворот: чем закончились парламентские выборы в Италии. URL: <https://www.rbc.ru/politics/05/03/2018/5a9d0af59a7947765f541be7> (дата обращения: 29.11.2018).

Transatlantic Trends 2013. Topline Data. GMF, 2013. 95 p. URL: <http://docplayer.net/53911692-Transatlantic-trends-topline-data-2013.html> (дата обращения: 28.01.2019).

**ПОДВОДНЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
В АКВАТОРИИ ЮГО-ВОСТОЧНОГО КРЫМА В КОНТЕКСТЕ
ИЗУЧЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ
В XIII–XIV ВВ.**

P. Gorbunov

**Underwater Archaeological Explorations in the Water Area of the
South-Eastern Crimea in the Context of Studying International Trade and
Economic Relations in the XIII-XIV Centuries.**

Юго-восточное побережье Крыма является одним из самых интересных и перспективных регионов для подводных археологических исследований. Береговая линия изрезана вдающимися в море многочисленными мысами и бухтами, удобными для мореплавания и якорных стоянок. Естественная защита и стратегическое расположение на промежутке между крупнейшими, известными ещё с античных времен центрами – Херсонесом и Боспором, дали толчок историческому развитию региона.

Города Феодосия и Судак, расположенные в этой части полуострова, являлись крупными экономическими и политическими центрами в эпоху средневековья и были местом пересечения множества торговых путей. В эти порты привозили товары из Руси, Восточной Европы и евразийских степей, туда заплывали средиземноморские суда, на борту которых были купцы из Западной Европы, Северной Африки, Ближнего Востока и других уголков мира.

Основанный в III в. н.э город Судак (Сугдея, Сурож, Солдайя) несколько раз переживал периоды своего расцвета и упадка. Но наивысшего расцвета Судак достиг в XI – XIII вв., став самым богатым городом Крыма. Феодосия известна ещё с античности с VI в. до н.э. Подлинный расцвет города пришёлся в средневековую эпоху в XIII – XV вв. В то время город носил название Каффа. Именно в Каффу из Судака перемещается центр всей черноморской торговли. Город достигнув своего расцвета, стал одним из крупнейших городов не только в Причерноморье, но и во всей Восточной Европе.

В средневековых портовых акваториях этих двух городов, а также в шельфовой зоне близлежащих многочисленных бухт Юго-Восточного Крыма, на морском дне имеется богатый археологический материал. Эта часть побережья Крыма имеет богатую историю подводных исследований. Первые подводные археологические раскопки были проведены ещё в 1905 г. в Феодосийской бухте под руководством Л.П. Колли. С появлением легководолазной техники подводно-археологические исследования были подняты на новый уровень, и во многом, благодаря работами ученого-антиковеда В.Д. Блаватского. Периодические археологические разведки и исследования этой части акватории Крыма проводились, начиная с конца 50-х годов XX столетия. С начала 80-х годов подводные археологические исследования приобрели регулярный характер, начинают плодотворно работать различные подводные археологические экспедиции, в том числе в акватории Юго-Восточного Крыма.

Проводимые подводные исследования пополняют базу археологических находок, а также являются важным источником для изучения международных торговых связей в Черноморском и Средиземноморском бассейнах эпохи средневековья. Следует учитывать, что торговля имела первостепенное значение в жизни прибрежных городов и поселений. Анализ торговых связей, в том числе и морских, является одним из факторов, позволяющих оценить социально-экономическое состояние общества того времени.

Основным индикатором морской торговли, на археологическом уровне служит распространение керамического материала используемого в качестве тары, либо непосредственно выступавшего товаром [Зеленко С.М., Тимошенко М.Э., 2011, с. 121]. Необходимым условием для понимания торговых контактов на основе археологических данных является выделение местной и импортной тары. Интенсивное развитие подводной археологии в последние десятилетия, в том числе на Черном море, позволяет ежегодно получать и вводить в научный оборот новую информацию о различных группах амфор, тем самым, расширяя наши знания.

Невозможно представить себе историю Причерноморья в период XIII – XV вв. без итальянского купечества. После Четвертого крестового похода судьба народов, населявших эти территории, тесно переплелась с предпринимательской деятельностью генуэзцев и венецианцев. Итальянский фактор играл важную роль в жизни портовых городов. Проникнув в Черное море, купцы итальянских морских республик Венеции, Генуи и Пизы на протяжении всего периода своего присутствия в регионе боролись между собой за доминирующую роль. Именно благодаря их торгово-предпринимательской деятельности черноморская торговля была выведена из состояния региональ-

ной замкнутости и пришла в согласование с мировыми торговыми коммуникациями.

Одним из самых интересных памятников подводной археологии является средневековое кораблекрушение XIII в. в западной части Судакской бухты возле поселка Новый Свет. Письменные итальянские источники и археологический материал дают основание предположить, что на дне бухты найдены остатки торговой галеры из г. Пиза. Известно сообщение документа из генуэзского архива, в котором описывается гибель пизанского судна в результате морского сражения с генуэзским кораблем, которое произошло 14 августа 1277 г. [Зеленко С.М., 2008, с. 143]

Начиная с 1999 года проводятся ежегодные подводные археологические исследования данного кораблекрушения. Было найдено большое количество археологического материала – амфор, кухонной и столовой посуды, изделий из дерева и металла. Среди керамического материала особо выделяется комплекс поливной посуды. Большинство таких сосудов разных форм, покрытых желтой, коричневой и зеленой поливой поверх белого ангоба, украшено концентрическими кругами и центральной спиралью. Поливная керамика, найденная на месте кораблекрушения, демонстрирует большое разнообразие посуды различного происхождения, включая хорошо известные археологические группы и типы, происходящие из обширной территории от Италии до Леванта, включая Византийский мир и Крым [Зеленко С.М., Тесленко И.Б., Ваксман С.Й., 2012, с. 129].

Путь судна прослеживается по аналогиям керамическому материалу в регионах Средиземноморья и Адриатики. Определены, в частности некоторые из центров производства поливной керамики: регион Константинополя (Green and Brown Ware), Фессалоника (Slip-painted Ware), Венецианские мастерские (Roulette), Савонна (Polychrome Sgraffito Ware). Особый интерес вызывает немногочисленная, но весьма яркая группа керамики восточного происхождения. В ее числе комплекс поливной керамики «сельджукского типа», кашинная керамика, кухонная керамика бейрутского производства, сферокопнические сосуды.

Кораблекрушения в целом предоставляют редкую возможность лучше понять морские пути перемещения поливной посуды, которая хорошо фиксируется при наземных раскопках, но слабо отражена в других источниках.

Среди редких керамических находок, обнаруженных при раскопках Новосветовского кораблекрушения, в 2007 г. была встречена крупная амфора неизвестного типа. По итогам изучения археологических материалов и литературы можно сделать вывод, что найдена редкая и неизвестная для Причерноморья амфора из Испании, из региона Валенсии. Как эта амфора там ока-

залась и кому принадлежала – установить невозможно. Этот сосуд, скорее всего, не был товаром, возможно, он был чьим-то личным имуществом, привезенным вместе с другими редкими вещами, членом экипажа или пассажиром мусульманского происхождения [Морозова Я.И., Зеленко С.М., 2012, с. 84].

Похожая находка была сделана в Феодосии в 2014 г. при обследовании участка акватории в предполагаемом районе порта средневековой Каффы. Находку идентифицировали как пифоидный сосуд XIV в., который также имеет испанское происхождение. Судно с аналогичными сосудами было обнаружено под Барселоной (Испания) и подробно исследовано в 90-е гг. XX в. Данный факт еще раз показывает значительную роль Каффы в мировой торговле в эпоху средневековья.

Большая часть ландшафта вышеуказанной акватории Феодосии, как подводного, так и наземного, была изменена в конце XIX века, при строительстве современного порта. Но, в районе Доковой башни, в предполагаемом районе средневекового порта на морском дне все-же имеются перспективные для исследований места, содержащие археологический материал.

Библиография:

ЗЕЛЕНКО С.М. Подводная археология Крыма. – Киев, 2008

ЗЕЛЕНКО С.М., ТЕСЛЕНКО И.Б, ВАКСМАН С.Й. Несколько групп поливной посуды с кораблекрушения конца XIII в. вблизи Судака (Крым). // 1000 років візантійської торгівлі (V-XV століття). Збірка наукових праць. – К., 2012

ЗЕЛЕНКО С.М., ТИМОШЕНКО М.Э., Торговые отношения между Анатолийским регионом и Таврикой в позднесредневековый период. // Археологія и Давня історія України. – К. 2011, Вып. 6

МОРОЗОВА Я.И., ЗЕЛЕНКО С.М. Средневековая испанская амфора с кораблекрушения в Черном море. // 1000 років візантійської торгівлі (V-XV століття). Збірка наукових праць. – К., 2012

**ИНИЦИАТИВА КНР «ПОЯС И ПУТЬ»:
ПЕРСПЕКТИВЫ И ВЫГОДЫ ДЛЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Dinh Le Hong Giang

**China's Belt & Road Initiative:
Perspectives and Benefits for Russian Federation**

В 2013 г. председатель КНР Си Цзиньпин представил внешнему миру инициативу «Пояс и Путь» (далее – ИПП), цель которой объединяет более 60 стран евразийского континента в одном мегапроекте – советное строительство и развитие инфраструктуры, транспортной системы, логистики как большой международный имидж для экономического сотрудничества, укрепить политические связи и усилить обмены между народами стран вдоль пути. Китайская инициатива включает в себя два трека: Экономический пояс Шёлкового пути (ЭПШП) и Морской шёлковый путь XXI века (МШП-21) [3]. Российская сторона больше интересуется сухопутным путём проекта – ЭПШП.

Согласно с официальным документом КНР «Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию Экономического пояса Шёлкового пути и Морского шелкового пути XXI века», одним из основных маршрутов ЭПШП является дорога из Китая через Центральную Азию, Россию до Европы/ до Балтийского моря. Два из шести экономических коридоров в рамках ИПП пересекают с территорией России: Новый евразийский континентальный мост и Экономический коридор Китай-Монголия-Россия. Первый – это международная железнодорожная транспортная магистраль из китайского порта Ляньюньган в голландскому порту Роттердама, которая соединяет более 30 городов и районов Евразии. А второй – будет ориентировать на совместное инфраструктурное строительство (железных дорог, автомагистралей), цель которого способствовать упрощению таможенных процедур и транспортировок, увеличить контакты и обмены между городами трёх стран Китая, Монголии и России [3].

Вопрос: какие возможности сотрудничества или вызовы для участия России в реализации мега-проекта возвышающегося Китая? В российском научном обществе были ряд дискуссий, посвящённые с этой темой, однако, до

сих пор отсутствует консенсус по поводу китайской инициативы. Автор использует SWOT-анализ – метод, который позволяет получить комплексной оценки этой проблемы через рассматривать сильные и слабые стороны, также факторы внутренней и внешней среды, оказывающие на взаимодействие страны в рамках ИПП.

Результат SWOT-анализ

<i>Преимущества (Strengths)</i>	<i>Невыгодные положения (Weaknesses)</i>
• Близость политического сотрудничества (регулярные встречи на высшем и высоком уровне, совпадение принципиального подхода к решению международных проблем, т.д.); • Китай – экономическая супердержава с крупнейшим рынком и динамичным темпом роста ВВП. Сотрудничество с такой мощной экономикой даёт России большие возможности как диверсификация внешней торговли, привлечение прямых иностранных инвестиций, увеличение объёма товарооборота и т.д.; • Огромной финансовый потенциал (Фонд Шёлкового пути, Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, Новый банк развития БРИКС, Банк развития ШОС, Фонд экономического сотрудничества Китай-Евразия); • Большой опыт КНР в строительстве инфраструктуры и транспортной системы;	• Нестабильность экономики России из-за сложной политической ситуации с Западом после украинских событий 2012 г.; • Политика ЕАЭС, приоритетом которой является внутренний рынок, именно FIRST - усиление сотрудничества между странами-участниками союза; • Неразвитая инфраструктура и логистика Сибири и Дальнего Востока (скорости грузовых перевозок низки, разница в стандартах ширины железнодорожной колеи России и мира); • Присутствуют противоречия между сторонами в реализации проектов. Например: Китай, прежде всего, интересуется в расширении доступа к природным ресурсам, а Россия ориентируется в развитии производства с высокой добавленной стоимостью [2];
<i>Возможности (Opportunities)</i>	<i>Угрозы (Threats)</i>
• Интеграция транспортной сети Евразии, т.е. Россия играет роль геоэкономического моста между Европой и Азией, получает выгоды от	• Снижение уверенности из-за требования китайской стороны в использование своих мигрантов в проектах инвестиций или возможной

транзит перегрузов товаров; • Обеспечить доступ к растущим рынкам стран региона; • Радикальная модернизация инфраструктуры восточной части страны; • Привлекать инвестиции из стран Восточной Азии; • Реализация программ социально-экономического развития Сибири и Дальнего Востока; • Участие в производстве региональной цепочки добавленной стоимости; • Возможность построение новой международной структуры в регионе без вмешательства США и их союзников;	«ловушки» долгов); • Конкуренция за влияние в Центральной Азии (геополитический аспект) между Россией и Китаем. Москва за последние десятилетие ослабила свою позицию в постсоветском пространстве. В тем времени, экономические и политические связи Пекина с странами региона непрерывно возрастает; • Зависимость в Китае из-за отсутствия диверсификации российской политики «поворота в Восток» или с времени придёт следовать проникновение китайских стандартов;
--	---

В Концепции внешней политики РФ подтверждает, что приоритетом Кремля является наращивать привилегированное и всеобъемлющее стратегическое партнерство с Пекином [1]. Это важно для России чтобы использовать китайской экономической потенциал в интересах собственного развития. В мае 2015 г. Российская Федерация и Китайская Народная Республика подписали «Совместное заявление о сопряжении ЕАЭС и ЭПШП» [4]. Это идея сразу стала приоритетным направлением в отношениях между двумя странами.

В рамках сотрудничества реализации мегапроекта ИПП обе стороны подписали ряд документов соглашений, которые затрагивают энергетическую, транспортную, таможенную, образовательную, гуманитарную и другие сферы [5]. Руководители страны регулярно взаимодействуют в богатых политических координациях, в том числе: Форум «Азия-Европа» (АСЕМ), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС), Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА), Центрально-азиатское региональное экономическое сотрудничество (ЦАРЭС) и т.д. Платформы для взаимодействия: Боаоский азиатский форум, ЭКСПО «Китай-Евразия», Евразийский экономический форум, Китайская международная инвестиционно-торговая ярмарка, ЭКСПО «Китай-Россия».

Сопряжение ЕАЭС с ИПП отвечает национальным интересам России, оно даёт России возможность интеграции торговли Дальнего Востока с рынками АТР и обеспечить свое традиционное влияние в регионе Центральной Азии, играть важную как центр интеграции интеграций в пространстве Евразийского континента. Итоги SWOT-анализ показывают большие возможности для России участвовать в китайском мегапроекте, так же и возможные вызовы в этом процессе. Важно для России и Китая следовать принципу ИПП «совместное обсуждение, совместное создание и совместное использование» [3], чтобы снизить последствия угрозы и противоречия между странами, с помощью этого эффективно наращивать свое всеобъемлющее стратегическое партнерство как основой для усиления сотрудничества в регионе.

Библиография:

Концепция внешней политики РФ 2016 г. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (дата обращения: 09.02.2019)

Макаров И., Соколова А. Сопряжение евразийской интеграции и Экономического пояса Шелкового пути: возможности для России // Вестник международных организаций. Т. 11. № 2 (2016). URL: <https://iorj.hse.ru/data/2016/07/01/1115769128/Макаров%20И.А..pdf>

Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию Экономического пояса Шёлкового пути и Морского шелкового пути XXI века. URL: <https://rus.yidaiyilu.gov.cn/document/issue/36756.htm> (дата обращения: 09.02.2019)

Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути. URL: <http://kremlin.ru/supplement/4971> (дата обращения: 10.02.2019)

Цинь Ю., Чжоу Г., Ло В. Один пояс и один путь: комментарии. М., 2017. – 279 с.

**ГОНЧАРНЫЕ КУВШИНЫ РИМСКОГО ВРЕМЕНИ
С БИКОНИЧЕСКИМ ТУЛОВОМ НА ВЫСОКОМ ПОДДОНЕ:
К ВОПРОСУ О ВРЕМЕНИ И МЕСТЕ ПРОИЗВОДСТВА**

V. Doroshko

**Pottery Jugs with a Biconical Body on a High Bottom:
to the Question of Time and Place of Production**

Во время раскопок северопричерноморских памятников в слоях II – III вв. нередко встречаются фрагменты гончарных кувшинов с биконическим туловом на высокой ножке. На сегодняшний день нет специальных работ, в которых бы разрабатывались их типология и хронология, однако для этого уже накоплен значительный материал. В ряде публикаций авторы дают свою точку зрения о времени производства и обзор аналогий [Пуздровский 2007: 186; Гущина, Журавлев 2016: 19; Opaïț, Ionescu 2016: 65, 66; Дорошко 2018: 85]. А. Опайт определяет их как столовые кувшины (table pitcher) [Opaïț 2003: 215]. Лишь предварительно можно судить о том, что время их бытования относится к II – III вв.

Один из первых известных кувшинов этого типа происходит из раскопок Мирмекия. В.Ф. Гайдукевич связывал находку с изделиями боспорского производства (Гайдукевич 1952: 168, 169, рис. 61). Однако на сегодняшний день распределение находок показывает обратную картину (рис. 1, 2). Чаще всего эти кувшины встречаются в комплексах II - III вв. Западного Причерноморья, где и следует локализовать их производство [Iconomu 1968: 250, fig. 10; Scorpan 1968, fig. 14b; Radulescu 1975: 346, pl. XI, 2; Mănucu-Adameșteanu 1984: 32 – 33, pl. III; Simion 1984: 87. pl. XII.6; Suceveanu 2000: 158 - 159, Pls. 75 – 76, 77; Paraschiv 2004: 145, pl. III, 9; Baumann 2009, pl. IV; Văjnenaru 2013: 70 – 71, № 106 – 108; Opaïț, Ionescu 2016: 65, 66]. Несколько экземпляров происходят из Северо-Западного Причерноморья [Бураков 1976: 101 – 103, табл. X; Гороховский, Зубар, Гаврилюк 1985: 29, 30, рис. 5]. Чуть больше их в регионе Юго-Западного Крыма [Кадеев, Сорочан 1989: 85, рис. 37, 6; Пуздровский 2007, рис. 160, 3,4; Пуздровский, Соломоненко 2007: 209, рис. 3, 1,2;

Стржелецкий и др. 2005: 115, табл. 37,6, 42,16, 43,16, 58,17; Гущина, Журавлев 2016: 19; Гущина, Журавлев 2016а, табл. 143, 14; Дорошко 2018: 85, рис. 4]. Самые восточные находки происходят с территории европейского Боспора. Это уже упомянутый кувшин из Мирмекия [Гайдукевич 1952: 168, 169, рис. 61] и верхняя часть из Пантикапея [Голофаст 2013: 219, рис. 11, 7].

Один из наиболее ранних полностью сохранившихся экземпляров найден в херсонесском комплексе второй четверти II в. [Дорошко 2018: 85, рис. 4] (рис. 1, 1). Тулово кувшина имеет биконическую форму с одутловатыми стенками. Нижняя часть представляет собой высокий поддон усеченно-конической формы. Горло кувшина наклонено вперед, имеет цилиндрическую форму, слегка расширяющуюся кверху. Округлый венчик отделен от горловины глубоким подрезом. Ручка широкая, до 5 см, с углублением по всей наружной части. В центральных частях горла и плечиков - широкие полосы белой с оливковым оттенком краски. Тесто коричневатое с оранжевым оттенком, содержит белые и темно-коричневые частицы песка, а также редкие включения авгита. В этом же комплексе сохранилась верхняя часть ещё одного совершенно схожего кувшина.

Фрагменты подобных кувшинов со светлыми полосами найдены в слое первой половины – середины II в. во время исследований на высоте Виноградная. Возможно, ранняя форма этих кувшинов часто украшалась светлыми горизонтальными полосами по плечикам и горлу.

В быту херсонеситов это был распространенный вид тары, о чем можно судить по многочисленным фрагментам, найденным в цистерне помещения 35-Д т.н. херсонесской «казармы» [Дьячков, Золотарев 1994: 28; Дьячков, Золотарев 1994а, рис. 46, 2, 11 – 14, 16, 17]. Засыпь цистерны в значительной степени содержит материал первой половины – середины II в., включая шесть археологически целых амфор [Дьячков, Золотарев 1994: 25 – 32]. В незначительном количестве присутствует материал III в. Подобную картину мы наблюдаем при изучении слоя II – начала III вв. на высоте Суздальской.

Кувшины с биконическим туловом на высокой ножке, по всей видимости, были удобной и вместительной тарой в быту. Возможно, ещё одним достоинством этих кувшинов была термоустойчивая глина, о чем можно судить по находке трех высоких доньев из раскопок Усть-Альминского городища в 1955 г. (инв. №№ ИКАМ 36896/30, ИКАМ 36896/33). Оставшиеся стенки кувшинов были оббиты, а копотью покрыты сколы и наружные стороны, что указывает на их использование в качестве тиглей.

Подводя итог краткому обзору, отметим важность публикации всех, ещё не введенных в научный оборот находок. Вместе с уже известными они и по-

звоят выстроить типологию и периодизацию производства этой группы столовых кувшинов.

Библиография:

БУРАКОВ А.В. Козырьское городище рубежа и первых столетий н.э. – К., 1976.

ГАЙДУКЕВИЧ В.Ф. Раскопки Мирмекия в 1935 – 1938 гг. // МИА. 1952. № 25. С. 135–220.

ГОРОХОВСЬКИЙ Е.Л., ЗУБАР В.М., ГАВРИЛЮК Н.О. Про пізню дату деяких античних городищ Ольвійської пори // Археологія. 1985. № 49. С. 25–40.

ГУЩИНА И.И., ЖУРАВЛЕВ Д.В. Некрополь римского времени Бельбек IV в Юго-Западном Крыму. В 2 ч. Ч. 1. М., 2016.

ГУЩИНА И.И., ЖУРАВЛЕВ Д.В. Некрополь римского времени Бельбек IV в Юго-Западном Крыму. В 2 ч. Ч. 2. М., 2016а.

ГОЛОФАСТ Л.А. Простая гончарная керамика из раскопок зольника римского времени у подножия горы Митридат в Керчи // БИ. 2013. Вып. XXVIII. С. 211–241.

ДОРОШКО В.В. Керамический комплекс II в. из раскопок IX квартала Херсонеса Таврического // Археология античного и средневекового города: сборник статей в честь Станислава Григорьевича Рыжова. – Севастополь; Калининград, 2018. С. 84–90.

ДЬЯЧКОВ С.В., ЗОЛОТАРЕВ М.И. Отчет о раскопках в портовом районе Херсонеса (т.н. «казарма») в 1994 г. // НА ГМЗХТ. 1994. Ф. 1. Д. 3226.

ДЬЯЧКОВ С.В., ЗОЛОТАРЕВ М.И. Альбом иллюстраций к отчету о раскопках т.н. «казармы» в 1994 г. // НА ГМЗХТ. 1994а. Ф. 1. Д. 3227.

КАДЕЕВ В.И., СОРОЧАН С.Б. Экономические связи античных городов Северного Причерноморья (на материалах Херсонеса). – Харьков, 1989.

ПУЗДРОВСКИЙ А.Е. Крымская Скифия II в. до н.э. - III в. н.э. Погребальные памятники. – Симферополь, 2007.

ПУЗДРОВСКИЙ А.Е., СОЛОМОНЕНКО А.Е. Грунтовый склеп 1 – 2 вв. н.э. с предметами из дерева из Усть-Альминского некрополя // Древняя Таврика. – Симферополь, 2007. С. 207–228.

СТРЖЕЛЕЦКИЙ С.Ф., ВЫСОТСКАЯ Т.Н., РЫЖОВА Л.А., ЖЕСТКОВА Г.И. Население округа Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз № 10») // Stratum plus. – 2005. № 4. С. 27–277.

BĂJENARU C. *Contextes ceramiques de Tomis. (I). Un ensemble de le fin du IIe – debut du IIIe s. ap. J.-C. // Pontica. – 2013. XLVI. P. 41–110.*

BAUMANN V. Producerea ceramicii locale la Dunarii in secolele I – IV P. Chr. // Tulcea. – 2009. Peuce VII. P. 193–216.

ICONOMU G. Cercetari archeologice la Mangalia si Neptun // Pontica. – 1968. I. P. 235–268.

MĂNUCU-ADAMEȘTEANU M. Necropola daco-romană de la Enisala, comuna Sarichioi, jud. Tulcea // Peuce. – 1984. IX. S. 31–39.

OPAIȚ A. 'Table' Amphora Versus 'Table' Pitcher in Roman Dobrudja // RCRF. – 2003. Acta 38. P. 215–218.

OPAIȚ A., IONESCU M. Contributions to the economic life of the city of Callatis in light of new ceramic finds (2nd – 6th centuries AD) // Arheologia Moldovei. – 2016. XXXI. P. 57–112.

PARASCHIV D. Noi descoperiri archeologice de epoca romana la macin // Tulcea. – 2004. Peuce XV. P. 143–152.

RADULESCU A. Contributii la cunoasteria ceramicii romane de uz comun, din Dobrogea // Pontica. – 1975. VIII. P. 331–360.

SIMION G. Descoperiri noi in necropola de la Noviodunum. Report preliminar // Peuce. – 1984. IX. P. 75–96.

SCORPAN C. Contributii archeologice la problemele etnice ale Dobrogei antice // Pontica. – 1968. I. P. 341–378.

SUCEVEANU A. *La céramique romaine des Ier–IIIe siècles ap. J.-C. // Histria. – Bucurest, 2000. X.*

**СКОВОРОДЫ С РИФЛЕННЫМИ РУЧКАМИ РИМСКОГО ВРЕМЕНИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО
И ЕГО ОКРУГИ)**

O. Doroshko

**Pans with Ribbed Roman Time Handles
(on the Materials from the Excavations of Tauric Chersonesos
and its Districts)**

Среди разнообразного керамического материала Херсонеса римского времени наше внимание привлекла группа сковород с рифленой ручкой.

Это сковороды с отогнутыми прямыми стенками, с внутренней стороны в месте перехода от дна к стенке имеется углубление. Ручка ребристая, имеет спиралевидный профиль, край ручки расширен. В центре ручки – сквозное отверстие, которое, как считают многие исследователи, использовалось в качестве втулки для крепления деревянной ручки [Гайдукевич 1952: 169; Кадеев 1970: 86; Gennaro, Pennisi 2013: 296]. Однако И.Б. Зеест справедливо отметила, что у многих ручек отверстие слишком мало для того, чтобы вставлять в него деревянный стержень, при этом сами ручки достаточно массивны и длинны для самостоятельного выполнения функции ручек [Зеест 1957: 149]. С внутренней стороны сковорода покрыта ангобом красного оттенка; наружная сторона, верхний край внутренней стороны и ручка, то есть места термического воздействия, покрыты ангобом коричневого цвета. Тесто рыхлое, с включением большого количества кварцевого песка размером до 2 мм, иногда – железистых частиц и очень мелких блесков слюды. Фрагмент такой сковороды впервые был опубликован Г.Д. Беловым из засыпи винодельни римского времени в квартале XVIII Херсонеса [Белов, Стржелецкий, Якобсон 1953: 186]. Позднее об этих сковородах писал В.И. Кадеев, отнеся к этой группе фрагменты больших сосудов с расходящимися толстыми стенками и закругленным краем [Кадеев 1970: 86, рис. 7, 4].

Такие сковороды известны из раскопок других памятников Северного Причерноморья: Ольвии [Крапивина 1993: 103, рис. 36, 10, 11, 16], Пантика-

пея [Зеест 1957: 149, рис. 4, 1; Голофаст 2013, рис. 5, 1-4; рис. 14, 1-2] и Мирмекия [Гайдукевич 1952: 169, рис. 62].

В целом, зона распространения этих сковород охватывает все причерноморское, средиземноморское и адриатическое побережье (рис. 1) [Firat 2014: 26; Vapur 2011: 166; Gennaro, Pennisi 2013: 296; Reynolds, Waksman, 2007, fig. 8; Hayes 2000: 292, fig. 18, 4; Dupont, Lungu 2017, fig. 6; Reynolds, Hernandez, Çondi 2008, fig. 7, 18; Korkut, Ercan, 2008: 98, Fig. 5; Giovanni 1996, fig. 7, 1, 2].

Интересны находки данных сковород среди керамического материала затонувших кораблей, найденных у берегов Хорватии [Parica 2008: 89, Т. 5,2; Taras 2014: 210-211, s. 29], причем на некоторых кораблях найдены десятки экземпляров [Parica 2008: 89].

Самая ранняя из датированных форм была обнаружена в Помпеях [Giovanni, Gasperetti 1993: 277-278, Fig. 18]. По раскопкам Бейрута сковороды датируются началом II в. [Reynolds, Waksman 2007: 69], по материалам Бутринта – концом I – началом II в. [Reynolds, Hernandez, Çondi 2008: 78]. О. Озийит датировал формы этих сковород с третьей четверти I по первую четверть II в. [Özyigit 1990: 138, Ç. 9]. М. Фират, проанализировав распространение этой формы сковород, отметил, что пик их производства приходится на II в., хотя эта форма бытовала вплоть до IV в. [Firat 2014: 28].

Такие сковороды ранее относили к группе эгейской кухонной посуды [Istenič, Schneider 2000]. Дж. Хейс предположил их производство в Эгине [Hayes 1983: 107]. В 1989 г. несколько таких сковород было обнаружено среди отходов керамической мастерской Фокеи [Özyigit 1990: 137-138]. В настоящее время Фокея считается наиболее вероятным местом производства этих сковород [Hayes 2000: 292; Reynolds, Waksman 2007: 69]. О. Вapur считает, что их могли также производить в керамических мастерских Магнезии [Vapur 2011: 165-166].

Экспорт этого типа сковороды из одного района может быть объяснен спецификой глины, которая подходит для изготовления термоустойчивой кухонной посуды [Gennaro, Pennisi 2013: 296].

В фондах Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический» удалось обнаружить всего две археологически целые сковороды с рифлеными ручками и шесть ручек – отдельно. Одна целая форма происходит из раскопок цистерны римского времени помещения 22 квартала ХСVII (экспедиция С.В. Ушакова)¹ (инв. № ИКАМ 37665/85), другая – из раскопок «казармы» Портового района (экспедиция

¹ В настоящее время материал готовится к публикации. Предварительно комплекс датируется серединой - третьей четвертью I в.

М.И. Золотарева)¹ (инв. № ИКАМ 37274/14) (рис. 2). В отверстие одной ручки (инв. № ИКАМ 36927/287) вставлен железный штырь; вероятно, это результат ремонта. Несмотря на малочисленность этой коллекции, все же она позволяет уточнить некоторые аспекты бытования сковород с рифлеными ручками.

На дне двух целых сковород с внутренней стороны сохранился орнамент, выполненный лощением. Такой же орнамент есть и на сковородах из Ольвии [Книпович 1940, рис. 95]. Дно с наружной стороны шероховатое, что свидетельствует об изготовлении сковород на песке.

Еще два фрагмента принадлежат сковородам с отогнутыми стенками, у которых ручка не сохранилась. Один из них (инв. № ИКАМ 35896/34) происходит из раскопок Г.Д. Белова в засыпи помещения, в основном, содержащей материал II в. Еще один фрагмент (инв. № ИКАМ 37054/58) происходит из раскопок усадьбы 32, засыпь которой датируется II – III вв. [Нессель, 2003]. Цвет глины, видимые включения, цвет ангоба идентичны сковородам с рифлеными ручками.

В Херсонесе и его округе такие сковороды бытовали относительно короткий период – с середины / третьей четверти I по середину II в. н.э.

Библиография:

Белов Г. Д., Стржелецкий С. Ф., Якобсон А.Л. Квартал XVIII (раскопки 1941, 1947 и 1948 гг.) // Материалы и исследования по археологии СССР. – 1953. № 34. С. 160-230.

Гайдукевич В.Ф. Раскопки Мирмекия в 1935 – 1938 гг. // Материалы и исследования по археологии СССР. – 1952. № 25. С. 135-220.

Голофаст Л.А. Простая гончарная керамика из раскопок зольника римского времени у подножия горы Митридат в Керчи // Боспорские исследования. – 2013 Вып. XVIII. С. 211-241.

Зеест И.Б. Пантикапейская керамика сарматского времени (по материалам раскопок Пантикапея 1945 – 49 гг.) // Материалы и исследования по археологии СССР. – 1957. № 56. С. 139-159.

Кадеев В.И. Очерки истории экономики Херсонеса Таврического I – IV вв. н.э. – Харьков, 1970.

Книпович Т.Н. Местная керамика с раскопа «И» // Ольвия. – Киев, 1940. Т. I. С. 129-170.

Крапивина В.В. Ольвия. Материальная культура I – IV вв. н.э. – К., 1993.

¹ В настоящее время материал не опубликован.

Нессель В.А. Керамический комплекс первых веков н.э. из усадьбы на хоре Херсонеса // Ученые записки Таврического национального университета. Том 16 (55). №1 История. – Симферополь, 2003. С. 3-13.

Dupont P., Lungu V. Mytilene. Miscellanea culinaria: Unorthodox chytra, tagenon & brazier // Pontica. – 2017. P. 181-192.

Firat M. Phokaia'da Seramik Çöplüğü ve Atölye Alanlarında Bulunan Roma Dönemi Seramikleri: Tava Formu // MAKÜ Sosyal Bilimler Enstitü Dergisi. – 2014. Vol. 10. P. 21-36.

Gennaro A., Pennisi G. Epí ton teganon: Frying Pans from Garrison's Camp // SOMA 2012. Identity and Connectivity. Proceedings of the 16th Symposium on Mediterranean Archaeology, Florence, Italy, 1–3 March 2012. – 2013. P. 295-302.

Giovanni V. Produzione e consumo di ceramica da cucina nella Campania romana (II a.C.–II d.C.) // Les céramique communes de Campanie et de Narbonnaise (Ier av. J.-C. – IIe s. ap. J.-C.). La vaisselle de cuisine et de table. Actes des Journées d'étude organisées par le Centre Jean Bérard et la Soprintendenza Archeologica per le Province di Napoli e Caserta (Naples, 27-28 mai 1994). – Naples, 1996. P. 65-103.

Giovanni V., Gasperetti G. Materiali per l'elaborazione di una tipologia della ceramica comune di Pompei // S.F.E.C.A.G. Actes du Congrès de Versailles. – 1993. P.267-280.

Hayes J. W. The Villa Dionysos Excavations, Knossos: The Pottery // The Annual of the British School at Athens. – 1983. Vol. 78. P. 97-169.

Hayes J. W. From Rome to Beirut and Beyond: Asia Minor and Eastern Mediterranean Trade Connections // *Rei Cretariae Romanae Fautorum*. – 2000. Vol. 36. P. 285-297.

Hilgers W. Lateinische Gefäßnamen. Bezeichnungen, Funktion und Form römischer Gefäße nach den antiken Schriftquellen. – Düsseldorf, 1969.

Istenič J., Schneider G. Aegean Cooking Ware in The Eastern Adriatic // *Acta Rei Cretariae Romanae Fautorum*. – 2000. Vol. 36. P. 341-348.

Korkut T., Ercan B. Roman Meals and Cooking Ware in Lycia: An Experimental Practice in Archeology // *Akdeniz - Sanat Dergisi*. – 2008. Vol. 1. P. 95-107.

Özyigit Ö. 1989 Yılı Phokaia Kazı Çalışmaları // *Kazı sonuçları toplantısı*. – 1990. XII. Cilt I. S. 127-154.

Parica M. Istočnomediteranska keramika iz antičke luke u Pakoštanima // *Prilozi Instituta za arheologiju u Zagrebu*. – 2008. Vol. 25. S. 81-96.

Reynolds P., Hernandez D., Çondi D. Excavations in the Roman Forum of Buthrotum (Butrint): First to Third Century Pottery Assemblages and Trade // *Rei Cretariae Romanae*. – 2008. Acta 40. P. 71-88.

Reynolds P., Waksman Y. Beirut cooking wares, 2nd to 7th centuries: local forms and north Palestinian imports // *Berytus*. – 2007. Vol. 50. P. 59-81.

Sparkes B. A. The Greek Kitchen // *Journal of Hellenic Studies*. – 1962. Vol. LXXXII. P. 120-137.

Taras D. Gruba egejska keramika iz slojeva antičke luke u Zatonu // *Diadora : glasilo Arheološkog muzeja u Zadru*. – 2014. Vol. 28. S. 191-218.

Vapur Ö. Menderes Magnesiası Theatron Kazısı Seramik Buluntuları // *Anatolia* . – 2011. Vol. 37. P. 143-193.

Дюженко Т.В.,

Букатов А.А.

**ГРАФФИТИ И ДИПИНТИ НА СРЕДНЕВЕКОВЫХ АМФОРАХ
И ПОЛИВНОЙ ПОСУДЕ ИЗ ПОДВОДНЫХ РАЗВЕДОК
В КАРАНТИННОЙ БУХТЕ**

T. Dyuzhenko,

A.Bukatov

**Graffiti and Dipinti on Medieval Amphores and Glazed Ware
from Underwater Exploration in Quarantine Bay**

Основная задача данной публикации – введение в научный оборот нескольких редких артефактов из подводных разведок 2013-2018 гг. в Карантинной бухте (в районе предполагаемого порта древнего Херсонеса). В основном находки представлены фрагментами амфорной тары и поливной посуды X-XIII вв. с граффити и дипинти. Анализ такого рода источников даёт дополнительную информацию для изучения массового археологического материала и древних морских торговых путей.

С участка акватории у 28 куртины оборонительной линии Херсонеса в 2014 г. было поднято светлоглиняное поливное блюдо на высоком поддоне, к сожалению, плохо сохранившемся (рис. 1.1a, 1.1b). Блюдо покрыто жёлтой поливой, без использования ангоба, по краю украшено коричневыми марганцевыми дугами. На внутренней поверхности нечёткое рельефное изображение всадника на лошади (анalogии: [А.Л. Якобсон 1979: 89-90, рис. 54,2; 55,1]). Блюдо относится к группе посуды Glazed White Ware II, производимой в Константинополе [GWW II, type 1 A by J.W. Hayes 1992: 22-24, 20, fig. 7,3]. По аналогиям, блюдо датируется X – нач. XI вв. На нижней стороне донца нанесено граффито в виде пентаграммы. Пентаграмма – один из наиболее распространённых древних магических символов, используемых как в античный, так и в средневековый период. Её изображение встречается на посуде, керамической таре и черепице [Пятышева Н.В., 1973, С.215-220].

Граффити могли нести не только смысловую нагрузку в виде торговой, хозяйственной метки, посвящения или магического знака, но и, вероятно, выполнять технологическую функцию.

В 2018 г. в Карантинной бухте в районе портовой части Херсонеса вблизи школы водолазов была найдена фрагментированная поливная тарелка (рис. 1.2а, 1.2б). По центру тарелка украшена в технике «сграффито» изображением в окружностях так называемого «палочного» креста, вокруг которого расположены три крыла, выполненные простыми линиями в виде штрихов и завитков; по вертикальному, чуть отогнутому краю проведены три концентрические окружности. Тёмно-жёлтая глазурь тонким слоем нанесена по белому ангобу. На нижней стороне тарелки по сырой глине прочерчены три радиальные полосы, возможно, выполняющие роль разметки, их расположение совпадает со следами от трипода (тарелки загружались в печь для обжига вверх дном). Тарелка относится к группе 1 посуды с погибшего корабля в бухте у посёлка Новый Свет вблизи Судака [Зеленко, Тесленко, Ваксман 2012: 130]. Стоит отметить, что это не единственная находка посуды группы «Новый Свет» из подводных разведок Херсонеса. К этому же типу принадлежит найденный в 2016 г. в Карантинной бухте поливной кубок, украшенный врезными концентрическими окружностями [Букатов, Дюженко 2017: 20]. Эта группа керамики была наиболее преобладающей среди поливной посуды на протяжении II половины XIII в. и, возможно, импортировалась с территории Трапезундской империи [Бочаров, Масловский 2012: 26]. Предположение о её никейском происхождении не подтвердилось [Зеленко, Тесленко, Ваксман 2012: 135].

Подобные аналогии среди находок посуды и амфорной тары из подводных исследований Херсонеса и Судака не редки и свидетельствуют о единых морских торговых маршрутах, связывающих эти портовые города в средневековый период.

В 2018 г. в районе предполагаемых эллингов в портовой части Херсонеса при шурфовке, с поверхности дна (глубина 3,2 м), был поднят фрагмент верхней части веретенообразной амфоры с высокоподнятыми ручками [Антонова, Даниленко, Ивашута, Кадеев, Романчук 1971: С. 93, рис. 24, тип XXIII; Романчук, Сазанов, Седикова 1995: 78-79, класс 48] XII-XIII вв. Керамическое тесто тускло-красное (розоватого оттенка) с множественными желтоватыми известковыми вкраплениями и лакунами от выгоревших органических примесей. Тулово амфоры было покрыто светлым ангобом (рис. 2.1а). У нижнего основания ручки прочерчено двузначное граффито, представляющее собой небольшую, достаточно чёткую надпись в виде двух армянских букв: «айб» и «вэв» (рис. 2.1б). Не смотря на особенности залегания находки, очевидно, что надпись была выполнена по сырой подсохшей глине (до обжига).

Особый интерес представляют найденные в 2013 г. в районе Карантинной бухты две однотипные грушевидные амфоры с воронкообразным венчиком. Амфоры фрагментированы, со значительными утратами, но по одной из них можно восстановить полный профиль (рис. 2.2а). Сосуды представляют собой позднюю переходную форму т. н. «воротничковых» амфор [Антонова, Даниленко, Ивашута, Кадеев, Романчук: 1971: 93, рис. 22, тип XXI; Романчук, Сазанов, Седикова 1995: 68-70, табл. 34, класс 43; Майко 2018: 137, тип 1, вариант 3]. Они отличаются более стройными пропорциями, качеством керамического теста, ручками высоко поднятыми над относительно небольшим воронкообразным венчиком. В комплексах Сугдеи подобные амфоры датируются с середины XI в. [Майко 2012: 73]. Верхняя граница точно не определена, вероятно, рубеж XII в. [Майко 2012: 73; Гинькут, Лебединский 2018: 151]. На дне одной из амфор поставлено небольшое клеймо - отпечаток в виде вдавленного круга. На горле другой амфоры сохранились надписи-дипинти, выполненные чёрной краской, в виде монограммы и надстрочного х-образного знака (рис. 2.2b, 2.2c). Это очень редкая находка не только для Херсонеса, но и других центров средневековой Таврики [Майко 2018: 146]. Подобные амфоры с метками-дипинти в основном встречаются при раскопках Константинополя и, по мнению исследователей, связаны со столичным контролем над ввозимыми товарами [Булгаков 2001: 157-158].

Отметим, что в последнее время роль подводной археологии существенно возросла. Подводные исследования открывают более широкие возможности в изучении археологических объектов и позволяют получать новую, порой уникальную информацию.

Библиография:

АНТОНОВА И.А., ДАНИЛЕНКО В.Н., ИВАШУТА Л.П., КАДЕЕВ В.И., РОМАНЧУК А.И. 1971. Средневековые амфоры Херсонеса// АДСВ. Вып. 7. 1971. С.81-101.

БОЧАРОВ С.Г., МАСЛОВСКИЙ А.Н. 2012. Византийская поливная керамика в городах Северного Причерноморья золотоордынского периода (вторая половина XIII – середина XIV вв.)//Поволжская археология. 2012. Вып. 1. С. 20-36.

БУКАТОВ А.А., ДЮЖЕНКО Т.В. 2017. Торговые связи Херсона в XIII – XIV вв. по материалам подводных археологических исследований// Исторические, культурные, межнациональные и религиозные связи Крыма с Си-

рией и государствами Ближнего Востока / Тезисы докладов на междун. науч. конф., Севастополь, 6–8 июня 2017 г. Москва, 2017. С. 20-21.

БУЛГАКОВ В.В. 2001. Метки-дипинто византийских амфор XI в.// Морська торгівля в Північному Причорномор'ї. Київ. 2001. С. 153-164.

ГИНЬКУТ Н.В., ЛЕБЕДИНСКИЙ В.В. 2018. «Воротничковые амфоры» типа Gunsenin II с затонувшего корабля близ Балаклавы византийского корабля// АДСВ. Вып. 46. С.151-165.

ЗЕЛЕНКО С.М., ТЕСЛЕНКО И.Б., ВАКСМАН С.Й. 2012. Несколько групп поливной керамики с кораблекрушения конца XIII в. вблизи Судака (Крым) (Морфологическая типология и лабораторные анализы)//1000 років візантійської торгівлі (V-XV століття). Київ. 2012. С. 129-148.

МАЙКО В.В. 2018. Византийские амфоры Сугдеи середины X-XII вв. как исторический источник// АДСВ. Вып. 46. С.134-150.

МАЙКО В.В. Граффити на амфорах Юго-Восточного Крыма VIII- начала XI вв.// 1000 років візантійської торгівлі (V-XV століття). Київ. 2012. С.69-74.

РОМАНЧУК А.И., САЗАНОВ А.В., СЕДИКОВА Л.В. 1995. Амфоры из комплексов византийского Херсона. Екатеринбург.

ПЯТЫШЕВА Н.В. 1973. Изображение пентаграммы как датирующий признак некоторых памятников Херсонеса// АДСВ. Вып. 10. 1973. С.215-220.

ЯКОБСОН А.Л. 1979. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л.: Наука.

HAYES J.W. 1992. Excavations at Sarachane in Istanbul/ Vol. 2. The Pottery. Princeton, N.J.: Princeton University Press.

ВИЗАНТИЙСКИЕ НАДПИСИ КРЫМА, ФОРМУЛЫ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

A. Evdokimova

Byzantine Greek Inscriptions from Crymea, Formulas and Their Linguistic Features

А.Ю. Виноградов в своем обзоре формул¹, встречающихся в изданном им корпусе надписей Крыма предлагает анализ их бытования с эпиграфической точки зрения, разделяя их по жанрам надписей. Надо отметить, что некоторые из его правок предшественников базируются как раз на проведенном им анализе формул и в некоторых местах неоднозначны.

При анализе с лингвистической точки зрения можно выделить следующие особенности для данного региона:

1) Погребальных надписей с ядром существительным в этом корпусе значительно меньше, чем с глаголом (всего 5 случаев) и все из Херсонеса: *μνημεῖον*² (V 76, IV в., V 77, VI–VII вв., V 78, V–VI вв.), *μνῆμα* (дважды повторена в самой надписи — V 79, VI–VII вв.), *κοιν[τήριον?]* (V 86, XI–XII вв.). Для других регионов такое распределение нехарактерно. Так для Малой Азии наиболее популярны формулы с существительными *σωματοθήκη* или *θήκη σωμάτων*, для Салонник *τάφος*, для Афин *οἰκητήριον*, для Коринфа *κοιμητήριον* в разных вариантах написания и т.п. (см. Евдокимова) Отдельного внимания заслуживает написание этих слов в Крыму. В одной надписи V–VI вв. встречается написание через «ε» в заударном слоге: *[μν]εμῖον Λαζάρου* (V 78). Похожий вариант написания этого слова согласно РНІ7 найден в погребальной надписи из Нессаны 541 г. *μνεμῖον* [Nessana 112]. При этом остальные слова этой надписи сохраняют «η», т.е. нельзя говорить о последовательной замене у этого автора. По аналогии подобное написание однокоренных слов в заударном слоге *ὁ Κύριος, μνεμόν<ε>ι* (Рим, без даты, IChUR 9, 24611) и под ударением 4 раза на всем корпусе РНІ7. Все эти примеры из погребальных

¹ <http://iospe.kcl.ac.uk/corpora/byzantine/introduction-ru.html#IV-3-A->

² все примеры из надписей и указания на использованные формулы приведены в оригинальной орфографии

надписей с формулой ядра *ἐνθα κατάκειται* в описании адресата: *ὁ τῆς μακαρίας μνέμες* (Киликия, V–VI вв., ICil 58), *τῆς μα<κα>ρίης μνέμης* (Армения, Комана, без даты, AS 19:36, 8, 11) и синонимичному ему варианту из Сиракуз, в двух надписях без даты: *καλῆς μνέμης* [RPARA 22.236,40, Agnello 42] и *καλῆς μνέμες* [Straz 308). Аналогов написанию *κοιν[τήριον?]* во всем корпусе РНІ7 не представлено.

2) При анализе глагольных формул в погребальных надписях были выявлены следующие закономерности для Крыма, по корпусу Виноградова. Чаще всего встречается формула *ἐκοιμήθη* + Им.п. с датой или без, около 50 случаев в различных вариациях написания. Их них в 3 надписях автором корпуса заменена формула *ἐνθάδε κατάκειται*, представленная в предыдущем издании, у Латышева (X в., XIII–XIV вв. и XV в.). 7 надписей с формулой *ἐνθάδε κατάκειται*, вариант написания *κατάκντε* не представлен в РНІ 7 кроме других изданий той же надписи (Sbornik 100, CIRB 1051a). 6 надписей с глаголом *ἐτελεύτησεν*. Рассмотрим на примере глагола *ἐκοιμήθη* ситуацию с итацизмом в разбираемых надписях.

	в предударном слоге	в ударном слоге	в заударном слоге
οι	12 надписей ¹ — 1291, 1301, 1310, 1347, 1348, 1361–1362, 1362, 1351–1352 или 1381–1382, ок. 1351–1352 или 1381–1382, ок. 1351–1352 или 1381–1382, ок. 1351–1352 или 1381–1382, 1387, 1392		
η	19 надписей — IX–XI, 1271, 1291–1292, 1291–1292, XIII, поздн. XIII – ран. XIV, 1327, 1344, 1361–1362, 1399–1400, XIII–XIV, XIII–XV, XIII–XV, XIII–XV, XIII–XVIII, XIV–XV, 1413, 1421, 1456	20 надписей — IX–XI, X–XIII, X–XI, 1291, XIII, поздн. XIII – ран. XIV, 1301, 1310, 1344, 1361–1362, 1387, 1407–1408, 1413, 1456, XIII–XV, XIII–XVIII, XIV–XV, XIV–XV, XIV–XV, XIV–XV	14 надписей — X–XIII, 1291, XIII, 1301, 1310, 1344, 1361–1362, 1361–1362, 1387, XIII–XV, XIII–XV, XIII–XVIII, XIV–XV, XIV–XV
ι	1 надпись — XIV–XV	13 надписей — 1271, 1291–1292, XIII–XIV,	11 надписей — 1291–1292, 1348,

¹ выделен правильный вариант написания

		1347, 1348, 1361–1362, 1362, 1382, 1382–1383, 1392, 1448, XIII–XV, XIV–XV	1382, 1382–1383, 1392, 1407–1408, 1448, 1456, XIII–XIV, XIV–XV, XIII–XV
υ	7 надписей — X–XIII, X–XI, 1382–1383, 1391–1491, 1448, XIV–XV, X–XV	2 надписи — 1399–1400, X–XV	3 надписи — 1413, 1421, X–XV
ει			1327
ηι			1271

Как видно из этой таблицы, в предударном слоге замена *οι* на *η* происходит в большей части случаев, вполне вероятно, по аналогии с другими слогами и, возможно, в связи с фонетическими особенностями звучания гласных в предударном слоге в этом регионе. А так, в основном, происходит традиционная замена *οι* на *υ* в том числе и в более поздних надписях XIV–XV вв. В ударном положении наиболее часто возникает замена *η* на *ι*, как и в заударном слоге, вторая по частотности и с большим отрывом по количеству *η* на *υ*. Такие же замены *η* на *ι* зафиксированы под ударением для граффити Киевской Софии и граффити Нубии (см. Евдокимова 2008, 87–92), *η* вместо *οι* характерна для надписей Каппадокии (см. Евдокимова 2008, 113), *υ* вместо *οι* для Каппадокии и Афин (см. Евдокимова 2008, 116–117).

3) Изменение порядка слов при введении адресата классической формулы в двух вариациях. а) отражающих более поздние нормы для языка: Им.п. + *ἐτελιότη* (V 188, Феодоро, XIV–XV вв.) и акцентирование родового имени, стоящего в Р.п., написанием до слова, от которого оно зависит: *τοῦ Γεωρ(γίου) τὰ πεδία* (V 124, Керменчик (?), 1387 г.) в погребальной формуле *ἐκοιμήθησαν* + Им.п. + дата. Встречается и в других регионах, особенно, в поздних византийских надписях.

4) Классическая формула *ἐνθάδε κατάκειται* + Им.п. + дата имеет редкую вставку: *κ[ἐ] τελῶν [κατ]αλιπ(ών), ἐκτοπίνυς [κατ]άκριψε* (V 242). Первая часть вставки переключается с найденными на Крите в замке Киссаму 3 надписями V в. (GChICret 97, 98, 106) и одной VII–VIII вв. (GChICret 104), использующих формулу: *καταλιπ(ών) τὸν μάτεον βίον* в сочетании *ζητῶν ἔλεος παρὰ σ(οῦ) τοῦ θ(εο)ῦ* с вариациями *θ(εο)ῦ παντοκράτορος* (GChICret 98, 106) или *παρὰ τῆς σῆς ἐ[ὐ(σπλαγχνίας)]* (GChICret 104) для характеристики адресата погребальной надписи с двумя формулами ядра *ἐνθάδε κατάκτε* и *ἀνεπαύσατο* или *ἐτελεύτησεν/ ἐτελειώθη*. Надпись из Фракии, V –V вв. предлагает синонимичную вариацию *τὸν λοιπὸν τοῦ βίου χρόνον καταλιπὼν* (Bulg 226) также при ядре

ἐνθάδε κατάκτε для характеристики адресата. В погребальной надписи моряка из Венеции без даты с ядром *αἰκνυέθη ὧδε* (IG 14, 2351) *καταλιπὼν* относится к его жене и детям.

4) Дополнения к классической погребальной формуле *ἐκμηθήθη* + Им.п. (V 197, Мариуполь, поздн. XIII в. – ран. XIV в.) а) *δὴὰ τοὺς τεθνικότας παρὰ τοῦ κ(υρίο)υ ἐν αὐτῇ* + дата. По корпусу РН17 количество вхождений для *τεθνικότας* и *τέθνηκεν* мало. Представленные два примера для *τέθνηκεν* происходят из Зельве X в. и Салоник XIV в. из пространных погребальных надписей и оба раза служат читателю напоминанием о более широком библейском контексте. Все примеры на причастие происходят из Константинополя (870-879, Anth 1,109/14.109, 963-976, CIG 8695) или Фракии, Хисарии, V-VI вв. (Bulg 225) и встречаются в посвяtitельных надписях. При этом нельзя сказать, что эти лексемы задают какие-то распространенные формулы, скорее указывают на определенный уровень образованности автора, так как, в целом, перфектные формы в обычных надписях маркированы. б) *[θ(ε)]ῶ εὐχ(εσ)θε (καὶ) μακαρίζετε τῷ Σ(αβα)ώθ*. Первый из двух глаголов в этой фразе частотен и является ядром для многих молитвенных формул в основном в Малой Азии, Кипре и Греции. Авторы большей части найденных в РН17 примеров по второму глаголу предпочитают его использовать в аористных формах (всего два варианта на весь корпус в наст. вр. из Вифинии, без даты и из Константинополя, 1025-1050 гг.). Одна из наиболее частых формул *ἡ ἀναγινώσκ(ον)τ(ες) (или θεωροῦντες) + μακαρίσατε* В.п./Д.п. (или с добавлением *διὰ τὸν Κύριον*) обычно в посвяtitельных или строительных надписях, иногда в погребальных при формуле *ἐκοιμήθει* + Им.п. (например из Сирии). 5 случаев найдены в поздних (XV-XVI вв.) надписях Кипра (см. JOB 9, 107, 111, 114, 117). Другая формула *ὁ θ(εὸς) (или ὁ Χ(ριστ)έ) μακαρί[σαι]* + В.п. встретила трижды Фессалия XII в., Афины, Парфенон, без даты (Orl 204) и Бинбир Килисе, без даты (Barata 536, 25).

5) Использование формулы с глаголом с семантикой «копать»: *Ὁρήχθι + τάφος ἀπὸ + Р.п. + παρὰ + Р.п.* (V 204, Тепе-Кермен, XIII-XV вв.) Единственный аналог из РН17 происходит из Фессалии, г. Лариссы, без даты с формулой *διорύττιν + Р.п. τ[ύμ]βον* (SEG 27, 207).

6) Косвенное введение формулы ядра в виде причастного оборота *ἐνθά[δε] ἀνακνυένας* (V 64. Херсонес (?) поздн. IV-V вв) зависимого от *τὰς ψυχὰς* при другой основной формуле. При анализе этого причастия и однокоренных ему выяснилось, что указанный прием используется в малом числе примеров и полных аналогов для византийского времени не имеет. Приведем некоторые из них: а) при формулах *ἐνθάδε κατάκτε* + Им.п. и *ἀνεπάη* + дата *εὖζασθε ὁ διερχόμενν ὑπὲρ τῆς κατακνυένης* (Болгария, Одессос, VI в., Bulg 100),

б) при формуле [τὸ] [ἀσφαλὲς ἔχειν πρὸς] ἕω ἀνακίμενῶ[ν ὄρων (Сирия, Джагар Эль-Амири, 582/3 г., IGLSyr 5, 2126) Им.п. + κατα[τεθῆ μετὰ] [ἡμᾶς κατ]ἀκειμένους (Салоники II-III вв., IG 10, 2, 592), г) ὅστε[α] κατακίμενα (Вифиния IV-V вв., IK Klaudpl 177), д) Εὐπλοίας τῆς κατακειμένης (Родос III-IV вв., IGChAs 129)

7) Эта же надпись примечательна использованием одной из молитвенных формул с глаголом *Κ(ύρι)ε, ἀνάπαυσον τὰς ψυχὰς* + В.п. (V 64, Херсонес, позд. IV – V вв.). Эта формула встречается в 14 памятниках из Египта и Нубии. Распределение по датам таково: Египет без даты 6 надписей, Нубия без даты 2 надписи, Египет — 535 г., 601 г., 692 г., Египет/Нубия — после 644 г., 775 г., 913 г. Одна из распространенных вариаций этой формулы *Κ(ύρι)ε* или *(Ι(ησου)ς Χ(ριστο)ς)*, ἀνάπαυσον + В.п. в 15 надписях, распределение по датам и регионам: хранится в Париже IV в., Палестина VI в., Армения VI-VII вв., Ливан VII в., Нубия — 1157 г., 1181 г., Египет/ Нубия? — 1173 г., без даты, Египет 4 надписи без даты, Тунис без даты, Писидия без даты, Ликаония без даты. *Κ(υρι)ε ἀνάπαυσον την ψηχην* + В.п. встречается 14 раз и имеет такое распределение по датам и регионам: Тунис 535 г., Египет— 601 г., 692 г., Египет/ Нубия — после 644 г., 775 г., 913 г., Нубия — 2 надписи без даты, Египет/ Нубия — без даты, Египет — 5 надписей без даты.

Возможно также и вариативное сочетание с Д.п., например, из Каппадокии X в. [Jerph 180] и Сирия без даты [IGLSyr 4, 1655]. Или более редкие случаи: 1) дата + *Κυρ(ι)ε ἀνάπαυσον την ψυχην* + В.п., встречается в одной надписи из Египта без даты 2) *Κ(ύρι)ε ἀνάπαυσον* + В.п. (Аравия 582 г.).

Варианты с винительным падежом сочетаются с различными погребальными формулами: *[μν]ῆμα διαφέρο[ν]* + Р.п. (Тунис без даты), Им.п. *ἐθάφ(θη)* + дата (Тунис 535 г.), *ἀνεπαύσατο* + дата (Армения VI-VII вв.), *ἀνά[παυσο]ν* + В.п. + дата (Палестина 539/40 гг.), *ἐνθάδε κῆτε* + Им.п. (Гераклея V-VI вв.), *ενθα κατακειτε* + Им.п. + *ετελεωθη* + дата (Египет без даты, Египет/ Нубия 699 г.), различными вариациями *εκοιμηθη εν Κ(υρι)ω* + дата + *εν ειρηνη* (Египет 4 надписи без даты, Месемврия 1428 г., Египет/ Нубия 775 г.), *ἐνθάδε κατετέθη* + дата (Палестина 540 г. и без даты), *κατητήθη* + Им.п. + дата (Палестина 582 г.). А также другими формулами: *μνήσθητι Κ(ύρι)ε* + Р.п. (Сирия, без даты), *μνήσθιθι* + Д.п. (Палестина VI в.), *ὃς ἔγραψεν τὰ γράμ(μ)ατα τ[αῦτα]* (Афины без даты), *πάρορον τὰ πλιμελήματα* (Писидия и Ликаония без даты), *ἐλεησον την ψυχην* + Р.п. (Египет/ Нубия 699 г.), *ἐλέησον* + В.п. (Палестина сер. VI в.), *ἐψηφόθη (καὶ) ἐτελειόθη ὁ ναὸς* (Аравия 582 г.).

Варианты формулы с Р.п. и их распределение по датам и регионам: *ἀνάπαυσον την ψυχην* + Р.п. — 44 надписи (Египет — IV в., IV-V вв., дважды 574/5 г., 590 г., дважды 890 г., Гелеспонт, Кюзикос Hellespont Kyzikos IV-V

вв., Сирия 521 г., Палестина 548-565 гг., VI в., Нубия — VI-VIII вв., IX в., Сирия — 2 надписи без даты, Египет — 18 надписей без даты, Нубия — 3 надписи без даты, Африка без даты, Афины без даты, Египет/ Нубия — 5 надписей без даты, 707 г.), *ἀνάπαυσον τὴν ψυχὴν* + Р.п. + дата 7 надписей (Египет 569/70 г., 595/6 г, 634 г, Нубия 923 г., Египет 2 надписи без даты, Египет/Нубия — без даты). В сочетании с погребальными формулами: *ἐκοιμήθη* + Им.п. + дата (в различном написании: Египет 574/5 г., IV в., IV-V вв., 2 надписи Египет без даты, Нубия без даты), *οικοιμεθη* + дата (Египет/ Нубия 707 г.), *ἠκοιμηθη ἐν Χ(ριστ)ῶ Ι(ησο)ῦ* + Им.п. (Египет 890 г.), *κοιμηθεντο* <ς> *ἐν Κ(υρι)ῶ* + дата (Египет 693 г.), *ἐ>κοιμήθη ἐν Χ(ριστ)ῶ Ι(ησο)ῦ* + Им.п + дата (Египет 890 г.), *κοιμηθείσης ἐν εἰρήνῃ* + дата (Египет 590 г.), *ἐμ() εἰρήνῃ* + дата (Египет без даты), *εκοιμηθησαν ἐν εἰρηνῇ* + дата (Египет без даты) или ее вариантом *εκοιμυθη ἐν Κ(υρι)ῶ* + дата (4 раза Египет без даты), *ἐνθα κατακοιτε* + Им.п. + *ετελεωθη* + дата (5 раз Египет без даты, Египет/ Нубия без даты), *ἐνθάδε κ(εῖται)* + Р.п., *τελ(ευτήσασα)* + дата (Палестина без даты), *ἐνθα κατακοιτε* + Им.п. + *ετελ(ευτησεν)* + дата (Египет/Нубия без даты, Нубия VI-VIII вв.), *ἡ ἡμερα της οἰμησεως* + Р.п. + дата (Египет без даты), *[τοῦτο τὸ ὑπό]μνημα {τὸ μνῆμα} διαφέρει* + Д.п. (Кюзикос IV-V вв.), *ἐτε]λειώθη* + Им.п. + дата (Нубия VI-VIII вв., Африка без даты), *ἀνεπάη* + Им.п. + дата (Египет 574/5 г.), *τελει τ]ου βίου [εχρ]ησατο* + Им.п. + дата (Египет без даты), *εχρησατο* + дата (Египет/ Нубия без даты), *ἐχρίσατο* Им.п. + *έτελεώθη* + дата (Нубия VI-VIII вв., Египет без даты). Другие формулы: *Ι(ησους) Χ(ριστος) νικα* (Египет без даты), *μνησθῆτι των οικτηρμων σου* (Египет/Нубия без даты), *σῶσον κ(αὶ) ἐλέησον* + В.п. (Палестина 548-565 гг.), *ἔκτισθε ὁ ναὸς* + дата (Сирия 521 г.).

Вариации разбираемой формулы с сочетанием двух падежей Р.п. и В.п.: 1) *[τὴν] ψυχὴν* + Р.п. *ἀναπαυσον* + В.п. (Египет, без даты), 2) *τὴν ψυχὴν* + В.п. *ἀναπαυσον* + Р.п. (Египет/Нубия без даты), 3) *[α]ναπαυσον τὴν ψυχὴν* В.п. + Р.п., 4 надписи (Египет 1007 г., 1157 г., без даты, Египет/Нубия без даты). 4) *ἀνα[π(αυσον)]* В.п. *της ψυχ(ης)* + Р.п. (Египет без даты). Сопутствующие формулы *ελεησον* + Р.п. + *ἐκημηθη ἐν Κυρίῳ* (Египет/ Нубия без даты), <ε>*κοιμ(ηθη)* + дата (Египет без даты), *κυμοιθу ἐν Κυρίῳ* + дата (Египет 703 г.).

Без падежа: *ἀνάπαυσον κὲ τὴν ψυχὴν* — 1 надпись из Киликии к. VI в. и 2 надписи без даты из Египта. *ἀνάπαυσον* — 11 надписей, распределение: Египет — IV-V вв, Нубия — VI-VIII вв., после VI в., Палестина 618 г., Аравия — 2 надписи без даты, Тунис без даты, Египет — 3 надписи без даты, Египет/ Нубия без даты. Погребальные формулы: *ἐν εἰρήν[ῃ]* (Египет, без даты), *εκοιμηθη* + Им.п. (Египет без даты), *ἐκημήθη* + дата (Египет 2 надписи без даты и IV-V вв., Нубия после VI в.), *ἐνθάδε κατετέθη* + Им.п. + дата (Палестина 618

г.), *ενθα κατακοιτε* + Им.п. *ετελεωθη* + дата (Египет/ Нубия без даты), *ὕπὲρ μνήμης κ(αὶ) ἀν]απα[ύ][σεως* + Р.п. + *[ἐτελεώθ]η* + дата (Нубия VI-VIII вв.).

8) При молитвах встречается сопутствующая формула: *πάντων τῶν διαφερόντων αὐτοῦ* (см. V 18, V 20, V 21, V 24) с вариацией *πάντων τῶν διαφερόντων αὐτῶ* (V 22, Херсонес, поздн. IV – V вв.), которая обычно является продолжением *ὕπὲρ εὐχῆς* + Р.п. *καὶ* и относится к существительному *εὐχῆς*. В молитвенных надписях в других регионах также может зависеть от слова *σωτηρίας* (IGLSyr 5, 2028, IK Iasos 638, 531 г., SEG 27, 1019, IGLSyr 21, 2,74), как в надписях без даты из Кари и Сирии или от расширенного варианта *ὕπὲρ σωτηρίας (καὶ) ἀντιλήψεως* + Р.п. (Палестина, VI-VII вв., SEG 8, 230.а). Встречается и при традиционных молитвенных формулах *μν[ήσθητι Κ(ύρι)]ε* + Р.п. (Сирия, без даты, IGLSyr 2, 421), *Κ(ύρι)ε, (ὁ θ(εὸς) βοήθ[ησον]* + В.п. *μετὰ* (Фивы, без даты, SB 4,7495, SB 4,7508) или после *καὶ* (Фивы, без даты, SB 4, 7489, V-VII вв., SEG 8, 734). Разбираемая сопутствующая формула распространена не только в молитвенных надписях. В Иерусалиме встречается в 4 надписях V-VI вв. при погребальных формулах *θήκη διαφέρουσα* + Р.п. (V в., Jerus 109, 176.а, V в., Jerus 91, 126) и *[μνῆμα]* + Р.п. *καὶ* (VI в., Jerus 90, 124, V в., Jerus 60, 120). В других регионах употребляется в погребальных надписях с формулами *<μ>εμωρία* + Р.п. (Тунис, без даты, BMusBey 29, 203), *σωματοθήκη* + Р.п. (Киликия, Корюкос, без даты, МАМА 3, 287), *ὕπὲρ μνείας (καὶ) ἀναπαύσεως* + Р.п. + дата (Аравия, VI в. SBFCM 30 74,4). И две надписи с пропусками предыдущих формул с Д.п. (Салоники V-VI вв., IChMac 196, Киренаика 491-518 гг., CIG 5187).

Приведенные примеры показывают, что встречающиеся в погребальных и молитвенных надписях Крыма формулы находят аналоги в надписях, в основном, Египта, Сирии и Нубии. При этом большая часть из них либо относится к глагольным формулам, либо содержит разные формы глаголов, некоторые из которых, как перфектные причастия, свидетельствуют о хорошей образованности автора.

Библиография:

Agnello — Agnello S. L. *Silloge di Iscrizioni paleocristiane della Sicilia*. Rome: 1953

Anth — *Anthologia graeca*, ed. H. Beckby. 4 vols. 2nd edn. Munich: 1965-1968.

AS — *Anatolian Studies*

Barata — Ramsay W.M. and G. Bell, *The Thousand and One Churches*. London: 1909.

Bulg — Beševliev V. *Spätgriechische und spätlateinische Inschriften aus Bulgarien*. Berlin: 1964.

BMusBey — Rey-Coquais J.-P. *Inscriptions grecques et latines découvertes dans les fouilles de Tyr (1963-1974), I. Inscriptions de la Nécropole*. // *Bulletin du Musée de Beyrouth*, 29. Paris: 1977.

CIG — *Corpus inscriptionum graecarum*. 4 vols. Berlin: 1828-1877

CIRB — Struve V. *Corpus inscriptionum regni Bosporani*. Moscow: 1965.

GChICret — Bandy A. *The Greek Christian Inscriptions of Crete*. Athens: 1970

IchMac — Feissel D. *Recueil des inscriptions chrétiennes de Macédoine du IIIe au VIe siècle*. *Bulletin de correspondance hellénique*. Supplément 8. Paris: 1983.

IchUR — Silvagni A. and A. Ferrua *Inscriptiones Christianae Urbis Romae*. Nova Series. Vols. 1-9. Rome: 1922-1985.

ICil — Dagron G. and D. Feissel. *Inscriptions de Cilicie*. Paris: 1987.

IG 10 — *Inscriptiones Graecae*, X: *Inscriptiones Epiri, Macedoniae, Thraciae, Scythiae*. Pars II, fasc. 2: *Inscriptiones Macedoniae septentrionalis*. Sectio prima: *Inscriptiones Lyncestidis, Heracleae, Pelagoniae, Derriopi, Lychnidi*, ed. Fanula Papazoglu, Milena Milin, Marijana Riel, adiuvante Klaus Hallof. Berlin: 1999

IG 14 — *Inscriptiones Graecae*, XIV. *Inscriptiones Siciliae et Italiae, additis Galliae, Hispaniae, Britanniae, Germaniae inscriptionibus*, ed. Georg Kaibel. Berlin: 1890

IGLSyr — *Inscriptions grecques et latines de la Syrie*, II. *Chalcidique et Antiochène*, ed. Louis Jalabert and René Mouterde. Paris: 1939. *Inscriptions grecques et latines de la Syrie*, IV. *Laodicée. Apamène*, ed. Louis Jalabert and René Mouterde. Paris: 1955. *Inscriptions grecques et latines de la Syrie*, V. *Emesène*, ed. Louis Jalabert and René Mouterde. Paris: 1959. *Inscriptions grecques et latines de la Syrie*, XXI. *Inscriptions de la Jordanie*, 2: *Région centrale (Amman, Hesban, Madaba, Main, Dhiban)*, ed. Pierre-Louis Gatier. Paris: 1986.

IGChAs — GRÉGOIRE H. *Recueil des inscriptions grecques chrétiennes de l'Asie Mineure*, I. Paris: 1922.

IK Iasos — BLÜMEL W. *Die Inschriften von Iasos*. 2 vols. *Inschriften griechischer Städte aus Kleinasien*, 28, 1-2. Bonn: 1985

IK Klaudpl — BECKER-BERTAUE, Friedrich. *Die Inschriften von Klaudiu Polis*. *Inschriften griechischer Städte aus Kleinasien*, 31. Bonn 1986.

Jerph — de JERPHANION G. Une nouvelle province de l'art byzantin: les églises rupestres de Cappadoce I, 1-2, и II, 1-2. Paris: 1925-1942.

Jerus — THOMSEN P. Die lateinischen und griechischen Inschriften der Stadt Jerusalem und ihrer nächsten Umgebung // Zeitschrift des deutschen Palästina-Vereins 44 (1921) 1-61 и 90-168 и Nachtrag 64 (1941) 203-256.

JOB 9 — STYLIANOU J. and A. Donors and Dedicatory Inscriptions, Suppliants and Supplications in the Painted Churches of Cyprus // Jahrbuch der österreichischen byzantinischen Gesellschaft 9. 1960, pp. 97-128.

MAMA — Monumenta Asiae Minoris Antiqua. Vols. 1-8. Manchester: 1928-1962

Nessana — KIRK G. in C.B. Welles, Excavations at Nessana, I. London: 1962

Orl — Ορλάνδος Α., Βρανούσης Α. Τα χαράγματα του Παρθενώνος. Athens 1973

RPARA — FERRUA A. Florilegio d'iscrizioni paleochristiane di Sicilia in Rendiconti della Pontificia Accademia Romana di Archeologia 22 (1946-1947 [1948]), pp. 227-239

SB — Sammelbuch griechischer Urkunden aus Ägypten, eds. Friedrich Priesigke, Friedrich Bilabel, Emil Kiessling and Hans-Albert Rupprecht. Vols. 1-18, 1915-1993

SBFCM — PICCIRILLO M. Chiese e Mosaici della Giordana Settentrionale. Studium Biblicum Franciscanum, Collectio Minor, 30; Jerusalem: 1981.

Sbornik — LATYŠEV V. Sbornik grečeskich nadpisej christianskich vremen iz Južnoj Rossii. St. Petersburg: 1896.

SEG— Supplementum Epigraphicum Graecum. Volumes 1-36. Leiden: 1923-1989

Straz — STRAZZULLA V. Museum Epigraphicum, seu inscriptionum christianarum quae in Syracusis catacumbis repertae sunt corpusculum. Società Siciliana per la Storia Patria, Documenti per servire alla storia di Sicilia, ser. 3, vol. 3. Panormo: 1897.

Евдокимова 2008 — ЕВДОКИМОВА А.А. Языковые особенности греческих граффити Софии Киевской. Москва: 2008 (диссертация).

Евдокимова — ЕВДОКИМОВА А.А. Формулы в погребальных византийских надписях Малой Азии.// VII Международный Византийский семинар «ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: ΙΜΠΕΡΙЯ И ПОΛΙΣ» Национальный заповедник «Херсонес Таврический» 1-5 июня 2015 г. Севастополь: 2015, стр 42-43. Формулы погребальных византийских надписей Афин и Салоник // IX Международный византийский семинар ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: ΙΜΠΕΡΙЯ И

«ПОЛИС Севастополь 2017. Стр. 48-52. Формулы со словом «κοιμητήριον» в византийских погребальных надписях Коринфа // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Материалы XXXII Международной научной конференции. Москва, 11–12 апреля 2019 г. Москва: 2019. Стр. 139-141.

А.Н.БЕРНШТАМ И КРЫМ

N. Zhantelieva

A.N. Bernshtam and the Crimea

Началось все с древнего города Керчь. В этом украинском городе Керч, (ныне входит в Российскую федерацию) он жил с отцом Натан (Нутан) Бернштамом (год рождения не известно, умер между 1919 и 1920) и матерью Шейндель Бернштам. Она 1890 года рождения, умерла в возрасте 53 года, во время Великой Отечественной Войны, когда А.Н.Бернштам жил в Кыргызстане. К 1905 г. Н. Бернштам стал членом Российской социал - демократической рабочей партии. В связи с этими событиями 1905 г. он был арестован и выслан в Вятку (ныне г. Киров). После освобождения, в 1906 г., Н. Бернштам вернулся в родной Крым. В 1914 г. он был мобилизован в Императорскую армию, а после 1917 г. до 1918 года занимал должность председателя ревкома в Джанкое (город на севере Крыма). Впоследствии Н. Бернштам поступил на службу в Красную армию и стал членом РКП (б). На военной службе он занимал должность агента по оперативным сводкам. Он был ранен на Перекопском фронте, скончался в 154 эвакуационном пункте. Мать, родила сына в совсем юном возрасте, когда ей было всего 20 лет [Личное дело А.Н.Бернштама: 1942.5]

1924 года вторым родным городом для 13 летнего А.Н.Бернштама и его матери Шейндель Бернштама, был город Севастополь. Жизнь А.Н.Бернштама и его матери была продолжена только без отца. Здесь началась трудовая жизнь молодого Александра от школы №8 им. А.В. Луначарского и до Севастопольского музея краеведения [Архив НАН КР, Планы работ Комитета Наук и его отделов. Комитет Наук при СНК Кирг ССР за 40 г.]

Так началась первая «кабинетная», «полевая» работа в городе – герое Севастополе. В школу №8 им. А.В. Луначарского он поступил в 1924 г. и окончил 17 июня 1927 г. Он от члена кружка и практиканта по археологии и этнографии вырос до заведующего этнографическим (этноэкономическим) отделом Севастопольского музея краеведения. Созданного 1922 году, когда еще при общеобразовательном техникуме им. М. В.Ломоносова существовал

кружок краеведов. Таким образом, 29 августа 1923 года считается годом основания музея [Акимченков В.В, 2012:24].

Музей привлекал школьников пятых-шестых классов, которые начали работать практикантами и становились первыми краоведами изучавшие город Севастополь. Именно Севастопольский музей краеведения с историко – археологическим сектором во главе с Павел Петровичем Бабенчиковым (1882-1947), был первой школой вырастившего молодого краоведа А.Н.Бернштама. Была требования краеведческого кружка при музее, поскольку будущие краеведы Севастополя должны были обладать знаниями «Путеводителя по Крыму», «Галльской войны» Юлия Цезаря. Все эти требования им было выполнено 9 марта 1925 года [Акимченков В.В, 2012: 31]

Но после того как практикант набрал 50 баллов то становился кандидатом первой затем второй категории. Только после этого можно было выбрать тему для исследования. Увлекаясь глубже и глубже научно – исследовательской работе А.Н.Бернштам больше занимался музееведением. После этого практиканты смогли самостоятельно вести экскурсии и читать лекции по краеведению. Кроме научно – исследовательской работы севастопольский музей краеведения привлекал молодежи к экспедиции на Гераклейский полуостров, мыс Айя, на яйлу Ай-Петри, Южный берег в Байдарскую долину, Шайтан - Мердвен и «пещерные города» Крыма. В такой обстановке рос и формировался А.Н.Бернштам. С 1924 года он принимал участие в археологических экспедициях на Эски – Кермен (это средневековый город крепость, в юго –западной части Крымского полуострова), руководителями были П.П.Бабенчиков и известный крымский археолог Н. Репников [Алексин В.А, 2010: 9-22]

Они научили молодого ученика А.Н.Бернштама к профессиональной археологии, т.е. чертить монтировать передвижные выставки, к методике раскопок курганов и т. д. В годы работы в музее (1925-1928) А.Н.Бернштам проводил, экскурсии именно здесь зародилась любовь к археологической науке. Собирал коллекции материалов для музея, научился общественной работе, фотографировал и это умение делал до конца жизни. Итак, А.Н.Бернштам был в числе создателей третьего поколения Севастопольского музея краеведения. Поэтому сегодня имя А.Н.Бернштама должна быть почетным для современных севастопольцев [Архив НАН КР, Киргизский филиал АН СССР Президиум Материалы к юбилейной сессии 5 лет работы Кир ФАН 1943-1948]

Музей стал финансироваться из городского бюджета в сумме 45 рублей на администрацию, а все остальные расходы покрывались ежемесячными взносами сотрудников, в том числе и А.Н.Бернштамом 20 копеек с человека.

Годы, проведенные, в севастопольском музее краеведения были, успешными потому что, начинается участие А.Н.Бернштама всесоюзных совещаниях, конференциях и съездах по краеведению и по своей специальности, археолого – этнографическое совещание, географический съезд и другие [Акимченков В.В, 2012:29]

Так, начиная, с 5-10 сентября 1926 года для А.Н.Бернштама была, успешной, поскольку у семнадцатилетнего подростка началось участие в керченской конференции. На этой конференции, всего 135 делегатов, представлявших 73 научных и образовательных учреждений из 30 городов СССР [Алексин В.А, 2010:9]

Возможно, А.Н.Бернштам читал свой доклад в тюрко – татарской секции, поскольку позже у него 1931 году появился первая научная публикация посвященной жилищу крымских татар. Всего было четыре секции по разным темам. Татарские древности были специальной темой данной секции. Но, работы конференции не были опубликованы. [Непомнящий А.А, 2017:4-9]

Год спустя 10-13 сентября состоялось Херсонская конференция. Она была посвящена 100-летию начало раскопок в Херсонесе (1827-1927), по масштабу она была меньше, всего участвовало 88 участников. Были представлены 4 республики СССР, 20 городов союза. Наибольшим числом делегатов конференции представлены Симферополь -19, Севастополь -18, Москва -16, Ленинград -10. Приняли участие в данной конференции через свои делегации 57 учреждений и организаций. Самым наибольшим числом делегатов представлен: Таврическое общество Истории, Археологии и Этнографии (8 делегатов), Севастопольский музей краеведения 4 делегатов - Павел Петрович Бабенчиков, Оскар Андреевич Окунев, Станислав Францевич Стрежелецкий, и в том числе молодой Александр Натанович Бернштам (фамилия бернштама была написана неправильно двумя буквами в м) и Николай Петрович Кацур [Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе, 1927: 4-63].

Во время открытия конференции делегаты от Музея краеведения выступили с приветственной речью. В особенности Павел Петрович был активным участников обсуждения докладов. Таким образом, участия в таких масштабных конференциях для А.Н.Бернштама были первыми школами формирования как ученого.

1927 г для ученого было еще одним важным событием в его жизни, поскольку в ноябре он начал возглавить этнографический (этноэкономический) сектор музея.

Кроме того, последние годы работы А.Н.Бернштам был включен в совет музея и в 1928 году стал научным сотрудником Севастопольского музея

краеведения. Именно с этого момента ученый вовлекся тюркскими народами, которые начались от крымских татар и были продолжены в особенности историей археологией и этнографией, музейно деятельностью кыргызов [Бернштам А.Н., 1943:3]

По всей вероятности, работы в Севастопольском музее краеведения дали выбору будущей специальности музееведения и этнография. Музейная деятельность продолжительностью три года была закончена летом 1928 году. Причиной ухода музейной деятельности и ученый указывал учебу, он стал, студентом Ленинградского государственного университета и болезнь ног, травму которой он получил во время экскурсии в Севастопольском музее краеведения.

Итак, крымская деятельность начата с города Севастополя в качестве активного работника музея до научного сотрудника, активно выпускавшего свои работы по истории Крыма

Таким образом, он сначала формировался как, краевед, музеевед, и затем археолог, этнограф и историк.

Библиография:

АКИМЧЕНКОВ В.В. «Академия в миниатюре»: Севастопольский музей краеведения (1923-1939). Киев-Симферополь 2012

АЛЕКШИН В.А. Древние культуры Евразии: Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А.Н. Бернштама. Спб 2010

Архив Национальной Академии Наук Кыргызстана. Личное дело А.Н.Бернштама Ф.5, оп.1, д.50.С.4

Архив НАН КР, Киргизский филиал АН СССР Президиум Материалы к юбилейной сессии 5 лет работы Кир ФАН 1943-1948 100 л. Ф.5, Оп.1, Д.16.

Архив НАН КР, Киргизский филиал АН СССР Президиум Материалы к юбилейной сессии 5 лет работы Кир ФАН 1943-1948]Ф.4, Оп.1, Д.492. Л. 65

БЕРНШТАМ А.Н. Материалы по истории Киргизии в дни Великой Отечественной Войны. Выпуск I, Ф., 1943.С.3

Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе 10-13 сентября 1927 года. По случаю столетия Херсонесских раскопок (1827-1927). Севастополь 1927

НЕПОМНЯЩИЙ А.А. «Мы стремимся к тому, чтобы это было, продолжение археологических съездов»: Керченская археологическая конференция. 2017// Электронное научное издание Альманах пространство и время Т.14. Выпуск.1 Крымоведение: пространство и время.

БОРЬБА ЗА ГАЛЛИПОЛИ В КОНТЕКСТЕ ОСМАНО-ВИЗАНТИЙСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XV В.¹

N. Zhigalova

The Struggle for Gallipoli in the Context of Byzantine-Ottoman Relations in the First Half of XV Century

Галлиполи, известный в древности как Херсонес Фракийский, на протяжении веков занимал важное географическое положение, соединяя собой европейский и азиатский берега пролива Геллеспонт (Дарданеллы). В византийское время город не только не утратил своего значения, но и являлся, наряду с Константинополем, важнейшим торговым каналом и трансферной зоной для переброски войск.

Закат византийского Галлиполи произошел в середине XIV в., когда в результате эпидемий чумы [Куц 2008: 38–56] и разрушительного землетрясения 1354 г. [Zachariadou 1999: 7–11] город покинули жители. В том же году османы заняли оставленный византийцами порт, который впоследствии стал плацдармом для переправки турецких войск из Малой Азии на фракийское побережье.

Османские султаны, овладев землями на западном берегу Геллеспонта, принялись планомерно укреплять крепости и переселять анатолийских турок на бывшие византийские территории. По словам османского историка Ашик-паша-заде, сын султана Орхана I Сулейман-паша, занявший Галлиполи, отправил отцу весть об этом событии с такими словами: «Согласно вашему желанию, мы взяли Румелию, а все гяуры были разбиты. Давайте же приведем в порядок крепости и земли, завоеванные в этой стране, так как их должны населять люди ислама. Отправьте сюда также доблестных гази» [Aşik-Paşa-Sohn 1959: 78].

Византийцы, однако, не смирились с потерей столь важного в стратегическом отношении объекта и в дальнейшем неоднократно предпринимали попытки вернуть утраченное. В настоящем исследовании мы, опираясь на

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00091.

сообщения византийских писателей и османских хронистов, попытаемся проследить роль и значение Галлиполи в контексте османо-византийских взаимоотношений в последние десятилетия существования Византии.

Уже во второй половине XIV в. османы использовали Галлиполи в качестве своеобразного «вербовочного» и тренировочного пункта для потенциальных янычар. Мальчишки-христиане, набранные на Балканах по системе девширме, направлялись в Галлиполи [Laonikos Chalkokondyles 2014: I, 378. 11], где проходили обучение и последующий отбор для службы при дворе султана или в янычарском корпусе [Uyar, Erickson 2009: 18–19, 37–38; Uzunçarşılı 1984]. Янычары являлись основной ударной силой султанского войска, имели великолепную военную подготовку и отличались исключительной преданностью османскому государю. Галлиполи, таким образом, к началу XV в. превратился в важнейшую военную базу османов, где концентрировались главные военные силы турок, направленные на экспансию Балкан.

После битвы при Анкаре 1402 г., в которой монгольский эмир Тимур разбил войско султана Баязида I, многие бейлики откололись от Османского государства, а внутри правящего дома началась смута. Старший сын Баязида Сулейман Челеби занял Румелию и в его руках оказался и стратегически важный Галлиполи [Matschke 1981: 89–107]. Именно там в 1403 г. между Сулейманом и Мануилом II Палеологом был ратифицирован византийско-турецкий договор, по которому Фессалоника и часть крепостей на побережье Мраморного и Черного морей передавались обратно византийцам [Dennis 1967: 77]. Обратим внимание, что данный договор между византийским и османским правителями был подписан именно в Галлиполи, расположенном в центре османских владений и в непосредственной близости от Константинополя.

После смерти султана Мехмеда I в 1421 г. Византийской империи вновь представилась возможность вернуть некогда отвоеванные у нее земли. Очередной внутридинастический кризис в Османском государстве привел к тому, что наряду с законным наследником Мехмеда I, Мурадом II, на престол также претендовал Мустафа Челеби, якобы спасшийся после битвы при Анкаре старший сын Баязида I.

По словам историка Георгия *Сфрандзи*, перед византийским правительством встала дилемма: «заключить ли союз с сыном султана Мурадом и предоставить ему стать правителем, как и было в их клятвенном договоре, или привезти из Мистры Мустафу и сделать его правителем на Западе, а Мурада – правителем на Востоке. Святой василевс-отец (Мануил II Палеолог. – Н.Ж.) советовал и считал справедливым по многим причинам первое, сын же

его (Иоанн VIII Палеолог. – Н.Ж.) и Димитрий Кантакузин считали, что следует сделать второе и что тогда Мустафа отдаст им Галлиполи» [Georgii Sphrantzae 1990: 18. 15–24]. Иоанн VIII принял решение воспользоваться, казалось бы, блестящей возможностью возвратить давно утраченный Галлиполи и, тем самым, лишить турок их главной военной базы на Геллеспонте.

При поддержке византийцев Мустафе удалось быстро овладеть всей Румелией. По словам Лаоника Халкокондила, греки отправились в Галлиполи, чтобы «встретиться с Мустафой, объявить его султаном и потребовать обещанное» [Laonikos Chalkokondyles 2014: I, 364. 1]. «В этом деле, – пишет историк, – греки по глупости своей приблизились к тому, чтобы погубить себя и все свои дела» [Ibid.].

В то же время некоторые знатные турки и великий визирь Мурада II Баязид-паша обратились к Иоанну VIII с воззванием, «чтобы василевс Византия (Константинополя. – Н.Ж.) не рушил прежней дружбы. Баязид предложил в заложники двенадцать сыновей из знатных семей, двести тысяч золотых монет, а также столько земли вокруг Галлиполи, сколько нужно» [Ibid.: I, 364. 2]. Видимо, поддержка византийцами Мустафы была достаточно ощутимой, что не позволяло Мураду II быстро закончить военную кампанию против узурпатора. С другой стороны, султан, вероятно, стремился сохранить добрые отношения с греками, однако не был готов лишиться важнейшей крепости-порта, соединяющего румелийские и анатолийские владения османов. Вероятно, это осознавал и император Мануил II, предлагая сохранить дружественные отношения с Мурадом II и оставить утопическую идею возвращения столь важной для османов территории.

По словам Халкокондила, «Херсонес (Фракийский. – Н.Ж.) принял Мустафу как султана и был готов следовать за ним, куда бы он их ни повел» [Ibid.: I, 368. 4]. Однако амбициозным планам Иоанна VIII по возвращению Галлиполи не суждено было осуществиться. Одержав несколько побед над Мурадом, Мустафа Челеби отказался вернуть византийцам Галлиполи, заявив, что тогда «род мусульман никогда не признает меня повелителем, <...> и города эти и провинции должны быть вырваны из рук неверных (христиан. – Н. Ж.), чтобы снова стать мусульманскими» [Ducae 1958: 197. 28–29, 199. 4–5]. Это заявление не кажется чистой риторикой, поскольку факт сотрудничества потенциального османского султана с христианскими правителями действительно мог лишить Мустафу поддержки турецкой знати. Таким образом, попытка византийцев в 1421 г. вернуть Галлиполи не только закончилась унижительным для греков исходом, но и обострила отношения с новым правителем Османского государства, который в 1422 г. осадил Константино-

поль и Фессалонику в отместку за сотрудничество византийской администрации с узурпатором.

Несмотря на то, что Византия потеряла власть над Галлиполи еще в середине XIV в., в византийских придворных кругах все же тлело желание вернуть столь важную в стратегическом и географическом отношении территорию. Это понимали и сами турки, для которых обладание Галлиполи давало не только возможность свободного доступа в свои румелийские владения, но порой, как в случае с Мустафой, и способ манипулирования византийскими территориальными амбициями.

Библиография:

КУЩ Т.В. Чума в поздней Византии // Византийский временник. 2008. Т. 67 (92). С. 38–56.

AŞIK-PAŞA-SOHN. Denkwuerdigkeiten und Zeitläeufte des Hauses Osman / übers., eingel. u. erklärt von R. F. Kreutel. – Graz; Wien; Köln, 1959.

DENNIS G. T. The Byzantine-Turkish Treaty of 1403 // *Orientalia Christiana Periodica*. 1967. Fasc. 1. P. 72–88.

DUCAE *Historia Turcobyzantina* (1341–1462) / ex recensione B. Grecu. – Bucharest, 1958.

LAONIKOS CHALKOKONDYLES. *The Histories* / transl. by A. Kaldellis. – Cambridge, London, 2014. Vol. I, II.

MATSCHKE K.-P. Die Schlacht bei Ankara und das Schicksal von Byzanz. *Studien zur spätbyzantinischen Geschichte zwischen 1402 und 1422*. – Weimar, 1981.

UYAR M., ERICKSON E. J. *A Military History of the Ottomans. From Osman to Atatürk*. – Santa Barbara, Denver, Colorado, 2009.

UZUNÇARŞILI I. H. *Osmanlı Devleti Teşkilatında. Kapukulu Ocakları*. – Ankara, 1984. С. 1, 2.

ZACHARIADOU E. *Natural Disasters: Moments of Opportunity* // *Natural Disasters in the Ottoman Empire* / ed. by E. Zachariadou. – Rethymnon, 1999. P. 7–11.

GEORGII SPHRANTZAE *Chronicon* / a cura di R. Maisano // *Corpus Fontium Historiae Byzantinae*. – Roma, 1990. Vol. XXIX.

**ЗООМОРФНЫЕ МОТИВЫ СРЕДНЕВЕКОВОГО ОРНАМЕНТА
ПО КРЫМСКИМ И СЛАВЯНО-РУССКИМ МАТЕРИАЛАМ.
ПАРАЛЛЕЛИ, СВЯЗИ И СВОЕОБРАЗИЕ**

N. Zhilina

**Zoomorphic Motives of Medieval Ornament
on Crimean and Russo-Slavic Materials.
Parallels, Ties and Peculiarity**

Зооморфные мотивы входили в состав орнаментальных композиций, воспроизводились и отдельно. Варианты использования показывают или связь с орнаментальной системой источника заимствования, или самостоятельность воспроизведения.

Мотив хищной птицы – *орла* в искусстве германских народов встречен в V–VI вв. (булавки, фибулы). Геометрично-ячеистая стилистика вызвана стилем перегородчатой инкрустации, она продолжает существовать и в резном (кербшнит) стиле литых изделий [Смирницкая 2012: 150–152] (рис. 1: 1–5).

Мотив головы орла представлен у гото-алан Юго-Западного Крыма и по керченским материалам (пальчатые фибулы, орлиноголовые пряжки). В Поднепровье пальчатые фибулы с этим мотивом единичны (рис. 1: 6 – 13).

В ранневизантийских материалах мотив орла невыразителен. Более отчетливо он появляется с X в. [Даркевич 1975: 189]. Материал удачно пополняют изображения орла на костяных пластинках из Херсонеса. Стилль геометричен, но отличается от ячеистости германских изделий: в передаче крыльев и перьев используются прямые параллельные линии (рис. 2: 1–3).

В Западной Европе к XI в. традиции Эпохи Меровингов объединяются с византийским влиянием: фибулы королевы Агнес [Schulze-Dorlam 1991 Band 24: taf. 9: 1, 2].

На Руси в X в. на наконечниках ножен мечей отражена европейская манера изображений орла, развивающая стилистику перегородчатой инкрустации. Изображение орла представлено и сквозь призму скандинавского

плетеного орнамента и в стиле скандинавской перегородчатой зерни (рис. 2: 10–12).

Самостоятельную начальную стилизацию головы орла показывают деревянные резные навершия из Новгорода: ритмичный повтор дугообразной кривой (рис. 2: 4, 5). Наконечник ремня с изображением орла с прямолинейными крыльями – самостоятельный пример упрощения византийской стилистики (рис. 2: 6). Фигура орла на роге из Черной Могилы X в. дает синтез византийской стилистики и европейского растительного декоративного стиля с более плавными линиями (рис. 2: 7).

Мотив павлина переходит в византийское искусство из античности. К VI–VII вв. он передается схематизированно, входя в христианские композиции: парные павлины у чаши; павлин, клюющий гроздь винограда и в орнаменте «виноградная лоза» [Залесская 2006: № 17; Византия 2017: № 23].

У славян парный мотив головы павлина, детализированно и динамично переданный извилистыми линиями на антропо-зооморфных фибулах, затем упрощается [Корзухина 1996: табл. 8: 1, 2]. Это соответствует тенденциям северо-германского искусства VIII в. [Смирницкая 2012: 150–154]. У готов-алан Крыма мотив известен на аналогичных фибулах в упрощенном варианте [Айбабин, Хайрединова 2008: табл. 139: 1, 2]. И там и здесь мотив усвоен без выраженной христианской символики, в отрыве от византийских орнаментальных композиций.

В IX в. населению Крыма знакомы и христианские композиции и византийская иконография павлина с распушённым хвостом и парных павлинов у древа: серьги из могильника Лучистое, матрица из Херсонеса [Айбабин, Хайрединова 2008: табл. 58: 1, 2; 84: 1, 2; 32: 14, 15; Жилина, 2018а: рис. 1, 2]. На Руси христианская иконография павлина усвоена во второй половине XI в.

Мотив шагающей птицы в профиль подробно известен по ранневизантийским материалам [Залесская 2006: № 22, 247, 262, 291, 476]; в IX–XI вв. – по эмалевым вставкам и херсонесским костяным пластинкам [Византийские древности 2013: № 18; Наследие 2011: № 337, 339, 342–345].

На Руси в XI в. представлена скандинавская традиция отображения птицы в стиле рингерике (новгородские резные колонны) и в византийской традиции в композиции «птицы у древа» (одна из сторон топора из Биляра) [Жилина, 2018б]. Две шагающие птицы входят в композицию турьего рога из Черной могилы X в., демонстрируя тот же синтез, что и мотив орла.

Зооморфные византийские раннесредневековые мотивы сохраняют реалистическую позднеантичную трактовку, динамику: примеры переплете-

ния шей и крыльев животных в дальнейшем редки [Залесская 2006: 290, 200, 607].

Мотив льва на львиноголовых гото-аланских пряжках VI–VII вв., вероятно – самостоятельная интерпретация с чертами перегородчатого и полихромного стилей [Айбабин, Хайрединова 2008: рис. 16: 7, 16, 24]. В VII в. мотив ближе византийской стилистике, но голова, пасть и грива льва переданы упругими дугами в соответствии с перегородчатым стилем [Залесская 2006: 199].

Пластина с изображением парных собак (раскопки И.А. Антоновой в Херсонесе; инв. № 37225/28) также близка стилю перегородчатой инкрустации.

Византийские изображения четвероногих зверей в IX–XI вв. схематизированы и плоскостны при сохранении прежней динамичности.

На Руси в X в. представлены орнаменты в скандинавских звериных стилях (художественный металл, деревянная резьба). Есть и самостоятельная линия формирования стилизованного звериного изображения в деревянной резьбе X–XI вв., освоения скандинавских орнаментов, упрощения их [Жилина 2018: рис. 2, 3: 2; Андрощук, Зоценко 2012: № 239]. Элементы скандинавских стилей остаются в русском искусстве XI–XIII вв. – интенсивное узловатое плетение (миниатюры рукописей, белокаменная резьба) [Жилина 2016: 11, 19].

Звериные изображения на роге из Черной Могилы X в., еще не наполненные христианским смыслом, отразили стилистику современного византийского искусства; переплетения тел и крыльев в парных звериных мотивах находятся в рамках пышного растительного орнамента. Древнерусское искусство X в. – вариант европейского.

В последующее время зооморфные мотивы в древнерусском искусстве следуют византийской стилистике: украшения в технике перегородчатой эмали и черни (конец XI в. – первая треть XIII в.); золотошвейные изделия (XI – первая треть XIII в.); белокаменная резьба (XII – первая треть XIII в.). Но в рамках этой основной линии отмечается и сохранение скандинавской стилистики (черневые изделия) [Фехнер, 1993; Жилина 2014; 2016] (рис. 2: 8, 9).

Таким образом, в раннесредневековый период у гото-аланского населения Крыма и славян Поднепровья наблюдаются разные варианты европейского орнаментального искусства.

В X – первой половине XI в. на Руси происходит сложный синтез европейской, скандинавской и византийской орнаментики. Древнерусский зоо-

морфный орнамент во второй половине XI – первой трети XIII в. развивается под византийским воздействием, но с памятью о скандинавских традициях.

В крымском материале полнее представлены переходные от ранневизантийского к поздневизантийскому орнаменту образцы. Выявляется чистая линия византийской орнаментики без воздействия скандинавского искусства. В результате уточняется процесс внедрения византийской основы в русскую орнаментику.

Список сокращений:

МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии

ГИМ – Государственный исторический музей, Москва

Библиография:

АЙБАБИН А.И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. – Симферополь: «Таврия», 1990. Вып. I. С. 5–85, 175–241.

АЙБАБИН А.И., ХАЙРЕДИНОВА Э.А. Могильник у села Лучистое. Раскопки 1977, 1982–1984 годов. Том I / Боспорские исследования. Supplementum 4. – Симферополь; Керчь: Издательский дом «АДЕФ-Украина», 2008. 335 с.

АНДРОЩУК Ф., ЗОЦЕНКО В. Скандинавские древности Южной Руси. Каталог. – Paris, 2012. 369 с.

ВИЗАНТИЯ СКВОЗЬ ВЕКА: каталог выставки. – СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа. 2017. 428 с.

ВИЗАНТИЙСКИЕ ДРЕВНОСТИ. Произведения искусства IV–XV веков в собрании Музеев Московского Кремля. – М.: Музеи Московского Кремля 2013. 608 с.

ДАРКЕВИЧ В.П. Светкое искусство Византии. Произведения византийского художественного ремесла в Восточной Европе X – XIII века. – М.: Искусство. 1975. 350 с.

ЖИЛИНА Н.В. Древнерусские клады IX–XIII вв. Классификация, стилистика и хронология украшений. – М.: URSS; Книжный дом «Либроком», 2014. 400 с.

ЖИЛИНА Н.В. Стилистические параллели: ювелирные украшения, архитектурная резьба и живопись Древней Руси // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2016. № 4 (66). С. 129–142.

ЖИЛИНА Н.В. Лунничные серьги и колты средневекового Крыма (матрица из фондов ГИАМЗ «Херсонес Таврический») // МАИЭТ. – Симферополь, 2018а. Вып. XXIII. С. 270–277.

ЖИЛИНА Н.В. Древнерусская резьба и роспись по дереву // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – М., 2018б. № 4. С. 80–96.

ЗАЛЕССКАЯ В.Н. Памятники византийского прикладного искусства IV–VII веков. Каталог коллекции. – СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2006. 272 с.

ЗАСЕЦКАЯ И.П. Датировка и происхождение пальчатых фибул Боспорского некрополя раннесредневекового периода // МАИЭТ. – Симферополь: «Поділля», 1998. Вып. VI. С. 479–489.

КАИНОВ С.Ю. Наконечники ножен мечей из Гнѣздова // Acta Militaria Mediaevalia. – Kraków–Sanok. 2009. V. S. 79–110.

КОРЗУХИНА Г.Ф. Клады и случайные находки вещей круга «древностей антов» в Среднем Поднепровье. Каталог памятников // МАИЭТ. – Симферополь: Таврия. 1996. Вып. V. С. 352–435; 586–705.

МУРАШЕВА В.В. Супрутский клад. Из раскопок 1969 г. Труды ГИМ. – М.: ГИМ. 2008. Вып. 175. 48 с.

НАСЛЕДИЕ ВИЗАНТИЙСКОГО ХЕРСОНА. – Севастополь, Остин: Телескоп, Институт классической археологии, 2011. 708 с.

РЫБАКОВ Б.А. Ремесло Древней Руси. М.: Издательство Академии наук СССР, 1948. 792 с.

СМИРНИЦКАЯ Е. В. Германский звериный стиль как орнаментальное искусство // Атлантика. – М.: «МАКС Пресс». 2012. Вып. X. С. 131–182.

ФЕХНЕР М.В. 1993. Древнерусское золотное шитье X–XIII вв. в собрании Государственного исторического музея // Труды ГИМ. Средневековые древности Восточной Европы. – М.: ГИМ. 1993. Вып. 82. С. 3–21.

ЭПОХА МЕРОВИНГОВ. Европа без границ. Археология и история V–VIII вв. – München: Edition Minerva Hermann Farnung. 2007. 592 с.

SCHULZE-DORLAMM M. Monographien. Band. 24. Der Mainzer Schatz der Kaiserin Agnes. – Mainz: Thorbecke, 1991. 134 S.

Иванов А.В.,

Кулагин А.В.

**К ИСТОРИИ ТОПОНИМА «МЫС ВИЗУЛЯ»
В РАЙОНЕ КАЗАЧЬЕЙ БУХТЫ Г. СЕВАСТОПОЛЯ**

A. Ivanov,

A. Kulagin

**To the History of the Toponym «Cape Vizula»
in the Area of Cossack Bay of the City of Sebastopol**

Изданная в 1912 г. карта «Распределение биоценозов в Черном Море у Севастополя», прилагавшаяся к биологическому исследованию С.А. Зернова [Зернов, 1912] уже рассматривалась как уникальный источник исторической информации, отражающий сложившуюся к началу прошлого столетия топонимику акваторий и берегов Севастопольских бухт [Иванов, 2018, с.32-34].

Внимание авторов привлек топоним «мыс Визуля», с привязкой к западному входному мысу Казачьей (Двойной) бухты (рис.1). Более ни на одной из известных нам современных и исторических карт рассматриваемый топоним не встречается, а указанный мыс выступает как безымянный. Очевидно на карте 1912 г. отражен топоним, закрепившийся в устной традиции, бытовавшей среди местных рыбаков. Полученной от них информацией С.А. Зернов широко пользовался при составлении рассматриваемой карты, что и отметил в аннотации к ней.

В бытовавшем к началу XX в. топониме сохранилась память о кораблекрушении, произошедшем здесь почти за столетие до публикации карты. В ночь с 1 на 2. 10. 1817 г. на камнях у входа в бухту погиб фрегат российского Императорского флота «Везул». Документы, содержащие подробнейшее изложение событий объединенные в «Дело о разбитии бурей фрегата «Везул» близ Херсонесского маяка» хранятся в фондах РГАВМФ [РГАВМФ, ф. 243, оп. 1., д. 1121], позднее обстоятельства катастрофы были освещены в ряде публикаций [Соколов, 1855, с. 89-92].

Фрегат в последствие получивший название «Везул» (длина - 37 м, ширина - 10,1 м, осадка - 3,7 м., вооружение - 32 орудия) был заложен на подрядной верфи в Херсоне в 1812 г. вместе с однотипным фрегатом «Спешный», строитель корабельный мастер М. И. Суровцовев, и в августе 1814 г. присоединился к севастопольской эскадре (Веселаго, 1872, с. 476-477, История отечественного...2004, с. 314). Свое название корабль получил в память событий Заграничных походов русской армии 1813-14 гг. Город Везуль (фр. Vesoul) на востоке Франции, административный центр департамента Сона Верхняя (в исторической области Франш-Конте) где в январе 1814г. располагалась штаб-квартира союзных войск, знаменательным событием считалось присоединение здесь к действующей армии великих князей Николая и Михаила Павловичей.

До своей гибели фрегат «Везул» провел две кампании в плаваниях в составе эскадры и самостоятельном крейсерстве у побережья Кавказа. Днем 30 сентября 1817 г. фрегат под командованием кап. 2 ранга Стожевского вышел в крейсерство к берегам Мегрелии, имея на борту груз и некоторые денежные суммы для гарнизона крепости Сухум-Кале. По выходе из порта он был, застигнут штормом исключительной силы, причинившим ущерб даже каменным строениям Севастополя.

Ночь фрегат штормовал в открытом море и ближе к утру, потерявши свое местоположение, оказался в опасной близости берега. Согласно рапорту командира фрегата, адресованному флотскому начальнику в Севастополе к. адмиралу Ф. Быченскому «жестокостию ветра несло фрегат к берегу как под парусом, на 17сажнях бросили якорь плехт (первый становой якорь на правом крамболе - авт.), не успев бросить других якорей, ударило фрегат лагом левого борта о камень и начало бить жестоким образом, а потом, в скорости и повалило на левый бок, причем приказано было срубить мачты, дабы сколь возможно, облегчить удары фрегата. По рассвету же увидели себя выброшенными на западном мысу Казачьей бухты». Экипажу удалось организованно спастись на берег, утонуло два человека «бросившись прежде времени от страха в море».

Спасательные работы были организованы уже на следующий день. Внимание к их проведению проявил пребывавший с инспекцией в Севастополе великий князь Михаил Павлович, посетив место крушения 3 октября. Артиллерия, значительная часть оснастки, припасов и предметов снабжения с потерпевшего крушения корабля была спасена, сам же фрегат «разломавший себя во многих местах под водою» сохранить возможным не представлялось «жестокое волнение время от времени разламывает его». Было принято решение, насколько позволит осенняя погода разобрать корпус на месте

крушения – «разобраньем корпуса спасти железо и медные листы как можно скорее».

Разборка корабля была предпринята силами моряков ластовых экипажей под руководством квартирмейстера 8 полка Мохнаткина. Корпус корабля удалось разобрать до «палубы кубрика». С 10 на 12 декабря остов фрегата был окончательно разломан штормом, носовую часть без киля выбросило на берег, «носовую фигуру унесло в море», кормовая часть с ахтерштевнем осталась в воде. На протяжении зимы на берег выбрасывало более или менее крупные фрагменты корпуса.

Следственная комиссия отметила распорядительность командира корабля и должную организацию службы и выучку экипажа и квалифицировала «несчастное приключение фрегата «Везул» от бури случившееся» как произошедшее «по воле божией», на этом история завершилась.

Достаточно широко известно, что недалеко от входа, у западного берега Казачьей бухты находится подводный объект, определяемый как остатки конструкций корпуса деревянного парусного судна. На сегодняшний день на дне наблюдаются фрагменты набора корпуса с бронзовыми креплениями и массивные конструктивные элементы, предположительно палубы. Судя по их массивности, это был довольно крупный корабль или судно. Однако, до настоящего времени, какие либо данные для его атрибутации отсутствовали. Полагаем, что представленные материалы не исключают связи артефакта с драматическими событиями осени 1817 г.

Безусловно, нерядовое событие, на столетие закрепились в народной топонимике, в настоящее время представляется целесообразным в память о российском фрегате «Везул» юридически закрепить топоним «мыс Визуля» за безымянным западным входным мысом Казачьей бухты.

Библиография:

ВЕСЕЛАГО Ф.Ф. Список русских военных судов с 1668 по 1860 год. СПб., 1872. - 798 с.

ЗЕРНОВ С.А. К вопросу об изучении жизни Черного моря. // Записки Импер. акад. наук - СПб. - сер. 8, т. 32. -1913. -229 с.

ИВАНОВ А.В. Карта С.А. Зернова «Распределение биоценозов в Черном Море у Севастополя» 1912г. как источник по исторической топографии и топонимике региона.// Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока. Тезисы докладов. – Москва. 2018.- 103 с.

История отечественного судостроения. СПб.1994.- т.1 - 470с.

СОКОЛОВ А.П. Летопись крушений и пожаров судов Русского флота, от начала его по 1854 год. СПб. 1855.- 393 с.

РГАВМФ, ф. 243, оп. 1., д. 1121.

**РОССИЯ, США И ТУРЦИЯ
В ЧЕРНОМОРСКО-СРЕДИЗЕМНОМОРСКОМ РЕГИОНЕ:
ИНТЕРЕСЫ, ПРОТИВОРЕЧИЯ, ПЕРСПЕКТИВЫ**

A. Irkhin

**Russia, the USA and Turkey in the Black Sea and Mediterranean Region:
Concerns, Challenges and Prospects**

Соединенные Штаты Америки в современном мире являются единственной глобальной сверхдержавой. Вашингтон, сосредоточив в своих руках лидерство в четырех основных показателях силы: военном, экономическом, технологическом и идеологическом, – пытается возглавить процессы формирования новой системы международных отношений, которые имеют два основных направления: США формируют рамки международных трансформаций, где имеют достаточно ресурсов для «дирижирования» и приспосабливаются к процессам и изменениям, где они не могут реализовывать первый механизм.

Российская Федерация и Турецкая Республика по этим же показателям силы являются региональными державами, где их интересы сталкиваются и совпадают по ряду ключевых направлений на постсоветском пространстве, Балканах, в Центральной Азии, Черноморско-Средиземноморском регионе и на Ближнем и Среднем Востоке.

В последние пять лет на региональном и глобальном уровнях произошли значительные изменения в политике США, России и Турции, которые, несмотря на значительные различия во внешнеполитических интересах данных субъектов, в целом укладываются в единую линейную логику: формирование нового мирового порядка, основанного на логике определения сфер влияния и отказа от построения универсалистской системы международных отношений, создаваемой на основе управления из одного центра.

На уровне обобщения политическая ситуация выглядит таким образом, что присоединение Крыма к России в 2014 году, процесс Брексита и приход Д. Трампа в 2016 году запустили антиглобалистский тренд развития международных отношений. При этом необходимо понимать, что появление в Бе-

лом доме президента-антиглобалиста является третьим хронологическим действием в данной исторической цепочке: то есть элиты, запустившие процесс регионализации мира подтвердили его уже на уровне единственной глобальной державы, либо, если избегать конспирологической риторики, США были вынуждены приспособливаться к размыванию основ *Rex Americana*.

Анализ двух основополагающих доктринальных документов для американской внешней политики: Стратегии национальной безопасности-2017 и Национальной оборонной стратегии-2018 – позволяет сделать выводы о коренном пересмотре основ американской внешней политики, которые были заложены во внешнеполитическом курсе США последние 75 лет.

Эти два документа включают в себя параметры американской внешней политики администрации Д. Трампа: приоритет внутренней политики над внешней, признание ошибочности прежнего глобалистского курса, необходимость оплаты союзниками Америки своей безопасности, признание Америкой де-факто многополярного мира, потерю США исключительного военного превосходства, «поддержание мира через силу», необходимость выстраивания США благоприятных для себя балансов сил в различных регионах мира, продвижение американского влияния и американских ценностей через готовность США разделять ответственность в различных регионах со своими союзниками, переход к исключительно реалистической интерпретации своих национальных интересов и прекращение насильственного распространения своих ценностей за рубежом, существование у США двух типов конкурентов: стратегические – Китай и Россия, и соперники: Северная Корея и Иран (National Security Strategy, 2017).

В Стратегии национальной безопасности-2017 и Национальной оборонной стратегии-2018 Черноморско-Средиземноморский регион отдельно не выделяется США, однако, он является частью трех центральных для американской внешней политики регионов мира – Европы, Ближнего Востока и Африки. США будут сохранять присутствие в этих районах, формируя для себя выгодный баланс сил, и не допускать попадания любого из них под контроль одной державы. Такая постановка дает определенные рамки для реализации российского внешнеполитического курса, которые заключаются в разделении сфер влияния в Черноморском регионе с Турцией и недопущении «третьего лишнего» с одновременным формированием для себя выгодного баланса в Средиземноморском регионе через расширение круга союзников. Соединенные Штаты Америки будут пытаться восстановить логику «английского баланса» по взаимному сдерживанию России и Турции, где для них будет перспективен также турецко-украинский альянс против России с одновременным размыванием действующей с 1936 года Конвенции Монтре, ко-

торая препятствует их непосредственному военно-политическому доступу в Черноморский регион. Эрозия основ Конвенции Монтре и последующий негативный для России эффект домино по военно-морской милитаризации региона может привести к реализации исторической аналогии Парижского мира 1856 года, когда объединенный Запад вместе с Турцией нанес России тяжелое военное поражение на ограниченном сухопутном пространстве, лишив на последующие 15 лет военно-морского флота в данном регионе.

Внешняя политика Турецкой Республики с 2002 реализуется в рамках доктрины «Стратегической глубины» правящей партии Справедливости и развития, хотя в настоящее время на официальном и экспертном уровне декларируется существенный отход от нее.

Турецкая «Стратегическая глубина» может быть описана рядом взаимосвязанных параметров: «Турция, как центральное государство», «приоритет мягкой силы», «ноль проблем с соседями», «экономическая взаимозависимость», «историческое наследие», «гуманитарная дипломатия», «международное посредничество», «страна-модель», «энергетический хаб-корridor» (Davutoğlu, 2014). Все параметры должны были способствовать достижению главной цели: вынесение вглубь турецкой территории стратегически важных центров развития государства за счет воссоздания османского пространства, то есть они нацелены на пересобирание новой усеченной Османской империи на основе новых/старых смыслов. В 2016 году после отставки А. Давутоглу с должности премьер-министра несколько параметров «Стратегической глубины» были значительно пересмотрены: парадигма «ноль проблем с соседями» перестала быть актуальной после начала военной кампании Турции в Сирии, по этой же причине «жесткая сила» заменила «мягкую».

Самые значительные изменения в турецкой внешней политике произошли в Черноморском регионе после 2014 года. Хотя, Анкара, по сути, способствовала присоединению Крыма к России, этот процесс разрушил выстраиваемый десятилетием ранее региональный баланс сил в Черноморском регионе. Турция отнеслась к переходу Крыма под юрисдикцию России как к меньшему злу по сравнению с появлением американских баз на полуострове, однако, обратной стороной стало усиление России не только в Черноморском, но и Средиземноморском регионе. Ответом Турецкой Республики является создание военно-морской базы на Черном море, развитие военнотехнического сотрудничества с Украиной, публичная дипломатическая поддержка крымских татар и украинской позиции в отношении «аннексируемого Крыма», которая ежегодно декларируется турецким МИД накануне 16 марта. Однако самым большим вызовом для российской внешней политики являет-

ся реализация проектов по созданию параллельных Босфору и Дарданелл искусственных каналов, которые могут в перспективе размыть Конвенцию Монтре, которая действует с 1936 года и в настоящее время полностью отвечает интересам РФ.

Внешняя политика Российской Федерации в Черноморско-Средиземноморском регионе получает фундаментальный импульс для развития после марта 2014 года. На тот период воссоединению Крыма с Россией способствовал ряд факторов: столкновение американского плана Большой Ближний Восток и турецкой доктрины «Стратегической глубины» – по сути глобалистский американский проект столкнулся с региональной турецкой концепцией, действующая конвенция Монтре, ограничивающая военноморские возможности нечерноморских держав в Черноморском бассейне, и позиция Турции по крымскому вопросу. Однако, несмотря на существование значительной сферы стратегических интересов между Россией и Турцией, по мнению большей части турецкой элиты после 2014 года в Черноморском регионе сдвинулся региональный баланс сил в пользу РФ и Россия получила возможности влиять на ситуацию в пределах турецкой «Стратегической глубины», поэтому противоречия между Москвой и Анкарой отягощаются новым витком противоречий по мере ослабления глобальной гегемонии США, что может привести к внезапному ухудшению российско-турецких отношений и столкновению Турции и России по всей линии общих интересов и конкуренции от Балкан до Центральной Азии.

Библиография:

DAVUTOĞLU A., *Stratejik derinlik. Türkiye'nin uluslararası konumu*, (İstanbul: Küre Yayınları, 2014).

National Security Strategy of the United States of America. December 2017. Available at: <http://nssarchive.us/wp-content/uploads/2017/12/2017.pdf>

ТАНАИС ИЛИ БОРИСФЕН В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ АРАБСКИХ ГЕОГРАФОВ

T. Kalinina

Tanaïs or Borisfen in Concepts of Arabian Geographers

Арабские писатели не бывали на территории Восточной Европы, за редкими исключениями, поэтому основой их воззрений были книжные данные.

Математик и астроном первой трети IX в. Мухаммад ибн Муса ал-Хорезми, написал “Книгу картины Земли”, которая являла собой переработку, на основе новых материалов, “Географического руководства” ученого II в. н.э. Клавдия Птолемея; возможно, его более поздних сирийских вариантов. Математические и астрономические труды ал-Хорезми были широко известны как в мусульманском, так и в западноевропейском мире, но его географическое сочинение не имел широкого распространения и не оказало заметного влияния на воззрения арабов.

Сочинение ал-Хорезми было выполнено в виде списков координат долгот и широт для 2402 городов, крайних точек гор, прибрежных линий морей, очертаний островов, истоков, течений и устьев рек, разделенных по семи климатам. Исследователи полагали, что книга ал-Хорезми была выполнена как руководство для составления карты; вопрос о том, имеет ли отношение «Книга картины Земли» к карте, составлявшейся для халифа ал-Ма’муна, окончательно не решен [Mžik 1915: 162–163; Honigmann 1929: 156, 160–161; Nallino 1944: 473; The History of Cartography 1992: 94–100].

Выбор координат происходил по данным долготы дня и положению Солнца в полдень. Именно по этим параметрам были выбраны из сведений Птолемея точки координат в Причерноморье и Приазовье, связанные также с координатами очертаний береговых линий этих морей и некоторых рек. Данные координат полностью отличались от птолемеевских. Ученый использовал названия из труда Птолемея в искаженной, приближенной к арабскому звучанию форме; им были включены и соответствующие его времени арабские названия.

При описании Земли и ее водных пространств географы уделяли внимание крупным восточноевропейским рекам. В труде ал-Хорезми очертания морей и водоемов строго следовали от одной точки долготы и широты к другой; в большинстве случаев та или иная координата указывала на место впадения или поворота близкой реки, здесь же был показан соответствующий населенный пункт [Mžik 1926].

С древних времен река Танаис (Τάναϊς), современный Дон, была известна как граница между Азией и Европой [Plin. III, 3; Strabo I, 4, 7; VII, 4, 5; XI, 1, 1; Ptol. III, 5.], поэтому описанию её уделялось особое внимание как в античной, так и в арабской географии.

По мнению ряда античных авторов, истоком Танаиса считались Рипейские горы, однако по данным Птолемея, исток этой реки лежал у меридиана, по которому проходил восточный предел Европейской Сарматии (Древняя Русь 2009: 182, 184, 190; Подосинов 2017: 89). По данным книги ал-Хорезми, началом реки Ṭānīs (в издании, по единственной рукописи, искаженно – Ṭābis) назван некий источник (*айн*); на изображении Меотиды в рукописи труда ал-Хорезми 1037 г. исток этой реки тоже показан в небольшом озере [Das Kitab surat al-ard 1926: 156; The History of Cartography. Plate 5. В этом издании имеется ошибка: в подписи к карте в верхнем левом углу указано Черное море, в то время как координаты впадения показывают Северное Внешнее]. Далее данные Птолемея и координаты книги ал-Хорезми, хотя они различны, тем не менее показывают течение Танаиса до угла города Sūris (Ναύαρς Птолемея), поворот близ него и впадение в Меотиду, которая у ал-Хорезми названа al-Baṭīḥa [Das Kitab surat al-ard 1926:156; Калинина 1988: 53 (пер.), 103 (коммент.)].

Слово «ал-Батиха» переводится как «широкое русло потока», «долина»; ал-Хорезми часто применял этот термин по отношению ко многим озерам. В подписи к карте в книге ал-Хорезми оно названо *Бата'их Майутис*, где *бата'их* – мн. ч. от *ал-батиха*, что напоминает латинское *paludes Meotides* – «Меотийские болота»: широко распространенное название Азовского моря и в античности, и в средневековье. Не исключено поэтому, что в названии отражено еще и римская, а не только птолемея, географическая традиция.

Большая часть античных географов хорошо знала, что Танаис впадает в Меотиду [Herod. IV, 58.1; Mela I, 115; Plin. IV, 78; Strabo VII, 4, 4; XI, II, 2]. Однако позднее некоторые познеантичные и позднеримские (или ранневизантийские) писатели считали Танаис вытекающим из Меотийского озера и впадающим в Понт Эвксинский [Arrian. Anabasis. III, 30, 8; Procop. Caes. BG. IV, 4, 21; Euagr. Hist. eccl. IV, 23.]. Таким образом, Меотида оказывалась отделенной от Понта руслом Танаиса, а течение Танаиса воспринималось как

продолжение Керченского пролива, поэтому отмечалось впадение этой реки в Понт, а не в Меотис.

У арабских ученых описания Черного моря, называемого, как и у античных географов, Понтом (*Бунтус*, иногда с искаженной диакритикой: *Нитас* или *Нитаи*), у ал-Хорезми – Море *Барики и Лазики*; Меотиса (*Майутис*, *Майтас*, *Маватис*), также иногда с искаженной диакритикой: *Манитас* или *Манитаи*) и Танаиса (*Танис* или *Танаис*) были широко известны.

В описании морей Земли была распространена версия ал-Баттани (ок. 858 – 929). Он писал, что в море Понт впадает река Танаис, которая течет со стороны севера от озера Меотис, оно же на самом деле является большим морем. Вблизи Константинополя отделяется от него (Понта или Меотиса?) пролив, который течет подобно реке и впадает в море Средиземное [Al-Battani 1898: 27; Калинина 1988: 144 (пер.), 146 (коммент); пер. см. также Крачковский 1957: 103]. По версии ал-Баттани, устье Танаиса перенесено в Понт. Указано также, что пролив, отделяющийся у Константинополя, выходит из моря, но не уточняется, какого именно – Понта или Меотиды. Речь должна была бы идти о Босфоре, выходящем из Черного моря, как это и есть в реальности. Но если вспомнить вышеуказанные описания, то не исключено, что вместо Керченского пролива и даже Босфора иные средневековые ученые «видели» глубинное течение реки Танаис внутри Меотиды и Понта

Такое же описание, заимствованное либо у самого ал-Баттани, либо у неизвестных посредников можно встретить в сочинениях арабских ученых разных жанров: географа Ибн Русте (Ṭānīs) [Kitāb al-A‘lāk an-nafisa 1892: 85–86], церковного историка Агапия Манбиджского (Ṭānāīs) [Kitāb al-‘Unwan 1910: 620]. Энциклопедист ал-Мас‘уди в своих двух сохранившихся книгах тоже повторил сведения ал-Баттани о море Понт и впадении в него великой реки Танаис, которая начиналась в большом озере на севере, из источников и гор. Берега же её, по мнению ал-Мас‘уди, населяли живущие на севере потомки Яфета – славяне и другие народы [Maṣoudī 1861: 260–261; Kitāb at-tanbih 1894: 67], а море Меотис находилось далеко на севере, вблизи города (sic!) Туле [Kitāb at-tanbih 1894: 66–67]. Эти материалы ал-Мас‘уди о Понте, Меотиде и реке Танаис повторил ученый XI в. ал-Бакри [Kitāb Al-Masālik wa-al-mamālik 1992: 204–205]. Среднеазиатский ученый ал-Хараки (ум. 1138 г.) тоже воспроизвел данные на северное положение и Меотиса, и истока Танаиса, при этом полагая, что Меотис – это море варягов [Al-Battani 1897: 173. N. 4. Часть этого сочинения включил в издание книги ал-Баттани его публикатор С. Наллино. Об издании книги ал-Хараки у меня сведений нет]. Ал-Хараки механически соединил книжные материалы о Меотиде на севере со сведениями ал-Бируни о «варяжском море» [Древняя Русь 2009. III: 23].

Воззрения некоторых средневековых ученых на северное положение Меотиды и исток Танаиса в ней, как и впадение Танаиса в Черное, а не Азовское море, явились отходом от античной традиции, представлявшей Азовское море и реку Дон (Танаис) достаточно реалистично.

Река Борисфен (Днепр) была знакома многим античным и римским писателям. Птолемей писал о двух истоках реки Борисфен: северном истоке в Европейской Саматии и о втором истоке в озере Амадока, впадала река в Понт [Др. Русь. 2009. I: 184, 185]. Арабские географы вплоть до ал-Идриси не имели сведений о ней. Ал-Хорезми показал координаты для маленького, размером в половину градуса, озера *.rāstās* (название идентифицировано как искаженное *Барастанис*. Этот водоем принимал две безымянные небольшие реки; третья река с притоком, тоже без имени, выходила из него и впадала в Северное Внешнее море [Das Kitab 1926: 153; Калинина 1988: 52]. Предполагается, что водоем соответствует озеру Амадока Птолемея [Mžik 1936: 183; Калинина 1988: 102]. Издатель труда ал-Хорезми полагал, что текст здесь испорчен и река, идентичная, по мысли исследователя, Борисфену, должна была бы впадать в Понт [Mžik 1936: 184], а не в Северное Внешнее море. Но это предположение крайне шатко, поскольку оно зависит только от изменения диакритических знаков в числах координат.

Есть также гипотеза, что ал-Хорезми принял сведения Птолемея о двух близких истоках Борисфена за одно озеро, а также что землями у «озера Борисфена» имелась в виду чуть ли не вся Приднепровская пойма (Крюков 2009: 342–343). Это допущение, как и рассуждения об идентификации хоронов и гидронимов в Приднепровье, Причерноморье, Прикарпатье и др. по координатам ал-Хорезми, предполагает точное знание последним не только сочинения Птолемея, но и реальных просторов чуть ли не всей Евразии IX в., что едва ли свойственно мусульманскому автору – математику и астроному.

Помимо восстановленного названия для озера *Борисфен*, в книге ал-Хорезми встречается имя города, тоже с искажением: *Rās.. ā.s u моря* [Das Kitab 1926: 36; Калинина 1988: 40]. Название идентифицируется с городом Борисфен Птолемея и исправляется на имя *Растийанис*, где, как и в первом случае, опущена первая буква *Б* [Mžik 1936: 184; Калинина 1988: 40, 79]. Этот пункт, как и прочие (а не один, как отмечено: Коновалова 2017: 290) вблизи Черного моря (*моря Барики и Лазики* – так называл Черное море ал-Хорезми), а именно: *Истура* (Истр) на море, *Ауфатарийа* (Евпатория) на море, *Синийафа* (Синопа) на море, *Саудисайа* (восстановленный вариант, в рукописи – *Таурсана* – Феодосийа) на море, *Арсаса* (Гермонасса), *Арсина* (возможно, искаженное: Ойнантея) были выбраны ал-Хорезми не для познания окружающих море городов, а как необходимые для карты точки координат,

выбранные и исправленные из данных Птолемея по долготе дня, для построения очертаний береговой линии Черного моря. Также выделен ряд пунктов для прибрежной полосы Меотиды (*ал-Батихи*): *Танис* (Танаис), *Сурис* (Наварис), *Ксубис* (Эксополис), *Тирми* (Тирамба). Координаты этих пунктов еще раз встречаются при описании рек Черного и Азовского морей [Mžik 1936: 185–189; Калинина 1988: 46–47, 52, 53, 104].

Сведения о реке или городе Борисфен не встречаются в книгах других арабских ученых, что является прямым указанием на отсутствие реальных известий о Борисфене как Днепре (противоположную точку зрения см.: Коновалова 2017: 275–276, 289–290; Коновалова, Мельникова 2018: 129–132).

Упомянутый выше церковный историк Агапий Манбиджский называл седьмой климат Земли именем *Барис Санис*, весьма напоминающим название «Борисфен» [Kitab al-‘Unwan 1910: 615]. Заметно, что все известия Агапия о поверхности Земли, её климатах и водах вторичны, но первоисточник неизвестен. Появление наименования *Барис Санис* для седьмого климата (как и *Родос* для четвертого, *Геллеспонт* для пятого, Месопотамия (*Масубутамис*) для шестого) определенно указывают на использование близких к античным традициям.

Возвращаясь к теме существования названий Танаис и Борисфен среди арабских ученых, отметим новое предположение об идентификации известных данных из книги Ибн Хордадбега (IX в.) об одном из путей купцов-русов, которые везли меха и мечи по реке славян с испорченным названием до Хамлиджа, города хазар на Каспии (Kitâb al-Masâlik wa’l-Mamâlik 1889: 154; Древняя Русь 2009. III: 30–31 – пер. на рус. яз.; указания на прочие переводы см.: там же: 24).

Как известно, от названия реки славян осталось лишь окончание, которое в одной из двух рукописях имеет форму *нис*, в другой рукописи нет диакритических знаков. Начальные буквы (или буква) не воспроизведены, поэтому возникли предположения о конъектурных формах *Итиль* или *Танаис* [Обзор литературы см.: Калинина 1999: 79]. Варианта *Итиль* придерживается ряд исследователей, исходя в основном из данных о впадении реки в Каспий около Хамлиджа [литературу см. там же]. Конъектура *Танаис* вызвала возражение, поскольку основывалась на первой букве, если выбрать *т* вместо *н*, что не соответствует обычному написанию названия реки, так как оно везде в арабских источниках передается через эмфатическую букву *Т*. Однако это противоречие не исключает указанную идентификацию, поскольку сохранилась не начальная, а конечная форма слова: *нис*. Поэтому была предложена другая форма: не *Танаис*, а (*Бараста*)*нис* (Коновалова 2017: 294; Коновалова, Мельникова 2018: 131). Кроме указанной, окончания *нис* были представлены

в названиях рек *Туфанис*, *Гипанис*, *Варданис*; учитывая возможную перестановку диакритического знака, можно еще назвать *Аттикитис*, *Баскатис*, *Ромбитис*, *Данубис* и др. Сама форма *Барастанис* является искусственно восстановленной (все формы этого названия в «Книге картины Земли» ал-Хорезми искажены, как было показано выше). Хотя Ибн Хордадбех упоминал о том, что он переложил «Географию» Птолемея на арабский язык, поэтому мог знать имя *Барастанис*, но это произведение не сохранилось. Исследователи полагают, что оно явилось или исправлением какого-то арабского, на основе сирийского, перевода, или перевод был сделан автором только для собственного использования [историю вопроса см.: The History 1992: 10–11, note «f»; Idem: 99]. Привлечение данных древнерусских и византийских источников (Константина Багрянородного) подтверждает лишь существование в определенных кругах реальной информации о реке Днепр (не Борисфене). Связи географических представлений с византийской и тем более древнерусской традициями не существует. Предположение о появлении названия *Барастанис* в труде Ибн Хордадбеха более чем шатко.

Таким образом, арабские ученые имели сведения о реке Танаис, опираясь на античную традицию, хотя они не были реалистичными, но о реке Борисфен сведений не было.

Библиография:

Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. I. Античные источники. Составитель А.В. Подосинов; Т. III. Восточные источники. Составители: Часть I – Т.М. Калинина, И.Г. Коновалова. – М., 2009.

КАЛИНИНА Т.М. Водные пространства севера Европы в трудах арабских ученых // Восточная Европа в исторической ретроспективе. К 80-летию В.Т. Пашуто. – М., 1999. С. 84–99

КАЛИНИНА Т.М. Сведения ранних ученых Арабского халифата (Древнейшие источники по истории народов СССР). Текст, пер., комментарии. – М., 1988.

КОНОВАЛОВА И.Г. Северная Евразия в исламской геокартографии // Джаксон Т.Н., Коновалова И.Г., Подосинов А.В., Фролов А.А. Северная Евразия в картографии античности и средних веков. – М., 2017. С. 221–328.

КОНОВАЛОВА И.Г., МЕЛЬНИКОВА Е.А. Древняя Русь в системе евразийских коммуникаций IX–X веков. – М., 2018.

КРАЧКОВСКИЙ И.Ю. Арабская географическая литература // Крачковский И.Ю. Избр. соч. – М., 1957. Т. IV.

КРЮКОВ В.Г. Ал-Хуварізм про «Сарматію — землю бурджанів» та сусідні з нею «країни». – Луганськ, 2009.

ПОДОСИНОВ А.В. Восточная Европа в римской картографической традиции. Тексты, пер., комментарии. – М., 2002.

Al-BATTANI sive Albatenii Opus Astronomicum. – Mediolani, 1898. Pars III.

The History of Cartography / Harley J.B., Woodward D. Vol.2. Book 1. Cartography in the Traditional Islamic and South Asian Societies. – Chicago; London, 1992.

Kitāb al-A‘lāk an-nafisa VII auctore Abu Alī Ahmed ibn Omar Ibn Rosteh / M.J. de Goeje. – Lugduni Batavorum, 1892.

Kitāb al-Masālik wa’l-Mamālik (Liber viarum et regnorum) auctore Abu’l-Kāsim ‘Obaidallah ibn ‘Abdallah Ibn Khordādhbeh.../ M.J. de Goeje. – Lugduni Batavorum, 1889.

Kitab Al-Masālik wa-al-mamālik / A. P. Van Leeuwen and A. Ferre. –Tunis, 1992. Pars I–II.

Das Kitāb Šūrat al-arḍ des Abū Ġa‘far Muḥammad ibn Mūsā al-Khuwārizmī / H. v. Mžik. – Leipzig, 1926.

Kitāb at-tanbīh wa’l-ischrāf auctore al-Masūdī.../ M.J. de Goeje. – Lugduni Batavorum, 1894.

Kitab al-‘Unwan: Histoire Universelle écrite par Agapius (Mahboub) de Menbidj / Éd. et trad. en français par Vasiliev A. // Patrologia Orientalis. – Paris; 1910. Vol. V. Fasc. 4.

MŽIK H. Osteuropa nach der arabischen Γεωγραφική ὑφήγησις des Kl. Ptolemaios von Muhammad ibn Musa al-Huwarizmi // Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. – Wien, 1936. Bd. 43, H. 3–4.

MŽIK H. Ptolemaeus und die Karten der arabischen Geographen // Mitteilungen der Kaiserlich-Königlichen geographischen Gesellschaft. – Wien, 1915. Bd. 58. S. 152–176.

NALLINO C.A. Al-Huwārizmī e il suo rifacimento della Geografia di Tolomeo // Raccolta di Scritti editi e inediti / Ed. M. Nallino [Istituto per l’Oriente, V. Astrologia, astronomia, geographia]. – Roma, 1944.

КРЫМСКАЯ ВОЙНА: К ВОПРОСУ О ТЫЛОВЫХ КОММУНИКАЦИЯХ

A.Katiushin

The Crimean War: the Question of Rear Communications

Первая оборона Севастополя неоднократно попадала в прицел историков и множество раз тема героической 349-ти дневной защиты черноморской базы была отражена в произведениях искусства и литературы. Как известно, наши войска оставили Севастополь, а Крымская война была Россией проиграна. В советской историографии об этом конфликте широко распространена цитата из сочинений Владимира Ильича Ленина: «Крымская война показала гнилость и бессилие крепостной России» [Ленин 1973: 173-174]. Действительно, к печальному итогу привёл целый комплекс причин, от системных проблем в стране и армии (куда можно включить отечественную техническую отсталость на фоне инженерной революции первой половины XIX в. в западных странах, невысокую боевую подготовку солдат и офицеров и многое другое), до личной некомпетентности некоторых высших офицеров. Несмотря на общее незавидное положение русской армии на полуострове, Севастопольский укрепрайон удалось значительно усовершенствовать. Концентрация внимания командования именно на Севастополе, единодушие, патриотический энтузиазм и подвижничество его защитников привели к тому, что взятие этого города дорого стоило врагу.

Кроме других проблем у Крымской армии был ещё один негативный фактор, подтачивавший её боеспособность на протяжении всей войны: очень сложная, по объективным причинам, система доставки грузов к войскам и перевозки раненых. Во всякой «горячей» войне можно, как правило, чётко различить фронт, тыл и прифронтовую зону, в которых полководцы маневрируют своими боевыми соединениями, резервами и распоряжаются движением ресурсов. Говоря в общем, в рассматриваемой кампании тоже был фронт: всё крымское побережье с отдельными, особо горячими, участками. Союзники (как в литературе традиционно именуются вторгшиеся в Крым армии) не могли слишком далеко проникнуть вглубь Тавриды, поскольку не имели достаточно транспортных средств для обозов и были слишком зави-

симы по этой причине от своих береговых баз и судов. Русская армия, напротив, все надежды могла возлагать лишь на сухопутные силы (в которые вошел и военно-морской личный состав) и сухопутное обеспечение, даже не пытаясь конкурировать на море с современным и многочисленным флотом англо-французов.

Вход англо-французского флота в Чёрное море, состоявшийся 23 декабря 1853 г. (то есть, задолго до высадки под Евпаторией), фактически сразу прекратил черноморскую навигацию как русских, так и иностранных судов, ходивших в русские порты (при этом азовская навигация пока ещё сохранялась – она фактически прекратилась после занятия Керчи союзниками 12 мая 1855 г.). Несмотря на то, что в задачи союзников номинально входила лишь охрана турецких судов и берегов после Синопского сражения и их эскадры держались больше середины моря, появление неприятеля на торговых путях блокировало мореплавание. «Опасаясь с выходом в море попасть в руки неприятеля, никто не решался заключать контракта с правительством на доставку различных потребностей для наших черноморских портов и крепостей, расположенных на Крымском полуострове» [Дубровин 1900: Т. I. 22-24]. Таким образом, наша армия попала в уязвимое положение в вопросе снабжения уже зимой 1853 г., за восемь месяцев до высадки основных сил неприятеля на крымскую землю. Крым в середине XIX был малолюднен и производил продукцию только для собственного потребления, поэтому Симферопольская провиантская комиссия закупала всё необходимое в Харьковской, Курской и Воронежской губерниях [Дубровин 1900: Т. I. 34]. Надеяться теперь можно было лишь на сухопутный транспорт.

Между тем, с благоустроенными путями сообщения в Крыму было плохо. Лишь одна дорога могла называться «шоссе» - построенная по инициативе графа М.С. Воронцова от станции Таушан-Базар (современное село Привольное, в 5 км. к северу от Ангарского перевала), через ЮБК до Байдарской долины. Остальные пути представляли собой грунтовые дороги. Главнейшая из них, ведущая на материк через Перекоп, была частично усовершенствована несколькими мостами и укрепленными уклонами. Эти немногие благоустройства содержались за счёт земств. Воды на Перекопской дороге не хватало: колодцы встречались довольно редко, их производительность была ограничена. Путь на материк через Чонгар был более обеспечен водопоями, а вот дорога по Арабатской стрелке была абсолютно лишена пресной воды на многие вёрсты. Из Симферополя в Севастополь путь шёл через Бахчисарай, пересекая главные реки Западного Крыма. Он был оснащён мостами, но и здесь имелись практически непроезжие в распутицу участки. Дороги на Евпаторию, Ак-Мечеть (совр. пгт. Черноморское) и на восток полуострова были

ещё хуже Перекопской [Богданович 1876: Т. II. 247-249; Дубровин 1900: Т. I. 30-32]. Нельзя сказать, что командование не занималось улучшением путей сообщения: выравнивались прежние дороги, прокладывались новые, пути следования транспортов разводились с частными землевладениями, организовывались водопой, но всё это не могло радикально улучшить грунтовые дороги – во время осадков их состояние делалось очень плохим [Маркевич 1994: 134-141].

Зимой 1854 г. повозки всех типов и размеров из Москвы, Киева, Ростова, Воронежа и других мест плотно заполнили дороги, ведущие в Крым. Сан-ный путь заканчивался перед Белгородом и дальше, по мере продвижения на юг, движение транспортов затруднялось всё больше. У переправы через Днепр в районе Берислава собирался огромный затор: паромы не справлялись с перевозкой. От Перекопа дальше в Крым вели абсолютно раскисшие колеи. Убыль тяглового скота была очень велика и волы, запрягаемые в фуры, скоро стали большим дефицитом. Дорога непосредственно в Севастополь была ещё в более худшем состоянии, чем все остальные и грузы, необходимые осаждённому, надолго застревали в Симферополе. Преодоление небольших крымских расстояний занимало теперь сутки и недели (например, знаменитый Николай Иванович Пирогов, даже имея курьерскую подорожную, ехал из Симферополя в Севастополь более полутора суток). Некоторого ускорения движения удалось добиться учреждением от Берислава до Севастополя специальных пунктов, в обязанности сотрудников которых входило решение насущных дорожных проблем на их участках [Дубровин 1900: Т. II. 352-362, 368]. Почтовая служба в Крыму была в ужасном состоянии. Впрочем, проблемы в этом ведомстве начались задолго до войны и теперь, когда вдруг потребовалась усиленная работа почтовых станций, выяснилось, что нет достаточного количества ямщиков, лошадей, телег, дёгтя, сена и т.д. Персонал перегонов работал и жил в ужасных бытовых условиях, среди ямщиков была высока заболеваемость и смертность [Маркевич 1994: 139-147].

Князь Михаил Дмитриевич Горчаков, сменивший светлейшего князя Александра Сергеевича Меншикова на посту командующего Крымской армией в начале весны 1855 г., получил в наследство много проблем, фатальность которых он сам ясно осознавал. Транспортная и продовольственная часть перешла к нему с обострившимся дефицитом тяглового скота (поскольку большое количество волов было пущено под нож на армейские рационы) и фуража. Сено превратилось на полуострове в запас стратегического значения, на его рыночный оборот даже попытались ввести ограничения [Богданович 1876: Т. IV. 151 и сл.; Маркевич 1994: 159 и сл.].

Положение осаждённых весной 1855 г. серьёзно ухудшилось с открытием навигации. Теперь, когда транспорты регулярно и безопасно ходили по морю, осаждающие оказались обеспечиваемы пополнением, провиантом, боеприпасами и материалами гораздо лучше севастопольцев, так как на наших сухопутных коммуникациях ещё продолжалась весенняя распутица. Союзники с новыми силами приступили к бомбардировкам и осадным работам. 28 марта начался второй массированный обстрел Севастополя. Русская артиллерия вынуждена была вести в два раза менее плотный ответный огонь из-за недостатка пороха, хотя и были предприняты экстренные меры по его доставке в город. Но прибывающие обозы с порохом всё равно могли обеспечить только лишь ежедневные расходы. Убыль личного состава вследствие неприятельских обстрелов была велика, поскольку солдат приходилось держать на позициях под огнём в ожидании штурма. Сложившиеся обстоятельства приводят Горчакова к мысли, что Севастополь всё же придётся оставить и он делится этой мыслью с императором [Дубровин 1900: Т. III. 68-69, 74-76]. Тем не менее, оборона продолжалась остаток весны и все лето 1855 г...

Трудности с доставкой необходимых военным грузов к переднему краю сыграли не последнюю роль в поражении русской армии в Крыму. В середине XIX в. Крым всё ещё оставался для остальной России экзотическим уголком «в восточном вкусе», где не было серьёзной промышленности и благоустроенных путей сообщения. Отсутствие всесезонных дорог не было исключительным явлением в России (скорее наоборот, являлось правилом), но именно в Крыму, из-за особенностей географии полуострова, это обстоятельство обернулось катастрофой. Следует сказать, что при всех растянутых коммуникациях, ужасных дорогах, дефиците людей и животных и т.д., командованию всё же удавалось долгое время поддерживать жизнеспособность капризной системы обеспечения. Но затраченные на это средства были огромными [Богданович 1876: Т. IV. 159, прил. 38]. Эти расходы, вместе с другими военными тратами, несомненно сыграли свою негативную роль в послевоенном экономическом кризисе в России.

Библиография:

БОГДАНОВИЧ М.И. Восточная война 1853-1856 годов. СПб., 1876. Т. I-IV.

ДУБРОВИН Н.Ф. История Крымской войны и обороны Севастополя. СПб, 1900. Т. I-III.

ЛЕНИН В.И. Полное собрание сочинений. М., 1973. Т. 20

МАРКЕВИЧ А.И. Таврическая губерния во время Крымской войны.
Симферополь, 1994

**«СЛУХИ, СКАНДАЛЫ, РАССЛЕДОВАНИЯ»:
КРЫМСКО-ТУРЕЦКИЕ СВЯЗИ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ИМ
РОССИЙСКИХ ВЛАСТЕЙ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.¹**

D. Konkin

**«Rumors, Scandals, Investigations»:
The Crimean-Ottoman Relations and Russian Governments's
Attempts of Counteraction, ca. 1800-1850**

Присоединение к Российской империи Крыма в 1783 г. стало важнейшим внешнеполитическим действием, радикальным образом изменившим баланс сил в регионе. Статус внутренней территории полуострова избавил Россию от геополитических рисков и позволил безопасно и успешно развивать свои причерноморские владения. Блестяще проведенная Г.А. Потемкиным процедура мирного присоединения позволила Российской империи в краткосрочной перспективе добиться признания и поддержки российского статуса Крыма, как среди «главных игроков» европейской политики – Австрии, Англии и Франции [Черкасов 2000; Станиславская 1962: 72–73; Мадариага 2002: 620–621; Брикнер 1885: 402–403], так и со стороны османской Турции [ПСЗРИ. Т. 21. № 15901: 1082–1083]. Но, как оказалось, данное обстоятельство вовсе не гарантировало от попыток иностранных государств изменить ситуацию, отобрать Крым у России и вернуть в орбиту влияния османов. Уже в 1787 г. началась русско-турецкая война, одной из целей которой со стороны Турции являлось возвращение Крыма под свое влияние. В 1788 г. Швеция предъявила России ультиматум, где одним из пунктов числился возврат Крыма Турции [Черкасов 2004: 385].

Для выяснения умонастроений внутри Крыма и для распространения выгодных для себя мнений с самого начала XIX в. турки развернули на полуострове активную разведывательную и пропагандистскую работу. Известия о пойманных провокаторах (турках и крымских татарах-эмигрантах) можно найти, как в воспоминаниях современников [Мертваго 2006: 136–137, 143–

¹ Исследование выполнено в рамках госзадания Министерства науки и высшего образования РФ № FZEG-2017-0013 («Российская империя и Крым: основные проблемы, концепции, понятия»)

145], так и в архивных делах рассматриваемого периода. Весной 1803 г. министру внутренних дел В.П. Кочубею была доставлена секретная депеша с докладом председателя учрежденной в Крыму землеустроительной комиссии тайного советника и сенатора И.С. Лопухина. Лопухин сообщал, что на Южном берегу Крыма проживает большое количество бывших турецкоподданных, которые теперь называют себя татарами (южнобережная полоса в период Крымского ханства являлась владением османов. – Д.К.), и что среди них много осталось военных-ветеранов, служивших ранее в янычарских полках в гарнизонах крымских крепостей, принадлежавших османам (Кефе, Керчь, Еникале, Арабат, Перекоп и т.д.). Все они имели определенные татуировки, означавшие принадлежность к тому или иному янычарскому полку [РГИА, ф. 1286, оп. 1, д. 219, л. 56в]. Глава Комиссии с опаской отмечал, что многие жители побережья были отпущены российским правительством по паспортам в Константинополь. Но там они состоят на военной службе, при этом имеют возможность приезжать к родственникам в Крым и уезжать обратно [РГИА, ф. 1286, оп. 1, д. 219, л. 56в(об.)].

Характерный эпизод с распространением «злонамеренных» слухов среди крымскотатарских жителей связан с русско-турецким конфликтом 1828-1829 гг. Главе III-го Отделения, шефу жандармов А.Ф. Бенкендорфу 17 февраля 1828 г. было направлено письмо от екатеринославского помещика отставного полковника Михайлы Родзянко, в котором сообщалось о распространившемся в Екатеринославле слухе, что в Крыму среди татар ходит некая прокламация («род воззвания») от турецкого правительства. Бенкендорф посчитал нужным написать об этом секретное послание новороссийскому и бессарабскому генерал-губернатору М.С. Воронцову, с рекомендацией установить «бдительное наблюдение» за татарами и их поведением. Более того, данная информация была доложена Николаю I, который весьма внимательно отслеживал внутреннюю ситуацию в Крыму и еще до начала открытого противостояния с Турцией, в марте 1828 г. распорядился ввести наблюдение за крымскотатарской знатью. Причиной стал некий проступок командира дислоцированного в Санкт-Петербурге лейб-гвардии крымскотатарского эскадрона Адиль-бея Балатукова. Воронцов об этом распоряжении императора сообщил таврическому губернатору Нарышкину, и последний, кроме всего прочего, рекомендовал удалить из Крыма мурзу Мегмета (Мемета) Крымтаева. Эта мера показалась излишней, но император все-таки приказал, «...чтобы за сим дворянином имелось надлежащее наблюдение» [ГАРФ, ф. 109, оп. 3, д. 280, л. 3].

Небезлюбопытно, что через несколько лет оба упомянутых крымскотатарских мурзы снова оказались под пристальным вниманием царской «ох-

ранки». Как стало известно из опубликованных И.В. Зайцевым и А.А. Кролом архивных документов, осенью 1832 г. в Крыму среди татар разошелся слух о скором пришествии египетского паши Мухаммеда Али, который победит русских и завладеет Крымом. Один из распространителей этого воззвания бахчисарайский житель Мулла Дервиш, когда его спросили, что он думает о крымских мурзах и готовы ли они содействовать египетскому паше, отвечал, что Мемет Крымтаев «весьма верный мусульманин, предан исламу и всегда рад избавлению от владычества христианского..., также Адиль Бей (Балатуков) и многие другие мурзы весьма рады пришествию Мегмета Али паши» [цит. по: Зайцев, Крол 2016: 92–93].

Очередная серия слухов о готовящихся мусульманами агрессивных действиях в Крыму распространилась накануне Крымской войны. В апреле 1853 г. граф А.Ф. Орлов, сменивший в 1844 г. Бенкендорфа на должности главы III-го Отделения и шефа жандармов, обратился к властям Новороссийского края проверить достоверность сведений «будто бы татарские мирзы в Крыму имеют у себя большие склады пороха и что они подстрекаются к тому пребывающими туда турками» [ГАРФ, ф. 109, оп. 28, д. 101, ч. 1, л. 2-2об.]. В результате «негласного дознания» слухи эти оказались «незаслуживающими внимания и причинены были ложью о войне с Турцией и прибытием в Крым 13-й артиллерийской бригады» [РГАДА, ф. 16, оп. 1 (доп.), 1838-1844 гг., л. 1об.].

С большим вниманием российские власти отнеслись к информации полученной в октябре 1853 г. от командира почтового парохода «Крым», возвратившегося накануне из Константинополя. Капитан парохода сообщал, что четверо крымских татар «духовного звания» совершавшие хадж и недавно прибывшие из Мекки в Константинополь, получили аудиенцию у османского сераскира (военного министра) Ризы-паши и «уверяли турок, что в Крыму по первому мановению все готовы к восстанию» [РГАДА, ф. 16, оп. 1 (доп.), 1838-1844 гг., л. 2об.]. В донесении напротив этих строк Николай I оставил собственноручную помету: «Узнать кто такие и по возвращении выслать на жительство в Калугу и Ярославль» [там же].

Добавило беспокойства полученное министром внутренних дел в конце октября 1853 г. уведомление из Крыма от Херсонского и Таврического архиепископа Иннокентия, в котором сообщалось, что среди крымских татар распространился «весьма враждебный дух и нерасположение к русским и ко всем немусульманам», по поводу чего «христиане находятся... в тревожном состоянии, опасаясь в случае татарских восстаний не только за свои имущества, но за самую жизнь» [РГАДА, ф. 16, оп. 1 (доп.), 1838-1844 гг., л. 3]. Копия этой записки была представлена Николаю I, который повелел Новорос-

сийскому губернатору Федорову и находившемуся в том крае генерал-адъютанту князю Меншикову обратить внимание на настроения крымских татар и оградить их от влияния «злонамеренных людей» [там же, л. 3об.].

Таким образом, в моменты обострения внешнеполитической обстановки, в первую очередь, связанными с восточным вопросом, противоречиями и конфликтами с Османской империей, в Крыму среди крымскотатарских жителей сразу же начинали распространяться различного рода толки о скором «избавлении от христиан» и необходимости оказывать поддержку «единоверцам-освободителям». Определенная часть населения с готовностью и надеждой воспринимала подобные слухи, которые носили имманентный характер и часто усиливались с помощью внешних сил и факторов. В свою очередь российская власть, включая царских особ, внимательно отслеживала все подобные случаи, тщательно оценивала их достоверность и, в зависимости от степени угроз, определяла меры по их устранению. Следует отметить, что примеров фактической подготовки каких-либо заговоров против российской власти среди крымскотатарского населения, равно как и подготовки спланированных масштабных провокаций со стороны Турции выявлено не было. Все проявления сепаратизма, как правило, заключались в «устном» формате: распространении слухов, неблагонадежных разговорах, повторении пропагандистских клише и т.п.

Библиография:

БРИКНЕР А.Г. История Екатерины Второй. В 3 т. В 4 ч. Ч. 3: Внешняя политика. – СПб., 1885.

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации. Ф. 109. Оп. 3. Д. 280; Оп. 28. Д. 101, Ч. 1.

ЗАЙЦЕВ И.В., КРОЛ А.А. «Вражьи рифмы»: первый египетский кризис, хадж из Крыма и египетская пропаганда среди крымских татар в 1832 г. // Восток (Oriens). – 2016. № 5. С. 91–104.

МАДАРИАГА И. Россия в эпоху Екатерины Великой / пер. с англ. Н.Л. Лужецкой. – М., 2002.

МЕРТВАГО Д.Б. Записки (1760 – 1824) / изд. подгот.: С.Д. Дзюбанов, Г.Г. Мартынов. – СПб., 2006.

СТАНИСЛАВСКАЯ А.М. Русско-английские отношения и проблемы средиземноморья (1798-1807). – М., 1962.

ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. СПб., 1830.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов. Ф. 16. Оп. 1 (доп.). 1838-1844 гг.

РГИА – Российский государственный исторический архив. Ф. 1286. Оп. 1. Д. 219.

ЧЕРКАСОВ П.П. Франция и присоединение Крыма к России (1779–1783) // Россия и Франция: XVIII-XX века. – Москва, 2000. Вып. 3. С. 37–61.

ЧЕРКАСОВ П.П. Екатерина II и Людовик XVI. Русско-французские отношения. 1774–1792. М., 2004.

Костромичев Д.А.,

Дюженко Т.В.

**ДВЕ ТРАДИЦИИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СТРОИТЕЛЬНОЙ КЕРАМИКИ
В ОДНОМ ПОГРЕБАЛЬНОМ СООРУЖЕНИИ
ХЕРСОНЕССКОГО НЕКРОПОЛЯ**

Kostromichev D.,

Dyuzhenko T.

**Two Traditions of Using Construction Ceramics
in One Burial Ground of Chersonesos Necropolis**

В 2014 году на участке западного некрополя Херсонеса, в районе башни I исследовано погребальное сооружение, в котором было совершено два захоронения в различных конструкциях с использованием строительной керамики. Каждое захоронение получило в полевой документации отдельную нумерацию: могила №2 и могила №3.

Могила №3 (рис. 1). Погребальное сооружение представляло собой подбойную могилу, вырубленную в скале. Входная яма ориентирована по оси север-юг. В длинной западной стенке входной ямы была вырублена ниша-камера. Ниша несколько превышает по длине входную яму. Основание ниши поднято над уровнем дна входной ямы. Пол камеры отделен от входной ямы невысоким порогом.

В камере было совершено одиночное погребение пожилой женщины. Тело было уложено головой на юг в гробу от которого сохранились железные гвозди. Единственным сопровождающим погребение предметом была медная монета Аркадия, чеканенная между 19 января и 25 августа 383 г. Монета сильно пострадала от коррозии, вместе с тем на уцелевшей поверхности сохранила довольно четкий рельеф. Это свидетельствует о том, что монета находилась обращении не продолжительное время.

Камера была отделена от входной ямы кирпичной кладкой. Кирпичи выложены в семь рядов в один слой, и скреплены известковым раствором. Всего в кладке было использовано 42 целых и 8 фрагментированных кирпича. Все кирпичи сходны между собой по характеристикам глины, размерам и

технологии изготовления. Глина кирпичей тускло-красная, плотная, с мелкими лакунами, содержит примесь известняковых частиц. Длина кирпичей – 22,5-23 см; ширина – 14,5-15,2 см; толщина 3,2-3,8 см. Все кирпичи изготовлены с использованием формы в виде деревянной ячейки. Многие кирпичи носят следы небольшой деформации, образовавшейся в момент вытряхивания готовых кирпичей из формы.

На подавляющем числе кирпичей одна боковая длинная сторона была покрашена красной краской. Следует отметить, что укладка кирпича в закладе не зависела от положения этой грани. Часть кирпичей была уложена покрашенной стороной внутрь камеры, часть – наружу. Судя по единообразию, кирпичи представляют собой одну партию и изготовлены одновременно.

После укладки кирпичей поверхность заклада со стороны входной ямы была заштукатурена на толщину 3 см таким же известковым раствором, который использовался для скрепления кирпичей. Раствор белого цвета, содержит примеси дробленых морских раковин и мелкого камня. В качестве единичных примесей в растворе встречены мелкие угли. Поверхность штукатурки была заглажена. Цвет раствора был очень схож с цветом скалы, в которой вырублена могила. Возможно, это обстоятельство не случайно и подбор цвета был осуществлен для визуальной маскировки погребальной камеры.

Входная яма могилы №3 была засыпана грунтом, состоящим из плотной скальной крошки, насыщенной мелким камнем. В верхнюю часть этого заполнения была впущена могила №2.

Могила №2 (рис. 2). Представляет собой прямоугольную в плане яму, выкопанную в юго-восточном углу могилы №3, таким образом, что скальные борта могилы №3 составляют одновременно южную и восточную стенки могилы №2. Длина могилы №2 – 1,05 м, ширина 0,48 м.

После устройства ямы, её борта были обложены фрагментами черепицы и кирпичей. Керамиды были расколоты продольно. В погребении они поставлены вертикально, бортиками вверх. Вдоль восточного, скального борта было уложено два ряда плоских керамид, вдоль западного – три ряда. В торцах могилы также поставлены фрагменты керамики: в северном торце – фрагмент керамиды без бортиков, в южном два фрагмента кирпичей.

Над получившимся ящиком из черепиц уложено перекрытие, сделанное из одной целой и одной фрагментированной черепицы. Заполнение могилы состояло из затёчной, очень рыхлой земли, очевидно, проникшей со временем через щели в конструкции. В заполнении не встречено ни находок, ни остатков костей. Размеры сооружения ясно свидетельствуют о том, что оно предназначалось для погребения ребенка не старше 3 лет.

Из всей строительной керамики, использованной в конструкции, лишь одна черепица была уложена целой. Остальные были фрагментированы. Все они, очевидно, использованы вторично. Всего в конструкции использованы фрагменты 9 керамид и 2 кирпичей.

Относительная и абсолютная хронология совершения захоронений в описанном погребальном комплексе устанавливается благодаря монете из погребения в могиле №3. Захоронение, отделенное кирпичным закладом, совершается после 382 года. Вероятно, дата захоронения не выходит за пределы времени правления Аркадия, т.е. относится к двум последним десятилетиям IV – первому десятилетию V в. Совершенное позже или одновременно захоронение в «черепичной» могиле №2 не может относиться к более раннему времени. Верхнюю границу погребения в могиле №2 установить затруднительно. На относительную хронологическую близость детского захоронения и погребения пожилой женщины указывают два кирпича из детской могилы, которые аналогичны кирпичам из заклада подбойной могилы.

По отдельности «черепичные» могилы и подбойные могилы были неоднократно встречены при раскопках некрополя Херсонеса. Интерес представляет их сочетание в датированном комплексе.

В настоящее время считается, что «черепичные» могилы в некрополе Херсонеса были широко распространены только в эллинистический период. В пропорциональном отношении на долю черепичных могил приходится треть погребальных сооружений некрополя в это время. На рубеже нашей эры черепичные могилы выходят из массового употребления [Зубарь 1982: 15-17]. В.М. Зубарь указывает лишь на 4 таких могилы. При этом исследователь считает, что в первые века в них были совершены повторные захоронения с использованием старых конструкций [Бунятян, Зубарь 1991: 231]. Три самых поздних случая использования «черепичных» могил на некрополе Херсонеса зафиксированы на участке западного некрополя, раскопанном в 1983-1985 гг. Здесь были открыты две детские могилы (№55 и 57) обложенные черепицей и одна детская могила, сделанная из кирпича (№ 56). Эти могилы датируются IV в. н.э. [Зубарь, Шевченко, Липавский 1989а: 18, 19; Бунятян, Зубарь 1991: 228-231, рис. 2, 3].

Уникальным случаем для некрополя Херсонеса является сооружение заклада из кирпичей в подбойной могиле №3. До сих пор случаи применения закладов из кирпича фиксировались только в склепах с нишами-лежанками. При этом склепы с заложенными нишами образуют хронологически компактную и немногочисленную группу. В Херсонесе зафиксировано 7 случаев сооружения закладов погребальных ниш из камней, кирпичей или черепиц в склепах.

Самые первые заклады были обнаружены в склепах с христианской росписью. В склепе № 2114, одна из ниш была заложена пятью каменными плитами [Ростовцев 1914: 456, рис. 86]. Склеп № 2270 так же содержал заклад одной из ниш, сделанный из каменных плит. В этом склепе была найдена монета Льва I [Ростовцев 1914: 464]. В склепе, открытом 17 октября 1909 г. центральная ниша была заложена кладкой из кирпича [Ростовцев 1914: 467].

24 апреля 1912 года был открыт ещё один склеп с христианской росписью. В этом склепе левая лежанка была закрыта кладкой «из бутового камня на глине с прослойкой из битого кирпича». М.И. Ростовцев указывает размеры целых кирпичей: 23×17×3 см [Ростовцев 1914: 470].

В 1942 году в районе ул. Древней был открыт склеп, описанный А.К. Тахтаем. В этом склепе центральная лежанка была отделена закладом из черепицы, уложенной в два ряда на известковом растворе [Тахтай 1947: 123-125].

В 1959 году около I башни был открыт склеп с шестью нишами-лежанками. Одна из ниш в нем была заложена стенкой из плоских кирпичей, сложенных на глине. Поверхность заклада была оштукатурена [Суров 1961: 78-80]. Самые поздние монеты из склепа принадлежали времени правления Гонория (395-423 гг.). Е.Г. Суров относил последние погребения в склепе к началу V в. [Суров 1961: 81].

В склепе 1 1983 года одна из лежанок, расположенная против входа, была отгорожена от погребальной камеры стеной, сложенной из кирпичей и камней, скрепленных известковым раствором. Размеры целых кирпичей: 22×12,5×3,5; 34,3×15×4; 17,5×15,5×3,5; 24×15×3,5; 24,5×14,7×4; 23×15×4; 34×15,5×7; 22,5×14×4,5; 25,1×12,5×3 см [Зубарь, Шевченко 1983: 37]. На некоторых кирпичах отмечены следы красной краски [Зубарь, Робустова 1988: 138, рис. 1, 3, 7-11].

Конструкция заклада ниш в склепах, по мнению ряда исследователей, связана с христианской традицией [Зубарь, Робустова 1988: 139, 140; Сорочан 2005: 174, 175; Фомин 2011: 114, 125]. Более того, В.М. Зубарь считал каменные или кирпичные заклады в нишах склепов «одним из наиболее точных показателей христианской принадлежности погребенных» [Зубарь, Хворостяный 2000: 55]. Из семи склепов Херсонеса с закладами ниш четыре склепа были украшены христианской росписью.

Устройство кирпичного заклада позволяет связать с христианской традицией и погребение в подбойной могиле №3 2014 года. Установленная хронология позволяет считать погребение в этом подбое одним из самых ранних случаев применения конструкции в виде кирпичного заклада в Херсонесе.

Перекрывшая подбойную «черепичная» могила №2 является самым поздним случаем использования черепицы для обкладки погребений на этом же памятнике.

Библиография:

БУНЯТЯН Е.П., ЗУБАРЬ В.М. Новый участок детских погребений позднеантичного некрополя Херсонеса // СА. – Москва, 1991. №4. С. 228-239.

ЗУБАРЬ В.М. Склепы з нішами-лежанками з некрополя Херсонеса // Археологія. – Київ, 1978. Вип. 28. С. 36-45.

ЗУБАРЬ В.М. Некрополь Херсонеса Таврического I – IV вв. н.э. Киев, 1982.

ЗУБАРЬ В.М., РОБУСТОВА А.В. Два новых раннесредневековых склепа западного некрополя Херсонеса // АДСВ. – Свердловск, 1988. Вып. 24. С. 135-141.

ЗУБАРЬ В.М., ХВОРОСТЯНЫЙ А.И. От язычества к христианству. Начальный этап проникновения и утверждения христианства на юге Украины (вторая половина III – первая половина VI в.). – Киев, 2000.

ЗУБАРЬ В.М., ШЕВЧЕНКО А.В. Отчет о раскопках Западного некрополя Херсонеса в 1983 г. // НА ГМЗХТ. Ф. 1. Д. 2348.

ЗУБАРЬ В.М., ШЕВЧЕНКО А.В., ЛИПАВСКИЙ С.А. Западный некрополь Херсонеса Таврического (материалы раскопок 1983-1985 гг.). Погребальные сооружения и обряд. – Киев, 1989а.

ЗУБАРЬ В.М., ШЕВЧЕНКО А.В., ЛИПАВСКИЙ С.А. Западный некрополь Херсонеса Таврического (материалы раскопок 1983-1985 гг.). Каталог погребений. – Киев, 1989б.

КИЧМАР Е.К. Строительная керамика из раскопок Западного некрополя Херсонеса // В кн. ЗУБАРЬ В.М., ШЕВЧЕНКО А.В., ЛИПАВСКИЙ С.А. Западный некрополь Херсонеса Таврического (материалы раскопок 1983-1985 гг.). Отдельные категории материальной культуры. – Киев, 1989. С. 1,2.

РОСТОВЦЕВ М.И. Античная декоративная живопись на Юге России. – СПб, 1914.

СОРОЧАН С.Б. Гробничное дело в Византийском Херсоне (VI-X вв.) // БИ. – Симферополь – Керчь, 2005. Вып. 9. С. 159-211.

СУРОВ Е.Г. Херсонес Таврический. – Свердловск, 1961.

ТАХТАЙ А.К. Археологические открытия в Херсонесе в 1942-1944 гг. // КСИА. – Москва - Ленинград, 1947. Вып. 14. С. 122-132.

ТАХТАЙ А.К. Раскопки Херсонесского некрополя в 1937 году // Херсонесский сборник. – Симферополь, 1948. Вып. 4. С. 19-43.

ФОМИН М.В. Погребальная традиция и обряд в Византийском Херсоне (IV – X вв.). – Харьков, 2011.

**ПЕРСТЕНЬ С АСТРАЛЬНОЙ СИМВОЛИКОЙ
ИЗ РАСКОПОК К.К. КОСЦЮШКО-ВАЛЮЖИНИЧА
В ХЕРСОНЕСЕ ТАВРИЧЕСКОМ**

E. Krasnodubets

**Signet Ring with Astral Symbols from the Excavations
of K.K. Kostsyushko-Valyuzhinich in Chersonese Taurica**

В 1903 г. при проведении археологических работ на месте III квартала Херсонеса, на углу пересечения главной продольной и III поперечной улицы, были открыты 6 цистерн римского времени (Рис. 1). В одной из них, обозначенной К.К. Косцюшко-Валюжиничем как яма «л» («Вырубленная в скале (2,5 x 1,6; глубиной 4,81 м), оштукатуренная прочной цемянкой и выложенная по дну квадратными кирпичами») – был обнаружен фрагмент серебряного перстня (18 x 12 мм, 925⁰) со вставкой-инталией с изображением полумесяца и восьмиконечной звезды [Косцюшко-Валюжинич 1905: 48]. Вставка (8 x 6 мм) (ХМ КП-6177, спец. инв. № С₆-406) выполнена из темно-красного сердолика с мелкими черными включениями марганца, в форме усеченного конуса с овалами в основаниях и немного скругленным краем. Гемма закреплена в высоком овальном касте, припаянном к широкой шинке с профилированными плечиками (Рис. 2).

Помимо перстня, датируемого III в. н.э. [Неверов 1984: 239–240; Marshall 1907: pl. XXI, 822], в яме были найдены фрагмент раннесредневековой храмовой фрески, фрагмент глиняного двухрожкового светильника с волютами, украшенными лошадиными головками (ок. 70–100 гг. н.э., Loeschcke type III) [Bussière 2017: 112, p. 155; Loeschcke 1919, p. 223, abb. 3], переданного в Гос. Эрмитаж [Waldhauer 1914: 40, taf. XXIII, № 221], а также двенадцать светильников «римского времени без орнаментации» и фрагмент резной рукояти костяной прялки II–IV вв. н.э. [Косцюшко-Валюжинич 1905: 48–49; Федосеев 1999: 177]. Судить, была ли засыпь единовременной, по скудным данным из отчета не представляется возможным. Вероятно, сопутствующий массовый материал не был учтен. Однако, если предположить, что фрагмент

фрески происходит из соседней базилики и в заполнении цистерны оказался случайно, условно определим *terminus ante quem* IV в. н.э.

Изображения полумесяца и восьмиконечной звезды встречались на произведениях боспорской камнерезной мастерской I в. до н.э. – I в. н.э., и справедливо было интерпретированы М.И. Максимовой как изображения эмблемы династии Митридатидов [Максимова 1957: 78, рис. 3, 8]. Несколько гемм с подобными изображениями II–III вв. н.э. из Усть-Альминского могильника Т.Н. Высотская ассоциировала с ахеменидской символикой, ссылаясь на аналогии из Самтавро [Высотская 1980: 100, № 26–27, 29, рис. 1, 22–24]. Полумесяц и звезда – действительно древние символы маздаизма и династии Ахеменидов, однако непосредственно связывать их с предметами II–III в. н.э., ввиду чрезвычайно большого хронологического разрыва, кажется не вполне обоснованным.

Кроме того, мотив звезды и полумесяца часто встречается в комбинациях с «магическими» изображениями [Bonner 1950: 243; Henig 2004: 127, no. 13.26; Michel 2001: 55–56, no. 84; Philipp 1986: 54, no. 53]; в качестве атрибута других астральных божеств: Гелиоса [Henig 1994: 230, no. 506], Гекаты [Philipp 1986: 51, no. 48], Изиды и Осириса [Mastrocinque 2007: 133, no. 9]; вместе с изображениями животных-знаков зодиака [Bonner 1950: 239; Henig 2004: 119–120, no. 12.5, 12.8] и другими популярными символами, такими как «*dextrarum iunctio*» [Spier 1992: 184, № 327]. Количество звезд в изображениях варьируется, но оно непременно остается нечетным: один, три [Henig 2004: 115, no. 11.20], пять [Ondřejová 2010: 26, no. 39 (244)] либо же семь [Gallottini 2012: 206, no. 318; Gesztelyi 1986: 150, no. 71; Zwierlein-Diehl 1991: 123, no. 2051–2054].

На наш взгляд, трактовку этого изображения следовало бы рассматривать в контексте синкретических процессов в поликультурном религиозном пространстве первых веков н.э. Рассматриваемый сюжет довольно широко представлен в иконографии произведений глиптики этого времени [Высотская 1980: №№ 26–27, 29; Финогенова 1993: № 94], которые встречаются в разных частях Римской империи, как правило, в местах дислокации военных лагерей [Bounegru 2011: 86, № 129]. Следует отметить, что по сравнению с другими жилыми кварталами Херсонеса, в III квартале отмечается концентрация находок деталей римского воинского вооружения [Дорошко 2011: С. 42]. Вероятнее всего, данное изображение связано с представлениями о посмертном переходе в вечность в астральных культах, особенно популярных в среде легионеров, прежде всего – митраизме [Bounegru 2011: 86].

Наиболее близкая аналогия данной находке – серебряный перстень идентичной формы со вставкой-геммой с изображением Пана-пастуха и козы

– происходит из мог. № 34 Ай-Тодорского некрополя первой четверти III в. н.э. [Орлов 1987: 109–115, рис. 114; Айбабин: 40, рис. 33, 7]. Хронологически он совпадает со временем выведения легионеров из Харакса, однако на участке некрополя зафиксированы черты как скифо-сарматской, так и греческой погребальной традиции, что дает основание для предположения о принадлежности перстня военному ветерану [Орлов 1987: 131] либо же военнослужащему.

Как отмечает М. Ю. Трейстер, в западных провинциях Римской империи были более распространены перстни со вставками, закрепленными непосредственно в углублении одной из граней [Трейстер 2011: 314], нежели с высокими напаянными кастами [Marshall 1907: pl. XXI, 822; Riha 1990: 33, taf. 6, 106]. В то же время на Боспоре широко представлен тип перстней II–III вв. н.э. местного производства, выполненных из золота или серебра, с широкими гранеными шинками и вставками в высоких кастах, часто обведенных витой проволокой [Трейстер 2015: 153, рис. 34, 10, кат. № 177; Новичихин 2009: 111, рис. 1, 2; Хайрединова 2014: 443].

Если и предположить, что перстни из Херсонеса и Харакса также местного производства, то выполнены по заказу выходцев из среды легионеров, о чем свидетельствуют как контексты находок, так и выбор популярных в римской армии унифицированных иконографических сюжетов.

Библиография:

АЙБАБИН А.И. Крымские готы страны Дори (середина III – VII вв.) / А.И. Айбабин, Э.А. Хайрединова. – Симферополь, 2017.

ДОРОШКО В.В. Римляне в Херсонесе (картография находок II – середины III вв.) // Историко-культурное наследие Причерноморья: изучение и использование в образовании и туризме: Тезисы докладов. – Ялта, РИО КГУ, 2011. С. 41–43.

ВЫСОТСКАЯ Т.Н. Геммы Усть-Альминского некрополя // ВДИ. 1980. № 1 (151). С. 96–105.

КОСЦЮШКО-ВАЛЮЖИНИЧ К.К. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1903 году (с 7 табл. и 55 рис.) // ИИАК. – СПб, 1905. № 16. С. 37–110.

МАКСИМОВА М.И. Боспорская камнерезная мастерская // СА. – М., 1957. № 4. С. 75–82.

НОВИЧИХИН А.М. Ювелирные изделия из раскопок некрополя Горгиппии в 1987 г. // ВДИ. – М., 2009. № 1 (268). С. 110–118.

НЕВЕРОВ О.Я. Металлические перстни и печати // Античные государства Северного Причерноморья: Археология СССР. 1984 – М., 1984. С. 239–240.

ОРЛОВ К.К. Ай-Тодорский некрополь // Материалы к этнической истории Крыма. – Киев, 1987. С. 106–133.

ТРЕЙСТЕР М.Ю. Золото Фанагории. Типологический, стилистический и хронологический анализ // Фанагория. Результаты археологических исследований. Том 2. Золото Фанагории. / под ред. М.Ю. Трейстера. – М., 2015. С. 77–181.

ТРЕЙСТЕР М.Ю. Об одной группе боспорских золотых перстней II–III вв. н.э. // БИ. – Симферополь-Керчь, 2011. Вып. XXV. С. 312–322.

ФЕДОСЕЕВ Н.Ф. Прялки с кольцом из Пантикапея // Археология и история Боспора / Н.Ф. Федосеев, О.Д. Чевелев. – Керчь, 1999. Т. 3. С.173–184.

ФИНОГЕНОВА С.И. Каталог собрания античных гемм Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. – М., 1993.

ХАЙРЕДИНОВА Э.А. Перстни и кольца раннесредневекового времени из Керчи // БИ. – Симферополь-Керчь, 2014. Вып. XXX. С. 442–460.

BONNER C. Studies in magical amulets. Chiefly Graeco-Egyptian. – Ann Arbor, 1950.

BOUNEGRU G. Lux, util și estetic la Apulum. Podoabe și accesorii vestimentare / G. Bounegru, R. Ciobanu, R. Ota, D. Anghel. – Alba Iulia: Altip, 2011.

BUSSIERE J. Ancient lamps in the J. Paul Getty Museum / J. Bussière, B. L. Wohl. – Los Angeles, 2017.

GALLOTTINI A. La glittica Santarelli ai Musei Capitolini – Roma, 2012.

GESZTELYI T. A Déri Múzeum gemmagyűjteménye. // A Debreceni Déri Múzeum Évkönyve. – 1986. No. 45. P. 87–178.

HENKEL F. Die Römischen fingerringe des Rheinlandes. – Berlin, 1913.

HENIG M. Classical gems: Ancient and modern intaglios and cameos in the Fitzwilliam Museum, Cambridge. – Cambridge, 1994.

HENIG M. Catalogue of the engraved gems and finger-rings in the Ashmolean Museum, II. Roman / M.Henig, A. MacGregor. – Oxford, 2004.

LOESCHCKE S. Lampen aus Vindonissa. Ein beitrag zur geschichte von Vindonissa und des antiken beleuchtungswesens. – Zürich: In kommission bei Peer & cie. [etc.], 1919.

MARSHALL M. Catalogue of the finger rings Greek, Etruscan and Roman in the Department of Antiquities, British Museum. – L., 1907.

MASTROCINQUE A. Sylloge gemmarum gnosticarum. Parte II // Bollettino di numismatica, monografia 8.2.II. – Rome, 2007.

MICHEL S. Die magischen gemmen im Britischen Museum. – L., 2001.

ONDŘEJOVÁ I. Classical gems on the reliquary of St. Mauritius / I. Ondřejová, J. Bouzek // Studia Hercynia. – 2010. Vol. XIV. P.16–32.

PHILIPP H. Mira et Magica. Gemmen im Ägyptischen Museum der Staatlichen Museen. – Mainz am Rhein, 1986.

RIHA E. Der römische Schmuck aus Augst und Kaiseraugst. – Verlag und Bestelladresse: Gissler Druck AG, Allschwil, 1990.

SPIER J. Ancient gems and finger rings: catalogue of the collections, the J. Paul Getty Museum. – Malibu, California, 1992.

WALDHAUER O. Die Antiken tonlampen. – St-Petersburg, 1914.

ZWIERLEIN-DIEHL E. Die antiken Gemmen des Kunsthistorischen Museums in Wien. Vol. III. – München, 1991.

Крол А.А.,
Зайцев И.В.

**«ПОСЛЕДНИЙ МАМЛЮК» В КРЫМУ.
ЭПИТАФИИ КОМАНДУЮЩЕГО ЕГИПЕТСКИМ КОРПУСОМ
СЕЛИМА ФАТХИ-ПАШИ И ПОЛКОВНИКА РУСТЕМ-БЕЯ В ЕВПАТОРИИ
(1855 Г.)**

A. Krol,
I. Zaytsev

**«The Last Mamluk» in the Crimea. Death and Burial of the Commander
of the Egyptian Army Selim Fathy-pasha in Yevpatoria in 1855**

Среди могил небольшого некрополя, примыкающего к пятничной соборной городской мечети Джума-Джами в Евпатории, находятся два мраморных надгробия, надписи на которых свидетельствуют о том, что захороненные здесь люди были египтянами-военачальниками¹. Изучение староосманских текстов, вырезанных на могильных камнях, показало, что в них упоминаются два египетских офицера, погибших при штурме Евпатории русскими войсками 17 февраля 1855 г.: ферик Селим Фатхи-паша и мир-алай Рустем-бей².

1. Памятник египетскому ферику Селиму-паше. Сохранилось 6 строк (утрачена концовка - две строки)³.

هو الخلاق الباقي

فريقان عساكر مصريه جناب

شاهانه دن اولوب شهيداً

ارتحال داربقا ايدن

1 Эпитафии были осмотрены нами в октябре 2017 г. в ходе работ по проекту «Арабографичные надписи на предметах восточного оружия и защитного вооружения из музейных собраний Российской Федерации» (Грант РФФИ 17-01-00401-ОГН ОГН-А).

2 Титул ферик в османской армии нового образца (с 1826 г. – Асакир-и мансуре-йи Мухаммедийе) соответствовал генерал-лейтенанту, командиру корпуса, а звание миралай – полковнику [История: 2006, 311].

3 Из-за небрежной реставрации памятников отдельные места надписей восстанавливаются по смыслу с очень большой степенью уверенности. Так, формула ارتحال داربقا ايدن («переселился в вечность») на обеих стенах сильно искажена.

مرحوم و مغفور له
سليم پاشانك روح شريفى

.....

»Он] т .е. Бог — авт [.творец вечный.

Благородному духу покойного и прощенного Селима-паши, переселившемуся в вечность шахиду, ферику египетского войска...[спасение Божие и Фатиха. Год 1271«[

2. Памятник полковнику мир-алаю Рустем-бею. Надпись в восемь строк, сохранилась полностью.

هو الخلاق الباقي
عساكر مصريه جناب شاهانه
ميرالايلىرندن اولوب
شهيداً ارتحال داربقا
ايدن مرحوم و مغفور له
رستم بكك روح شريفى
ايچون ضالله الفاتحه
سنه ١٢٧١

»Он] т .е. Бог — авт [.творец вечный.

Благородному духу покойного и прощенного Рустем-бея, переселившемуся в вечность шахиду ,мир-алаю египетского войска спасение Божие] и [Фатиха. Год 1271.«

Оба египетских военачальника погибли 17 февраля 1855 г. во время неудачной попытки русского отряда под командованием генерала С.А. Хрулева взять Евпаторию. «Селим-паша был похоронен в Евпатории, - пишет, например, Г.В.Горячкин, - на его могиле поставлен бронзовый памятник» [Горячкин: 2017]. Как видим, это не совсем так.

Египетский контингент принимал участие в Крымской компании в составе турецкой армии, так как Египет входил в состав Османской империи. Из Египта для участия в военных действиях были посланы несколько армий. Первая прибыла в Константинополь в июле 1853 г. (по другим данным 14 августа) и состояла из 15 000 солдат и морской группировки. Командование египетским экспедиционным корпусом было возложено на Селима Фатхи-пашу [Dunn: 2005, 18]. Всего в Крымской кампании принимало участие свыше 50 тысяч египтян [Зеленев: 1999, 149].

Интересную информацию о Селиме Фатхи-паше мы находим в книге французского военного историка барон Цезаря Леке де Базанкура «Крымская компания вплоть до взятия Севастополя. Хроника Восточной войны». В ней, описывая потери, которые понесли союзнические войска при штурме Евпатории русской армией, он пишет о гибели командующего египетскими вой-

сками Селима-паши, который «пользовался в османской армии высокой репутацией, заслуженной храбростью и стойкостью. Его называли последним мамлюком, потому что он был единственным, кто избежал Каирской резни, которая стала сигналом к уничтожению этой касты. Он часто с удовольствием рассказывал о чуде, которое спасло ему жизнь.

Видя, что все его боевые товарищи, запертые в каирской цитадели, погибают от пуль солдат Мухаммада Али, он принял неожиданное решение - заставил свою лошадь вскарабкаться на парапет крепости и прыгнуть. Лошадь, разбившись при падении, спасла своему седоку жизнь, который, однако, остался лежать без чувств. Мухаммад Али удивленный таким поступком и такой удачей, приказал пощадить мамлюка» [Bazancourt: 1857, 182].

В этом пассаже из сочинения французского историка речь идет о резне в каирской цитадели, произошедшей 1 марта 1811 г. На этот день была назначена праздничная церемония, связанная с отправкой египетского экспедиционного корпуса в Аравию. Предполагалось, что правитель Египта Мухаммад Али объявит о том, что предводителем египетской армии станет его сын Тусон. Торжественная процессия приглашенных на торжества 450 мамлюков, поднимавшихся к цитадели по узкому проходу, была расстреляна войсками паши. После этого в Каире началась резня, в ходе которой было уничтожено около 1000 мамлюков и их семей. Их дома были разграблены [Fahmy: 2008, 146].

Однако есть все основания сомневаться в том, что Селим Фатхи-паша был тем самым единственным пережившим резню 1811 г. мамлюком.

Прежде всего, нет достоверных свидетельств о том, что подобный отчаянный прыжок на лошади со стены каирской цитадели вообще имел место. О нем сообщает Джованни Финати, итальянец, служивший в армии Мухаммада Али и участвовавший в избиении мамлюков и якобы даже беседовавший с единственным спасшимся, которого он называет Амим-бей [Finati: 1830, 110]. Согласно рассказу, переданному Финати, после падения со стены цитадели, Амим-бей за определенное вознаграждение нашел прибежище в палатке одного из офицеров албанских войск, расквартированных у стен крепости [Finati: 1830, 111]. Ал-Джабарты, наиболее подробный хронист жизни Египта в конце XVIII-начале XIX вв. составлявший вплоть до своей смерти в 1826 г. подробную летопись правления Мухаммада Али, упоминает в своем описании событий 1 марта 1811 г. об «Амин-бее, перелезшем через стену крепости и бежавшем в Сирию» [ал-Джабарты: 1963, 509]. Амин-бей упоминается в сочинении Феликса Менгина, посвященном правлению Мухаммада Али вплоть до 1823 г., как один из мамлюков, на которого была возложена

важная дипломатическая миссия по переговорам с англичанами, высадившимися в Александрии в 1807 г. [Mengin: 1823, 292].

Таким образом, по нашему мнению, Селим Фатхи-паша вряд ли был тем отважным мамлюком, который спасся от резни 1 марта 1811 г. И не только потому, что его имя отличается от имени мамлюка, спрыгнувшего на лошади (или перебравшегося) через стену Цитадели. Амин-бей, упомянутый аль-Джабарти и Финати (Амин – явная ошибка), не мог участвовать в Крымской компании, так как в 1807 г., согласно свидетельству Менгина, он уже участвовал в важных дипломатических миссиях.

Вероятнее всего, Базанкур (а только у этого автора мы встречаем упоминание о том, что Селим Фатхи-паша, якобы, был «последним мамлюком») что-то перепутал, ведь он непосредственно не участвовал в Крымской войне, а был кабинетным историком. Нельзя исключить, что Селим Фатхи-паша сам сочинил о себе красивую легенду. Однако в этом случае, байка старого вояки наверняка нашла бы отражение еще в каком-нибудь источнике.

Библиография:

ГОРЯЧКИН Г.В. Египет в российских архивах. М.: Медина, 2017.

АЛ-ДЖАБАРТИ АБД АР-РАХМАН. Египет под властью Мухаммеда Али. - М., 1963 (пер. Х. И. Кильберг).

ЗЕЛЕНЕВ Е.И. К истории Восточного вопроса: участие египетской армии в Крымской войне (1853-1856 гг.) // Материалы научной конференции Восточного факультета, посвященной 275-летию Санкт-Петербургского университета. - СПб., 1999.

История Османского государства, общества и цивилизации. Т. I. - М., 2006.

BAZANCOURT C.L. L'expédition de Crimée jusqu'à la prise de Sébastopol: chroniques de la guerre d'Orient. T. 2. - Paris, 1857.

FINATI G. Narrative of the Life and Adventures of Giovanni Finati, Native of Ferrara, Who, Under the Assumed Name of Mahomet, Made the Campaigns Against the Wahabees for the Recovery of Mecca and Medina, and Since After Acted as Interpreter to European Travellers in Some of the Parts Least Visited of Asia and Africa. Vol. I. - London, 1830.

FAHMY Kh. The Era of Muhammad 'Ali Pasha, 1805-1848. The Cambridge History of Egypt. Vol. 2 Modern Egypt, from 1517 to the end of the twentieth century. – Cambridge, 2008.

DUNN J. P. Khedive Ismail's Army (Cass Military Studies). - Routledge, 2005.

MENGIN F. Histoire de l'Égypte sous le gouvernement de Mohammed-Aly, ou Récit des événemens politiques et militaires qui ont eu lieu depuis le départ des français jusqu'en 1823. Vol. I. - Paris, 1823.

HENNIKER F. Notes, During a Visit to Egypt, Nubia, the Oasis, Mount Sinai, and Jerusalem. 1823.

Кудрявцев А.А.,

Кудрявцев Е.А

**СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ И КРЫМ В ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ И
ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПЛАНАХ РОССИИ И ТУРЦИИ НА КАВКАЗЕ
ВО ВТОРОЙ ПОЛ. XVI – НАЧ. XVII ВВ.**

A.Kudryavtsev,

E.Kudryavtsev

**North Caucasus and Crimea
in the Geopolitical and Economic Plans of Russia and Turkey
in the Caucasus in the Second Half of XVI – Early XVII Centuries.**

Глубокий кризис и окончательный распад Золотой Орды (1502 г.), способствовал дальнейшему становлению и укреплению Русского государства, которое во второй половине XVI в., разгромив Казанское ханство (1552 г.) и Астраханское ханство (1556 г.), не только значительно обезопасило свои южные границы, но вышло к Каспийскому морю и на Северный Кавказ. Укрепившись в устье Волги и Терека, московские правители получили контроль над широко известной в древности и средневековье международной Прикаспийской трассой и стремились возродить «восточную» торговлю с Закавказьем и Ираном по известным маршрутам Великого шелкового пути.

Здесь активные военно-политические и торгово-экономические устремления Московского царства столкнулись с геополитическими интересами Османской империи, которые самым тесным образом переплетались с историческими судьбами народов Кавказа и Крымского ханства этого периода.

Переход Астрахани – важнейшего торгового центра в Северном Прикаспии под контроль России, успешные действия Русского государства на Северном Кавказе, поддержанные целым рядом наиболее авторитетных горских правителей, а также наметившиеся дипломатические успехи Ивана Грозного в отношениях с Грузией, поставили перед правителями Османской империи ряд важнейших геополитических задач: не допустить проникновение русского влияния в Закавказье, вытеснить Московское царство с Север-

ного Кавказа, вернуть турецкий контроль над волжско-каспийской торговлей.

Вошедшая в состав Русского государства Астрахань, выступала одним из важных центров морской и караванной торговли в бассейне Каспийского моря, одновременно позволяя московским царям контролировать степную международную трассу, связывавшую Среднюю Азию с Крымом. После короткого запустения и сокращения объемов международной торговли, связанных с переходом Астрахани под русский контроль, она, по сообщениям английских торговых агентов, побывавших здесь, вновь становится одним из оживленных перекрестков русско-кавказской и русско-среднеазиатской торговли, в которую активно стремился проникнуть западноевропейский капитал, представленный английской Московской торговой компанией, учрежденной в Англии в 1555 г. [Кудрявцев А.А., Кудрявцев Е.А., 2015: 26-34]. Сюда везли свои товары купцы из Москвы, Бухары, Хивы, Шемахи, Дербента, Ардебиля, Низбада, Лондона и других мест [Английские путешественники, 1937: 172, 194].

Активное развитие международной торговли по прикаспийским трассам Волжско-Каспийского пути вызывало сильное недовольство Турции и Крымского ханства, болезненно переживавших потерю крупных барышей от активного товарооборота на астраханских рынках.

Многочисленные хивинские, бухарские и другие среднеазиатские купцы, потерявшие, после перехода Астрахани под русский контроль, ряд налоговых и юридических льгот, стараясь через приближенных султана, получавших от них богатые подарки, донести до него сведения о фантастических доходах русского царя от астраханской торговли, приносившей ему якобы «ежедневно около тысячи золотых монет» [Карамзин, 2002: 703].

Представляется вероятным, что подобные сообщения и сильное желание султана вернуть под турецкий контроль устье Волги, имеющие не только большое торгово-экономическое, но и важное военно-стратегическое значение, стали причиной принятого султаном Селимом решения о походе на Астрахань весной 1569 г. Крымский хан Девлет-Гирей пытался уклониться от этого похода, ссылаясь на неблагоприятные погодные условия, но на самом деле, не желая для выгоды султана участвовать в штурме столь мощной крепости, где татарская конница вряд ли могла надеяться на большие успехи и добычу. Однако, Селим не стал слушать доводы Девлет-Гирея и приказал ему с 50000 всадников выступать в поход на Астрахань.

Весной 1569 г. Селим «прислал в Кафу (Кафа – мощная турецкая крепость в Крыму, захваченная турками в 1475 г. у генуэзцев, с 1783 г. – Феодосия – А.К.) 15000 спагов, 2000 янычар и велел её паше Касиму, идти к Пере-

волоке, соединить Дон с Волгой, море Каспийское с Азовским, взять Астрахань» [Карамзин, 2002: 703-704]. Грандиозный замысел Селима соединить каналом Дон и Волгу был совершенной фантазией и не мог быть исполненным. Когда турецко-крымское войско увидело гигантский объем земляных работ, необходимых для устройства канала, дело едва ли не закончилось бунтом и паше пришлось, не исполнив приказа Селима, двинуться 2 сентября к Астрахани по суше. Военные и дипломатические усилия русских, дополненные богатыми подарками турецкому паше, привели к тому, что, не начав штурма, турецко-татарское войско 26 сентября срочно отошло от Астрахани, которая осталась важнейшим русским военно-политическим оплотом и торговым центром на Северном Кавказе и в Прикаспии.

Не добившись решения этой важной геополитической задачи в Астрахани, султан попытался распространить турецкую власть в наиболее важных местах стратегической северокавказской трассы, связывавшей Азов и Дербент. С этой целью он приказал крымскому царевичу Мурад-Гирею заложить мощную крепость на Тереке в районе переправы через реку, гарантировав этим турецким войскам свободный «проход к Железным Вратам» - Дербенту.

Сообщая о турецких планах фортификационного строительства в 1586 г., астраханский воевода князь Лобанов-Ростовский доносил в Москву, что для этой цели турки «заготовили уже одного железа более, чем на тысяча телегах» [Потто, 1991: 46]. Понимая серьезную опасность для геополитических позиций Русского государства в регионе, царь Федор приказал срочно «образовать из Терской окраины особое самостоятельное воеводство с сильным опорным пунктом» [Потто, 1991: 47]. С этой целью весной 1588 г., на Терек из Астрахани были отправлены казаки и стрельцы во главе с боярином Бурцевым, которые «у самого устья Терека, поставили крепость и при ней воеводский город» [Потто, 1991: 47].

Появление мощной русской крепости и «воеводского города» в одном из наиболее значимых стратегических мест Северного Кавказа, сильно укрепило влияние Москвы на Кавказе и, наряду с кабардинскими и ногайскими правителями, союзнических отношений с Русским государством в этот период искали горские владетели Дагестана, цари Грузии и даже персидские шахи [Кудрявцев А.А., 2015: 127-128].

В этом плане весьма показательна поездка русского посольства в Грузию по просьбе ее царя Александра в 1589 г. Московскую дипломатическую миссию, возглавляемую князем Звенигородским, сопровождали триста русских стрельцов, пятьдесят терских казаков, а также «уздени Ших-Мурзы, князя Алкаса, Аварского хана и других кабардинских князей, вызвавшихся служить послам охраной и проводниками» [Потто, 1991: 53].

Уже кахетинский царь Ливан II, сразу после завоевания русскими Тюмени, города в низовьях р. Терека, куда после разгрома русскими войсками в 1556 г., бежал последний астраханский хан Емурчей, направил сюда грузинский конный отряд, чтобы попытаться установить дипломатические отношения с русским царем Иваном Грозным.

Усиление русского влияния на Кавказе вызвало большой интерес у правителей Сефевидского Ирана, который выступал главным соперником Турции на мусульманском Востоке, в том числе и на Кавказе. Персия искала в России не только крупнейшего партнера в транзите персидского шелка и пряностей на западноевропейские рынки, но и важного стратегического союзника в борьбе с Османской империей. Правитель Шемахи даже передавал через английского торгового представителя Антония Дженкинсона тайное послание Ивану Грозному [Английские путешественники, 1937: 211], а сам персидский шах готов был уступить Русскому государству территории Восточного Кавказа в обмен на совместные военные действия против Турции.

Однако, Русское государство, втянутое в многолетнюю изнурительную Ливонскую войну на Западе, не могло позволить себе широкие военные действия на Кавказе, тем более, против столь мощной державы как Турция.

Стремясь сохранить свое влияние Северном Кавказе и защитить здесь своих союзников и родственников, московские цари возводили в наиболее важных стратегических местах на рр. Сунже, Тереке, Койсу и в других местах мощные крепости и опорные пункты, позволявшие контролировать регион, что вызывало сильное недовольство турецких султанов и вассально зависимых от них крымских ханов.

Жестокое противостояние этих противоборствующих сил показало, что Османская империя не смогла решить одну из главных для нее геополитических задач на Кавказе: распространить свою власть на весь Северный Кавказ и взять под своей контроль одну из важнейших стратегических трасс региона, соединявших главную турецкую крепость на Азовском море – Азов, с самым мощным опорным пунктом на Восточном Кавказе – Дербентом.

Осуществление этого плана позволило бы Турции полностью контролировать бассейн Азовского, Черного и Каспийского морей, т.е. практически все наиболее значимые территории Кавказа, северные районы которого остались под властью и влиянием Москвы.

Библиография:

Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. / Пер. с англ. Ю.В. ГОТЪЕ. – Л., 1937.

КАРАМЗИН Н.М. История государства Российского. – М., 2002.

КУДРЯВЦЕВ А.А. Исторические предпосылки и специфика формирования Терского и Гребенского казачества. // Исторические науки и образование в начале XXI века: проблемы и перспективы развития. – Ставрополь, 2015.

КУДРЯВЦЕВ А.А., КУДРЯВЦЕВ Е.А. Английская московская торговая компания и развитие восточной транзитной торговли в России XVI в./ Британцы и народы Юга России: проблемы взаимовлияния. – Краснодар, 2015.

ПОТТО В.А. Два века Терского казачества (1577-1801). – Ставрополь, 1991.

ПИРАТСТВО В ВОСТОЧНОМ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ В XV В.¹

T. Kusch

Piracy in Eastern Mediterranean in XV Century

Геополитическая ситуация в Восточном Средиземноморье, динамично менявшаяся в позднее Средневековье, лишала регион стабильности. Окончательная утрата византийцами контроля над Эгейдой, утверждение новых акторов восточно-средиземноморской политики (крестоносцев, венецианцев, генуэзцев, каталонцев, турок) и конфликты между ними создавали напряжение в этом регионе. Разбалансировка сил на востоке христианского мира произошла еще в XIII в. после Четвертого крестового похода. Появление же в регионе в начале XIV в. нового опасного игрока – османов – еще больше осложнило здесь ситуацию. Происходивший между латинянами, ромеями и османами передел сфер политического и экономического влияния наносил удар по морским коммуникациям, обеспечивавшим циркуляцию товаров и людей. В условиях постепенного изменения политической карты региона, сопровождавшегося нескончаемыми конфликтами и войнами, ни о каком безопасном плавании не могло идти и речи. Море наводнили разбойники, делавшие навигацию рискованной. Пиратство, расцветшее в Восточном Средиземноморье XIII-XV вв. [Charanis 1950: 133; Ahrweiler 1966: 378; Колотова 2011: 309], стало одной из констант политической и экономической жизни региона. Сфокусировавшись на XV в., рассмотрим феномен пиратства в данном регионе в контексте произошедших там этнополитических перемен.

К XV в. пиратство претерпело заметные изменения, затронувшие географию его распространения, формы разбоя и методы борьбы с ним. В центре нашего внимания будет произошедшая в рассматриваемый период смена игроков – основных участников морского разбоя. На протяжении предшествующего XIV столетия на водных просторах Восточного Средиземноморья пиратским промыслом занимались прежде всего выходцы из итальянских республик и каталонцы, грабившие торговые корабли [Balard 2006. 345-347]. Менее активно действовали греческие пираты, на собственный страх и риск

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00091.

занимавшиеся этим промыслом. Включались в морской разбой и выходцы из эгейских эмиратов, предпочитая, в отличие от европейцев, нападать на прибрежные территории, а не торговые суда.

К началу XV в. состав участников пиратских рейдов изменился. Византийский морской разбой почти полностью сошел на нет. К этому времени у империи, стоявшей на грани выживания, уже давно не было своего флота. Даже для внутренней коммуникации ромен прибегали к услугам итальянских судов, шедших в нужном направлении. Выходцы из покоренных османами малоазийских бейликов, разорявшие на протяжении XIV в. острова Киклад и Додеканеса, тоже вышли из игры. Спорадическим разбоем продолжали заниматься пираты с Кипра и Родоса. Первенство же в пиратском деле на протяжении XV в. удерживали каталонцы и генуэзцы, зоны действия которых также претерпели изменения. Генуэзцы, прежде вершившие разбой в Эгейде и на Понте, в XV в. активной стали действовать в Адриатике и Ионическом море, хотя продолжали совершать набеги и на Эвбею (Негропонт). Их добычей становились возвращавшиеся из Романии груженные суда извечного соперника – Венеции. Каталонцы, получавшие поддержку арагонской династии Неаполя, в первые десятилетия XV в. неоднократно атаковали венецианские острова Архипелага, грабили суда, перевозившие латинских купцов и паломников, в водах Крита и у берегов Сирии. Однако к середине столетия их интерес стал смещаться в сторону Адриатики, хотя они и не покинули полностью восточный регион, продолжая внушать страх и жителям островов, и судам, шедшим в восточном направлении.

Более безопасным, особенно по сравнению с Эгейдой, со второй половины XIV в. стало плавание в Черном море, где курсировали торговые суда генуэзцев, венецианцев и греков Трапезунда. Здесь пиратство резко сократилось, что позволяло венецианским купцам, ходившим в Черное море с караванами вооруженных галей «линии», не страховать товары [Карпов 2000: 175]. Впрочем, это не означало полного искоренения этого явления на Понте Эвксинском – источники фиксируют неоднократные случаи морского разбоя, не имевшего, правда, систематического характера и являвшегося нередко побочным промыслом капитанов военных кораблей или непрофессиональных пиратов.

Но главное изменение коснулось деятельности османских разбойников, чье «пиратское» присутствие в регионе заметно усилилось. В первые два десятилетия активность турецких разбойников происходила на фоне политической дестабилизации, охватившей османское государство после поражения в 1402 г. в битве при Анкаре и начавшейся следом междоусобицы. В условиях внутренней сумятицы и паралича власти морской разбой стал для многих ча-

стных лиц способом поживиться за счет грабежа христианских территорий. Пиратские разбойникам наводнили практически все Восточное Средиземноморье – в период 1402-1420 гг. они действовали около Сатталии, Лероса, Крита, Негропонта, Навплия, Модона, Тиноса, Лепанто, Корфу. Турецкие корсары стали активно проникать в Ионическое море и Адриатику. После прихода к власти Мурада II, положившего конец междоусобным конфликтам, османское пиратство меняется – не по методам, а по целям. Пиратские рейды становились одним из способов экспансии и утверждения в регионе крепнущей османской державы. В дальнейшем же турки использовали борьбу с пиратством как способ укрепления своей власти на море и захвата новых территорий. Наиболее показательный пример – война Мехмеда II в 1462 г. против Никколо Гаттилузио, управлявшего Лесбосом. Султан, осадивший остров, обвинил его правителя в укрывательстве пиратов и поощрении их деятельности, наносившей ущерб турецким владениям [Laonikos Chalkokondyles 2014: 402]. Никколо Гаттилузио вынужден был капитулировать, а султан устроил показательную расправу на трех сотнях пиратов. Искоренение пиратства становилась для Мехмеда средством закрепления своего присутствия в регионе.

Становление *raja turcica*, происходившее на протяжении XV в., привело к постепенному сокращению пиратства и стабилизации морского сообщения в Эгейде и на Понте, который, по замечанию Ф. Броделя, в XVI в. все больше закрывался для Запада [Бродель 2002: 155]. Основной же ареной разбоя были теперь воды Адриатики, Кипрского и Левантийского моря, где продолжали активно действовать пираты всех мастей и калибров.

Библиография:

БРОДЕЛЬ Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. М., 2002. Ч. 1.

КАРПОВ С.П. Латинская Романия. СПб., 2000.

КОЛОТОВА О.Е. Византийский флот и пиратство при императоре Михаиле VIII Палеологе (1261-1282) // Античная древность и средние века. 2011. Вып. 40. С. 302-312.

AHRWEILER H. Byzance et la mer, la marine de guerre, la politique et institutions maritimes de Byzance aux VIIe-XVe siècles. P., 1966.

BALARD M. Les latins en Orient (Xe-XVe siècle). P., 2006.

CHARANIS P. Piracy in the Aegean during the reign of Michael VIII Paleologus // Idem. Social, Economic and Political Life in the Byzantine Empire. L., 1973. P. 127-136.

Laonikos Chalkokondyles: The Histories / Transl. by A. Kaldellis. Cambridge; London, 2014. Vol. 2.

**Лебединский В.В.,
Гинькут Н.В.,
Татарков Д.Б.,
Двухшорстнов В.И.,
Пронина Ю.А.**

**ПОДВОДНО-АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ РАЗВЕДКА
КОРАБЛЕКРУШЕНИЙ ВИЗАНТИЙСКОГО ПЕРИОДА
В РАЙОНЕ БАЛАКЛАВЫ**

**V. Lebedinsky,
N. Ginkut,
D. Tatarkov,
V. Dvuhshorstnov,
Yu. Pronina**

**Underwater and Archaeological Exploring
of the Byzantine Shipwreck of the XI-XII Centuries near Balaklava**

Подводно-археологической экспедицией Института востоковедения Российской академии наук (рук. В.В. Лебединский) и Севастопольского государственного университета, при участии Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический», в 2018 году были продолжены археологические исследования в акватории населенного пункта Балаклавы административной территории г. Севастополя¹.

В 2015 году экспедицией в точке с географическими координатами N 44° 27' 14,197" E 033° 33' 04,388" (расстояние до берега: гора Кая-Баш - 3800м, до Западного мыса входа в Балаклавскую - 5530м), на глубине 85,6 м, было обнаружено и обследовано скопление амфор и фрагменты деревянных конструкций, что позволило определить данный объект культурного насле-

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-49-920005 «Археологические исследования византийского кораблекрушения X–XI вв. у Балаклавы с использованием телеуправляемых глубоководных подводных аппаратов».

дия как место кораблекрушения [Лебединский, Татарков, Золотарев, Шакуро, Двухшорстнов, Пронина 2017: 16].

Судно относится к средневековому, византийскому периоду и датируется по керамическому материалу X-XI вв. В ходе исследований была произведена установка реперных точек на месте кораблекрушения, проведена трассировка и разметка места кораблекрушения, проведена фото-видео съемка, проведены замеры останков корабля, составлен общий фотограмметрический план места кораблекрушения и создана его 3D модель. После проведения подготовительных работ в разных частях судна заложены два квадрата, размером 1x1 м, проведена маркировка амфор, маркированные амфоры сфотографированы в квадратах [Лебединский, Пронина 2017: 50], амфоры первого слоя из квадратов были подняты на поверхность. Всего было поднято на поверхность пять амфор, в одной из них была обнаружена пробка из сосновой коры. В амфорах, вероятнее всего, перевозилось вино, так как в обнаруженной пробке из сосновой коры имеется отверстие для удаления продуктов брожения. На месте кораблекрушения видны выступающие из грунта части корабельных конструкций хорошей сохранности. Большая глубина – 85,6 м, и илисто-песчаный грунт обеспечили хорошую сохранность объекта. Это позволяет надеяться, что под слоем грунта сохранились значительные фрагменты корпуса судна. Сохранившиеся фрагменты корабельных конструкций представляют огромный интерес, так как помогут реконструировать форму и отдельные узлы подобных средневековых судов. Размер верхнего, видимого горизонта памятника (амфорного пятна), – 27x14м. В 2016 г. был произведен подсчет количества амфор и их крупных фрагментов в верхнем слое памятника, который показал цифру в 250–255 единиц [Лебединский, Пронина 2017: 50].

В 2018 году исследования проводились с использованием телеуправляемого необитаемого подводного аппарата (ТНПА) «Марлин-350» Севастопольского государственного университета (Рис. 1).¹ В задачи исследований входили: осмотр состояния памятника, обнаруженного и обследованного экспедицией в сезон 2015-2016 гг.; уточнение фотограмметрического плана места кораблекрушения; уточнение созданной трехмерной модели объекта; проведение подсчета целых амфор и их крупных фрагментов, составлявших груз корабля (на предмет возможных хищений); уточнение графического плана; подъем образцов – фрагментов керамики и древесины для анализа химического состава глины и радиоуглеродного анализа дерева.

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-49-920005 «Археологические исследования византийского кораблекрушения X–XI вв. у Балаклавы с использованием телеуправляемых глубоководных подводных аппаратов».

Главным условием проводимых исследований было то, что бы все эти операции производил робот, без участия человека. Это необходимо для того, чтобы в будущем исключить необходимость работы водолазов на подобных опасных глубоководных объектах. Для этого стандартный телеуправляемый необитаемый подводный аппарат (ТНПА) «Марлин 350», с рабочей глубиной до 350 м, Севастопольского государственного университета, перед началом работ был модернизирован для возможности использования его при обследовании подводно-археологических объектов. Отдельной задачей была отработка методики применения ТНПА на глубоководных подводно-археологических объектах.

Так на ТНПА были установлены лазерные целеуказатели, проецирующие на объект несколько хорошо заметных маркеров, расстояние между которыми было заранее известно. Это было сделано для того, чтобы при проведении фото- видео- фиксации объекта в кадре постоянно присутствовал масштаб, который бы передвигался по мере продвижения камеры по объекту. На ТНПА было установлено дополнительное освещение, разнесенное на дополнительных шарнирах, что позволяло получать кадры значительно лучшего качества и не засвечивать взвесь перед объективом камеры. Также на ТНПА была установлена дополнительная видеокамера высокого разрешения в специализированном глубоководном боксе. Аппарат двигался над объектом, на расстоянии 1,5м, галсами, которые прокладывались с учетом перекрытия визуальной картинки. Для подъема объектов использовался штатный манипулятор и специально подготовленная корзина, которую аппарат брал с собой на глубину.

В результате проведенного в 2018 г. обследования с использованием ТНПА «Марлин 350» был уточнен и обновлен фотограмметрический план места кораблекрушения (Рис. 2.), а также графический план (Рис. 3.).

В процессе работы с ТНПА отработывалась методика его использования, которая легла в основу методического пособия: «Методические рекомендации по использованию ТНПА осмотрового класса в ходе подводно-археологических исследований» [Лебединский, Татарков, Двухшорстнов 2019].

В 2018 г. с целью уточнения археометрических данных глиняного теста сосудов на поверхность были подняты еще четыре образца: амфоры верхней части фрагмент, высота сохр. 27 см, диаметр венчика 10,5 см, ширина тулова макс. 20 см, (Рис. 4 (1.)) (ПО-КО Б-2018/01), амфоры верхней части фрагмент, высота сохр. 20 см, диаметр венчика 10,1 см, ширина сохр. 12,5 см, высота горла 18 см, (Рис. 4 (2.)) (ПО-КО Б-2018/02), амфоры верхней части фрагмент, высота сохр. 16 см, ширина макс. 18 см, диаметр горла 6 см, раз-

мер железистых изделий 2 х 3 см, (Рис. 4 (3).) (ПО-КО Б-2018/03), амфоры нижней части фрагмент, высота сохр. 20 см, диаметр макс. 22 см, диаметр дна 11 см, (Рис. 4 (4 а, б).) (ПО-КО Б-2018/04).

Один из сосудов сохранил фрагмент железного изделия (возможно, гвоздя), в момент разрушения корабля проткнувшего сосуд и коррозированного впоследствии (Рис. 4 а, б.)¹.

Керамический материал собран в квадрате № 137, квадрат отмечен (пронумерован) на общем плане места кораблекрушения (Рис. 2, 3.).

Амфоры относятся к известному типу [Günsenin 1989, type IIb; Hayes 1992, type 60; Антонова, Даниленко, Ивашута, Кадеев, Романчук 1971, тип XXI; Романчук, Сазанов, Седикова 1995, класс 43; Todorova 2011, type II, Subtype II; Bakirtzis 1989, Type IV]. Ряд исследователей делят данные амфоры на подтипы: на два или на пять. В хронологическом диапазоне исследователи выделяют типы с ярко выраженными высокоподнятыми над остеоидным венчиком ручками, грушевидным с перехватом корпусом и датируют их первой половиной – серединой XI в. [Günsenin 1989: 269–271; Hayes 1992: 75, fig.26–4; Антонова, Даниленко, Ивашута, Кадеев, Романчук 1971: 93, рис. 22; Якобсон 1979: 109, рис. 68.1–4; Романчук, Сазанов, Седикова 1995: 68–70, табл. 34; Todorova 2011: 134–135, fig. 4].

Распространение амфор данного типа простирается практически на весь бассейн Черного моря вплоть до Румынии, Синопа и Дона, они встречаются также на Средиземноморским памятниках [Barnea 1967: 229–276, fig.161; Чангова 1959: 255–256; Günsenin 1990, pl. XXXIII–XXXVI, type IIb; Hayes 1992: 75, fig.26–4; Чхаидзе 2008: 158–161]. Близкие экземпляры амфор найдены в Фессалониках, Афинской агоре, Константинополе [Vroom 2005: 97]. В Херсонесе амфоры с венчиком в виде «отложного воротничка» широко известны и датируются исследователями в пределах второй половины X–XI вв. [Антонова, Даниленко, Ивашута, Кадеев, Романчук 1971: 93; Якобсон 1979: 109–111; Романчук, Сазанов, Седикова 1995: 68–70; Нессель 2006: 97–98]. Аналогичные амфоры были обнаружены в комплексе середины XI – начала XII в. усадьбы 2 Портового квартала 1 [Яшаева, Денисова, Гинькут, Залесская 2011: 612, № 380]. На крымских памятниках датировка сосудов укладывается в эти же хронологические рамки [Майко 2014: 87–90]. Наиболее близкими по форме являются сосуды из раскопок средневековой Сугдеи и кораблекрушений у м. Меганом в бухте Новый Свет [Майко 2014, рис. 94; Зеленко 2001: 84]. В кораблекрушении византийского корабля у м. Стоба

¹ Выражаем глубокую признательность за помощь в технической подготовке статьи: Чмыхову Д. (выполнены рисунки находок 2018 г.), Зыковой К.В. за фотообработку амфорного материала, а также сотрудникам научно-фондового и научно-реставрационного отделов Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический»; Башенковой А. (выполнены план и рисунки находок 2015 г.).

(Хорватия) найден фрагмент одного сосуда. По мнению исследователей, находки данных амфор редки в регионе Адриатики [Miholjek, Zmaic, Ferri 2017: 237]. Большинство исследователей относят эти амфоры именно ко второй половине X–XI вв. [Майко 2014: 87–90]. В комплексах Болгарии и Добруджи амфоры Gunsenin type II встречаются в 30–40-е гг. (первой половине) XI в. [Манолова-Войкова 2015: 377–388; Paraschiv-Talmatchi 2016: 134]. Вероятнее всего, дата наших сосудов этого же времени.

Относительно производства сосудов единого мнения нет. Их локализируют в Эгейском регионе [Vroom 2005: 97], в окрестностях Никеи [Коваль 2012: 47–48], на южном побережье Черного моря, в Трапезунде [Волков 1993: 143–157; Зеленко 2001: 84; Чхаидзе 2012: 162; Булгаков 2000], предполагая даже изготовление на месте (на Таманском полуострове) «подражательного типа воротничковым амфорам» [Чхаидзе 2008: 160]. Ряд исследователей (Й.С. Ваксман, С. Скарцис, Н. Контогианнис, Е. Тодорова, П. Ваксеванис и др.) выделяют в качестве одного из нескольких центров производства Халкис (Эвбея) [Waksman, Kontogiannis, Skartsis, Vaxevanis, Koutsouflakis, Pecci, Garnier, Kondyli, von Wartburg 2018: 57; Waksman, Skartsis, Kontogiannis 2016: 1111–1121].

Грушевидные амфоры с венчиком в виде отложного воротничка относятся к одному стандарту – высотой от 45 до 54 см, в диаметре тулова 23–27 см, что приблизительно будет составлять 10–11 л в объеме. Определение объема подобной амфоры из раскопок Херсонеса были проведены ранее, и вместимость сосуда, согласно вычислениям по формуле, составила 9,03 л., а экспериментальным путем – 10,0 л. [Барабанова, Платонов 1982: 132–133, рис. 14]. Объем наших амфор ориентировочно соразмерен выше указанным цифрам, что соответствует приблизительно 10,250 л – морскому метру, стандарту предписанному Книгой епарха для продаж вина [Булгаков 2000].

В пользу транспортировки вина в данной партии амфор говорит нам находка в одной из амфор в 2015 г. сосновой пробки с небольшим сквозным отверстием в центре. Подобные факты находок пробки вместе с амфорой данного типа и других средневековых амфор известны из кораблекрушений в районе Судакского побережья (Крым) [Зеленко 2008: 46–47, 121]. В кораблекрушении у м. Стоба (Хорватия) часть амфор также были закрыты деревянными пробками. Исследователи отметили особенность оформления венчика – в виде слегка воронковидной формы, специально для закупоривания амфоры пробкой [Miholjek, Zmaic, Ferri 2017: 231–232]. Аналогичное сочетание воронковидного горла и закупорки пробкой мы наблюдаем и на амфорах из кораблекрушения у Балаклавы. Изображения сосудов (амфор) с высоким воронковидным горлом дополняют иллюстрации сцены превращения воды в

вино в сюжетах брака в Кане Галилейской, выполненных на костяных пластинах X–XI вв. На этих же пластинах изображены и амфоры с дуговидными уплощенными ручками, размеры же этих сосудов небольшие [Αναγνωστάκης 2008: 52–53, 70. Ек. 37, 41, 54.].

Скорее всего, наше судно было торговым, шедшим от берегов Малой Азии, вероятно, из района Константинополя, далее вдоль побережья по направлению к Синопу. Учитывая, что главные течения в Черном море идут против часовой стрелки, образуя два основных кольца, одно из которых между Константинополем и Синопом делает поворот в сторону южной точки Крыма и далее на запад [Зеленко 2008: 17], можно предположить, что наше судно следовало к м. Сарыч и далее – к Херсону, где, не доходя до города, в районе побережья бухты Симболон-Лимне (Балаклавская бухта), потерпело крушение.

Еще одним местом массовой концентрации данных амфор стали средневековые поселения и города, расположенные в Восточном Крыму и Тамани [Майко 2014: 87–90.]. Так, на территории исследованных поселений Тамани этого времени находки фрагментов амфор типа Gunsenin II составляют подавляющее большинство [Чхаидзе 2008: 160; Чхаидзе 2012: 162.]. Поступление к ним продукции из византийских центров, вероятнее всего, согласно существующим течениям, шло вдоль восточного побережья Черного моря.

Вино являлось одним из основных грузов византийских кораблей в X–XI вв., активно распространялось по всей территории Византийской империи [Αναγνωστάκης 2008: 67–75; Gunsenin 2009: 145–153]. Этот продукт – один из важнейших составляющих элементов симпозиумов и праздничной жизни римеев в средне- и поздневизантийский периоды [Anagnostakis, Paramastorakis 2005: 147, 154–155]. Транспортировка такого количества популярного продукта допускалась на торговых судах Византии этого периода и не являлась значительной. Например, груз одного из кораблей этого времени включал 103 амфоры типа Gunsenin I, а на некоторых судах он достигал до 2000 сосудов. По мнению И. Врум, тоннаж груза среднего (небольшого) византийского судна мог составить около трех тонн [Αναγνωστάκης 2008: 17–19, ек. 11; Vroom 2016: 162, 169, 170], что в эквиваленте количества амфор типа Gunsenin II могло равняться около 250–300 сосудам, и является небольшой партией. Приблизительно такое количество сосудов было обнаружено в верхнем слое на месте Балаклавского кораблекрушения, вероятно, общее число амфор на корабле составляло 450–500 шт., так как под слоем ила присутствует как минимум еще один слой амфор. С большой долей вероятности этот торговый корабль в качестве груза перевозил вино с побережья Малой Азии или Греции. Находка такого объекта в акватории Крымского побережья

свидетельствует в пользу вовлеченности региона в торговые операции Византии и роли черноморских морских путей в структуре торговли империи в XI столетии.

В процессе работ с кораблекрушения для уточнения датировки методом радиоуглеродного (C^{14}) датирования были подняты два фрагмента древесины, один длина 72,5 см, ширина 7,7 см, толщина 3,7 см (ПО-КО Б-2018/05), второй длина 68 см, ширина 8,1 см, толщина 6,3 см (ПО-КО Б-2018/06). Древесный материал образец № 1 (ПО-КО Б-2018/05) собран в квадрате № 151 и образец № 2 (ПО-КО Б-2018/06) в квадрате № 114, квадраты отмечены (пронумерованы) на общем плане места кораблекрушения (Рис. 2, 3.). Всего было поднято три образца (один из образцов представлял собой небольшой отщеп), но результаты удалось получить только с двух, вещества третьего образца оказалось не достаточно для анализа. Образцы древесины показали данные: $976 \pm 35 \text{ BP}^1$, что практически полностью совпадает с данными датировки по керамическому материалу. На древесине видны следы горения. Определение сорта древесины показало, что эти фрагменты определяются как Дуб (*Quercus* sp.)². Кроме того, исследования показали, что у образцов древесины ширина годичного прироста древесины была узкая, это не характерно для деревьев, произрастающих в нормальной экологической ситуации. Такой рисунок древесины типичен для деревьев, произрастающих в стрессовых условиях (с лимитирующими факторами). Осмотр древесины показал, что оно обуглено вследствие горения, это дает возможность сделать предположение, что причиной гибели судна был пожар.

Об уникальности данной находки говорит и тот факт, что на сегодняшний день в Северном Причерноморье обнаружено еще только два древних судна подобной сохранности, но на больших глубинах, что затрудняет их исследование [Вахонеев, Лебединский 2016: 72–84]. Дальнейшее изучение данного памятника позволят нам расширить представления как о самом корабле, так и том грузе, который он перевозил.

В результате разведки у н.п. Балаклава на участке кораблекрушения XI в. в 2018 г. все поставленные перед исследованиями задачи были выполнены: был уточнен размер и форма объекта, уточнены фотограмметрический и графический планы (Рис. 2, 3.). Проведенная разведка позволила получить образцы керамики и древесины для дальнейших исследований. Проведенные работы показали возможность обследования подобных объектов на значительных глубинах только с применением ТНПА, без участия человека. Был

¹ Исследования проведены в лаборатории радиоуглеродного анализа Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург.

² Исследования проведены в лаборатории палеоархивов природной среды Института географии РАН.

модернизирован ТНПА и опробирована методика его применения на глубоководных подводно-археологических объектах.

При обследовании объекта в сезон 2018 г. на памятнике видны следы вмешательства и хищения целых сосудов. Место кораблекрушения нуждается в государственной охране. Как и в 2105 году, в 2018 г. нами был снова, подготовлен комплект документов для включения данного объекта в список охраняемых историко-культурных объектов. Этот комплект документов был передан в Департамент охраны памятников г. Севастополя. Однако в силу несовершенства законодательства этот уникальный подводный объект в список охраняемых памятников истории и культуры включен не был. На ближайшие годы планируется продолжение исследований данного объекта.

В 2018 году было также проведено обследование с использованием гидролокатора бокового обзора (ГБО) и многолучевого эхолота участка морского дна, прилегающего к обнаруженному кораблекрушению (X-XI вв). Исследование проводилось ГБО Гидра 3, многолучевым эхолотом Reson SeaBat 7125. В результате был выявлен объект в точке с географическими координатами N 44° 27' 22,60" E 033° 32' 15,10", расстояние до берега: гора Кая-Баш - 3740м, до Западного мыса входа в Балаклавскую - 6040м, на глубине 86 метров. При визуальном осмотре водолазами объект оказался остовом деревянного судна. Работы выполнялись водолазами глубоководниками клуба «Ростов-Дайв» под руководством Р.Г. Дунаева. Из илистого грунта выступают ряды шпангоутов, среди них разбросаны деревянные элементы корпуса и фрагменты такелажа (в центральной части остова судна, у степа мачты). Силами водолазов-глубоководников были проведены обмеры и фото- видеofиксация объекта, составлен общий фотограмметрический (Рис. 5.) и графически план объекта (Рис. 6.). На месте кораблекрушения обнаружен железный якорь (Рис. 7.), по форме которого была сделана предварительная датировка - II-III вв. [Окороков 1993: 174-176.], которая впоследствии не подтвердилась. Также на кораблекрушении видна мощная мачта диаметром 50 см у основания. Размер обнаруженного объекта – 22м х 6м. Кроме якоря датирующего материала, например, фрагментов керамики или монет, пока не обнаружено. Для уточнения датировки радиоуглеродным методом на поверхность были подняты отщепы древесины. Проведенная радиоуглеродным методом (по углероду C14) датировка образцов показала дату: 976±35 BP, (XI-XII вв). Возможно, исходя из полученной датировки, это судно погибло одновременно с судном, груженным амфорами и обнаруженным в 2015 г. На древесине видны следы горения. Также анализ древесины показал, что корпус (шпангоуты) было, судя по всему, изготовлено из дуба (*Quercus* sp.). Два образца из трех указывают именно на этот сорт древесины, третий образец

оказался можжевельником (*Juniperus* sp.). У образцов древесины из дуба (*Quercus* sp.) ширина годовичного прироста древесины была узкая, что не характерно для деревьев, произрастающих в нормальной экологической ситуации. Такой рисунок древесины типичен для деревьев, произрастающих в стрессовых условиях (с лимитирующими факторами).

Разведка на участке кораблекрушения XI -XII вв. позволила выявить новый чрезвычайно интересный археологический объект, произвести его замеры, фото- видео- фиксацию, составить общий фотограмметрический план объекта, поднять образцы для анализа и более точной датировки объекта. Был подготовлен комплект документов для включения данного объекта в список охраняемых историко-культурных объектов. Этот комплект документов был передан в Департамент охраны памятников г. Севастополя, но пока, как и в случае с первым кораблекрушением, безрезультатно. На ближайшее время планируется продолжение исследований этого объекта.

Библиография:

АНТОНОВА И. А., ДАНИЛЕНКО А. И., ИВАШУТА Л. П., КАДЕЕВ В. И., РОМАНЧУК А. И. Средневековые амфоры Херсонеса // АДСВ. – Свердловск, 1971. Вып. 7. С. 81-101.

БАРАБАНОВА О.О., ПЛАТОНОВ С.Б. К методике изучения объемов средневековых амфор // АДСВ: Византия и ее провинции. – Свердловск, 1982. 19. С. 127-133.

ВАХОНЕЕВ В.В. ЛЕБЕДИНСКИЙ В.В. Глубоководные средневековые кораблекрушения в акватории Крыма // Восток. – М., 2016. 5. С. 72-84.

ВОЛКОВ И.В. О происхождении и эволюции некоторых типов средневековых амфор // Донские древности. – Азов, 1993. 1. С. 143-157.

ЗЕЛЕНКО С.М. Кораблекрушения IX-XI вв. в Судакской бухте// Морська торгівля в Північному Причорномор'ї. – Київ, 2001. С. 82-92.

ЗЕЛЕНКО С. М. Подводная археология Крыма. – Киев, 2008.

КОВАЛЬ В.Ю. Византийские амфоры (магарики) в Южной Руси // 1000 років візантійської торгівлі (V-XV століття). Бібліотека VITA ANTIQUA. Збірка наукових праць. – Київ, 2012. С. 43-55.

ЛЕБЕДИНСКИЙ В.В., ТАТАРКОВ Д.Б., ЗОЛОТАРЕВ О.А., ШАКУРО С.В., ДВУХШОРСТНОВ В.И., ПРОНИНА Ю.А. Подводные археологические исследования в акватории Черного моря от с. Оленевка до пгт Черноморское (мыс Тарханкут – мыс Черный), г. Севастополь в 2016 году. - Москва-Севастополь, 2017.

ЛЕБЕДИНСКИЙ В.В., ПРОНИНА Ю.А. Византийское кораблекрушение X-XI вв. у Балаклавы, как элемент морской торговли Крыма с Малой Азией // Материалы Международной научной конференции «Исторические, культурные, межнациональные и религиозные связи Крыма с Сирией и государствами Ближнего Востока». - Москва, 2017. С. 49-50.

ЛЕБЕДИНСКИЙ В.В., ТАТАРКОВ Д.Б., ДВУХШОРСТНОВ В.И. Методические рекомендации по использованию телеуправляемых необитаемых подводных аппаратов осмотрового класса в ходе подводно-археологических исследований. – Севастополь, 2019.

МАЙКО В.В. Восточный Крым во второй половине X-XII вв. - Киев, 2014.

МАНОЛОВА-ВОЙКОВА М. Амфори от обект «Владетелдската църква» във Велики Преслав // Плиска-Преслав. – София, 2015. Т. II. С. 377-388.

НЕССЕЛЬ В.А. Керамический комплекс // Херсонесский сборник. Supplement I. Топография Херсонеса Таврического. Водосборная цистерна жилого дома в квартале VII (IX-XI вв.). - Севастополь, 2006. С. 97-98.

ОКОРОКОВ А. В. Датировка и классификация судовых железных якорей III в. до н.э.- XI в. н.э. // БСб. – М., 1993. Вып.2. С.172-191.

РОМАНЧУК А. И, САЗАНОВ А. В, СЕДИКОВА Л. В. Амфоры из комплексов византийского Херсона. - Екатеринбург, 1995.

ЧАНГОВА Й. Средновековни амфори в България // ИАИ. – София, 1959. Кн. XXII. С. 243-261.

ЧХАИДЗЕ В.Н. Таматарха. Раннесредневековый город на таманском полуострове. - М., 2008.

ЧХАИДЗЕ В.Н. Фанагория в VI-X веках. - М., 2012.

ЯКОБСОН А. Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. – Л., 1979.

ЯШАЕВА Т., ДЕНИСОВА Е, ГИНЬКУТ Н, ЗАЛЕСКАЯ В., ЖУРАВЛЕВ Д. Наследие византийского Херсона. - Севастополь – Остин, 2011.

ANAGNOSTAKIS I., PAPAMASTORAKIS T. "...and Radishes for Appetizers". On Banquets, Radishes, and Wine // Food and Cooking in Byzantium. Proceedings of the Symposium "On Food in Byzantium". - Athens, 2005. P. 147 -174.

BAKIRTZIS CH. Byzantine Amphorae // BCH Supplement 18. – Paris, 1989. P. 73-77.

Barnea I. Ceramice de import // Dinigetia Asezarea feodala timpurie de la Biserica-Garvan – Bucuresti, 1967. P. 229-276.

GÜNSENIN N. Recherches sur les amphores byzantine dans les mées Turcs. // BCH Supplement 18 – Paris, 1989. P. 269-271.

GÜNSENIN N. Les amphores byzantines (Xe-XIIIe siècles) typologie, production, circulation, d'après les collections Turques. – Paris, 1990. Vol. II.

GÜNSENIN N. Ganos wine and circulation in the 11th century // *Byzantine Trade, 4th-12th centuries*. – Ashgate, 2009. P. 145-153.

HAYES J. W. Excavations at Saraçhane in Istanbul. Vol. 2. The Pottery. – Oxford, 1992.

MIHOLJEK I., ZMAIC V., FERRI M. The Byzantine Shipwreck of Cape Stoba (Mljet, Croatia) // *Adriatico altomedievale (VI – XI secolo)*. Scambi, porti, produzioni. Sauro Gelichi, Claudio Negrelli (a cura di). Stadi e Reserche 4, Venezia Edizioni Ca' Foscari - Digital Publishing. 2017.

PARASCHIV-TALMATCHI C. Researches of Byzantine Amphorae Discovered in Southern Dobrudja (10th -14th century). // *Русский сборник*. – Брянск, 2016. Т. 1. Вып. 8. С. 130-141.

TODOROVA E. The Medieval Amphorae (Ninth to Fourteenth Centuries AD) from Excavation at Silistra in 2007 (Preliminary Report)// *Production and Trade of Amphorae in the Black Sea*. – Sofia, 2011. P 131-140.

VROOM J. Byzantine to Modern Pottery in the Aegean. 7-th to 20-th century. An introduction and field guide. Parnassus Press. – Bijleveld, 2005.

VROOM J. Byzantine Sea trade in Ceramics: some Case Studies in the Eastern Mediterranean (ca Seventh- Fourteenth Centuries) // *Trade in Byzantium: Papers from the third international Sevgi Conul Byzantine Studies Symposium/ Ed. P. Magdalino, N. Necipoglu*. - Istanbul, 2016. P. 157-177.

WAKSMAN Y., KONTOGIANNIS N. D., SKARTSIS S.S., VAXEVANIS G., KOUTSOUFLAKIS G., PECCI A., GARNIER N., KONDYLI F., VON WARTBURG M.-L. The contribution of archaeometry to the study of medieval and post-medieval pottery production in the Thebes and Chalkis// *12-th Congress On Medieval and Modern Period Mediterranean Ceramics*. Athens, October 21-27 2018. Abstracts. - Athens, 2018. P. 57.

ΑΝΑΓΝΩΣΤΑΚΗΣ Η. Το παράδειγμα της Βιθυνίας. Αθίνα, 2008.

WAKSMAN Y., SKARTSIS S., KONTOGIANNIS N. D., TODOROVA E.P., VAXEVANIS G. Investigating the origins of two main types of Middle and Late Byzantine amphorae// *Journal of Archaeological Science: Reports* (2016): <http://dx.doi.org/10.1016/j.jasrep.2016.12.008> (дата обращения: 19.09.2018).

БУЛГАКОВ В.В. Византийские амфоры IX-XIV вв.: основные типы// *Восточноевропейский археологический журнал*, 4(5) 2000: <http://archaeology.kiev.ua/journal/040700/bulgakov.htm> (дата обращения: 19.09.2018)

НОВОЕ В ИЗУЧЕНИИ АРХЕОЛОГИИ ГЕНУЭЗСКОЙ ГАЗАРИИ

V. Maïko

New in Studying of Archeology of the Genoa Gazariya

Генуэзские памятники Крыма изучаются более 200 лет. К сегодняшнему дню подробно проанализирован вклад отечественных ученых в изучении генуэзской проблематики Таврики. В недавней работе мы уже рассматривали основные достижения за первые десятилетия XXI века в этой области крымской медиевистики, разделенные на исторические, источниковедческие, историко-архитектурные, археологические эпиграфические, сфрагистические, нумизматические исследования, анализ отдельных категорий археологического материала, локализацию средневековых пунктов Крыма генуэзского времени, обобщающие и научно-популярные работы [Maïko 2017: 100-107].

Не смотря на актуальность упомянутого исследования, в настоящее время его можно существенно дополнить теми материалами, которые были опубликованы за последние два года.

Большое значение имела вышедшая совсем недавно обобщающая теоретическая работа С.Г. Бочарова, посвященная определению термина и научного содержания термина «археология Латинской Газарии» [Бочаров 2017: 57-63]. Автор справедливо определил его комплексный характер, а так же географические и хронологические рамки необходимые для анализа процессов, происходивших в Северном Причерноморье во второй половине XIV-XV вв.

За последние два года сделан значительный шаг вперед в вопросах изучения исторической географии генуэзских владений в Крыму. Исследователями рассматривались, как общие теоретические аспекты этой проблемы [Бочаров 2016: 263-269], так и конкретные территории, в частности Чембальское консульство [Бочаров 2017а: 204-223; Бочаров, Неделькин 2017: 16-41]. В последних работах были определены хронологические границы перехода города Чембало и его сельской округи из юрисдикции Золотой Орды под власть Генуэзской республики, очерчены территориальные границы консульства и сделан вывод о том, что сеть его сельских поселений складывалась в

более ранний византийский период и переходила к генуэзцам в завершённом виде. Справедливо отмечено, что границы консульства на протяжении второй половины XIV – первой половины XV вв. не были стабильны и менялись в зависимости от политической ситуации. На основании сопоставления археологических данных и сведений письменных источников, подробно рассмотрен и вопрос локализации 18 конкретных сельских поселений Чембальского консульства.

В ракурсе решения проблем исторической географии Генуэзской Газарии большое значение имеет и обобщающая работа А.В. Джанова, посвящённая Казалиям Солдайи и Готии по данным книг массарии Каффы [Джанов 2017: 286-340]. В статье на основании исчерпывающего археологического материала и данных письменных источников рассматриваются вопросы о составе и локализации сельских поселений Южного берега Крыма, подчинённых генуэзцам во второй половине XIV – XV вв. Автором впервые уточнено количество, географическое размещение и ономастика поселений. Рассмотрены вопросы налогообложения и административного управления сельскохозяйственной периферии приморской Готии и Солдайи, выяснены детали дипломатических отношений генуэзских властей Каффы и монгольской [золотоордынской] администрации Крыма, связанные с территориальными приобретениями генуэзцев в Южном Крыму в 1365–1381 гг. На основании письменных и археологических материалов проведен анализ значения понятия «казалия».

При решении проблем исторической географии генуэзских владений в Крыму внимание уделялось и конкретной локализации селений консульства Воспоро. Речь идет об известных по письменным источникам поселениях Дзукалаи Кавалари, локализованным на территории Керченского полуострова [Бочаров 2016а: 88-103; Бочаров 2017б: 81-98].

Достаточно внимания было уделено и изучению вопросов фортификации генуэзских памятников Крыма, основанием для которого послужили данные археологических исследований. Анализировались, как общие теоретические вопросы особенностей генуэзской фортификации полуострова [Бочаров 2017в: 106-111], так и конкретные примеры крепостных сооружений. Относительно фортификации Чембало С.Б. Адаксиной и В.Л. Мыцом выделено семь периодов в строительной деятельности генуэзцев. Авторами сделан справедливый вывод о том, что генуэзцами в период владения ими Чембало был создан синкретичный по своему характеру город, внешний облик которого содержал, как латинские [фортификационные сооружения], так и местные греко-византийские и золотоордынские черты, отразившиеся в возведении православных церквей, особенностях жилой и хозяйственной за-

стройки [Адаксина, Мыщ 2017: 289-297]. В.П. Кирилко детально проанализированы крепостные ворота генуэзской Лусты [Кирилко 2017: 298-307]. На основании проведенных археологических исследований сделан вывод о том, что вид, устройство и размеры самих ворот могут быть реконструированы вполне достоверно. Однозначно установлено, что вход в крепость располагался в стене вне башен и не имел внешнего флангового прикрытия, которое заменяла дорога, проложенная вдоль стены к воротам. Аналогии данному фортификационному сооружению автор видит в воротах Фуны и Учансу-Исара, возведенных по принципу провинциально-византийской фортификации Феодоро.

Важным дополнением к эпиграфическим памятникам генуэзцев в Крыму стала публикация небольшого фрагмента закладной плиты, обнаруженной в ходе археологических раскопок 1929 г. генуэзской Солдайи, и до 2017 г. не введенной в научный оборот [Майко 2017: 246, рис. 6, 10]. Пополнился и список работ посвященных анализу отдельных категорий предметов материальной культуры Крыма генуэзского времени. И.Б. Тесленко проанализировала специфические черты поливной столовой керамики Таврики второй половины XIV-XV вв. [Тесленко 2017: 92–158].

Таким образом, изучение генуэзских памятников Крыма и их связей со средиземноморской метрополией успешно продолжается и в настоящее время.

Библиография:

АДАКСИНА С.Б., МЫЩ В.Л. Основные этапы формирования оборонительной системы генуэзского города Чембало (1345-1475) // Труды Государственного Эрмитажа: [Т.] 86: Монументальное зодчество Древней Руси и Восточной Европы эпохи Средневековья. СПб., 2017. С. 289-297.

БОЧАРОВ С.Г. Историческая география Генуэзской Газарии 1275 – 1475 гг. // Материалы VII Международной конференции, посвящённой памяти Г. А. Фёдорова-Давыдова «Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды». Кишинёв: Стратум. 2016. С. 263-269.

БОЧАРОВ С.Г. Средневековое селение Дзукалаи на Керченском полуострове // Поволжская Археология. Казань. 2016а. № 4. С. 88 – 103.

БОЧАРОВ С.Г. Археология Латинской Газарии: определение термина и научное содержание // Между Востоком и Западом: движение культур, тех-

нологий и империй. Доклады III Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей. М., 2017. С. 57-63.

БОЧАРОВ С.Г. Заметки по исторической географии Генуэзской Газарии XIV-XV вв. консульство Чембальское // Поволжская Археология. 2017а. № 2 (20). С. 204-223.

БОЧАРОВ С.Г. Средневековое селение Кавалари на Керченском полуострове // Поволжская Археология. Казань. 2017б. № 4. С. 81-98.

БОЧАРОВ С.Г. Фортификация генуэзских городов Крыма // Вопросы истории фортификации. Москва. Вып. 6. 2017в. С. 106-111.

БОЧАРОВ С.Г., НЕДЕЛЬКИН Е.В. Селения Чембальского консульства в XIV – XV вв. Материалы к археологической карте // Учёные записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Исторические науки. Том 3 (69). № 1. 2017. С. 16-41.

ДЖАНОВ А.В. Казалии Солдайи и Готии по данным книг массарии Каффы // История и археология Крыма. Т. V. Симферополь, 2017. С. 286-340.

КИРИЛКО В.П. Крепостные ворота генуэзской Лусты // Труды Государственного Эрмитажа: Т. 86: Монументальное зодчество Древней Руси и Восточной Европы эпохи Средневековья. СПб., 2017. С. 298-307. ТЕСЛЕНКО И.Б. Поливная керамика Крыма от эпохи Золотой Орды и генуэзской колонизации до Османских завоеваний: 120 лет исследований (историографический очерк) // МАИАСК. VIII. 2017. С. 92–158.

МАЙКО В.В. Глава. 9. Неизвестные страницы археологического изучения средневековой Сугдеи в 1925–1931 гг. // Неизвестные страницы археологии Крыма: от неандертальцев до генуэзцев. СПб., «Нестор-История». 2017. С. 232-271.

MAIKO V. Studying of the Genoa Monuments of the Crimea in the 21st Century // Unesco tentative list Ligurian human landscapes between Oltregiogo and Overseas. Vol. II. (Red. Paolo Stringa). Novi Ligure Municipal Library. Genova. 2017. P. 100-107.

КЕРАМИКА ПРОИЗВОДСТВА ЮГО-ВОСТОЧНОГО КРЫМА КАК МАРКЕР ТОРГОВЫХ ПУТЕЙ НА ТЕРРИТОРИИ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

A. Maslovskiy

Ceramics Prodused in South-Eastern Crimea as the Marker of Trade Routes on the Territory of the Golden Horde

В период существования Золотой Орды произошел бурный расцвет торговли как международной, так и межрегиональной. Её изучение важно для понимания степени экономического развития государства и отдельных его частей. Хотя торговля на территории Золотой Орды лучше обеспечена письменными источниками, по сравнению, скажем, с предшествующим периодом, все же они весьма фрагментарны. Достаточно однобоко освещают торговлю нумизматические данные, поскольку количество иностранных монет минимально, а перемещение монет внутри Золотой Орды прослеживается недостаточно. Данные же археологии используются весьма отрывочно. Причина этого очевидна, большая часть перевозимых потребительских товаров (ткани, продукты питания, пряности, соль, лекарственные препараты, бумага, изделия из кожи) и ремесленного сырья (кожи, красители, квасцы, металлы) могут сохраняться в земле только в исключительных случаях или очень трудоёмки в плане их изучения. Керамика и стекло сохраняются значительно лучше. Конечно, керамика редко выступала в качестве объекта целенаправленной перевозки. Однако, при интенсивном функционировании торговых путей перемещалось достаточно большое количество сосудов, выступавших в качестве второстепенного товара или скарба путников. Находки их фрагментов служат хорошим маркером для выявления этих маршрутов и интенсивности движения по ним, а также изменений торговых путей во времени.

К сожалению, эта возможность остаётся на настоящий момент не реализованной. Внимание исследователей привлекают в первую очередь редкие импорты, такие как, например испанский люстр [Коваль, 1996; Тесленко, 2004] или китайский селадон [Полубояринова 2003]. Однако помимо редкости, значение этих находок ограничивается тем, что они встречаются только в наиболее крупных городских центрах. Более многочисленные импорты за-

частую включаются исследователями в состав местной продукции, что сильно затрудняет дальнейший анализ. Не менее существенно то, что исследования затронули лишь небольшое число памятников, преимущественно крупные городские центры, что позволяет отследить только основные узлы на торговых путях.

Поэтому в обзорах, посвященных золотоордынской торговле, керамика используется недостаточно системно [Фёдоров-Давыдов, 1998; Полубояринова, 2008: 58-87], поскольку в распоряжении авторов почти всегда имеются только качественные данные. Хотя отмечается перспективность использования керамики для изучения межгородской торговли [Фёдоров-Давыдов, 1998: 51].

Наиболее перспективна для изучения данной темы керамика производства Юго-Восточного Крыма. Она имела среди других групп золотоордынской керамики наиболее широкое распространение на территории Восточной Европы как территориально, так и хронологически. Так в Болгаре в 1 пол. XIV в. она составляла 2/3 всей поливной керамики [Масловский, 2015: 13]. В Укеке она составляет 33% всех вообще керамических импортов [Кубанкин, Масловский, 2016]. Судя по находкам из Укека, эта группа керамики получила заметное распространение уже на рубеже XIII-XIV вв. [Кубанкин, Масловский, 2016: 107]. Производство этой керамики носило массовый характер, и было стандартизировано, что в свою очередь позволяет достаточно точно датировать большой процент находок. Большая их часть относится к штампованным кувшинам, винным кувшинам с удлиненным корпусом, аптечным амфорам и нескольким типам чаш. Рассмотрению вопросов распространения этой керамики на территории Восточной Европы посвящен ряд работ [Бочаров, Масловский, 2015; Масловский, 2015]. Она встречена на большинстве памятников Восточной Европы, включая такие удаленные как Сарайчик и сельские поселения в Среднем Поволжье. При этом её численность в разных местах конечно неодинакова. Эта неравномерность и позволит уточнить места, по которым проходили торговые маршруты и промежуточные торговые центры. Хотя, как уже отмечалось, нам не хватает исходной информации, изучение распространения поливной керамики Юго-Восточного Крыма в округе Азака показывает, что она оказывалась преимущественно на поселениях вдоль русла Дона, в его дельте и на двух крупных поселениях на берегах р. Кагальник. Гораздо реже она отмечается на других сельских поселениях в том числе и на берегу моря. Это, на мой взгляд, указывает на направление двух дорог шедших на юг от Азака через долину Кагальника.

Большая часть находок этой группы керамики за пределами берегов Черного моря и Приазовья относится к 1 пол. XIV в. Одним из возможных объяснений этого явления, может быть снижение интенсивности движения по торговым путям, шедшим от берегов Черного моря вглубь Золотой Орды. На это указывает общее сокращение доли импортов ввозимых в Поволжье с юго-западного направления в сер. XIV в. [Кубанкин, Масловский, 2016].

Разумеется, результативность наших наблюдений будет гораздо выше, когда в наш анализ будут включены все группы керамики, широко перемещавшихся по территории Золотой Орды, и значительно возрастет число памятников, с которых будет получена информация.

Библиография:

БОЧАРОВ С.Г., МАСЛОВСКИЙ А.Н. Наиболее массовые типы поливных импортов крымского производства и некоторые вопросы торговли в Восточной Европе в XIV в. // Поволжская археология. №4(14). 2015. Казань, 2015. С.189-200.

КОВАЛЬ В.Ю. Испанская люстровая керамика в Москве // Российская археология. №1. 1996. С.169-176

КУБАНКИН Д.А., МАСЛОВСКИЙ А.Н. Юго-западный вектор в керамическом импорте города Укека (последняя треть XIII в. - первая половина XIV в.) // Историко-археологические памятники Золотой Орды на территории Саратовского Поволжья. Укек: прошлое, настоящее, будущее. Саратов, 2016. С.106-107.

МАСЛОВСКИЙ А.Н. Керамика Юго-Восточного Крыма на территории Восточной Европы в XIII-XIV вв. и влияние внешнеполитических факторов на её распространение // Крым - связующее звено и неприступный форпост на стыке империй. Ростов н/Д, 2015. С.9-24

ПОЛУБОЯРИНОВА М.Д. Китайский селадон из Болгара // Российская археология. №2. 2003. С.155-164

ПОЛУБОЯРИНОВА М.Д. Торговля Болгара // Город Болгар: культура, искусство, торговля. М., 2008. С.27-107

ТЕСЛЕНКО И.Б. 2004. Испанская керамика с росписью люстром в Крыму// Сугдейский сборник. Киев – Судак, 2004. С.467-494

ФЁДОРОВ-ДАВЫДОВ Г.А. Торговля нижеволжских городов Золотой Орды // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып.1. - Йошкар-Ола: Марийский ГУ, 1998. С.38-59

ДЕНЕЖНЫЕ ЕДИНИЦЫ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ВЕРСИЯХ БИБЛИИ И КОРАНА: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

E. Mikhailova

Monetary Units in English Versions of the Bible and Kur'an: Lingvoculturological Aspect

В современной лингвистике продолжают исследования всевозможных языковых средств онтологизации концепта ДЕНЬГИ в различных лингвокультурах данными разных дисциплин – культурологии, истории, психологии, этнографии. Деньги являются одним из базовых концептов культуры современного общества. Культурная составляющая денег, денежных сумм и отношений имеет особую значимость. Деньги – это важный компонент культуры, они властвуют и их иногда почитают как божество.

Христианство и Библия, мусульманство и Коран являются объединяющими и сближающими аспектами народов, которые исповедуют данные виды религии и изучают их главные источники мудрости и нравственного закона. В библейских и коранических текстах хранится информация об истории, этнографии, национальной психологии, национальном поведении, то есть обо всем том, что составляет содержание культуры.

В данной статье рассматриваются лексические единицы, обозначающие деньги, функционирующие в англоязычных библейских и коранических текстах. Целью статьи является определить особенности использования этих лексем в ранних, канонических версиях, а также характер и механизм их субституций в современных изданиях Священных Писаний христиан и мусульман под действием как лингвистических, так и экстралингвистических факторов.

Поставленная цель определила конкретные **задачи** исследования: выявить характер причин возникновения английских версий Библии и Корана; охарактеризовать денежные единицы тех времен; определить виды и особенности субституций названий этих единиц в англоязычных библейских и коранических текстах; выяснить культурологические факторы, влияющие на субституции лексики данной тематики.

Объектом исследования выступают англоязычные версии Библии: King James Version (далее – KJV) [4], Today's New International Version (TNIV) [6], а также версии Корана в переводах Джорджа Сейля (S) [5] и Абдуллы Юсуфа Али (A) [3]. Предметом анализа является характеристика особенностей вербализации денежных единиц в библейских и коранических текстах, в зависимости от культурного наследия англосаксонского и арабского социума.

Английский перевод Библии, получивший название "Версия короля Якова", был впервые выполнен в 1611 году не с латинского (Вульгата), а с греческого языка (Септуагинта). Это Библия, которая была впервые написана на литературном, стандартном английском языке. Она признана канонической и в настоящее время пользуется популярностью.

Версия TNIV последний раз была опубликована в 2008 году. Цель переводчиков состояла в том, чтобы сделать точный и читаемый перевод на современном английском языке, создать сбалансированную посредническую версию – такую, которая окажется между между дословным переводом и продуманным.

В 1734 г. инициатор просветительского движения в Англии, Джордж Сейль, опубликовал первый перевод Корана с арабского языка, основанный главным образом на комментариях выдающихся мусульманских богословов. Этот перевод и «Предварительные замечания» к нему на долгие годы определили уровень изучения и понимания Корана в Европе. Перевод Сейля оставался самым широко используемым английским переводом на протяжении последующих столетий.

Особо примечателен английский перевод индийского мусульманина Абдуллы Юсуфа Али, выполненный в XX веке и переизданный в 2007 году. Данный перевод после глубокого исследования в Институте Корана в Медине и Научно-исследовательской Исламской Академии Аль-Азхар был канонизирован Королевством Саудовской Аравии.

Поскольку в англоязычных версиях Библии содержится информация относительно народов не только библейских времен, но и английского народа времен, когда создавались эти версии [Михайлова 2009 : 9], то имеется предположение, что в коранических текстах, переведенных на английский

язык, также можно обнаружить сведения о культуре как арабов, так и англичан.

В текстах Библии упоминаются меры веса – *шекель*, *мина*, *талант*, др.-рим. монеты – *денарий*, *ассарий*, *кодрант* и др.-греч. монеты – *статер*, *драхма*, *дидрахма*, *лепта* в качестве денег. В ранней англоязычной версии Библии KJV для обозначения денежных единиц используются такие слова, как *money* (Mtth.17:27), *penny* (Mtth.20:2), *farthing* (Mtth. 5:26), *mite* (Mk.12:42), а для меры веса – *talent* (Mtth.18:24), (Mtth.25:15) и *pound* (Lk.19:13). Лексические единицы *mite* и *farthing* обозначают древние и вышедшие из обращения английские медные монеты. В современной версии Библии TNIV эти лексемы подверглись субституции, соответственно *coin*, *denarius*, *penny*, *dollar*, *a bag of gold* и *mina*.

Лексическая единица *penny*, функционирующая в текстах британской версии KJV, обозначает денежную единицу Великобритании или любой другой страны, входящей в состав Содружества наций, ранее равную 1/240 фунта, а теперь – 1/100 фунта. В американской версии TNIV происходит субституция этого слова языковой единицей *dollar*, обозначающей современную денежную единицу США, с сохранением понятия "деньги":

KJV: ... *servants, which owed him an hundred pence:*

TNIV: ...*servants who owed him a few hundred dollars* /Mtth. 18:28/.

Данная замена вызвана, по всей видимости, желанием создателей версии TNIV модернизировать тексты Библии, приблизить их к пониманию читателей путем использования реалий современного мира, к примеру, привычного доллара, поскольку в США пенни является обиходным названием одноцентовой монеты. Более того, с целью показа тенденции к увеличению инфляции за все это время, происходит изменение количественной характеристики денежной суммы в сторону ее увеличения (от сотни пенсов до нескольких сотен долларов).

В VII веке на Территории возникшего Арабского халифата действовали параллельно византийская и сасанидская денежные системы. Монеты обеих систем приобрели со временем арабские названия, упоминаемые в Коране: золотая византийская монета стала называться *динаром*, а сасанидская серебряная драхма – *дирхемом* [Кункова 2011]. За один динар давали десять дирхемов.

В ранних текстах англоязычного Корана, в переводе Сейля, как и в библейских текстах версии KJV, используется слово *pence*, которое является формой множественного числа лексемы *penny*, и определяет денежную ценность какого-либо количества монет.

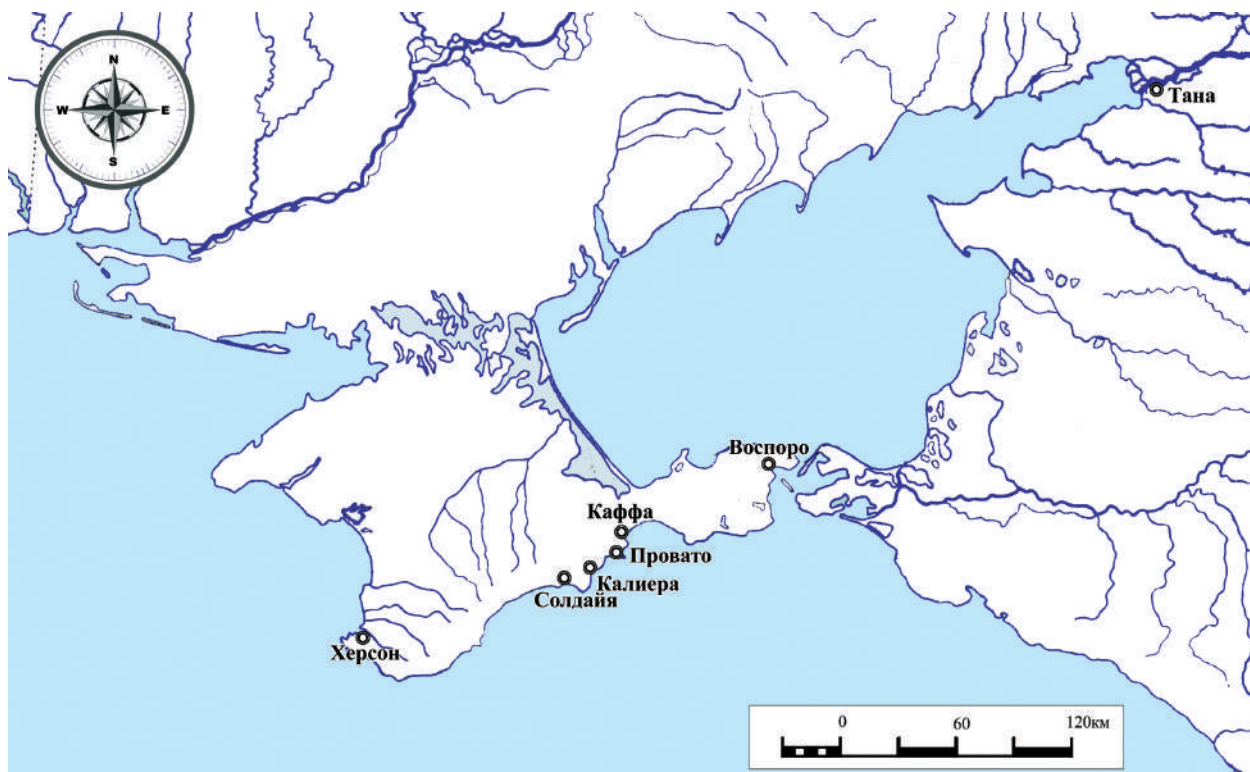

Рис. 1. Карта части Северного Причерноморья с городами, селениями и гаванями Венецианской Газарии в XIII–XV вв.

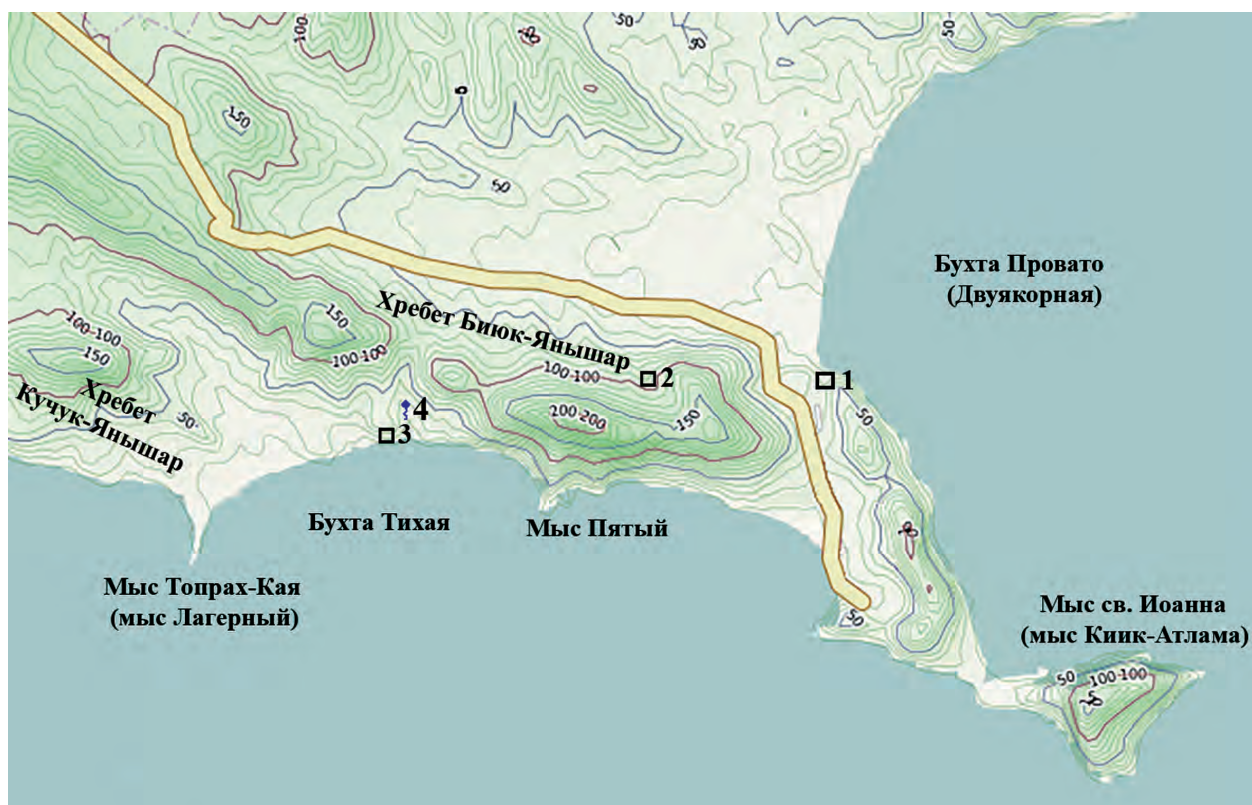

Рис. 2. Карта побережья Юго-Восточного Крыма.

1 – венецианская якорная стоянка Провато; 2 – армянский монастырь св. Иоанна Предтечи; 3 – венецианская якорная стоянка у мыса св. Иоанна (поселение в Тихой бухте); 4 – родник.

Рис. 1. Находки из бухты Казачья.

Рис. 2. Кружка с сюжетами из романа Гарриет Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома», найденная в бухте Казачья.

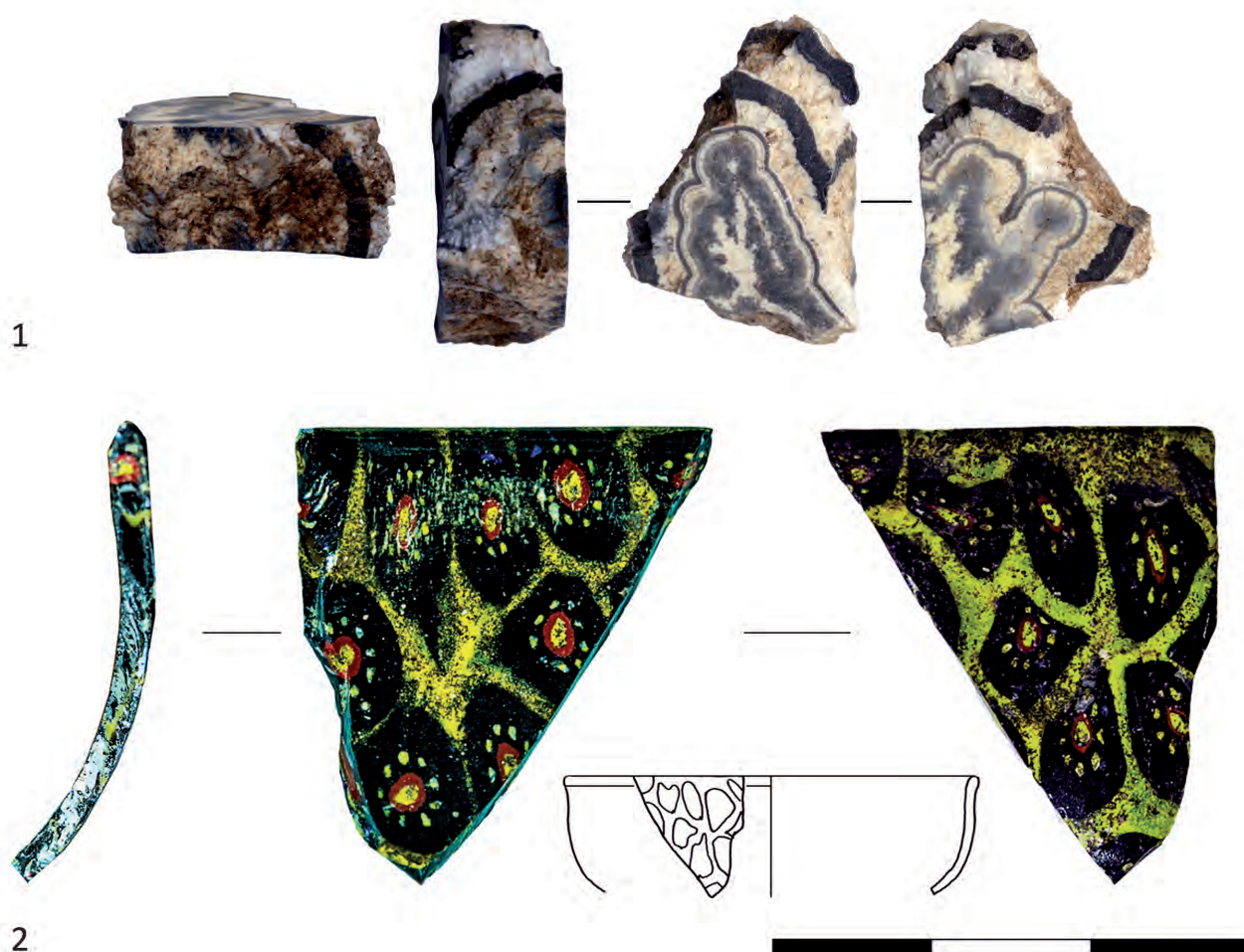

Рис. 1. Фрагменты сосудов мозаичного стекла из раскопок цитадели городища Артезиан. 1 – 2013 г. Раскоп III. Помещение 4. Слой пожара. НВФ-13345. Коллекционная опись № 239. 2 – 2018 г. Раскоп III. Насыпь террасы северо-восточнее полуподвала 5. Полевая опись № 750. Керчь, ВКИКМЗ.

Рис. 1. Фронтное 3.

- а – граница раскопа;
- б – погребения эпохи бронзы;
- в – ранние формы керамики;
- г – могилы, перекрывающие одна другую;
- д – юго-восточная периферия ареала одночленных лучковых фибул;
- е – северо-западная периферия ареала двучленных лучковых фибул;
- ж – индикаторы гуннского времени;
- з – пряжка V в.

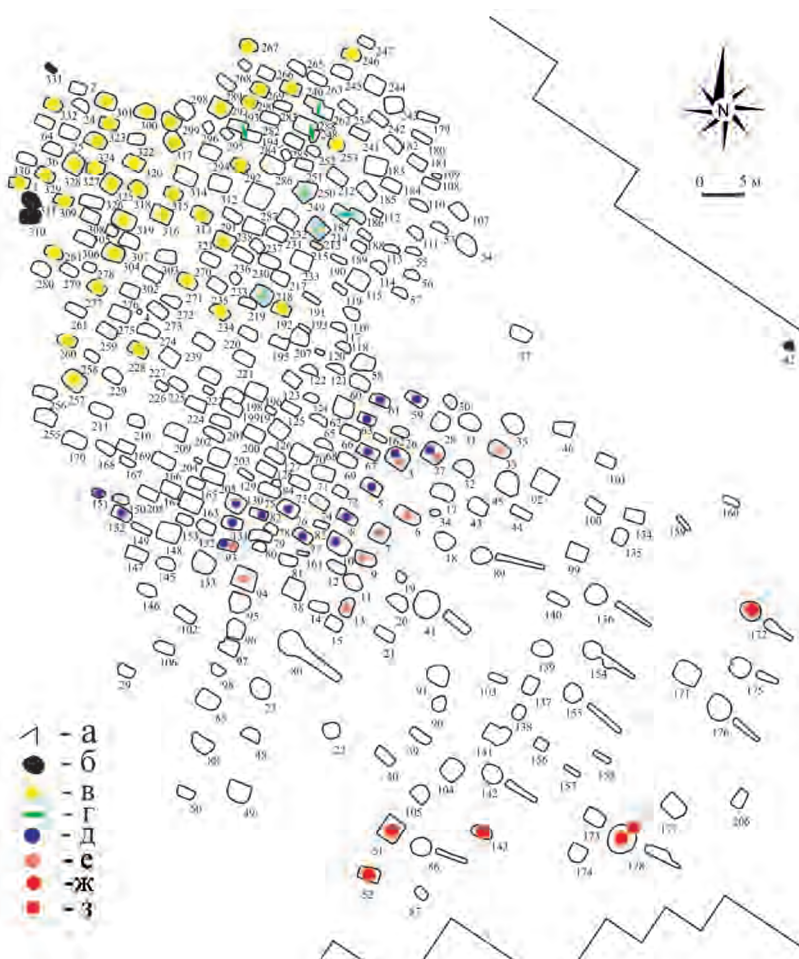

Рис. 2. Фронтное 3.

- а-в – подбойные могилы
- (б – без каменного заклада;
- в – с имитацией каменного заклада);
- г – кремации;
- д – могилы с заплечиками;
- е – грунтовые склепы;
- ж – могилы эпохи бронзы.

Иллюстрации к статье В.В. Дорошко

Рис. 1. Гончарный кувшин с биконическим туловом на высоком поддоне из раскопок С.Г. Рыжова в IX квартале Херсонеса (2007 г.).

Рис. 2. Карта распространения гончарных кувшинов с биконическим туловом на высоком поддоне.

Рис. 1. Карта распространения сковород с рифлеными ручками.

Рис. 2. Сковорода из раскопок «казармы» Портового района (экспедиция М.И. Золотарева).

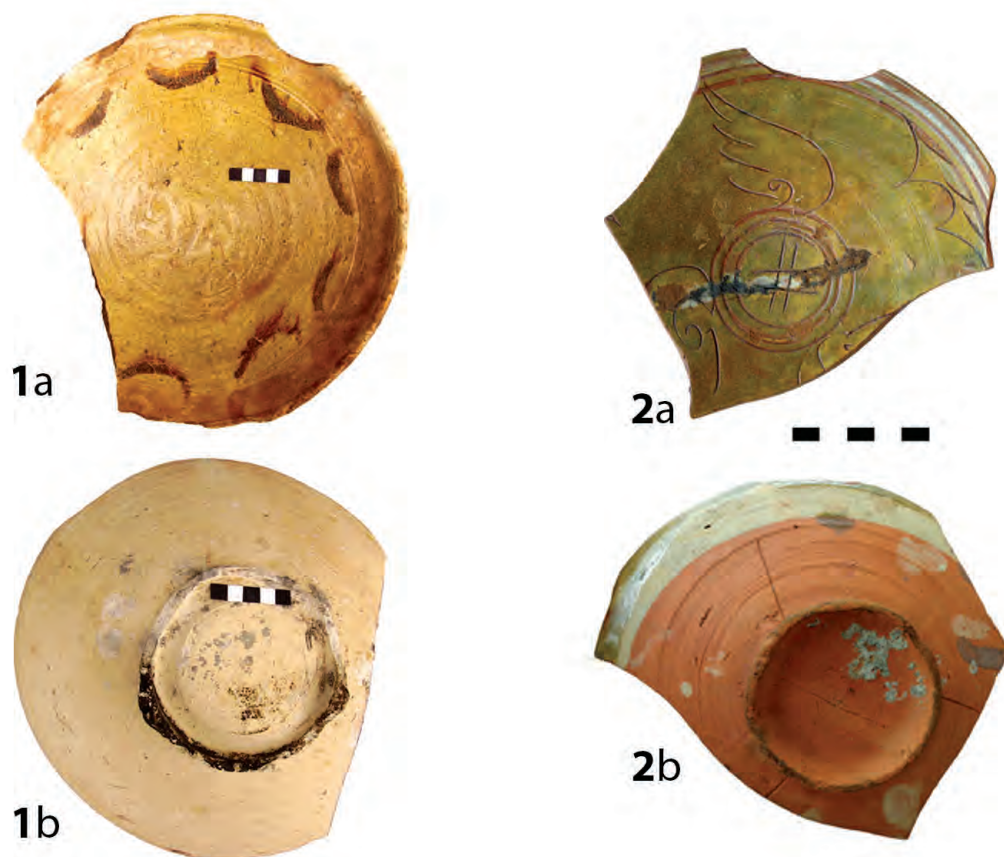

Рис. 1

Рис. 2

Иллюстрации к статье Н.В. Жилиной

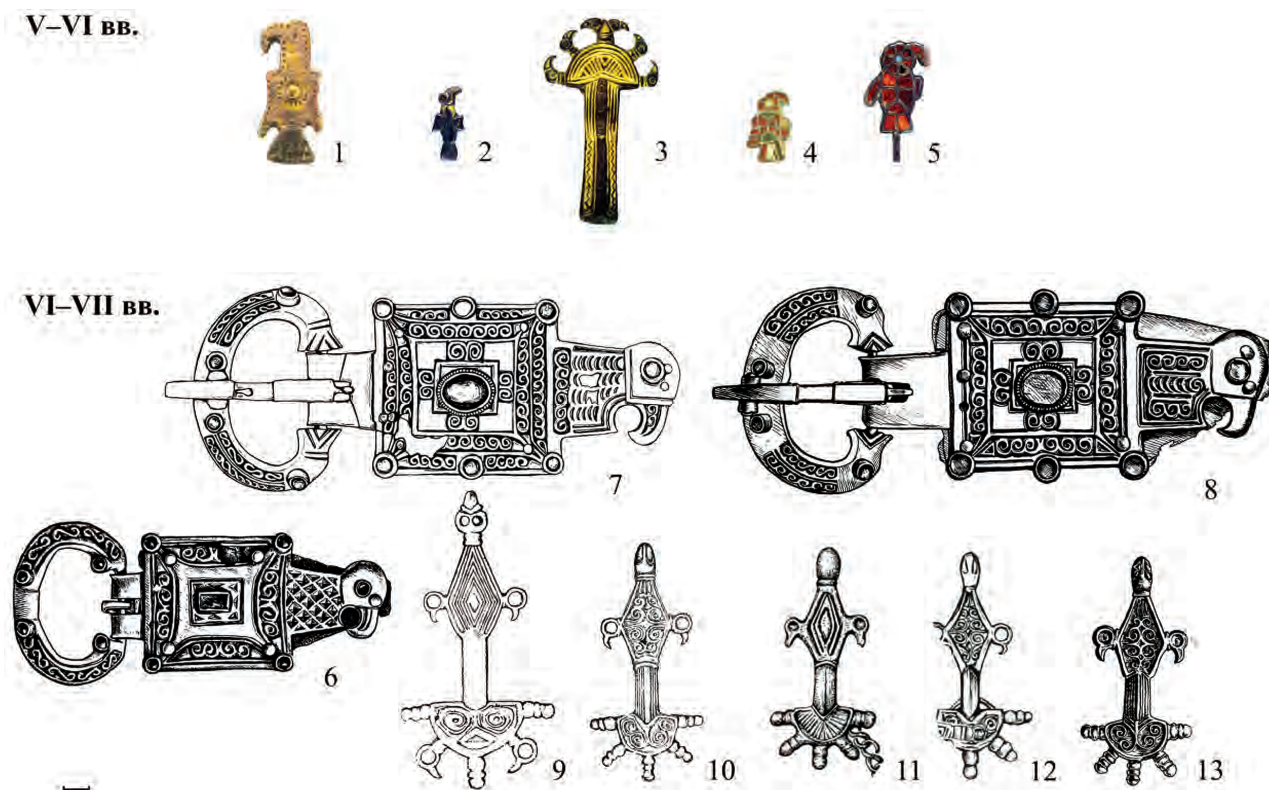

Рис. 1. Мотив орла в раннесредневековом искусстве: Западная Европа, германцы, V-VI вв. - 1 - готская фибула [Эпоха Меровингов 2007: ил. 2, IX.6.8, без масштаба]; фибулы и булавки франков - 2 - около 500 г. 3-5 - первая половина VI в. [Эпоха Меровингов 2007: 478, 462, 455, 494, VII.17. 21, 10.17, 8.2, 28.1]; VI-VII вв., пряжки готско-алан Юго-Западного Крыма, могильник Лучистое - 6 - конец VI - первая четверть VII в.; 7 - вторая четверть VII в., 8 - вторая половина VII в. [Айбабин, Хайрединова 2008, табл. 181, 44, 134]; пальчатые фибулы - 9, 10 - Керчь [Засецкая 1998: 439, 448, № 69, 70, рис. 3: 8; Айбабин, 1990. Рис. 15: 2]; 11, 12 - Лучистое, конец VI - первая четверть VII в. и Суук-Су, вторая половина VII в. [Айбабин, Хайрединова 2008, рис. 12: 17, 39; масштаб приблизительный]; 13 - Княжа Гора Киевской губ. [Корзухина 1996: 355, кат. 19, 1, табл. 79: 1].

Рис. 2. Мотив орла в X-XII вв.: 1 - византийская вышивка, X в. [Даркевич 1975: ил. 224]; 2, 3 - Херсонес, костяные пластинки, X-XI вв. [Наследие 2011: № 320, 341]; 4, 5 - Новгород, резные деревянные наконечники [Жилина 2018б: рис. 2: 6, 7]; 6 - ремешковый наконечник, металл, клад из Супруты Тульской обл., первая половина X в. [Мурашева 2008: 34, рис. 28]; 7 - чеканное изображение орла на серебряной оправе рога из Черной Могилы, Чернигов [Рыбаков 1948: рис. 68]; 8 - сланцевая плита, Софийский собор в Киеве, XI в.; 9 - миниатюра Юрьевского Евангелия, 1119-1128 гг. [Жилина 2016: рис. 1: 9, 18]; 10, 11 - наконечники ножен мечей, Гнездово Смоленской обл., X в. [Каинов 2009: рис. 3: группа I, тип 1, вариант 1, фото 1: 1; группа II]; 12 - Гнездово, клад 1867 г., подвеска в стиле перегородчатой зерни [Жилина, 2014. № 23/15].

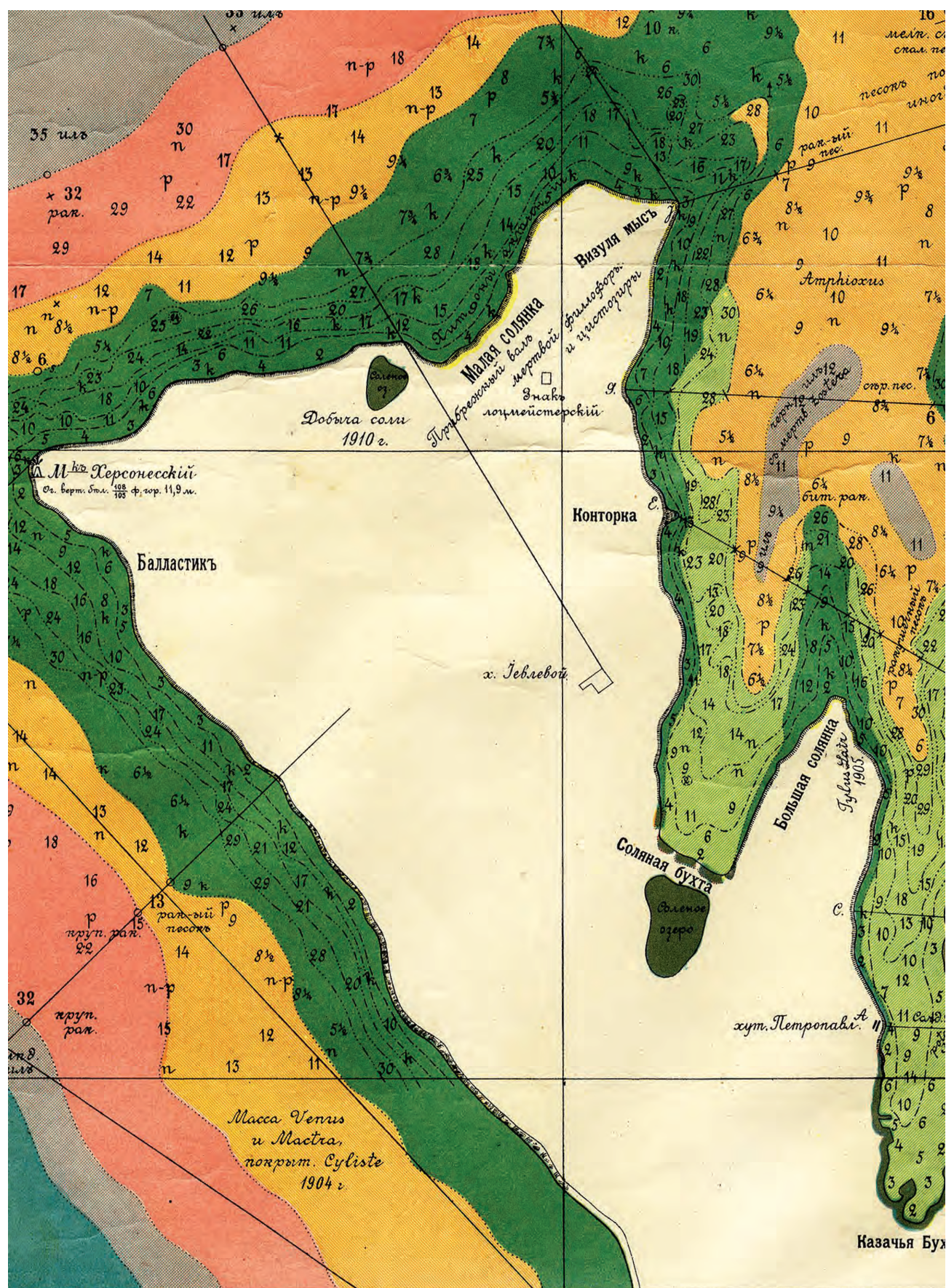

Рис.1. Район Маячного полуострова и Казачьей бухты на карте С.А.Зернова 1912 г.

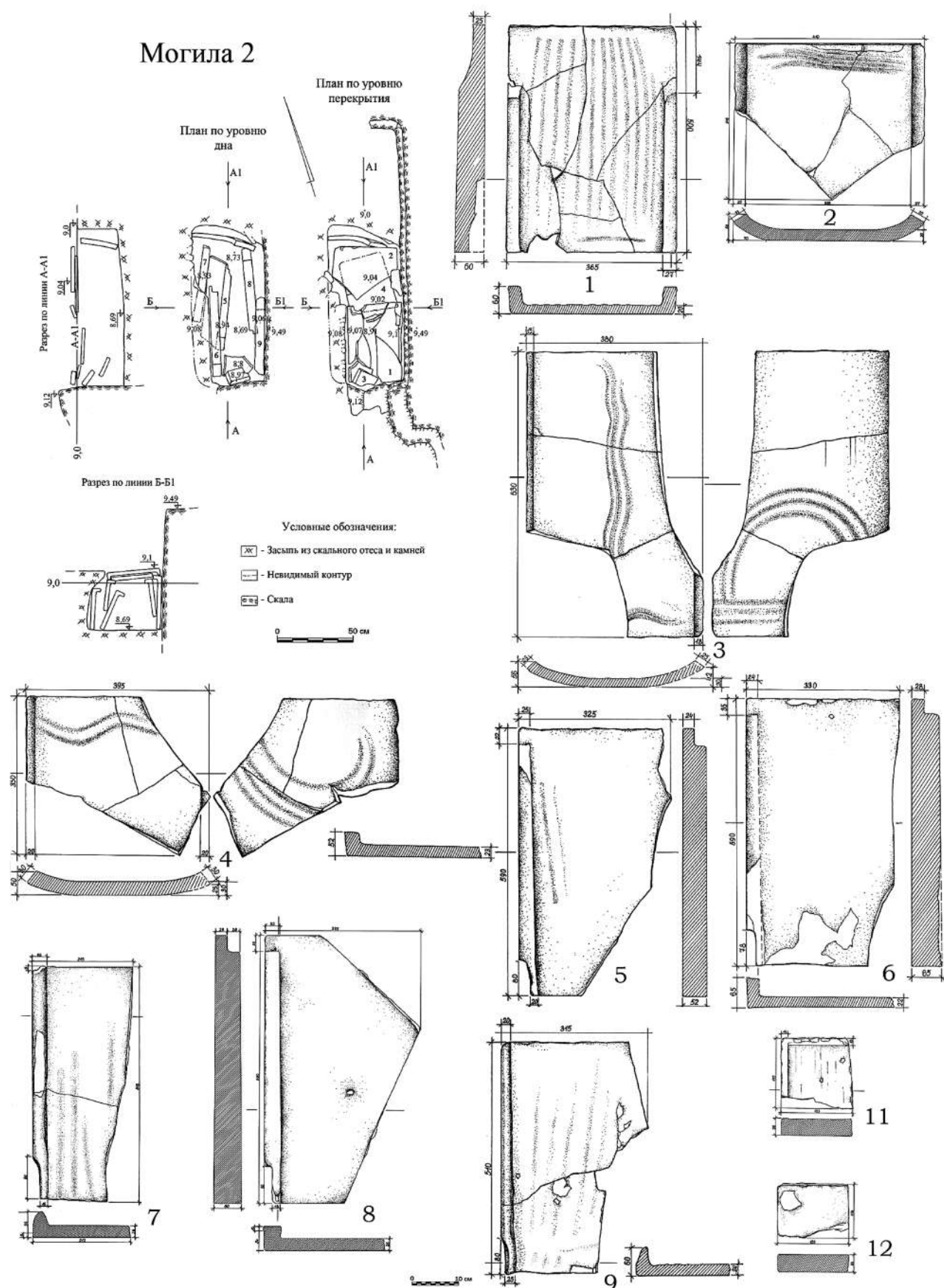

Рис. 1. Могила 2 раскопок 2014 года на Западном некрополе Херсонеса. План и разрезы могилы. 1-12 – Строительная керамика из конструкции погребального сооружения (рисунки: план и разрезы – Д.А. Костромичев; строительная керамика – И.В. Михадюк).

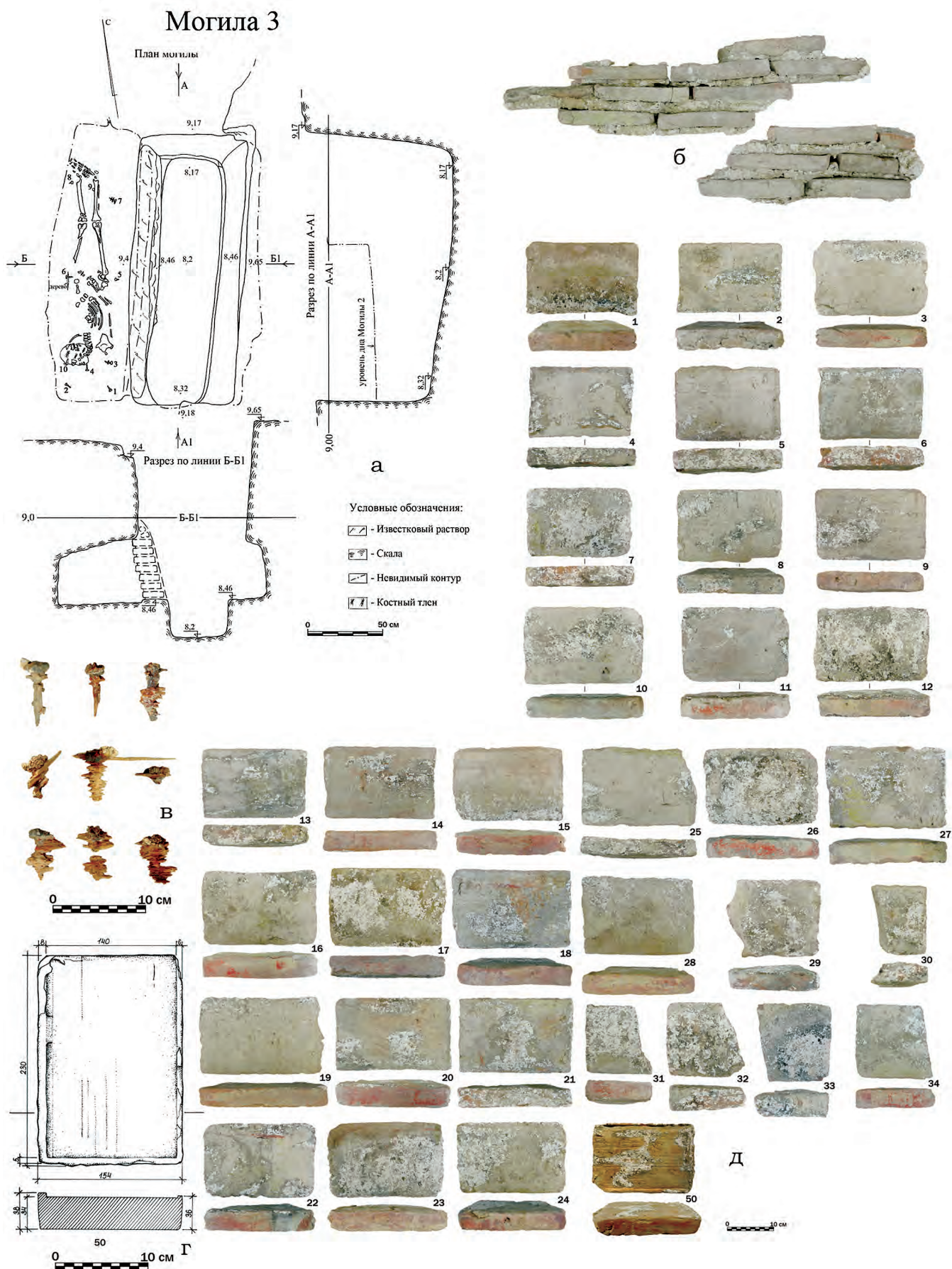

Рис. 2. Могила 3 раскопок 2014 года на Западном некрополе Херсонеса.
а – план и разрезы могилы; б – фрагмент заклада; в – железные гвозди; г – рисунок кирпича из кладки; д – фото кирпичей из заклада (фото: К.В. Зыкова; рисунки: план и разрезы – Д.А. Костромичев, кирпич – И.В. Михадюк).

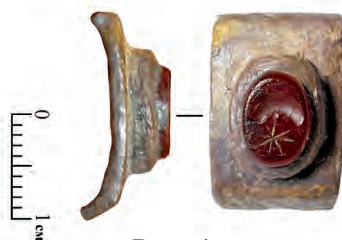

Рис. 1

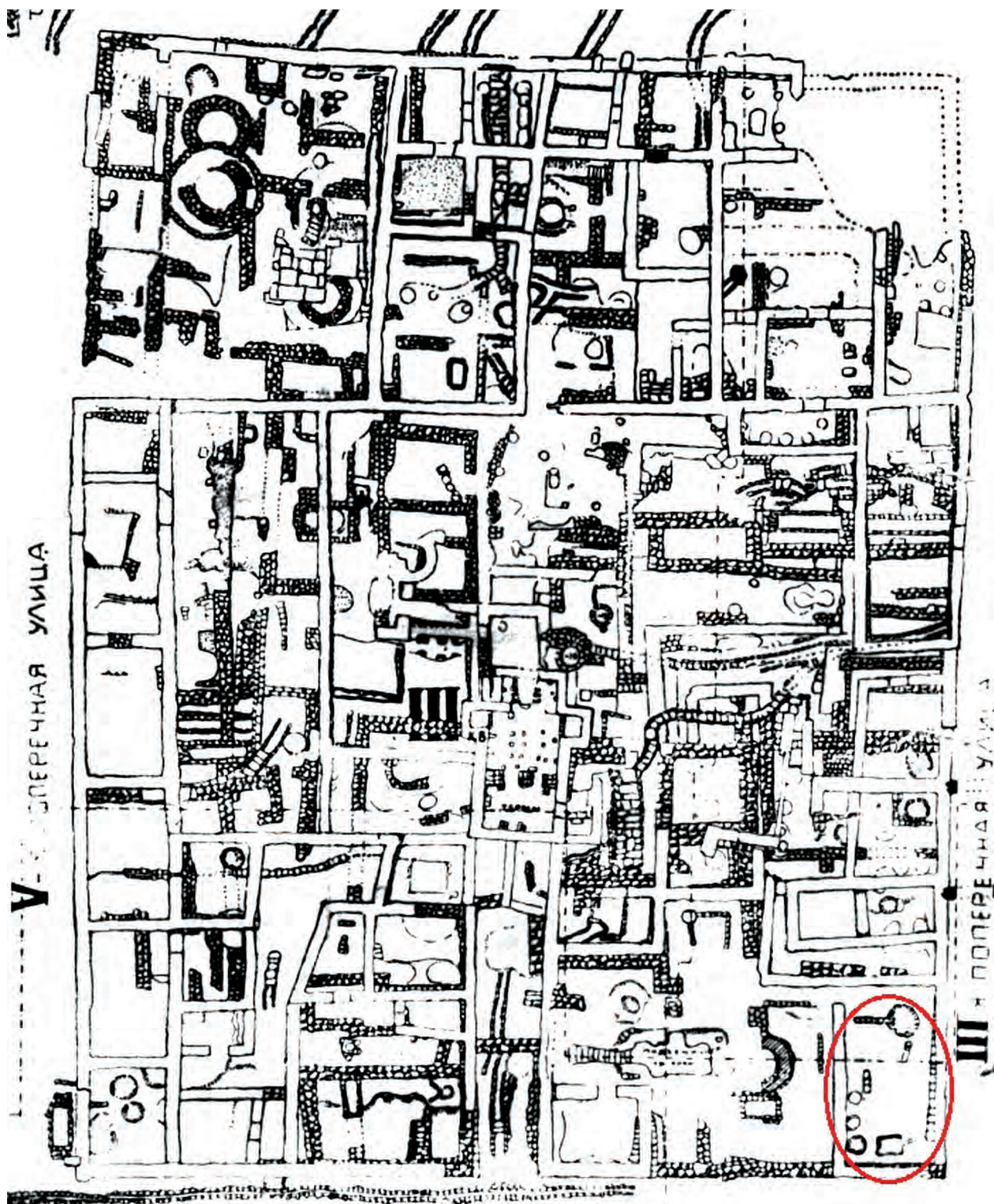

Рис. 2

Рис. 1

Рис. 2

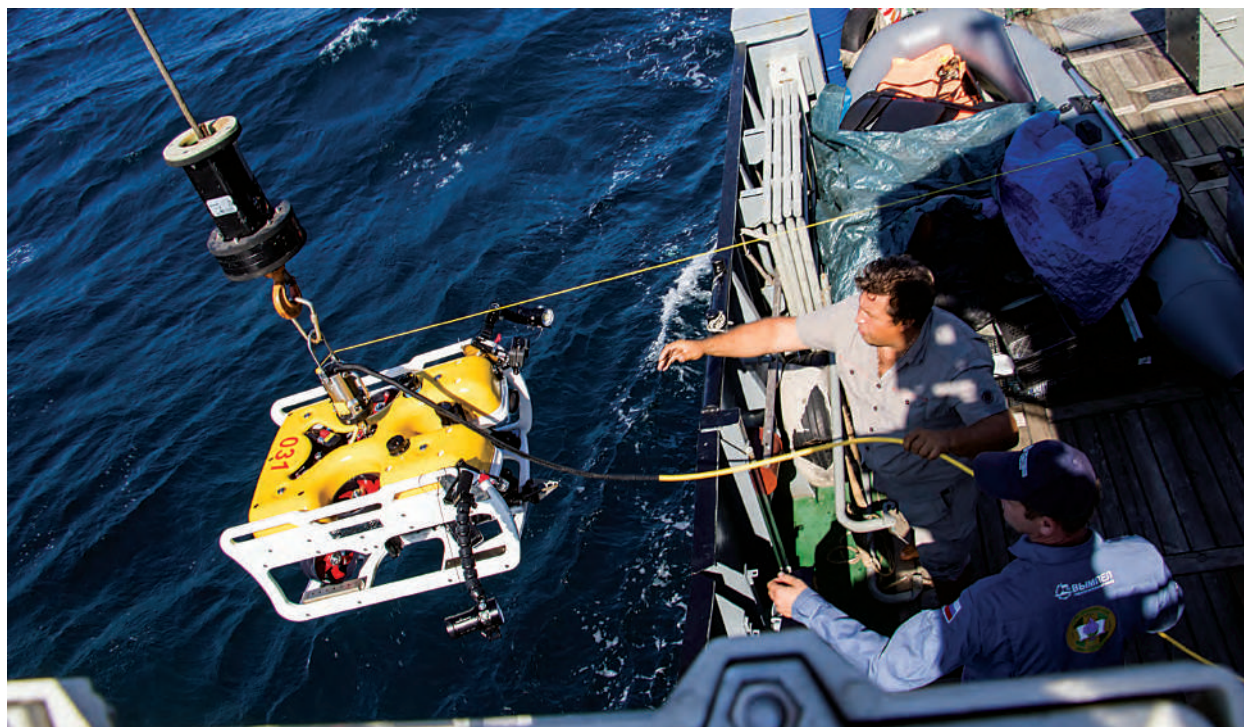

Рис. 1. ТНПА с дополнительным навесным оборудованием при спуске в воду.

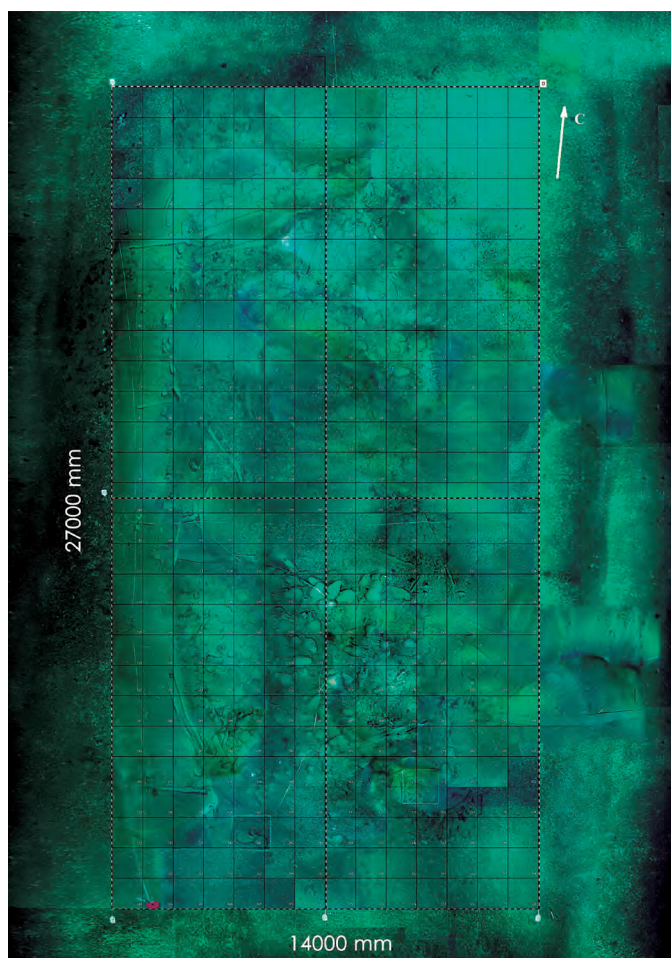

Рис. 2. Общий план византийского судна XI в. у Балаклавы.

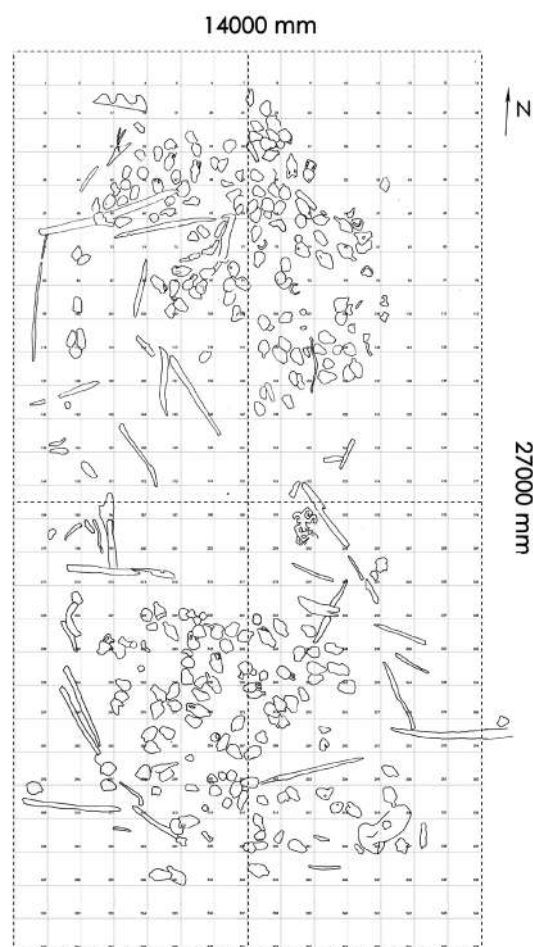

Рис. 3. Графический план кораблекрушения XI в. у Балаклавы.

Рис. 4. Фрагменты амфоры поднятые в 2018 г.

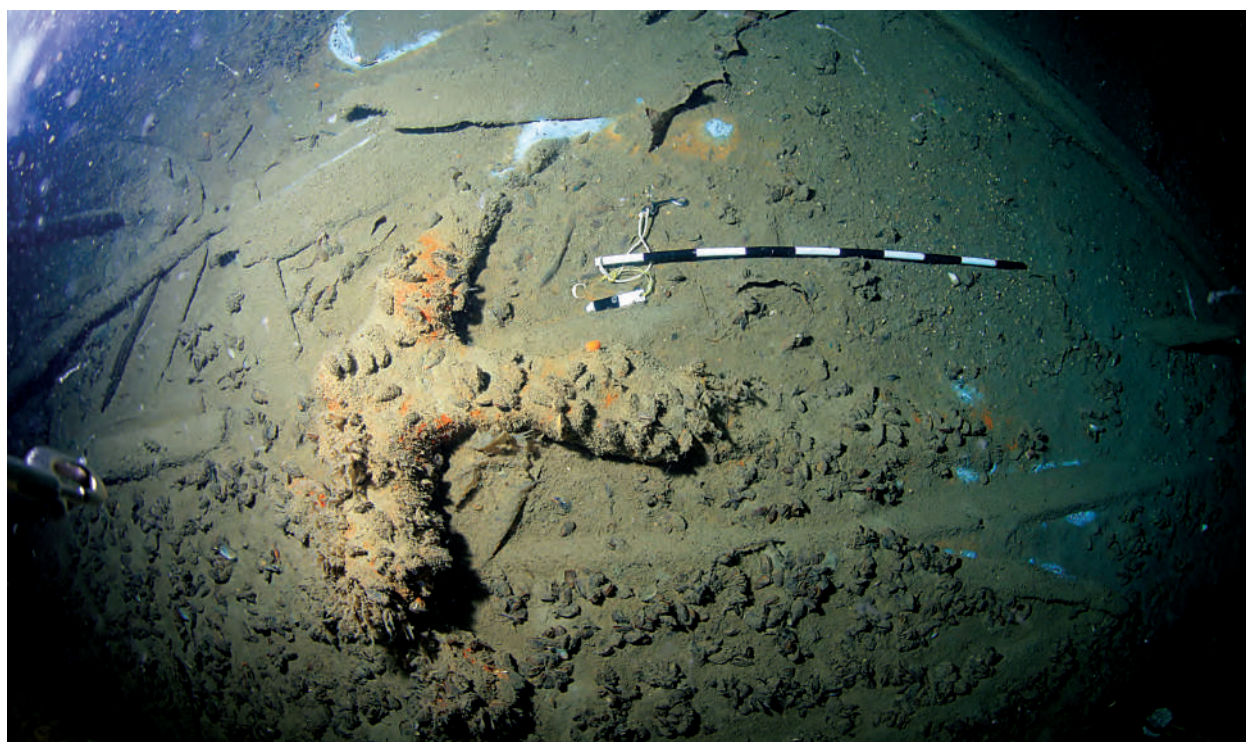

Рис. 7. Железный якорь, обнаруженный на месте кораблекрушения XI–XII вв. у Балаклавы.

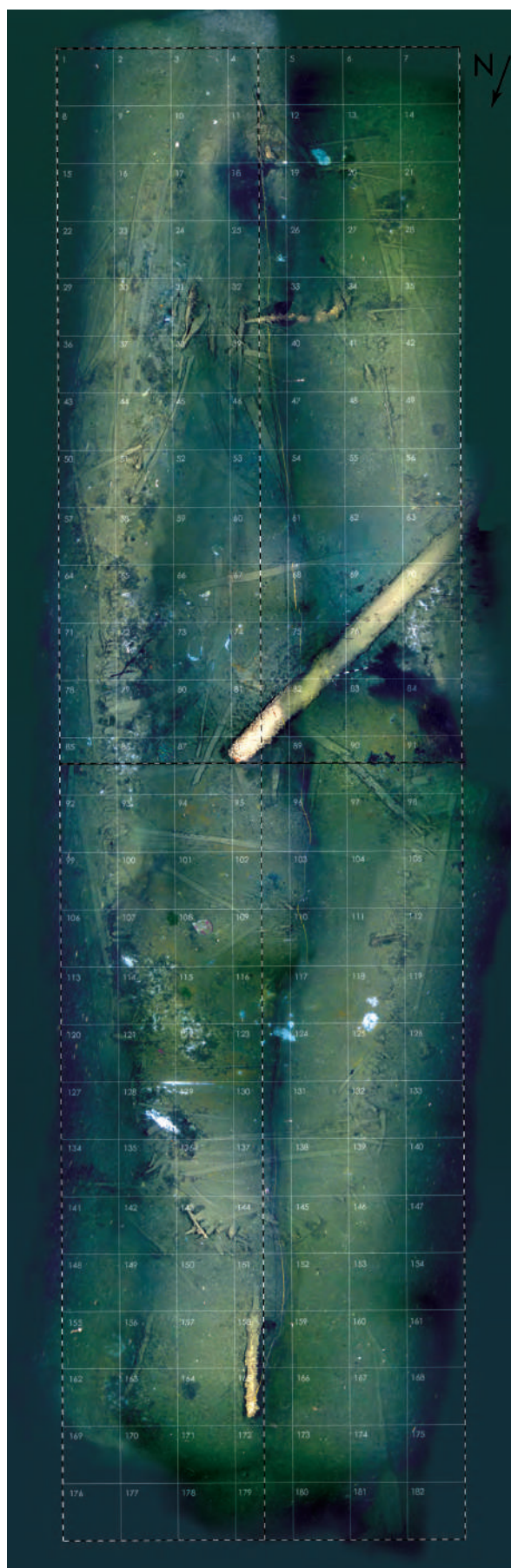

Рис. 5. Общий план кораблекрушения XI–XII вв. у Балаклавы.

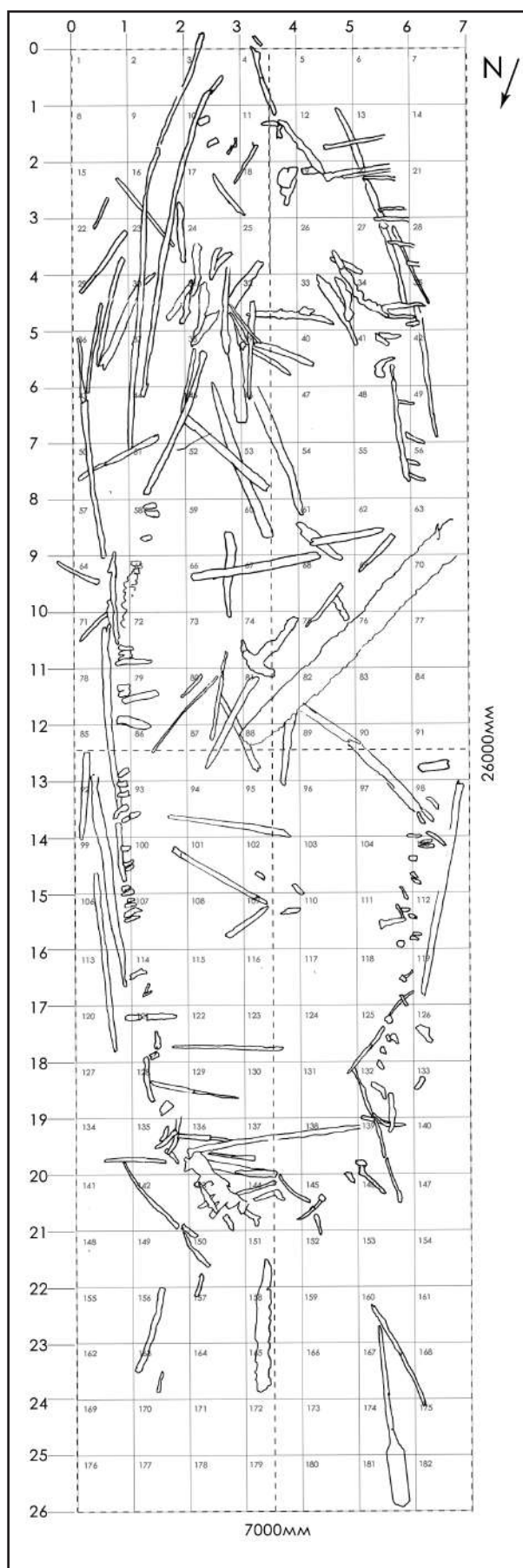

Рис. 6. Графический план кораблекрушения XI–XII вв. у Балаклавы.

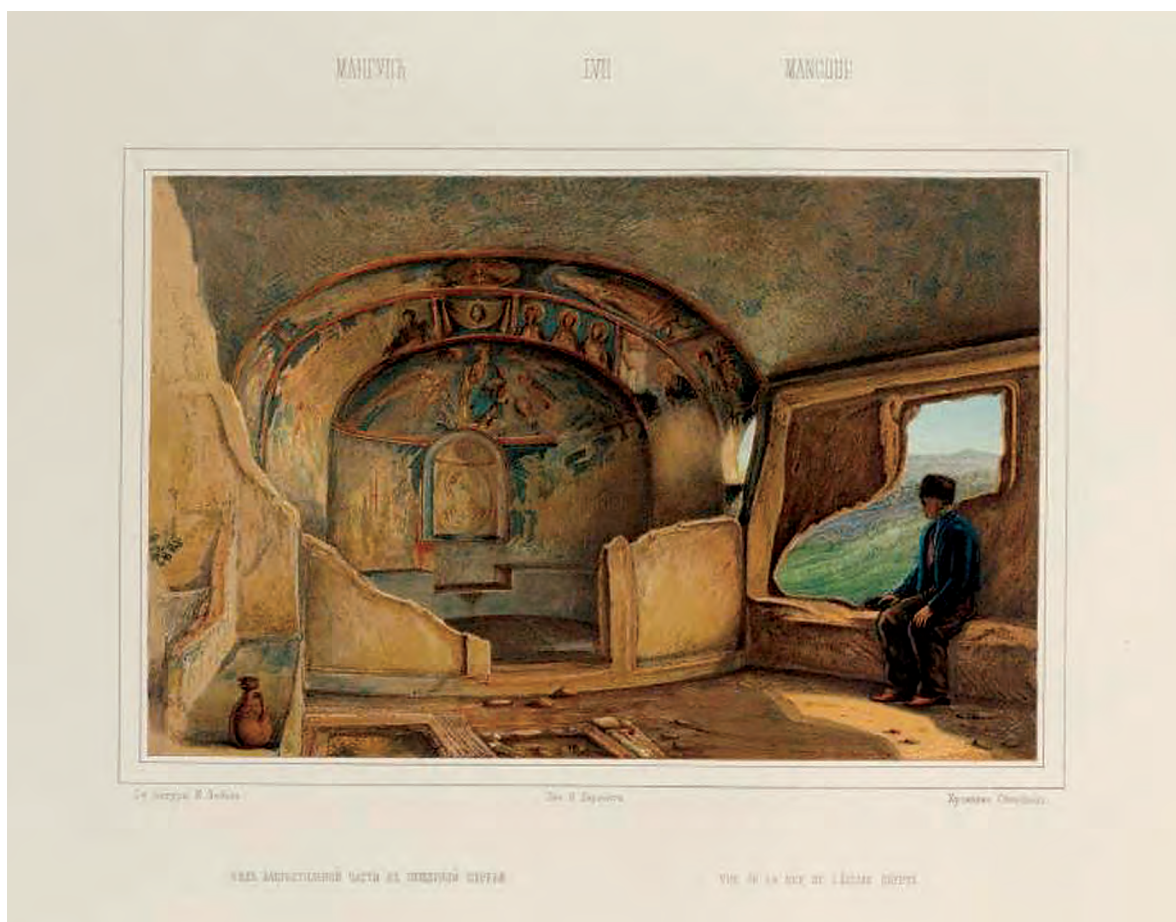

Рис. 1.

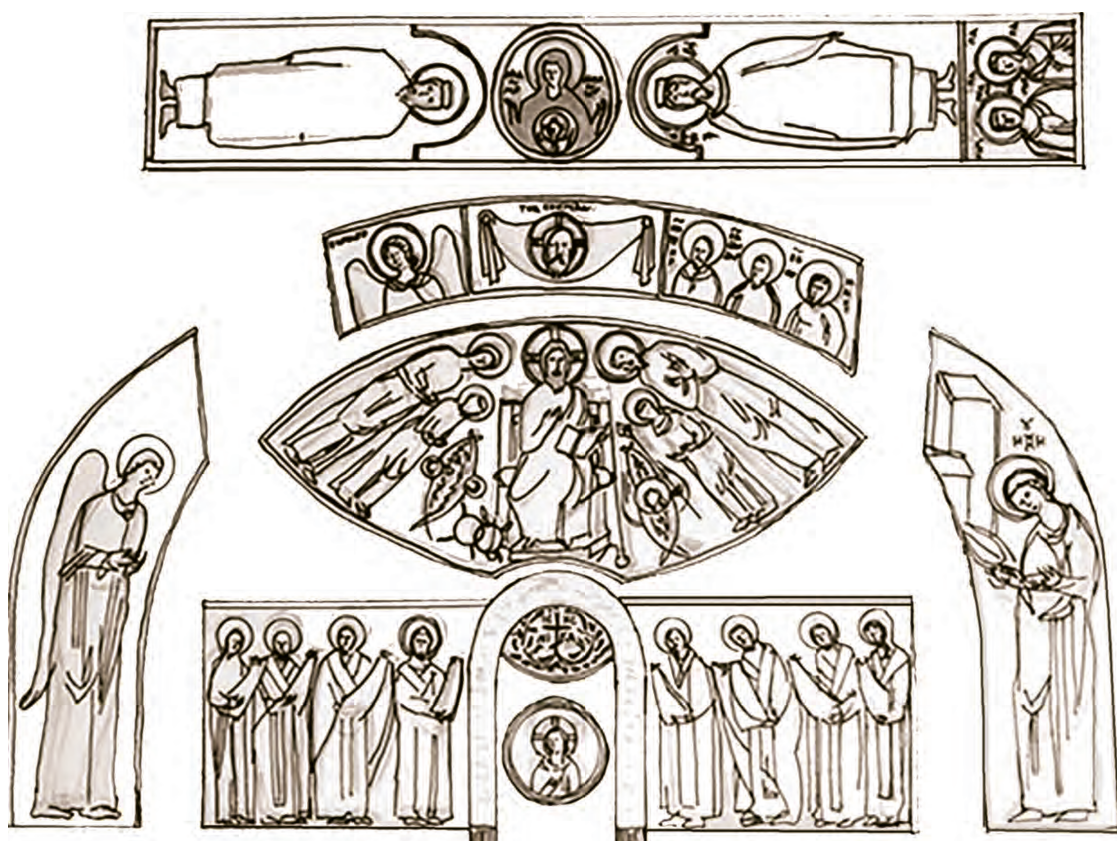

Рис. 2.

Иллюстрации к статье А.М. Обломского

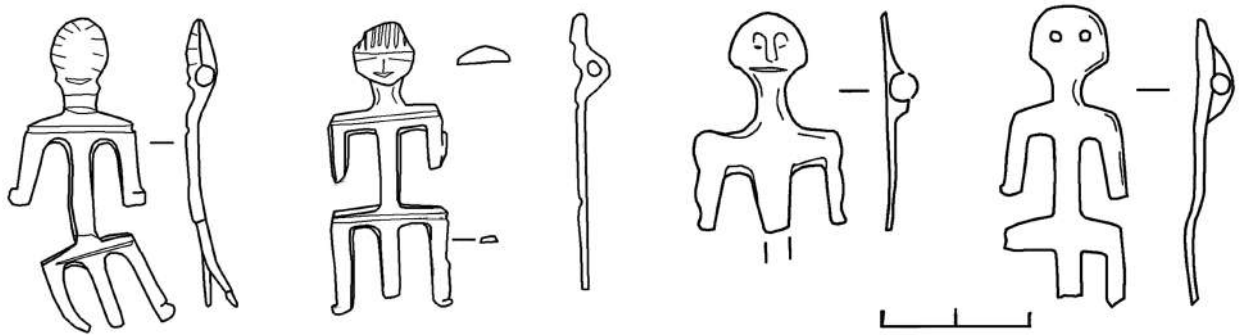

Рис. 1. Антропоморфные амулеты поселения Стаево-5.

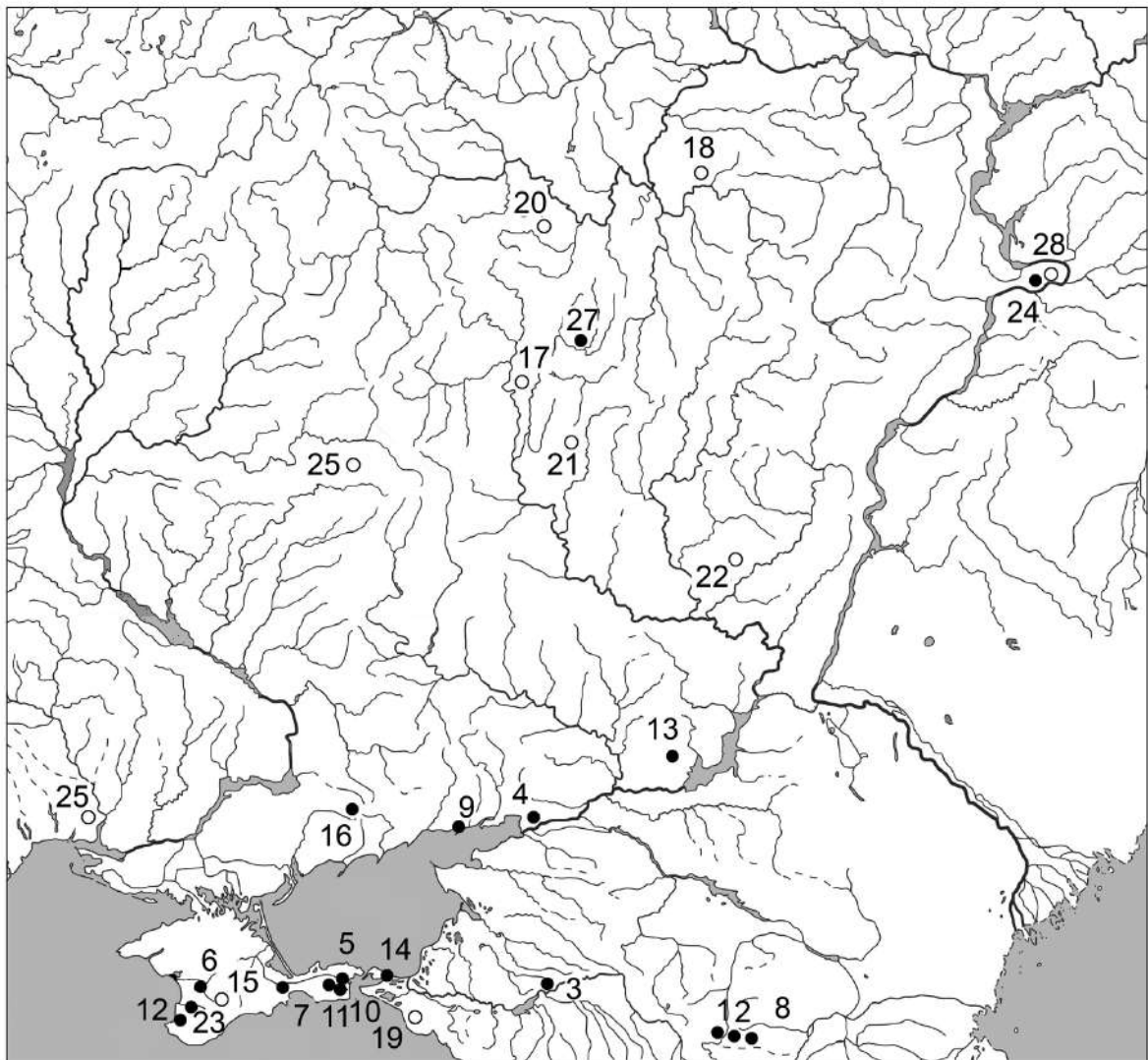

Рис. 2. Карта распространения антропоморфных амулетов типа 1 по Д.Б. Шелову.

1 – Лермонтовская скала 2; 2 – Мокрая Балка; 3 – Пашковский-1; 4 – Танаис; 5 – Керчь; 6 – Чуфут-Кале; 7 – Айвазовское; 8 - р. Подкумок, окрестности Кисловодска; 9 – Белосарайская коса Донецкой обл.; 10 – Тиритака; 11 – Сююр-Таш; 12 – Херсонес; 13 – Филипповская; 14 - Ильичевское городище; 15 – Горный Крым; 16 – Алексеевка; 17 – устье р. Репец; 18 – р. Мокша Рязанской обл.; 19 – Анапа; 20 – Пронск, окрестности; 21 – р. Битюг, Воронежская обл.; 22 – Волково; 23 - Карши-Баир; 24 – Шелехметь; 25 – Николаев; 26 – Сумы; 27 – Стаево-5; 28 – Мордово.

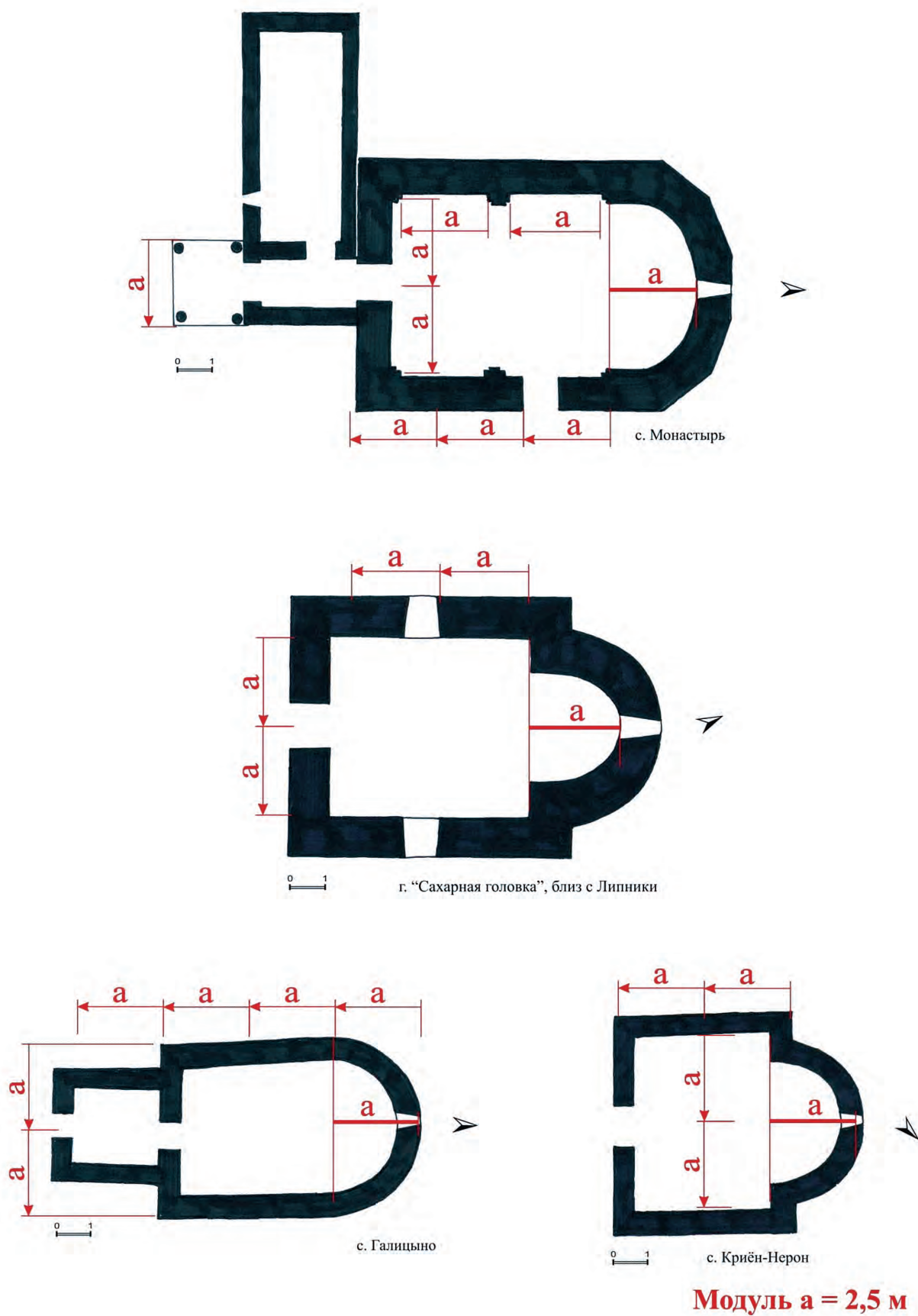

Рис. 1. Модульный размер в храмах Причерноморской Зихии, VIII–IX вв.

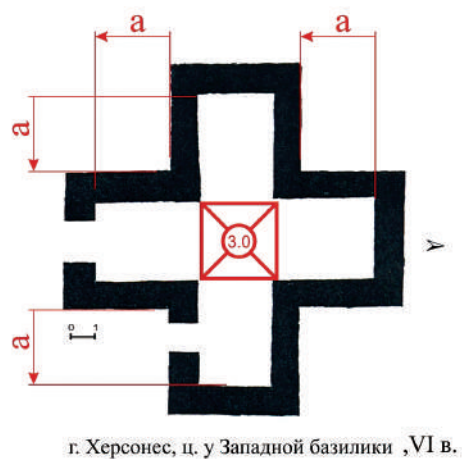
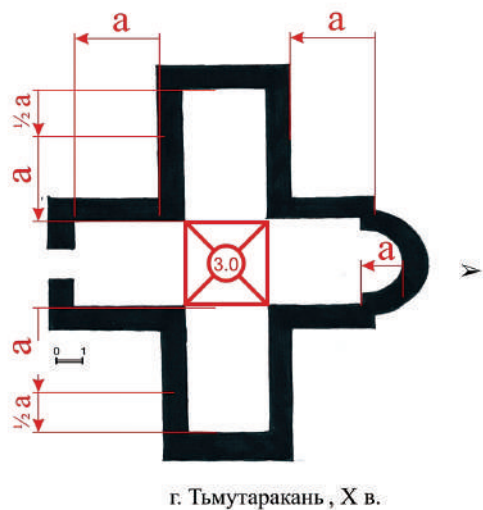
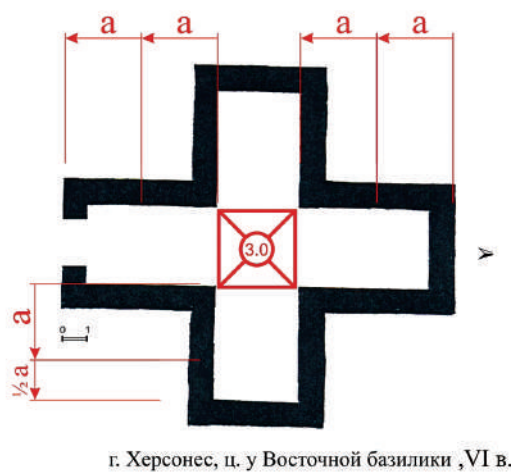
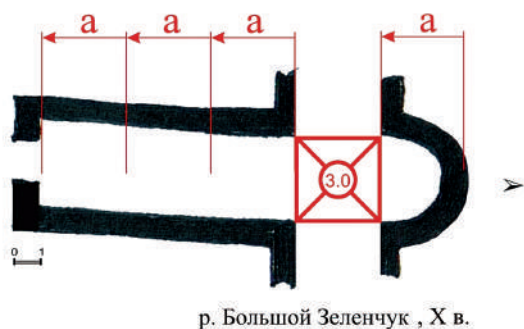
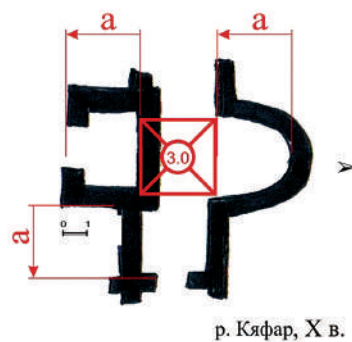
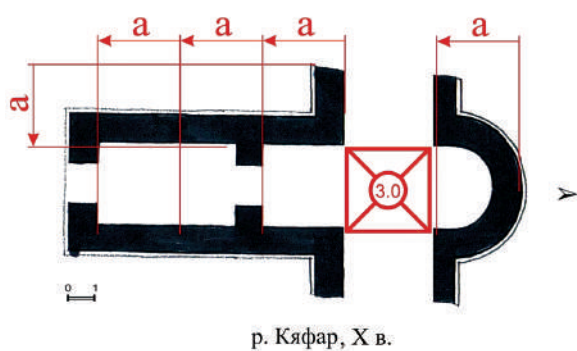
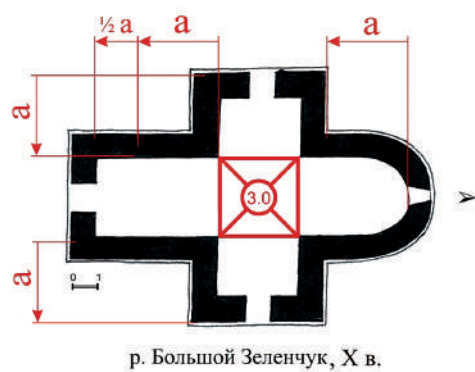
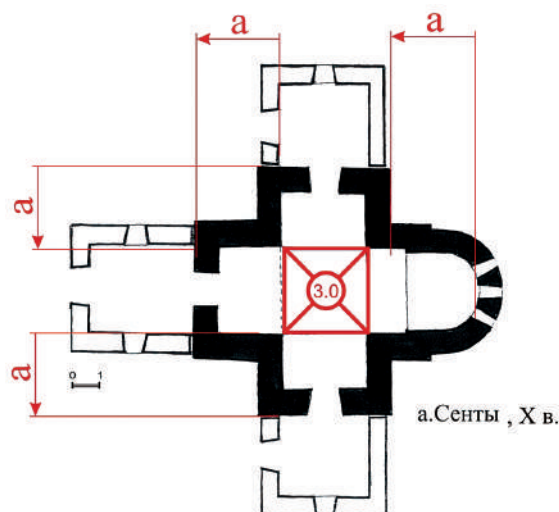

Рис. 2. Совпадение модульных размеров храмов типа «свободный крест» в Алании (X в.), Тьмутаракани (X в.) и в раннехристианских храмах-усыпальницах Херсонеса

Иллюстрация к статье Л.В. Седиковой

Рис. 1. Polychrome Sgraffito Wares

Иллюстрации к статье М.В. Ступко

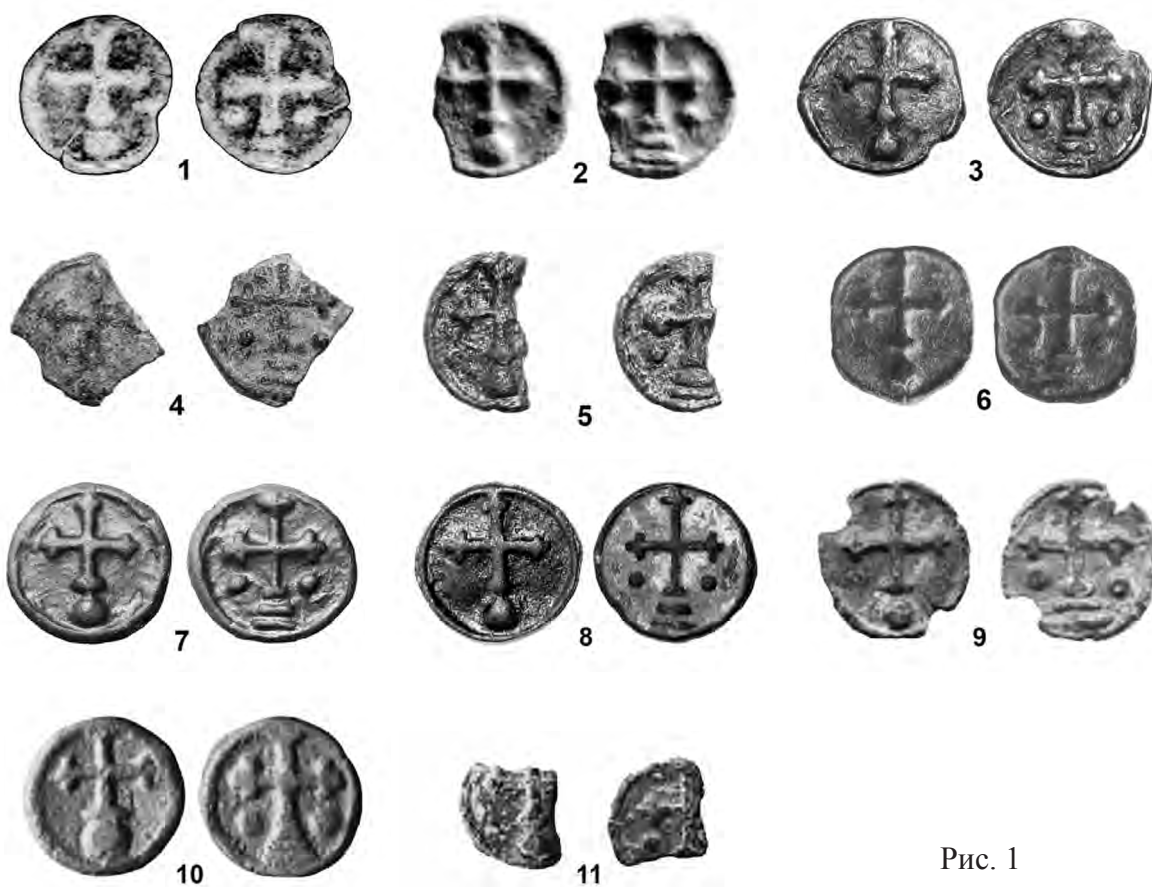

Рис. 1

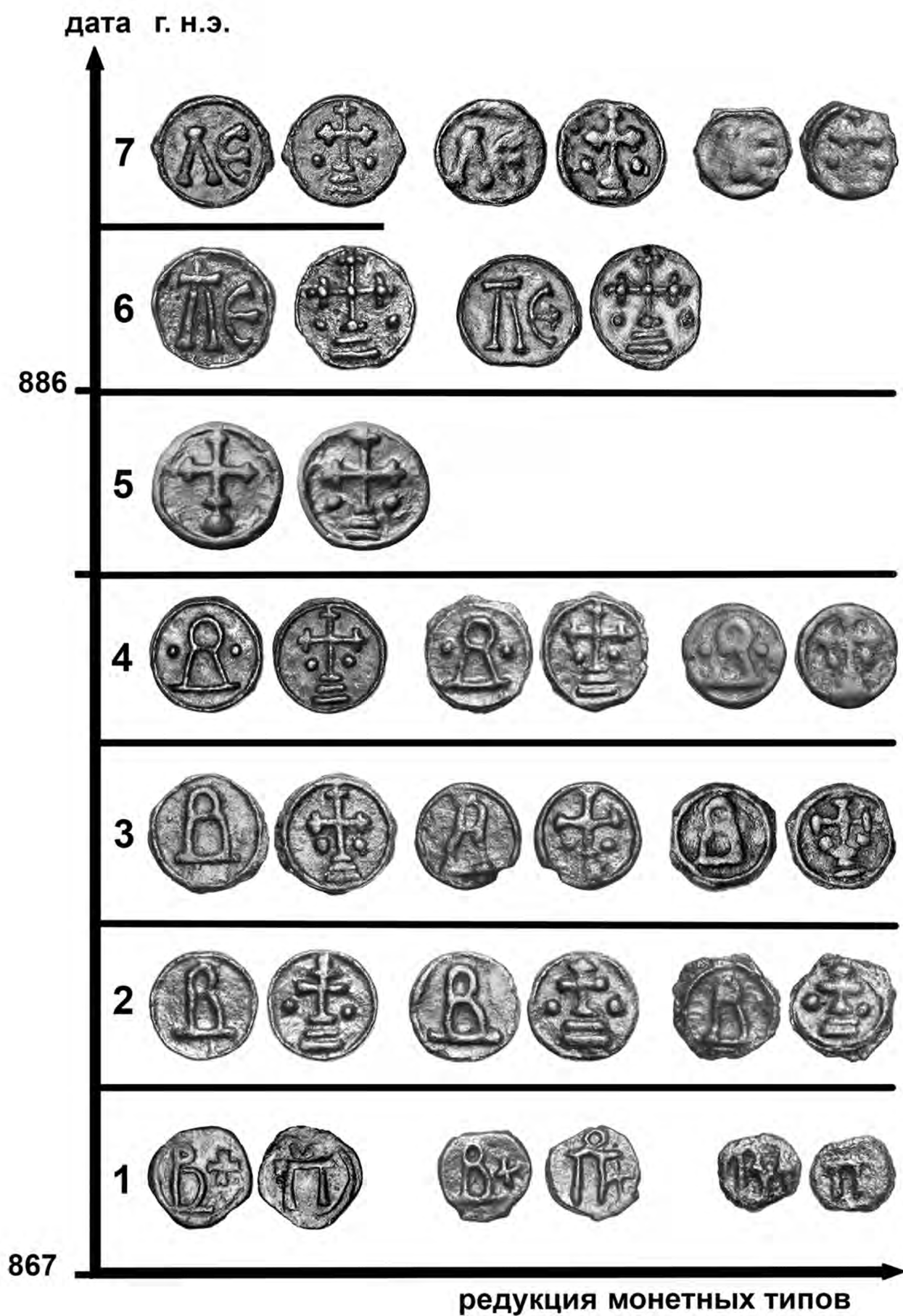

Рис. 2.

Иллюстрации к статье М.Ю. Трейстера

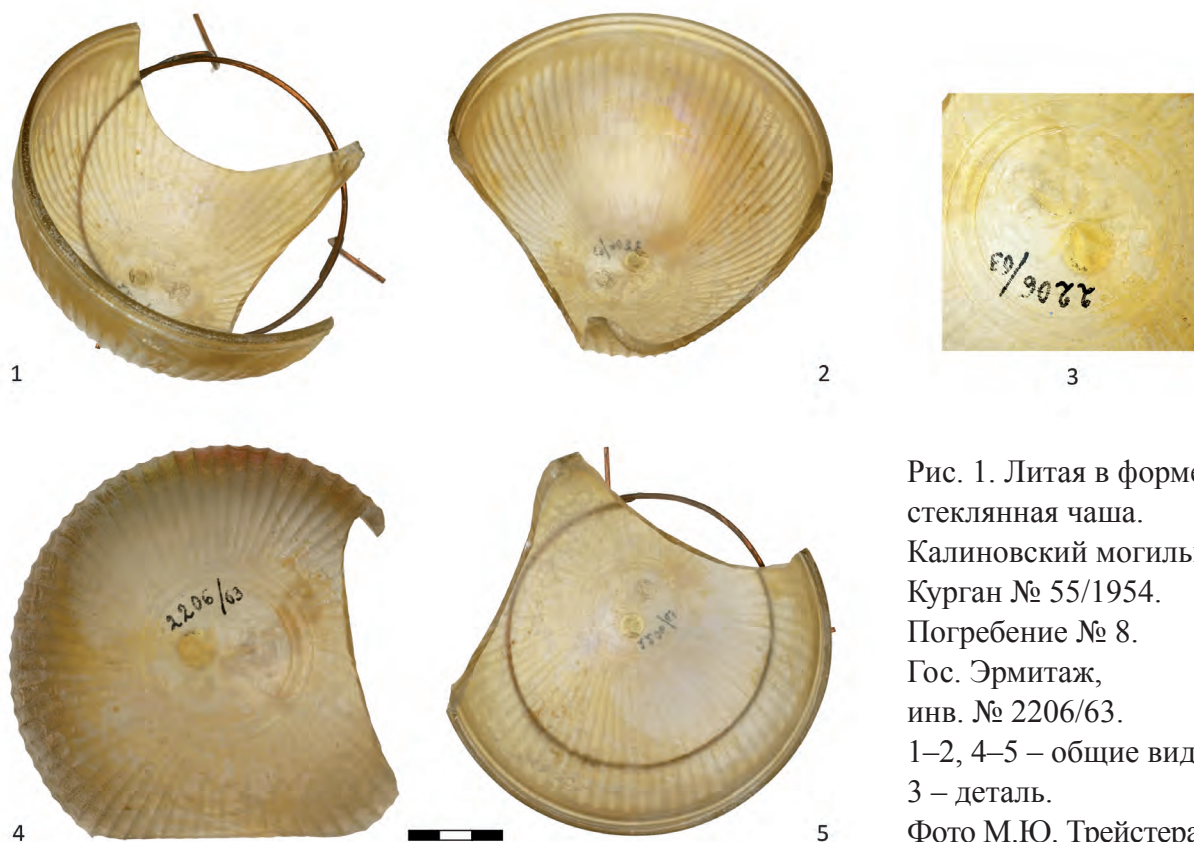

Рис. 1. Литая в форме
стеклянная чаша.
Калиновский могильник.
Курган № 55/1954.
Погребение № 8.
Гос. Эрмитаж,
инв. № 2206/63.
1–2, 4–5 – общие виды;
3 – деталь.
Фото М.Ю. Трейстера, 2015.

Рис. 2. Фрагменты чаш
мозаичного стекла.

1 – Могильник у хут. Алитуб.
Курган № 26/1971. Погребение № 1. Ростовский областной музей краеведения, инв. № 23030/86.

2 – Могильник Октябрьский-I.
Курган № 1/1993. Погребение 1. Волгоградский областной краеведческий музей, инв. № НВ-8302/1.

Фото М.Ю. Трейстера, 2015.

Иллюстрации к статье С.В. Ушакова

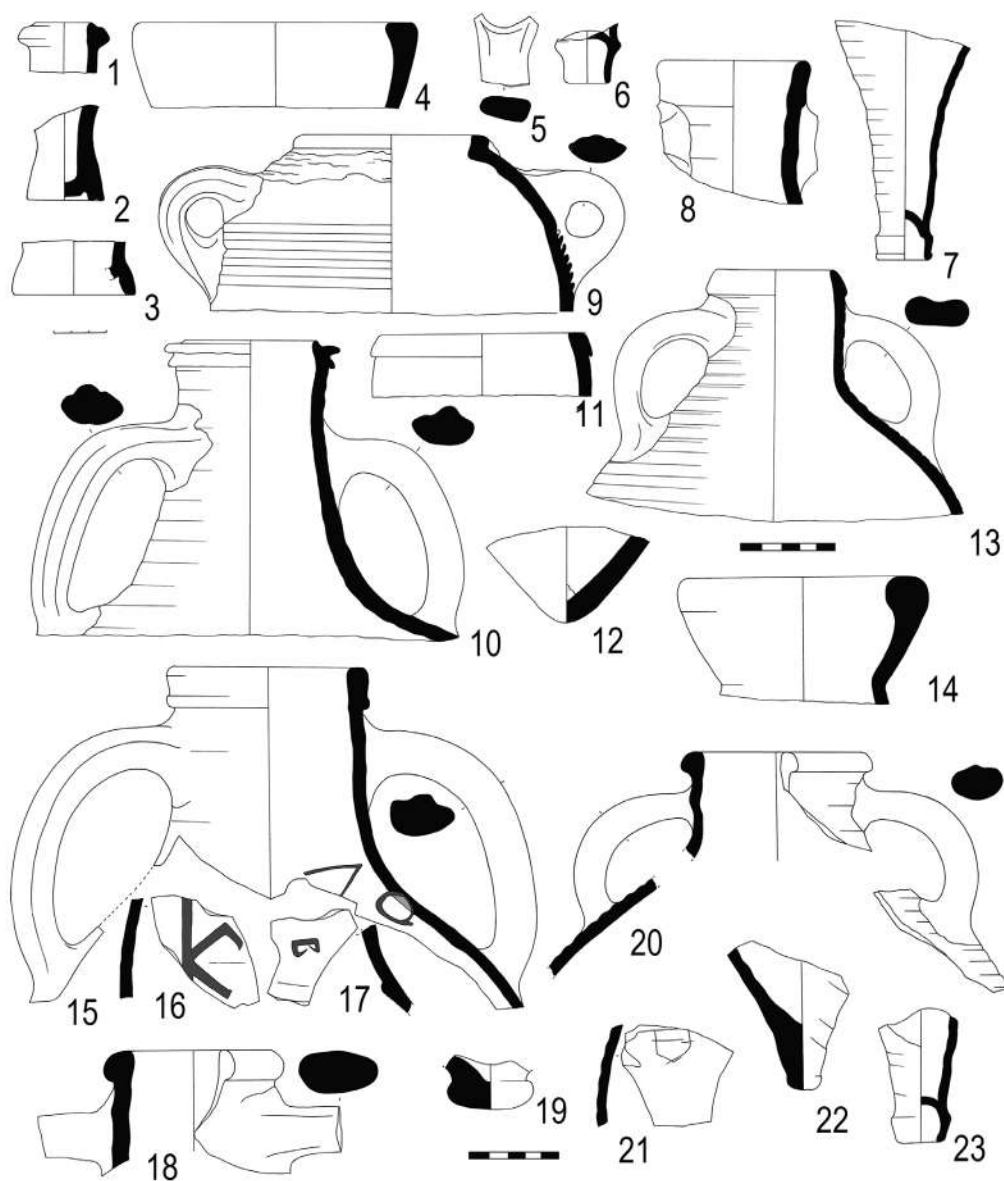

Рис. 1

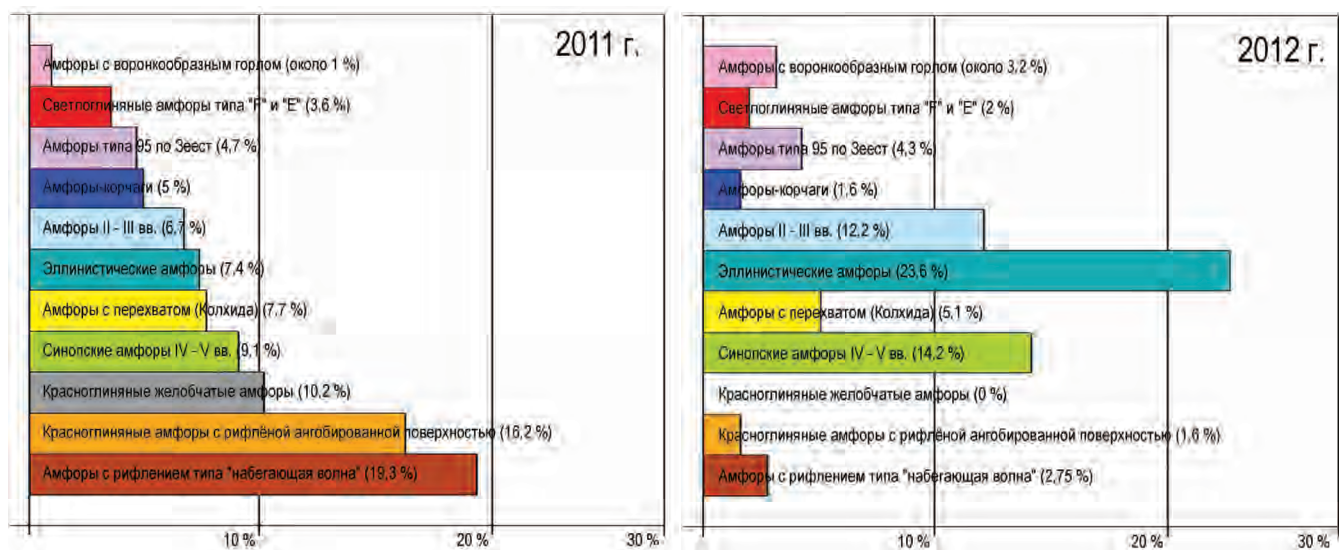

Рис. 2

В позднем переводе, выполненном Али, обнаруживается замена языковой единицы *penny* на слово *dirham*, являющейся мелкой серебряной арабской денежной единицей. Таким образом, произошла субституция словом-историзмом с сохранением понятия "деньги":

S: *And they sold him for a mean price, for a few **pence**, and valued him lightly.*

A: *The (brethren) sold him for a miserable price – for a few **dirhams** counted out: in such low estimation did they hold him! /12:20/.*

Данный факт объясняется, возможно, тем, что авторы создаваемых англоязычных версий Корана принадлежат разным этносам и каждый из них, выполняя свой перевод для англоязычного читателя, старался сделать его понятным. Англичанин Сейль использовал слова, обозначающие денежные единицы своей страны, а Али, родившийся в Бомбее, британской Индии, будучи мусульманином, говорящий бегло и на арабском, и на английском, старался сохранить в переводе названия арабских денежных единиц, для передачи колорита эпохи Арабского халифата VII века.

Таким образом, выполненный сравнительно-сопоставительный анализ субституций названий денежных единиц в англоязычных текстах Библии и Корана, позволил заметить определенную закономерность. В ранних англоязычных текстах XVII и XVIII столетий используется, преимущественно, лексика, представляющая британскую денежную систему (*penny, farthing, mite, pound*). Язык современных англоязычных библейских и коранических текстов модернизируется; на использование слов, обозначающих денежные единицы и использующиеся в ранних или поздних переводах, влияют лингвистические факторы (развитие английского языка) и экстралингвистические (развитие экономики, инфляция).

В текстах происходят синонимические субституции слов с сохранением основного понятия "деньги". Можно предположить, что переводчики библейских текстов на другие европейские языки также использовали (если речь идет о ранних переводах) и используют языковые единицы, обозначающие те денежные знаки, которые находятся в обороте той или иной страны. В дальнейшем из-за такого явления, как глобализация языка, в текстах могут появиться универсальные названия, к примеру, евро или электронный динар – *E-dinar* – во всех арабских странах, понятные всем читателям стран мирового содружества, что и представляется интересным для последующих исследований.

Библиография:

КУНКОВА В. И. Торговые отношения арабов до династии Аббасидов // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana) : журнал. — 2011. № 1. С. 57-60.

МИХАЙЛОВА Е.В. Язык Нового Завета и время: Англоязычные версии Библии: моногр. Севастополь: Изд-во СевНТУ, 2009. 188 с.

ALI A. YU. The Holy Qur'an / A. Yu. Ali. – Lahore : Sheikh Muhammad Ashraf Publishers, 1934. 981 p.

King James Version. – New York.: American Bible Society, 1945. 264 p.

SALE G. The *Koran* (Al-Qur'an) / G. Sale. – London : Printed by C. Ackers, 1734. 654 p.

http://www.chinesebibleonline.com/software/TNIV_Bible.pdf

**ЕВРЕЙСКАЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ В КРЫМУ
В КОНТЕКСТЕ ДОГОВОРА ПРАВИТЕЛЬСТВА СССР И АГРО-ДЖОИНТА
1924 Г.**

K. Mogarichev

**Jewish Agrarization in Crimea in Context of the Agreement
between Government of the USSR and Agro-Joint of 1924**

«Крымский проект» - это составная часть еврейской сельскохозяйственной колонизации 20-х–30-х гг. XX в., которая сопровождалась проектами создания особой еврейской национально-территориальной единицы на территории юга УССР и севера Крымской АССР [Могаричев 2018a]. Планировалось, что основную массу колонистов должны были составить «деклассированные» и лишенные большинства прав (так называемые лишенцы) евреи бывшей черты оседлости. Кроме того, в местах колонизации в ряде случаев предполагалась и политическая составляющая, то есть образование отдельных еврейских административно-территориальных единиц (автономных республик) [Dekel-Chen 2005: 45–46].

В отношении создания в СССР еврейской автономии в литературе (в том числе и ряде научных публикаций) имеется много различных противоречивых версий, часто не имеющих источниковедческой базы, основанных на однобокой трактовке источников или на исключительно произведениях мемуарного характера. Например, в ряде публикаций можно прочесть, что между Агро-Джойтом и Советским Союзом в промежутке между 1927 то 1929 годами был подписан договор под условным названием «Крымская Калифорния» по которому Агро-Джойнт выделял деньги для создания еврейского государства в СССР, а залогом с советской стороны являлись земли в Крыму. Некоторые «исследователи» идут дальше и пишут, что данный договор был одной из причин депортации крымских татар (1944 г.) и того, что в 1954 г. Крымскую область передали из состава РСФСР в УССР. Таким образом руководство СССР в лице Н.С. Хрущева якобы пыталось не допустить перехода Крыма под юрисдикцию США. Историография «Крымского проекта» была рассмотрена нами в отдельной работе [Могаричев 2018б]. Отметим

лишь, что на данный момент, эта научная проблема остается практически не разработанной.

После окончания Гражданской войны значительная часть еврейского населения бывшей черты оседлости оказалось в социальном плане в сложном положении. Сначала, в период войны, они находились в эпицентре боевых действий и нередко становились жертвами организованных или стихийных погромов. После же окончательного установления Советской власти, многие из них, как нетрудовые элементы оказались в категории «лишенцев».

Руководители Агро-Джойта полагали, что переход евреев к сельскому хозяйству в странах проживания был некой панацеей, которая должна была урегулировать многие социальные проблемы еврейского народа, в том числе и антисемитизма [Kagedan 1981: 163; Dekel-Chen 2005: 43]. Переговоры между руководителем Агро-Джойта Йосифом Розеном и советским правительством проходили в 1922-1924 гг. и, в итоге, стороны пришли к заключению договора, который заложил основы и дал старт организованному переселению евреев СССР на территорию юга Украины и северного Крыма с целью перевода их на «сельскохозяйственные рельсы» [Joint Distribution Committee AR192132 / 4 / 30 / 5 / 533/ 359818].

Сам договор в историографии был известен, и ряд авторов, в основном зарубежных, на него ссылаются. Однако, эти ссылки фрагментарны, а сам текст договора ни отечественными ни зарубежными исследователями опубликован не был. Заметим, что между Агро-Джойнтом и Правительством СССР в лице Комитета по земельному устройству трудящихся евреев (КомЗЕТ) (сначала его возглавлял П.Г. Смидович, а после смерти последнего в 1935 г – З.М. Беленький) было подписано несколько соглашений 1924, 1927, 1929 1933 и 1938 гг. Сотрудничество СССР и Агро-Джойна прекратилось в 1938 г. и было оформлено соответствующим соглашением.

Согласно договору 1924 г., Агро-Джойнт, при согласии руководства СССР, обязуется помогать еврейской колонизации в Советском Союзе. В частности, предоставлять переселенцам финансовую помощь (в виде кредитов или других займов), инвентарь, заниматься подготовкой сельскохозяйственных кадров и др. По договору, организация «Агро-Джойнт» получала в СССР легальный статус, близкий к государственной организации. Также ей предоставлялись привилегии в налогообложении, а также при ввозе инвентаря для сельскохозяйственной колонизации. При этом, деятельность Агро-Джойнта была ограничена рядом пунктов, в частности, 90% его сотрудников должны были быть гражданами СССР, а вся его деятельность подотчётна КомЗЕТу, как представителю правительства СССР. Данный Договор был основополагающим. Последующие соглашения корректировали или расширяли

некоторые пункты, добавляли новые. Однако, все новые добавления не меняли сущность договоренностей.

Анализ текста договора позволяет сделать вывод. Создание некоей еврейской национально-территориальной единицы в СССР, ни тем более, передача каких-либо земель под залог или в виде выкупа предметом соглашения не были. Все статьи касались исключительно содействия со стороны Агро-Джойнта еврейской аграрной колонизации в СССР, а также юридического статуса Агро-Джойнта и характера его деятельности на территории СССР. Заметим, что о Крыме, как отдельной территории вопрос вообще не стоял. Можно считать доказанным, что предложения о создании на территории Степной Украины и Крыма потенциальной еврейской автономии исходили от советских представителей, в основном работников КомЗЕТа и Общества землеустройства евреев-трудящихся (ОЗЕТ) (А. Мережин, Ю. Ларин, А. Брагин и другие) [Мережин 1927: 23; Агапов 2013: 109].

Несомненно, договор представляет собой образец сотрудничества СССР 20-х гг. с заграничными негосударственными «буржуазными», «классово-чуждыми» организациями. В этом контексте он представляет несомненный интерес для анализа и понимания внешней и внутренней политики Советского Союза рассматриваемого периода.

Библиография:

АГАПОВ М.Г. А. Г. Брагин и проекты еврейского национального строительства в СССР // Вопросы истории. – М., 2013. № 2. С. 91—101.

МЕРЕЖИН А. 1927. Вопросы земельного устройства трудящихся евреев. - М., 1927.

МОГАРИЧЕВ К.Ю. Два этапа «Крымского проекта»: к постановке проблемы // Крымский гуманитарный вестник. - Симферополь, 2018а. С. 123-127.

МОГАРИЧЕВ К.Ю. К вопросу о проектах еврейской автономии в Крыму в 1920-1940 гг.: историографический аспект // Учёные записки Крымского Федерального университета имени В.И. Вернадского. Исторические науки – Симферополь, 2018б. Вып. 4 (70). № 2. С. 85–98.

DEKEL-CHEN J.L. Farming the Red Land. New Haven. - New York: Yale University Press, 2005.

KAGEDAN A.L. America Jews and the Soviet Experiment: Agro-Joint project, 1924–1937 // Jewish Social Studies. –Bloomington, 1981 Т. 2. № 43. Р. 153–164.

Могаричев Ю.М.,

Ергина А.С.

**ПЕЩЕРНЫЙ ХРАМ ЮЖНОГО МОНАСТЫРЯ МАНГУПА:
К ВОПРОСУ ОБ ИСТОКАХ РОСПИСЕЙ**

Yu. Mogarichev,

A. Ergina

**The Cave Church of the Southern Monastery of Mangup:
to the Question of the Origins of the Murals**

При прочтении средневековой христианской монументальной живописи важны связи сцен между собой, а также соотношения композиций, расположенных в наиболее важных сакральных участках храма – апсиде, куполе и на сводах. Именно в совокупности этих принципов и раскрываются основные идеи, заложенные в росписи культовых сооружений. Каждый фрагмент росписи имеет документальную ценность и открывает нам возможность лучшего понимания исторических связей и характера религиозной идеологии исследуемого региона.

Роспись церкви Южного монастыря Мангупа – уникальный памятник монументально-декоративной живописи Крыма эпохи княжества Феодоро. Храм расположен в южном обрыве плато. В монастырь из небольшого естественного грота в основании обрыва вел искусственный туннель. Проход заканчивается на краю площадки еще одного естественного грота в средней части обрыва. В восточной стороне грота была вырублена пещерная зальная церковь. В период функционирования церковь была украшена фресками, которые покрывали апсиду с нишей и конхой, арку, окаймляющую алтарь и фриз над аркой. В историографии прочно закрепилось представление, что это памятник, время сооружения которого не выходит за пределы конца XIV – первой половины XV вв.

Впервые обстоятельное описание памятника (равно как и вообще первое упоминание) выполнил А.С. Уваров. По его поручению, сопровождавшим его в художником М.В. Вебелем было сделано несколько рисунков исследуемых объектов, в том числе и изображение фресковых росписей рассматриваемой церкви (рис. 1). О.И. Домбровский отмечал, что фрески Ман-

гупа отличны от современных им памятников [Домбровский 1966: 83]. А.Г. Герцен и Ю.М. Могаричев, детально проанализировав памятник, датировали его первой половиной XV в., предполагая, что росписи имеют определенные аналогии с некоторыми трапезундскими памятниками, в частности с фресками пещерной церкви монастыря у с. Манглавита (Герцен, Могаричев 1996: 21–26, 37–41). По мнению Е.М. Осауленко, храм был расписан приглашенными в начале XV в. из-за пределов Крыма (но не из Трапезунда) живописцами (Осауленко 2007: 109).

Проанализировав фресковую роспись пещерной церкви Южного монастыря Мангупа, мы пришли к выводу: в апсиде изображения древнее остальных. Они появились раньше, чем в других архитектурных членениях интерьера храма и носят исключительно плоскостно-графический характер. Принципиально разная организация тектоники изобразительной поверхности карниза алтарной арки и сводов позволяет нам предположить, что росписи этих архитектурных членений выполнены не одновременно, а через небольшие промежутки времени разными художниками (сначала в карнизе арки, а затем на сводах). При этом, несмотря на определенную длительность формирования стенописи церкви Южного монастыря Мангупа, благодаря замкнутой композиционной схеме система росписи предстает как нерасторжимое целое: это передается с помощью равновесия – центральной симметрии. Художникам удалось гармонично связать изображаемые сюжеты между собой композиционно благодаря общему густому синему цвету фона росписей (рис. 2). Можно предположить, что роспись церкви Южного монастыря Мангупа формировалась в три этапа. Она была исполнена разными художниками, представителями, возможно, различных восточнохристианских школ сакральной живописи. При этом, мы не можем однозначно утверждать, что росписи второго и третьего этапов были нанесены поверх более ранних или на «голое» место.

По нашему мнению, сложно найти прямые аналогии между фресковыми росписями церкви Южного монастыря Мангупа с фресками иных регионов Византии, в том числе с образцами провинциальных школ. Лейтмотивом стенописи является тема искупительной жертвы Иисуса Христа. Это богословско-литургическое содержание, вероятно, было чрезвычайно актуально для населения княжества Феодоро.

Учитывая специфику архитектуры: пещерный храм, с небольшими по размеру помещениями, а также богословско-литургическое содержание росписи, наше внимание привлекли близкие по формальной организации композиции росписей в апсиде Темной церкви (Герёме, Каппадокия, XII в.) и церкви Святых Апостолов Година (Сербия, XIII в.). Аналогии просматриваются в

синтезе подобной архитектуры и фресковых изображений, и некоторыми сходствами в ансамбле стенописи.

Плоскостная трактовка ликов и яркий цвет одежд изображений апсиды позволяют отметить некоторые сходства рассматриваемого памятника со стенописью монастыря Убиси (Грузия, кон. XIV в.). Близость художественных традиций проявляется в похожем синтезе архитектуры и сложного многофигурного сюжета «Деисус». Также, отметим общие черты с композицией «Деисус» в конхе апсиды церкви Дмитрия Солунского в Каффе (XIV в.). Здесь мы можем наблюдать определенные аналогии в атрибутах и деталях: орнаментальная отделка мебели и тканей одежд, трактовка нимбов, которые так же имеют аналоги в стенописях, иконах и миниатюрах Византии XIV в. [Домбровский 1966: с. 61-68].

О.И. Домбровский, настаивая на отсутствии известных ему прямых аналогов росписи церкви Южного монастыря Мангула, тем не менее, отметил фрески Перилевпты и Пантанассы в Мистре, а также икону Преображения (XIV–XV вв.) в Третьяковской галерее и флорентийские иконы XIV–XV вв. из собрания Государственного Эрмитажа как произведения близкие по трактовке формы в фигурах и колориту памятника [Домбровский 1966: с. 83].

В росписях церкви Южного монастыря Мангула тесно переплелись различные художественные явления. На наш взгляд, отсутствуют формальные предпосылки развития школы монументальной стенописи княжества Феодоро. Скорее всего, вероятные пути проникновения таких влияний были через странствующие артели художников.

Библиография:

ГЕРЦЕН А.Г., МОГАРИЧЕВ Ю.М. Пещерные церкви Мангула. – Симферополь: Таврия, 1996.

ДОМБРОВСКИЙ О.И. Фрески средневекового Крыма. – Киев: Наукова думка, 1966.

ОСАУЛЕНКО Є. М. Відображення візантійської аскетичної естетики в мистецтві Кримської Готії початку XV століття на прикладі розписів печерної церкви „Південного монастиря” на Мангупі // Лаврський альманах. – Київ, 2007. Вип. 17. С. 92–111.

**ЭВОЛЮЦИЯ МЕТАФОРИЗАЦИИ ПРИСОЕДИНЕНИЯ КРЫМА
И СЕВАСТОПОЛЯ К РОССИИ В ИСПАНСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ
КАК РЕАКЦИЯ НА РЕАЛИЗАЦИЮ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ЧЕРНОМОРСКО-СРЕДИЗЕМНОМОРСКОМ
РЕГИОНЕ**

O. Moskalenko

**The Change in Metaphorical Representation
of the Annexation of Crimea and Sevastopol by the Russian Federation
in the Spanish Media as a Result of the Russia's Foreign Policy
in the Black Sea and Mediterranean Region**

Медиапространство оказывает первостепенное влияние на формирование общественного мнения. Медiateксты, сочетающие традиционный текст с разнообразными средствами из арсенала современных медиа (преимущественно, визуальными), становятся инструментами влияния, наглядно демонстрируя гибридную природу управления общественно-политическими процессами. Именно через призму медиа – а современные СМИ, представленные в интернет-среде, функционируют как конвергенты различных знаковых систем – задается вектор восприятия тех или иных событий для массовой аудитории.

Рассмотрим, как в испанском медиапространстве эволюционировало восприятие вхождения Крыма и Севастополя в состав Российской Федерации и результатов последующих пяти лет. Рассчитывать на признание Испанией российского статуса этих двух субъектов и на снятие санкционного режима в текущих условиях не имеет смысла: не только потому, что речь идет о стране Евросоюза и НАТО, о королевстве с богатейшей колониальной историей, но прежде всего потому, что в самой Испании традиционно сохраняются сепаратистские настроения со стороны автономных сообществ, а осенью 2017 года в очевидный очаг нестабильности на Пиренейском полуострове превратилась Каталония, посягнувшая на целостность Испании.

Анализ дискурса испанских СМИ демонстрирует динамический характер восприятия крымских событий 2014 года и их геополитических последствий, а точнее, заметные изменения в трансляции данных событий реципиенту. Обратим внимание на несколько ключевых, на наш взгляд, понятий, формирующих смысловое поле предмета анализа: на вербальное выражение (публицистические штампы) и связанную с ним метафорику; на уровень и специфику предлагаемого потребителю медиаконтента анализа происходящего; и наконец, на находящиеся в непосредственной зависимости от первых двух применяемые манипулятивные стратегии и тактики.

Википедия, не являясь СМИ, представляет собой медиаресурс, чутко реагирующий на общественно-политические изменения. Событиям весны 2014 года посвящены в испаноязычной версии ресурса две статьи, в значительной мере дублирующие содержание друг друга: «Crisis de Crimea de 2014» («Крымский кризис 2014 года») и «Adhesión de Crimea y Sebastopol a Rusia» («Присоединение Крыма и Севастополя к России») – и достаточно нейтрально повествующие о событиях. На максимально возможную непредвзятую позицию указывает название второй статьи, где фигурирует понятие *adhesión* (присоединение), семантически и ситуационно противопоставляемое официально признанному в западной околорымской риторике понятию *anexión* (аннексия) – при этом во всем тексте для характеристики произошедшего используется именно термин «аннексия». Подобная дуальность, на наш взгляд, как нельзя лучше демонстрирует двойственное отношение западного мира и конфликт между фактически произошедшим и его официальным неприятием.

Крымские события 2014 года породили целый ряд именований, образов и мемов, выступающих в качестве базиса подачи материала в определенном ключе. Отметим, что русскоязычный и иноязычный (в частности, испаноязычный) дискурс по объективным причинам значительно отличаются, а если и совпадают поэлементно, то приобретают противоположные коннотации. Итак, в официальный дипломатический дискурс, а следом – медийный, входят понятия *anexión*, *ocupación rusa de Crimea* (российская оккупация Крыма) и *conflicto Crimea* (крымский конфликт). Привычное нам и получившее богатое метафорическое, философское и конструирующее наполнение сочетание «Крымская весна» встречается и в испанской прессе, где фигурирует в виде прямого соответствия: *la primavera de Crimea*. По такому же принципу перенесено в испаноязычный медийный дискурс выражение «зеленые человечки»: *hombrecillos verdes*, *hombrecillos de verde*. Данные понятия встречаются в испанских СМИ исключительно в ироническом либо саркастическом контексте, а обладающие высоким пафосом для русского реципиента понятия «воз-

вращение домой» (*vuelta a casa, regreso*), «возрождение России» (*resurgimiento de Rusia*) фигурируют в испанских СМИ только как цитаты В.Путина либо как часть конструкций со словами «так называемое».

Будучи важным фактором распределения сил в Черноморско-Средиземноморском регионе, российская принадлежность Крыма и Севастополя на протяжении пяти лет остается в повестке испанских СМИ, вызывая очередную волну интереса в связи со знаковыми событиями: такими для Испании стало провозглашение независимости Каталонии (в котором тут же нашли российский след), конфликт в Азовском море и, естественно, пятилетие Крымской весны.

21 марта 2019 г. в годовщину присоединения Крыма к России крупнейший испанский общественно-политический ежедневник «El País» публикует материал под названием «La primavera negra de Crimea» («Черная весна в Крыму»). Название статьи – аллюзия на кубинскую «черную весну» 2003 года, когда власти арестовали 75 участников протестов, прошедших с 18 по 20 марта. Автор статьи не только переносит на нынешнюю ситуацию в Крыму метафору, связанную с ограничением свободы слова, но и манипулирует традиционной символикой черного цвета – в узком смысле, и символикой «цветных революций» – в более широком. Произвести полную подмену образного содержания выражения «Крымская весна» ему удастся в т.ч. за счет совпадения дат крымских и кубинских событий, а так же того, что приход весны в Испании исчисляют со дня весеннего равноденствия 21 марта. Таким образом, присущая русскому медийному дискурсу метафора «весна как возрождение России» полностью заменяется уподоблением по формальному календарному совпадению и лишается образности. Отметим, что испанские СМИ крайне негативно отреагировали на попытки иностранных медиа распространить метафорику Крымской весны на события в Каталонии, а статьи с заголовками «España suprime con fuerza la primavera catalana» («Испания подавляет Каталонскую весну»), «La primavera de Crimea se traslada a los Pirineos» («Крымская весна пришла на Пиренеи») и др. признаются манипулятивными и угрожающими испанской государственности.

Основной массой СМИ геополитическое значение текущего статуса Крыма и Севастополя сводится к констатации того, что произошло «самое значительное изменение границ Европы со времен Второй мировой войны» (*El País*), а на первый план выносятся нарушение прав и свобод человека в Крыму – именно так акценты расставлялись с 2014 по 2018 год. Событием, задавшим новый вектор осмысления, стал ноябрьский инцидент в Азовском море: в массовых СМИ начинают осторожно увязывать Крым с активным внешнеполитическим курсом РФ, характеризуя его как более «консолидиро-

ванный» и направленный на «захват и объединение территорий» (El País 28.11.2018); открытие Крымского моста и контроль над территориальными водами называются двумя элементами, которых не хватало Путину для полного геополитического контроля над полуостровом. Впервые в массовых СМИ акцент делается не на нарушении прав человека и международных правовых норм, а на экспансивный характер российской внешней политики, впервые откровенно заявляется, что статус Крыма больше не является изолированной проблемой, а влечет разноплановые последствия, в т.ч. экономические, для государств Средиземноморского региона (см., например, «Crimea, ¿problema aislado o eslabón?» (El País 29.11.2018). Тем не менее, следует упомянуть, что в феврале-марте 2014 года в испанском медиапространстве напряжение чувствовалось значительно острее: тогда экспертами и журналистами российская заинтересованность в Крымском полуострове объяснялась необходимостью иметь гарантированный выход в Средиземное море (см., например, «Crimea, la ventana de Rusia al Mediterráneo» (DiarioYA.es 02.2014), «Crimea, una joya militar en el Mar Negro» (RTVE.es, 28.02.2014), «La Armada rusa lanza maniobras militares en el Mediterráneo» (El País 14.03.2014). Резкое возвращение в испанский медийный дискурс анализа геополитического значения Крыма указывает на явную озабоченность потенциалом Российской Федерации в возвращении Черноморско-Средиземноморский регион

Библиография:

El País. El periódico global. Режим доступа: <https://elpais.com/>
DiarioYA.es. Режим доступа: <https://www.diarioya.es/>
RTVE. Corporación de radio y televisión española. Режим доступа:
www.rtve.es

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО В БАЙДАРСКОЙ ДОЛИНЕ (ЮГО-ЗАПАДНЫЙ КРЫМ) В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVI В.

E. Nedelkin

Agricultural Production in Baidar Valley (South-Western Crimea) in the First Half of the XVI Century

Обширная Байдарская долина расположена в юго-западной части Крыма на северном макросклоне Главной гряды Крымских гор. В первой половине XVI в. данная территория входила в состав Мангубского уезда (*каза*) османской лива-и Кефе. В это период в долине существовало 10 сел: Байдар (Орлиное); Боджаган или Чёльмекчи (Новобобровка); Кылынды (Подгорное); Мускомия-и Бюзюрг (Широкое); Саватике (Россошанка); Сахнек (Павловка); Таш-Искеле (Родниковое); Тюли (ныне не существует); Угры-Коста (Передовое); Хайто (Тыловое). Главным источником информации о структуре сельскохозяйственного производства в это время является пространный дефтер (*дефтер-и муфассал*) 1542 г.

Несмотря на уникальность содержащейся в дефтере информации, у него есть и недостатки. В отличие от статистики, главной целью которой является полное количественное описание намеченных объектов, налоговые переписи были избирательны по отношению к учитываемому населению, сельскому хозяйству, торговле, промыслам и т.д., отражая их лишь в меру причастности к сбору налогов. При этом расчетное количество налогов могло складываться случайно. Например, суммы налоговых откупов на год или несколько лет, складывались на аукционах. Цены на те или иные продукты в регионе оказывали значительное влияние на размер налоговых сборов. К различным производствам или категориям населения применялись разные принципы налогообложения. Занесенные в реестр показатели складывались под влиянием, с одной стороны, государственной политики, а с другой – намерений и действий переписчиков и самого населения при проведении переписи.

Большая часть налогов представляла собой десятину (*ошр*) в денежном эквиваленте. Для зерновых, вина и вигны (коровий горох) указывался также

физический объем. Фактически десятина не всегда равнялась 10% от произведенной продукции, т.к. в реальных условиях она высчитывалась из запасов длительного хранения и не учитывала объема продуктов, употребляемых самими крестьянами. Стандартная османская мера для сыпучих продуктов *кейльдже* или *киле* равнялась 25,659 кг.

Османы, придерживаясь запрета в исламском праве употребления и производства вина, не могли открыто собирать с него налоги. Урегулировать фундаментальные расхождения виноделия с шариатом помогла природа. Для производства вина необходимо вырастить виноград и выдавить из него сок, а эти операции относятся к сельскому хозяйству. Виноградарство, как обычная отрасль сельского хозяйства, облагалась десятиной, и брали ее не с вина, а с виноградного сусла (*шире*). Один *медре* сусла равнялся 10,256 л. В то же время османское законодательство не только не стесняло мусульман в занятии виноградарством, но и предоставляло им существенные налоговые льготы. Вместо десятины с жидкого продукта переработки винограда они должны были платить налог с *дёнюма* (0,0919 га) виноградника (4 акче). В османском Крыму этот налог назывался *мукатаа-и керм*.

Исходя из вышесказанного, общую картину сельскохозяйственного производства по населенным пунктам Байдарской долины в первой половине XVI в. можно охарактеризовать в виде долей, уплачиваемых с каждого продукта в общем объеме налоговых поступлений. Следует учитывать, что вряд ли облагавшиеся незначительными суммами виды продукции попросту не выращивались на полях и в садах, отсутствовали в рационе жителей сел, или площади, занятые культурами были незначительными пропорционально налоговым сборам. О некой относительной пропорциональности величины налогов и значимости отрасли сельского хозяйства для населения можно говорить только для продуктов со значительными налоговыми поступлениями.

Структура сельскохозяйственного производства в селах Байдарской долины была разнообразна, налоги собирались с 16 видов продукции (табл. 1). Основной зерновой культурой была пшеница (*буудай*), также культивировались рожь (*чавдар*) и ячмень (*арпа*), но в значительно меньшем объеме. Выращиванием пшеницы занималось в той или иной мере жители всех сел долины. Ее доля в структуре налогов на сельскохозяйственную продукцию составляет от 17,6% до 55,27%. Производство зерна, несомненно, можно выделить как основную черту специализации населения Тюли (65,32%), Таш-Искеле (52,75%) и Саватики (48,68%). Во всех остальных селах зерновые также занимали одну из основных ролей в структуре налогообложения (от 19,1% в Сахнеке и Форосе до 42,99% в Боджагане (Чельмекчи)), а, следовательно, и производства.

Вторым наиболее прибыльным после выращивания зерновых было производство вина. Налоги с виноделия собирались во всех селах долины. Его производство преобладало в занятиях населения Кылынды (53,45%), а также Сахнека и Фороса (59,77%). Но поскольку налоговые поступления с последних двух сел внесены в ведомость вместе, не представляется возможным выделить долю каждого из них. Во всех остальных селениях также собиралась десятина с «виноградного сока», который как физическая субстанция был тем же, что и вино. Значительную роль в структуре налогообложения виноделие занимало в Хайто (43,9%), Мускомии-и Бюзюрг (39,69%), Боджагане (Чёльмекчи) (38,57%). Третью часть всех налоговых поступлений с продуктов сельского хозяйства вино приносило в Угры-Косте (30,17%), четвертую – в Байдаре (24,31%), приблизительно десятую в Тюли (9,63%) и Саватике (9,42%). Следует отметить, что виноградарством занимались также и во всех немногочисленных общинах мусульман, которые зафиксированы в 5 селах. Но в целом виноделие в данном микрорегионе развивалось намного слабее по сравнению с основными винодельческими районами провинции.

Основной технической культурой был лен (*кетен*), который наряду с выращиванием зерновых и виноградарством, сохранял свое значение в хозяйстве греков вплоть до их выселения в 1778 г. Его культивировали во всех селениях. В Таш-Искеле на него приходилось 16,55% от налоговых поступлений в казну. Десятую часть в структуре налогов, начисленных на продукты сельскохозяйственного производства, лен составляет в Боджагане (Чёльмекчи) (10,98%), Угры-Косте (10,88%) и Байдаре (10,75%). В то же время выращивание второй технической культуры – конопли (*кендир*) (налог собирали в 6 селах), вероятно диктовалось исключительно собственными потребностями крестьян, о чем свидетельствует низкая стоимость всего урожая – от 20 до 90 акче.

Важной отраслью сельского хозяйства было пчеловодство, при этом некоторые села являлись крупными производителями меда в масштабах всей провинции, снабжая им, а возможно и воском, местный рынок. Налог с пчелиных ульев (*кован*), вероятно, в размере 1 акче за каждый улей, взимался во всех селениях. Наибольшее число ульев зафиксировано в Байдаре (377 ульев), Саватике (318 ульев), Угры-Косте (298 ульев). Налоговые поступления в казну с крестьян Саватике (31,21%) от производства меда составляли более трети от общей суммы, что свидетельствует о пчеловодстве, как одной из основных черт специализации сельского хозяйства селения.

Одним из крупнейших в провинции Кефе производителем чеснока (*сарымсак*) было село Байдар. Общая стоимость урожая составляла 1660 акче. По этому показателю оно находится на 4 месте. Стоимость урожая в Тюли

составляла 700 акче, в Угры-Косте – 530 акче, в Мускомие-и Бюзюрг – 350 акче, в Хайто – 310 акче и т.д. Вероятно, выращивание чеснока в таком объеме крестьянами диктовалось в первую очередь рыночным спросом на эту культуру, а не только собственными потребностями жителей селений.

К достаточно крупным производителям фруктов (*мейве*) в масштабе провинции относятся села Сахнек и Форос. Сам термин мейве включал в себя разнообразные фрукты, за исключением некоторых видов, которые облагались отдельным налогом. Сумма налоговых сборов с фруктов составляла 126 акче (общая стоимость урожая 1260 акче).

Налоговые сборы с овощей (*бостан*), фасоли (*бакла*), вигны (коровий горох) (*бёрюльдже*), фруктов (за исключением Сахнека и Фороса), грецких орехов (*джевиз*), лука, конопли составляли незначительные суммы и, вероятно производство их ориентировалось на удовлетворение индивидуальных потребностей жителей селений долины.

Из приведенных выше сведений можно сделать вывод о том, что основными занятиями населения Байдарской долины в первой половине XVI в. было товарное выращивание зерновых (в основном пшеницы) и льна, виноградарство и пчеловодство. Крупным поставщиком чеснока было село Байдар, а Сахнек и Форос – овощей. Эти продукты являлись высокоприбыльными и реализовывались на рынках провинции. Вероятнее всего вино продавалось в Ин-Кермане и Балыклагу, где существовали рынки вина. Производство остальных налогооблагаемых культур, видимо, в основном было ориентировано на удовлетворение внутренних потребностей крестьян.

Таблица к статье Е.В. Неделькина

Вид продукции Населенный пункт		Боджаган или Чельмекчи	Байдар	Сахнек и Форос	Угры-Коста	Кылынды	Таш-Искеле	Саватике	Хайто	Мускомия-и Бюзюрг	Тюли
Пшеница	киле	120	78	86	86	12	102	72	106	150	132
	акче	720	468	516	516	72	612	432	636	900	792
Рожь	киле	48	18	3	24	—	30	10	—	35	22
	акче	192	72	12	96	—	120	40	—	140	88
Ячмень	киле	1	10	8	6	1	3	6	21	7	14
	акче	4	40	32	24	4	12	24	84	28	56
Просо	киле	—	—	—	10	—	1	—	—	—	—
	акче	—	—	—	50	—	5	—	—	—	—
Лен	акче	234	191	113	212	27	235	67	112	180	68
Конопля	акче	—	7	2	—	—	9	3	2	8	—
Виноградное сусло	медре	137	72	292	98	31	42	16	154	172	23
	акче	822	432	1752	588	186	252	96	924	1032	138
Откуп с виноградников	акче	12	—	84	24	—	8	—	—	4	—
Овощи	акче	4	9	22	35	—	15	10	8	9	6
Фасоль	акче	12	—	10	24	—	—	—	23	29	22
Вигна (коровий горох)	киле	—	—	—	—	—	—	—	—	—	7
	акче	—	—	—	—	—	—	—	—	—	28
Чеснок	акче	—	166	16	53	4	25	29	31	35	70
Лук	акче	—	—	7	—	—	—	—	—	—	—
Грецкие орехи	акче	4	6	13	14	—	7	—	—	9	4
Ульи	акче	99	377	226	298	53	114	318	253	219	161

Таблица 1. Налоговые поступления с сельскохозяйственной продукции.

**ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ КОНТАКТЫ ДРЕВНЕЙ АБХАЗИИ
С СЕВЕРНЫМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕМ В I – VI ВВ. Н.Э.**

V. Niushkov

**Trade and Economic Contacts of Ancient Abkhazia
with the Northern Black Sea Coast in the I - VI Cent. A.D.**

Позднеантичный и ранневизантийский периоды истории дают нам ряд примеров, иллюстрирующих торговые взаимоотношения древней Абхазии с таврическими городами Крыма. Подтверждением этому могут служить найденные в Питуинте во время раскопок херсонесские и вообще боспорские амфоры IV в. н. э., блюда-тарелки, обнаруженные в культурных напластованиях Питуинта (конец IV – начало V вв). Этим же периодом до первой половины V в. датируются схожие тарелки из Херсонеса. Несколько ранними веками (судя по форме узких горловин, ручкам) датируются II–III вв. н.э., светлоглиняные амфоры южнопонтійского происхождения древнего Себастополиса. Они представлены фрагментами стенок, горлышек, ребристых ручек, донышек. Можно сказать, подобная посуда нередко встречается при раскопках Херсонеса, Неаполя Скифского, Мирмекия, Илурата, Танаиса (Трапш 1969: 322). Свои аналогии в Северо-Причерноморских городах (Илурате, Мирмекия) имеет также краснолаковая посуда, встреченная в культурных слоях древнего Сухума (миски, блюда, кувшинчики с ребристыми ручками) (II–III вв. н.э.) (Гунба 2000: 68). Возвращаясь к блюдам следует сказать, что похожие блюда из Илурата датированы более ранним периодом (Габелия 2014: 441), как и другие изделия из краснолаковой керамики Илурата, вероятно, согласно Л.Ф. Силантьевой, местного производства (Силантьева 1958: 311). Таким образом, вполне можно говорить о существовавших торгово-экономических взаимоотношениях между означенными городами (Гунба 2000: 68) и всего Северного Причерноморья. Существует мнение (которое к настоящему времени, возможно, уже пересмотрено), что, находясь на военном положении, Илурат мог не играть существенной торговой роли, поскольку денежное обращение было здесь развито очень слабо (Белова 1958: 333).

Между тем, в результате проводившихся раскопок в 1959 г. башни № 2 в Сухумской крепости в позднеантичном слое при обнаружении многочисленного вещественного материала бытовой керамической посуды (обломки горшков, кувшинов, амфор, краснолаковых сосудов (блюд, мисок, тарелок, кувшинов) было замечено, что на некоторых красноглиняных и белоглиняных черепках от блюд имеются раннехристианские прямоугольные крестики. «Подобные блюда, в частности, хорошо представлены на городище Китея в Крыму» (Трапш 1969: 312). На городище Мирмекей среди амфор были найдены целиком сохранившиеся широкогорлая розовоглиняная амфора, две миниатюрные южно-понтйского типа D, а также нижняя часть колхидской амфоры 4 типа (Бутягин 2005: 33). Более поздние работы в Сухумской крепости с уверенностью подтверждают, что амфорный материал был, наряду с местным, южно-понтйского, средиземноморского и Северо-Причерноморского происхождения, что, безусловно, указывает на торгово-экономические связи Севастополя с внешним миром (Габелия 2014: 436).

Но не только керамика, но и железные изделия находят аналогию с вещами из Крымских городищ, например, двулезвийный меч из Гагринского комплекса поздней античности. Это массивный меч, рукоять отделена от клинка железным насадочным брусковидным перекрытием. Длина сохранившейся части 65 см., ширина лезвия 4,2 см. В качестве ближайшего пункта, где можно было засвидетельствовать тип этого меча – Северное Причерноморье (Фанагория, Пантикапей) (Шамба 1974: 62). Это относится и к предметам быта, например, к стеклянным сосудам (стаканам, коническим кубкам). С каплями синего стекла сосуды относятся к продукции восточноримских провинций (Египет, Палестина, Сирия и др.). Стали они популярны в IV веке в Причерноморье и на Боспоре в среде боспорской знати позднеантичной эпохи. Неслучайно, больше всего сосудов с каплями синего стекла было найдено на Боспоре, прежде всего, в Пантикапее, далее находки этих сосудов были встречены в Восточном Причерноморье (Сорокина 1971: 100). Больше распространение чем, на Боспоре, получают стеклянные орнаментированные конические кубки, составленные из ряда капель синего стекла на территории Абхазии. Найденное в могильниках Цебельды (Цабала) стекло более однородное, чем пантикапейское (Сорокина 1971: 92).

Без сомнения, важным подтверждением ранних торгово-экономических связей Северной Колхиды и Северного Причерноморья является нумизматический материал. Он, в частности, подтверждает, что уже во II в. до н.э. Диоскуриада входила в зону действия экономической политики Митридата Евпатора на Боспоре. Найденная среди камней разрушенной кладки над самым обрывом береговой черты в сильно повреждённом культурном слое в Китее

монета Диоскуриады (конец II в. до н.э.) об этом свидетельствует (Молев, Молева 2006: 253-256). Аналогично на территории Абхазии была обнаружена Херсонесская монета II в. до н.э. (Шамба 1981: 123). В Абхазии были найдены и другие монеты из Боспора. Так, на территории Сухумской крепости были открыты три монеты Котиса I (все одного типа), по времени они были отчеканены или в период римско-боспорской войны 45–49 годов или позже до 62 гг. окончания правления боспорского царя (Шамба 1987: 44; Молев 2003: 280). Также не может не обращать внимания, что из двадцати четырёх монет Северного Причерноморья, найденных в Абхазии, восемь (т.е. одна треть) чеканены от имени боспорского царя Рискупорида VI (первая половина IV в. н.э.) (Шамба 1981: 123). Данные обстоятельства, на наш взгляд, могли бы указывать на существовавшие довольно интенсивные связи с эпохи эллинизма и период поздней античности Диоскуриады – Себастополиса с Боспорским царством, ибо в IV–V вв. наблюдается интенсивная жизнь Себастополиса (Шамба 2005: 85).

Всё же не ясно появление боспорских монет римского периода нашей эры в позднеантичной Абхазии. Более понятно появление понтийских монет на Боспоре в конце II в. до н.э. в связи с переходом Боспорского царства под власть Митридата VI Евпатора (Абрамзон, Кузнецов 2008: 191). Логично предположить, что если боспорские монеты имели обращение наряду с местными римскими денариями на территории Кавказского побережья Чёрного моря, за пределами Боспора, то могли ли они использоваться для внешнеполитических операций и торговых сделок, поскольку известно, что римские монеты не играли реально роли в денежном обращении Боспорского государства (Фролова 1982: 57). В частности, найденные в Сухуме Афинские тетрадрахмы говорят о торговых взаимоотношениях с далекой Атикой (Шамба 1987: 47). Надо отметить, что в I–III вв. н.э. на территории Колхиды обращались разные монетные единицы: кесарийские монеты, дидрахмы и денарии общеимперского типа, императорские медные монеты как в прибрежной зоне, так и внутренних районах Западного Закавказья. Между тем, по мнению С.М. Шамба, находки боспорских монет в Абхазии «говорят нам о довольно ранних экономических связях этого региона с городами Северного Причерноморья, которые, судя по херсонесской монете 364–365 гг. до н.э., имели место уже в середине IV в. до н.э. и не прекращались в течение следующих веков». Торговые связи также имелись с Ольвией и Пантикапеем (Шамба 1982: 25).

В тоже время, монеты Северного Причерноморья (за исключением найденных в сёлах Мцара и Каман) были обнаружены в прибрежной зоне, во внутренние районы территории Абхазии монеты попадали только из драго-

ценных металлов (Шамба 1982: 25-26). В этой связи можно говорить о денежной циркуляции в глубине территории данного региона в основном за счёт торговых операций Севастополиса. К примеру, заслуживают внимания четыре серебряные монеты, найденные в Цабале, отчеканенные в эпоху правления императора Адриана (II в.), одна в Агудзере, две в селе Бабышира, в районе Дранды две монеты Диоклетиана (284–305) и две монеты Лициния Старшего (308–324) (Маан 2013: 147).

Таким образом, монеты и импортные материалы свидетельствуют о том, что через посредство городов (Севастополиса и Питиунта) развивались торгово-экономические отношения и культурные связи с Северным Причерноморьем и бассейном Средиземноморья.

Библиография:

АБРАМЗОН М.Г., КУЗНЕЦОВ В.Д. Два клада медных монет первой половины I в. до н.э. из Фанагории // ВДИ. 4. М., 2008.

БЕЛОВА Л.Н. Монеты из раскопок Тиритаки, Мирмекия и Илурата в 1946 – 1953 гг. // Материалы и исследования по археологии СССР. №85. Боспорские города. II. Работы Боспорской экспедиции 1946 – 1953 гг. М.-Ленинград, 1958.

БУТЯГИН А.М. Последние жители Античного Мирмекия (усадьба III в. н.э. на Карантинном мысу) // Боспорские чтения. Выпуск VI. Керчь, 2005.

ГАБЕЛИЯ А.Н. Абхазия в предантичную и античные эпохи. Сухум, 2014.

ГУНБА Б.М. Из истории изучения древнего Севастополиса (Сухума) // Абхазоведение: История. Археология. Этнология. Выпуск 1. Сухум, 2000.
МААН О.В. Гулрыпшский район Абхазии. Сухум, 2013.

МОЛЕВ Е.А. Эллины и варвары. На северной окраине античного мира. М., 2003.

МОЛЕВ Е.А., МОЛЕВА Н.В. Кавказские находки в материалах Китейской экспедиции // Первая Абхазская Международная археологическая конференция. Сухум, 2006.

СИЛАНТЬЕВА Л.Ф. Краснолаковая керамика из раскопок Илурата // Материалы и исследования по археологии СССР. №85. Боспорские города. II. Работы Боспорской экспедиции 1946 – 1953 гг. М.-Ленинград, 1958.

СОРОКИНА Н.П. О стеклянных сосудах с каплями синего стекла из Причерноморья // СА. 4. М., 1971.

ТРАПШ М.М. Древний Сухум в книге «Труды в четырёх томах». Сухуми, 1969.

ФРОЛОВА Н.А. О римско-боспорских отношениях в I – середине III в. н.э. по нумизматическим данным // Нумизматика античного Причерноморья. Сборник научных трудов. Киев, 1982.

ШАМБА Г.К. Археологические разведки 1967 года в Гагрском районе // Материалы по археологии и искусству Абхазии. Сухуми, 1974.

ШАМБА Г.К. Древний Сухум (Поиски, находки, размышления). Сухум, 2005.

ШАМБА С.М. Монеты Северного Причерноморья, найденные на территории Абхазии // Известия Абхазского института языка, литературы и истории им. Д.И. Гулиа. Выпуск X. Тб., 1981.

ШАМБА С.М. О чём говорят монеты. Сухуми, 1982.

ШАМБА С.М. Монетное обращение на территории Абхазии (V в. до н.э. – XIII в. н.э.). Тб., 1987.

**АНТРОПОМОРФНЫЕ АМУЛЕТЫ ИЗ ВЕРХОВЬЕВ Р. ВОРОНЕЖ.
К ВОПРОСУ О ЮЖНЫХ СВЯЗЯХ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА В VI-VII ВВ.**

A. Oblomskiy

**Anthropomorphic Amulets from the Headwaters of Voronezh River.
To the Question of the Southern Relations of the Population of the Re-
gion in the VI-VII Centuries**

Амулеты, которым посвящен доклад, найдены на селище Стаево-5 Мичуринского р-на Тамбовской обл., которое расположено около истоков р. Воронеж¹. Оно является частью торгово-ремесленного центра конца V-VII вв., который специализировался на черной металлургии и изготовлении украшений из бронзы, включая детали геральдической ременной гарнитуры и пальчатые фибулы в т.ч. и типа Гурзуф (найлены матрицы, бракованные отливки, тигли, инструменты ювелиров) [Обломский, 2018; Гавритухин Обломский, 2018]. Поселение относится к выделенной совсем недавно линии Ярок верхневоронежской культурной группы, население которой было смешанным. В его составе выделяются раннеславянский, финно-угорский и, вероятно, степной кочевнический элементы [Обломский, 2018, с. 380].

У населения верховьев р. Воронеж были интенсивные связи с югом (Крым, Северный Кавказ, причерноморские степи). Большинство из найденных на селищах линии Ярок украшений имеют южные аналогии или выполнены в крымско-кавказской манере. О торговых связях с понтийским регионом свидетельствует находка бронзового византийского экзагия, маркированного буквой N и одной точкой, для взвешивания 1 солида [Обломский, Швырев, 2018].

Во время исследований Раннеславянской экспедиции ИА РАН 2016-2017 гг. в Стаево-5 в разных частях поселения были найдены 3 целых и 1 фрагментированный однотипные амулеты (рис. 1). Еще три подобных вещи происходят из грабительских находок из того же пункта.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке проекта РФФИ № 18-09-00376.

Амулеты относятся к типу 1 по В.Б. Ковалевской (подвески в виде обнаженных фигурок с ярко выраженными фаллическими признаками) по типологии, разработанной для Северного Кавказа [Ковалевская, 1983, с. 44-45, рис. 1: 4]. Более детальную классификацию предложил Д.Б. Шелов. Амулеты с манерой изображения мужской фигуры, как на вещах из Стаево, он отнес к типу 1 [Шелов, 1984, с. 241].

Основные признаки этих амулетов – следующие.

1. Руки и ноги – угловатые, примерно равны по высоте, как правило, имеют отходящие вовне выступы (условно ладони и ступни).
2. Гипертрофированный фаллос
3. Обязательно наличие верхнего выступа – головы – с разной степенью детализации проработки лица. Часто схематически даны линии волос.
4. Дополнительный признак: иногда на плечах и на бедрах наблюдаются прочерченные линии

В докладе рассматриваются проблемы распространения подобных амулетов на территории Восточной Европы, вопросы их этнокультурной принадлежности и хронологии.

С учетом грабительских находок, более или менее точно локализованных, амулеты этой манеры изображения происходят из 28 пунктов. Всего их найдено 48 или 54 экз. Неточности объясняются разным количеством находок из Керчи и Ильичевского городища, которые приводятся в публикациях.

В Восточной Европе амулеты распространены в четырех регионах: на Северном Кавказе, на Азиатском Боспоре и в Крыму (горном и прибрежном), в понтийской степи (включая степной Крым), в лесостепи и на юге лесной зоны (восток Днепровского Левобережья, Верхнее Подонье, включая находки из Стаево, прилегающая часть бассейнов Оки и Волги)¹.

¹ В последнее время появились сведения о находках подобных амулетов в Средней Азии. В докладе они не рассматриваются.

Таблица 1. Находки амулетов по регионам.

Регион	Поселения (пункты/количество находок)	Погребения (пункты/количество находок)	Случайные находки (пункты/количество находок)
Северный Кавказ		5 / 5	2 / 2
Причерноморские степи	1 / 1		8 / 8
Крым и Азиатский Боспор	3 / 4 или 6	8 / 8 или 12	2 / 2
Лесостепь, юг лесной зоны	1 / 7		7 / 11

Больше всего амулетов в Крыму и на Азиатском Боспоре – 14 или 20 экз. В лесостепи и на юге лесной зоны их найдено 18. Меньше всего таких амулетов на Северном Кавказе – всего 8 экз.

Авторы первоначальных публикаций считали, что эти амулеты принадлежали гуннам [Кругликова, 1957, с. 256, 257; Михлин, 1972], аланам или сармато-аланам [Ковалевская, 1983, с. 48; Шелов, 1984, с. 244]. В сравнительно недавно вышедших работах большинство исследователей придерживались точки зрения В.Б. Ковалевской (С.А. Яценко, А.В. Мастыкова, А.В. Богачев, Я.В. Володарец-Урбанович).

В статье об Ильичевском городище Я.М. Паромов и И.О. Гавритухин предложили считать основной зоной концентрации этих амулетов не Северный Кавказ, а Боспор [Гавритухин, Паромов, 2003, с. 155, 156; табл. 61: 72].

По моим данным, в Крыму амулеты происходят из раннесредневекового Херсона, из могильников юго-западной части полуострова (Чуфут-Кале, Карши-Баир), из Керчи и городов Европейского и Азиатского Боспора (Тиритака, Ильичевское городище, Анапа). На Северном Кавказе амулеты найдены на памятниках как аланского (Лермонтовская Скала, Мокрая Балка), так и протоадыгского (Пашковский) круга. Серия находок обнаружена в степном Причерноморье (от Днепра до Волги, включая низовья Дона). В Танаисе амулет происходит из постройки города гуннского времени со смешанным населением. Население раннесредневекового поселка у с. Стаево в верховьях р. Воронеж (см. выше) также было смешанным. Контекст прочих находок в Поднепровье, Подонье, Поочье и Поволжье не ясен, но в Поочье они сделаны в ареале рязано-окской, и, возможно, древнемордовской культур, в Поволжье

- на территории именьковской культуры, на востоке Днепровского Левобережья - пеньковской. Фактически, амулеты найдены либо в комплексах, включая открытые, либо на территории тех культурных групп, которые во второй половине V – VII вв. распространены в ареале этих амулетов. Очевидно, что в этнокультурном отношении они связаны с различными археологическими общностями.

Наиболее ранний амулет происходит из постройки ДО поздней фазы существования города Танаиса (конец IV – первая половина – середина V в. по Д.Б. Шелову и по моим наблюдениям) [Обломский, 2010].

На Северном Кавказе комплексы с амулетами типа 1 по Д.Б. Шелову по А.В. Мастыковой датируются следующим образом: Лермонтовская Скала 2, погр. 13; Пашковский 1, находка 20.8.1927 г.; Пашковский 1, погребение 3 1936 г. - 430/470 - 530/570 гг. , Мокрая Балка, погр. 4 (раскопки В.Б. Ковалевской), захоронение 2 – 530-570 гг. [Мастыкова, 2009, с. 199, 200, 234, 235, 242]. Все эти погребения отнесены к шиповскому горизонту, кроме захоронения из Мокрой Балки, где встречена пряжка геральдического стиля.

В Керчи склеп 78 1907 г. является эталоном второй хронологической группы по И.П. Засецкой (вторая половина V - первая половина VI в.), гробница 87(34) 1909 г. на Глинище относится ко времени не ранее второй хронологической группы [Засецкая, 2003, с. 37, 38].

Сравнительно широкую дату (V – середина-третья четверть VI в) имеют изделия из Ильичевского городища [Гавритухин, Паромов, 2003, с. 155, 156].

Хронология поселка у с. Стаево требует специального исследования. По предварительным данным он существовал от второй половины (скорее, конца) V в. по VII в. (вероятно, исключая конец столетия) [Обломский, Швырев, 2018, с. 318; Гавритухин, Обломский, 2018, с. 137].

Таким образом, получается, что самый ранний амулет датируется гуннским временем. Другие комплексы с ними относятся, в основном, к шиповскому горизонту или в целом синхронному ему второму этапу керченских склепов по И.П. Засецкой. Использовались эти амулеты и на этапе распространения геральдических ременных гарнитур, т.е. в широких хронологических рамках они бытовали в конце IV – VII вв. К сожалению, большинство находок продатировать невозможно.

Амулеты типа 1 по Д.Б. Шелову найдены на памятниках (и в ареалах) различных археологических общностей раннего средневековья. Тем не менее, эти вещи отличаются устойчивой иконографией. По всей видимости, они связаны с языческим культом определенной общественной группы, обитавшей, преимущественно, на Боспоре, откуда происходит большинство амуле-

тов. Эта группа обладала изрядной подвижностью. Карта, которая приводится на рис. 2, показывает, что ее члены проникали в причерноморские степи, в Юго-Западный Крым, на Северный Кавказ, в Подонье, Поочье, Поволжье, Днепровскую лесостепь, вероятно, в Среднюю Азию. На территории археологического комплекса у с. Стаево в верховьях р. Воронеж, где найдены 7 амулетов, наблюдается скопление вещей культуры престижа, связанных по происхождению с южной модой. Рискну высказать предположение, что амулеты типа 1 по Д.Б. Шелову носили купцы и члены их семей (или одна из групп купцов), которые осуществляли достаточно широкие торговые операции и проникали в Восточной Европе с товарами вверх по Дону вплоть до Поочья и Поволжья.

Все сделанные выводы – пока предварительные. Многие детали интерпретации амулетов типа 1 по Д.Б. Шелову требуют уточнения.

Библиография:

ГАВРИТУХИН И.О., ОБЛОМСКИЙ А.М. 2018. Пальчатые фибулы с ромбами на ножке, происходящие из ремесленного центра Стаево на р. Воронеж //МАИЭТ, XXIII. С. 135-206.

ГАВРИТУХИН И.О., ПАРОМОВ Я.М. 2003. Ильичевское городище и поселения его округа. //Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. VI-XIII вв. Ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнёва (Археология). М.; Наука. С. 152-156.

ЗАСЕЦКАЯ И.П. 2003. Боспорский некрополь как эталонный памятник древностей VI – начала VII века //Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. VI-XIII вв. Ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнёва (Археология). М.; Наука. С. 31-39.

КОВАЛЕВСКАЯ В.Б. 1983. Антропоморфные амулеты VI-IX вв. на Северном Кавказе. //КСИА, 176. С. 43-50

КРУГЛИКОВА И.Т. 1957. Погребение IV—V вв. н. э. в дер. Айвазовское. //СА, , № 2, с. 253—257.

МАСТЫКОВА А.В. 2009. Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV – середине VI в. М.: Таус. 500 с.

МИХЛИН Б.Ю. 1972. Гуннский амулет из Ждановского музея. //Археология, 5, с. 95-96

ОБЛОМСКИЙ А.М. 2010. Хронология поселения Танаис позднеантичного периода //Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Конференция 2, часть 1. Ред.

А.М. Воронцов, И.О. Гавритухин. Тула: Государственный музей-заповедник "Куликово Поле", С. 174-202.

ОБЛОМСКИЙ А.М. 2018. Раннесредневековое поселение Стаево-4 в Верхнем Подонье //Древности. Исследования. Проблемы. Сборник статей в честь 70-летия н. П. Тельнова. Ред. В. С. Синика, Р. А. Рабинович. Библиотека Stratum. Кишинев-Тирасполь: Приднестровский Государственный университет им. Т. Г. Шевченко. Научно-исследовательская лаборатория «Археология». Высшая антропологическая школа. С. 355-388.

ОБЛОМСКИЙ А.М., ШВЫРЁВ А. Д. 2018. Византийская гирька для взвешивания монеты, найденная в верховьях р. Воронеж //КСИА, 250, с. 307-326.

ШЕЛОВ Д.Б. 1984. Антропоморфный амулет из Танаиса //Древности Евразии в скифо-сарматское время. Ред. А. И. Мелюкова, М. Г. Мошкова, В. Г. Петренко. М.: Наука. с. 241-243.

**ТРАНСКУЛЬТУРНЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
В ХРАМОВОЙ АРХИТЕКТУРЕ КРЫМА И СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ
ПЕРИОДА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ¹**

V. Pishchulina

**Transcultural Interactions in Temple Architecture
of the Crimea and the North Black Sea Coast
in the Period of the Middle Ages**

Выявленный последними авторскими исследованиями ряд особенностей средневекового христианского зодчества Северного Кавказа показал интенсивность взаимодействия этого региона с Таврикой. В Причерноморских районах Северного Кавказа (Зихии) наибольшее распространение в раннехристианский период получил византийский тип небольшой одноапсидной церкви, так как эта территория являлась форпостом византийского присутствия (хотя и в меньшей степени, чем Таврика и Абхазия). Одноапсидные церкви Причерноморской Зихии датированы VIII-IX вв. и обладают рядом особенностей по сравнению с другими регионами византийской провинции: преобладание ширины над длиной; гранная апсида; своеобразные варианты композиций, обусловленные дополнительными пристройками; характер декора и строительная техника. Широкое распространение именно этого типа церквей, а также их более поздняя датировка (по сравнению с Таврикой и Абхазией) – явление, характерное только для этой территории и выделяющее Зихию среди других районов Северного Причерноморья (рис.1).

Особенно интересен храм, расположенный в селе Монастырь, на левом берегу реки Мзымты. Храм занимает важное положение в крепости – перед его западным входом имеется обширная площадь, а сам храм приближен к главным воротам с башней. Южная стена храма отстоит от башни на 5,4 м. Храм сложен из тесаного камня размером 0,8 x 0,6 x 0,4 м с прослойками трехцветной в срезе плинфы размером 40 x 31 x 4 см. В аналогичной технике

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект 19-512-40001/19

сложены и стены крепости. К основному залу храма примыкает с востока широкая апсида без заплечиков. Внутри она образует неполное полукружие, снаружи имеет место пятигранное оформление апсиды. Гранные апсиды были широко распространены в Византии и ее восточных провинциях в V-VI вв. В Северном Причерноморье это базилики в Херсонесе, Пятиунте, Цандрипше. В более позднее время, в VIII-IX вв., устройство таких апсид очень редко встречается, но это характерно для храмового зодчества Абхазии (храмы в Бзыби, Анакопии). Вызывает вопросы функциональное назначение пристроенного с севера двухъярусного помещения. Наличие его сближает данный храм с очень распространенным в VI-VII вв. типом одноапсидной церкви с южными боковыми помещениями. По сложившейся в раннехристианский период традиции в южной части храма обычно совершался крещальный обряд, а в северной было пространство мемория. Храмы с южными пристройками имели место в Абхазии (Хашупсе, Гиенос, Цибил, VIв. [Хрушкова: 2002, 10], Херсонесе (храм «на холме», VIв., базилика № 15 [Якобсон: 1959, 12], а также Кавказской Албании (Мингечаур, храмы № 2,4, V-VIвв.) [Ваидов: 1951, 3]. Пристройка дополнительных, анфиладных помещений с южной стороны храмов, судя по археологическим находкам, была связана с особенностями крещальной, а иногда и мемориальной церемоний [Хрушкова: 2002, 1980, 10,11].

В X в. на территории Северного Кавказа появляются храмы типа «свободный крест». На сегодняшний день известны восемь храмов этой композиции: два - в ущелье реки Большой Зеленчук (X в.); храм у с.Архыз, на «Церковной поляне»; два - в ущелье Кяфара (X в.), Сентинский храм на реке Теберде (X в.), Средний Зеленчукский храм, являющийся усложненным вариантом этой композиции (X в.); крестообразный храм на территории Тьмутаракани (X в.). В данной работе при анализе храмов композиции «croix libre» («свободный крест») для выявления рядов объектов, построенных по одному образцу, за основу принималось совпадение величин сторон подкупольного квадрата и наружных габаритных размеров. При этом допускалось, что совпадение может не быть идеально точным, поскольку размеры фута в византийский период имели разную величину. Как было выявлено исследованиями П. Ундервуда, размеры византийского фута колебались от 30,8 до 32 см [Ундервуд: 1948, 1]. Вторым важным аспектом сравнения выступали строительная техника и вариации декора. Третьим – особенности композиции.

Сравнительный анализ показал три варианта размеров подкупольного квадрата, являющегося модулем при разбивке храма – 3.0 м (10 ф.); 3.8 м (2 x 6 ф.); 4.9 м (2 x 8 ф.). Сопоставление подкупольных квадратов (3.0 м) и габ-

ритных размеров выявило тождество между шестью храмами Северного Кавказа (Сентинским храмом, храмом в Тьмутаракани, церквями в ущельях рек Большой Зеленчук и Кяфар) и двумя храмами VI в. в Херсонесе, не имеющими апсид (около т.н. Западной и Восточной базилик). Сопоставим Сентинский храм и аналогичные ему два храма Херсонеса – около Западной и Восточной базилик, относящихся к VI в. Оба здания имеют одинаковый с Сентинским храмом подкупольный квадрат (3.0.м), и в том, и в другом отсутствует апсида, нет и дополнительных помещений с востока. Эти храмы изучались А.Л. Якобсоном, А.Л.Бертье - Делагардом, В.В.Латышевым, К.К.Косцюшко-Валюжиничем [Якобсон: 1959;12, Бертье-Делагард: 1907,2; Косцюшко-Валюжинич: 1901, 5; 7]. Крестообразных зданий в Херсонесе известно на настоящий момент шесть. Здание около Западной базилики представляло собой надгробную костницу, построенную над вырубленной скале усыпальницей с тремя нишами, которые и обусловили крестообразный план храма. Крестообразный храм у Восточной базилики также являлся усыпальницей и был сложен в аналогичной технике - из некрупных полубутовых камней, грубо отесанных с лица и выложенных правильными рядами. В южном рукаве храма В.И. Марковиным была открыта богатая гробница, отнесенная им к X-XI вв., т.е. одновременная храму [Марколвин: 1996, 8, С.137]. Причина выбора образца VI в. в форме «свободного креста» для Сентинского храма заключается видимо в том, что за образец взята именно усыпальница. Однако, несомненно, изначально предполагалось функционирование храма не только как усыпальницы, в связи с чем в нем были выполнены полукруглая апсида и синтрон, аналогично вышеуказанным храмам в Херсонесе, Бакле и Мангупе (рис.2).

Появление на северо-западном Кавказе в XI-XII вв. храмов с вписанной апсидой (с. Ильич, Курджиново, Белореченская), (как показал анализ греческих надписей, особенностей пространственной организации, декора и кладки, капителей, алтарных преград и инвентаря окружающих погребений, а также отсутствие рядом с храмами святилищ и объектов раннего христианства) можно соотнести с переселившимися в это время из Абхазии племенами абазин. К этим храмам, к примеру, может быть отнесен расположенный неподалеку храм на реке Белой, недалеко от станицы Белореченской, описанный Г.Н.Прозрителевым и Н. Каменевым в 1906г. [Прозрителев: 1906,9; Каменев 1876, 4, С.6]. В описании говорится о найденных обломках капителей от колонн. Таким образом, интерьер был украшен резными каменными деталями, пристенными пилястрами с капителями. Опубликованный Г.Кучук-Ованнесовым [Кучук-Ованнесов:, 1893, 6, С.110] обломок капители по форме принадлежит пилястре, но с капителями храмов Кафы XIII-XIV вв. он не со-

относится. Прослеживается большое сходство с капителями у входа в гавит в храме 1358 г. монастыря Сурб-Хач в Крыму. Однако капитель в храме Сурб-Хач натуралистично воспроизводит растительные формы, а капитель из Белореченской церкви более стилизована. Орнамент из плетенки сходен в нижней части капителей. А.Л.Якобсоном отмечается, во-первых, большая распространенность такого рода капителей в храмах Крыма, как в армянских, так и в греческих, а во-вторых, их сельджукское происхождение.

Наличие стрельчатых завершений вполне соотносится с приглашением армянского мастера из Каффы. Связям с Кафой способствовал и пролежавший здесь с XIIв. торговый путь. Мастер работал в тех конструкциях, которые хорошо знал, а стрельчатые завершения характерны именно для армянских храмов Каффы XIII-XIV вв. Техника кладки с использованием металлических скоб для скрепления камней также соответствует технике строителей армянских храмов Кафы. Ориентирами для декора капители, возможно, послужили абхазские образцы, и мастер для декора был приглашен другой.

Таким образом, по Белореченской церкви мы имеем следующие данные: датировку по армянской строительной надписи – конец XIIв., две греческие надписи, вписанную апсиду с нишами-пастофориями, стрельчатые завершения окон и дверей, кладку, характерную для армянских строителей в Каффе, капитель с восточно-византийскими мотивами XII-XIII вв., инвентарь погребения рядом с храмом, соответствующий захоронениям абадзехов XIII-XIVвв. и, наконец, географическое расположение Белореченской церкви в непосредственной близости от исторических мест расселения абазин на западе Абхазии. Все это позволяет соотнести данную церковь с переселившимися из Абхазии племенами абазин или абадзехов, и согласиться с датировкой по строительной надписи – 1171 г.

Греческая надпись о владельце некой Минилии, наличие в непосредственной близости от Белореченской церкви еще двух городищ, в которых были построены церкви с вписанными апсидами, в аналогичной технике, в том же строительном модуле (2.5 м), с резными каменными алтарными преградами, имеющими прямые аналогии с абхазскими вариантами, устройство сидений вдоль продольных стен, аналогично некоторым одноапсидным церквям Абхазии - все это, с учетом, что церкви с вписанной апсидой в городищах Ильич и Курджиново датируются тем же периодом (конец XII- начало XIII вв.) позволяет объединить все эти храмы в одну группу и соотнести их с т.н. Минилией – возможным местом проживания абадзехов в XIII-XIV вв. Второй период строительства не только храмов, но и оборонительных сооружений на городищах в селениях Курджиново и Ильич относится именно к этому периоду. Таким образом, особенности архитектуры храмов этой груп-

пы во многом определились влиянием храмостроения Абхазии, но некоторые конструктивные особенности были обусловлены привлечением армянских мастеров из Каффы, с которой, очевидно, были налажены интенсивные торговые контакты.

Библиография:

UNDERWOOD, P. Some principles of measure in the architecture of the period of Justinian / P. Underwood // Cahiers archeologiques. - Т.3. - Paris, 1948

БЕРТЬЕ-ДЕЛАГАРД, А. Л. О Херсонесе / А.Л. Бертъе-Делагард // Известия императорской археологической комиссии, Вып.21, - Спб,1907, - С.108 -206-

ВАИДОВ, Р.М. Средневековые храмы в Мингечауре / Р.М. Ваидов, В.Н. Фоменко // МКА. Т.II. М.,1951.- С.81-100

КАМЕНЕВ, Н. Развалины церкви Св. Георгия, открытой на реке Белой / Н. Каменев //Памятная книжка Кубанской области на 1877г.- Екатеринодар,1876 – С. 1-14

КОСЦЮШКО-ВАЛЮЖИНИЧ, К. К. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1901году / К.К. Косцюшко-Валюжинич // Известия Императорской археологической комиссии. Вып. 4. - Спб.,1902. -С.51-119

КУЧУК-ИОАННЕСОВ, Г. Армянская надпись XII столетия // Г. Кучук-Иоаннесов // МАК.- Вып. III. - М., 1893.-С.106-110

Летопись Русского археологического общества // Известия РАО. - Т.VII.- Вып.2.-Спб, 1876.- С.193-196

МАРКОВИН, В.И. Сентинский храм X в. на реке Теберде / В.И. Марковин // АН.- №41, М., 1996. – С.137-142

ПРОЗРИТЕЛЕВ Г.Н. Древние памятники христианства на Северном Кавказе / Г.Н. Прозрителев // Сборник сведений о кавказских горцах.- Вып.1. – Ставрополь, 1906. - С.1-16

ХРУШКОВА, Л.Г. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья / Л.Г.Хрушкова. – М: Наука, 2002.- 500с.

ХРУШКОВА, Л.Г. Три церкви в горной Абхазии (раскопки 1977-1979гг.) / Л.Г. Хрушкова // Византийский временник.- Т.43.- М., 1980.- С.150-177

ЯКОБСОН, А.Л. Раннесредневековый Херсонес / А.Л. Якобсон // МИА. - Т.63. - М.,1959.-360с.

ЯКОБСОН, А.Л. Раннесредневековый Херсонес / А.Л. Якобсон // МИА. - Т.63. - М.,1959.-360с.

Полянская Е.С.

Бобкин Д.П.

**РАСПРОСТРАНЕНИЕ ВИНОГРАДАРСТВА И ВИНОДЕЛИЯ
В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ И ЕГО ВЛИЯНИЕ
НА МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ СВЯЗИ**

E. Polianskaya

D. Bobkin

**Distribution of Grapes and Winewords
in the Northern Black Sea and their Influence
on International Relations**

Виноградарство и виноделие одна из важных составляющих агрокомплекса России на современном этапе. В начальные периоды Отечественной истории виноградарство и виноделие активно использовалось как в промышленности, так и в медицине, искусстве и религии. Свидетельства об использовании винограда и виноматериала сохранились с древнейших времен на различных фресках, кухонной утвари, в библии, произведениях литературы, и многих других документах. Несмотря на все разнообразие источников, ученым до сих пор не удалось установить, началось ли виноделие в одном месте или параллельно появилось в различных уголках нашей планеты.

Сведения о виноградарстве и виноделии появились с момента, когда люди могли достаточно грамотно описать увиденное. К таким трудам можно отнести противоречивые сведения, описанные генуэзцем Джорджио Интериано в работе 1502 г. «Быт и страна зихов, именуемых черкесами. Достопримечательное повествование», а так же в составленном доминиканцем Эмиддио Дортелли д'Асколи в 1634 г. «Описании Черного моря и Татарии». В описании путешествия И.А. Гюльденштедта в 1770 г. были свидетельства о произрастании на этих землях дикой виноградной лозы, наличия культивируемых виноградников и приготовлении вина местными аборигенами из собственного винограда.

Проблемы русского виноградарства и виноделия были отражены даже в иностранных печатных изданиях. Одним из первых иностранцев, оставив-

ших значимый след в истории Российской империи, из наблюдений которого можно почерпнуть сведения о виноградарстве и виноделии был швейцарский путешественник Фредерик Дюбуа де Монпере. В 1831–1834 гг. он совершил путешествие, а в 1843 г. в Париже издал свою «дилетантскую» работу «Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазам, в Грузию, Армению и в Крым» [Струкова 2011 С.117].

Считалось, что вино, используемое в небольших дозах, приносит организму пользу, поэтому его применяют в лечебных целях с давних времен, поскольку в основном в него добавлялись различные добавки в виде трав, пряностей и корений. Хорошо вызревший виноград поддавался естественной консервации: ягоды высушивали и получали изюм, а соку давали перебродить и хранили долгие месяцы, а то и годы в виде вина, что давало возможность питаться до нового урожая. Однако большую часть произведенного вина выпивали почти сразу же, так как всегда существовала вероятность его закисания.

Для уверенности, что вино быстро не испортится, в античные времена все же применяли различные способы консервации. Римляне, например, смешивали вино с медом и перцем, причем успешно освоили пастеризацию. Вино брали с собой в походы, обменивали, спаивали противников и задабривали друзей. В зависимости от цели употребления, вино утоляло голод и, что душой кривить, оно же и опьяняло, вводило в состояние экстаза. Виноградная лоза считалась даром богов, ее плодам приписывали такие способности, как умение возвращать остроту зрения и помогать затягиванию ран [Валуйко 2005 С.62].

Виноградный напиток применяли во время проведения ритуалов. Согласно индийским преданиям, опьяняющий напиток сома (на санскрите – «выжатый сок») считался тоже даром неба, его воспевали в «Ведах» и «Авесте». Человек, выпивший достаточно много сомы становился прорицателем – его устами разговаривал бог [Косюра 2004 С.70].

Рассматривая виноделие как отрасль земледелия необходимо учитывать, что развитию виноградной культуры должен способствовать определенный, подходящий для возделывания и роста винограда климат. Сугубо благодаря климату одни районы становились винодельческими, а другие терпели фиаско, так как не могли справиться с этой культурой. В благоприятных для возделывания винограда районах, таких как Крым, уход за виноградной лозой был минимальным – ее иногда подрезали и оставляли расти без опоры, то есть стелиться по земле, или забрасывали на деревья – оставалось только после созревания ягод собрать урожай. Конечно же, большую

роль играл человеческий фактор в части знания особенностей развития этой культуры [Латышева 2006 С.31].

В 1774 г. Крым и кубанские татары по Кучук-Кайнарджийскому договору получили независимость, а Крым погряз в междоусобных войнах. Уже 8 апреля 1783 г. императрицей Екатериной II был издан Высочайший Манифест о присоединении Крыма, Тамани и всей Кубанской стороны к Российской империи. Именно этот документ внес ясность относительно принадлежности указанных территорий.

Вся система хозяйствования присоединенных земель отличалась от центральных губерний России и для изучения этих особенностей была создана экспедиция Государственного хозяйства, отчет которой от 16 мая 1801 г. явился первым нормативным документом, касающимся необходимости учреждения общественных виноградных садов при данных колониях. Этот документ назывался «Инструкция для внутреннего распорядка и управления Новороссийских и иностранных колоний».

В начале 40-х гг. XIX в. генералом Н.Н. Раевским была сделана попытка внедрения европейских сортов винограда на побережье Черного моря. Для создания виноградных насаждений в 1848 г. часть выписанных из Крыма виноградных лоз по указанию наместника на Кавказе князя М.С. Воронцова была роздана жителям Новороссийска, Геленжика, укреплениям Лазаревском, Тенгинском, Вельяминовском. Однако первые виноградные плантации были заброшены в связи с Крымской войной [Тверитинов 2000 С.94].

Культура употребления вина предполагает соблюдение умеренности в количестве выпитого. По преданиям виноградную лозу в Грецию принес сошедший с Олимпа бог виноделия Дионис. Тогда же появились сказания о Вакхе, нашедшем маленькую виноградную лозу. Он хотел ее пересадить и временно поместил в кость птицы; но в пути растение стало очень быстро расти и потребовалось что-то более просторное. Вакх пересадил подросшее растение сначала в кость льва, а затем – осла. Так вместе с этими тремя костями лоза была посажена в землю. Поэтому люди, непомерно употребляющие вино сначала поют как птицы, затем приобретают замашки льва и, наконец, превращаются в ослов.

Есть еще более древнее предание о том, что когда Ной сажал виноградную лозу, дьявол полил ее кровью овцы, льва, обезьяны и свиньи. Теперь у людей злоупотребляющих вином проявляются последовательно черты этих существ [Тираспольский 2017 С.4-9]. Отношение к вину у греков было неоднозначным: спартанцы вина гнушались, но большая часть греков, хотя и осуждала неумеренное употребление вина и презрительно относилась к

пьянству, при этом ценила «Вакхов дар» и периодически устраивала «вакханалии» [Степанченко 2013 С.189-191].

В догреческий период население Азиатского Боспора и области Синдика собирало и делало вино из менее сахаристого винограда, поэтому вина получались со слабыми градусами и склонными к скисанию. Видимо это оправдывает высокий спрос у варваров на греческие вина. Греки, оценив возможности рынков сбыта через Северное Причерноморье от моря в глубь материка, занялись активной торговлей вином, поскольку продажа вина позволяла захватывать территории, используя алкоголь как незримое оружие.

Такую торговлю можно было бы расценивать как колонизацию, а стоимость вина приравнивать к драгоценной монете. Издавна, когда кого-то из народностей не удавалось победить в честном бою, применяли спаивание врага вином, сделав вид, что противники готовы идти на компромисс по отношению друг к другу. Так, Геродот считал, что могущество скифов, приводивших в ужас народы Азии в течение десятилетий в VII в. до н.э. пришло в упадок после того, как они приняли приглашение мидийского царя Киаксара, напились вина без меры и в пьяном и беспомощном состоянии были перебиты.

Но эффективнее любых военных действий срабатывало воспитание у врага алкогольной зависимости, это доказано всем ходом истории – от завоеваний американцами территорий индейцев в Северной Америке, до покорения народов Сибири [Степанченко 2010 С.116-122]. Что касалось качества вина, то в античном периоде технология его приготовления предусматривала применение добавок опасных для здоровья (алебастр, вредные смолы и др). Афиней о винах Левкады и Закинфа прямо говорил, что они вредны, так как содержат гипс.

Возможно, из-за негативных свойств вина, Локритский законодатель Залевк (середина VII в.) под страхом смертной казни запретил пить неразбавленное вино, кроме как по указанию врача. В Спарте Ликург приказал уничтожить все виноградники. В Массалии и Милете, городах античного периода будущего Кубанского региона, женщинам нельзя было употреблять вино. Запрет на употребление вина был обязателен для мужчин моложе тридцати лет в древнем Риме [Степанченко 2010 С.189-191]. Все эти эпизоды из древних времен можно трактовать как меры борьбы с алкоголизмом.

Но и на протяжении всего средневековья пьянство считалось одним из главных пороков. Тех, кто пил вино без меры высмеивали, сажали в тюрьму, вынуждали каяться, но число пьющих не уменьшалось. Алкогольной зависимости были подвержены все слои общества. Например, король Франции Людовик XI возможно страдал от эпилептических припадков связанных с хро-

нической алкогольной интоксикацией, поскольку с раннего детства пристрастился к вину [Сидоров 2018 С.36-38].

На Руси пили всегда. Но взрыв потребления алкоголя произошел в городских поселениях и позже среди части крестьянства в период становления капитализма в XVI – XVIII вв., а особенно в XIX – начале XX вв. Раньше у значительной части населения употребление алкоголя было редким, опьянение легким. Затем употребление алкоголя стало частым и обильным, а опьянение тяжелым. Психиатр И.А. Сикорский исследовав алкогольный вопрос пришел к заключению: «раньше было пьянство, а с XIX в. начался алкоголизм с его неизбежными последствиями, до алкоголизма всего населения включительно» [Черкасов 2015 С.12-19].

В целом, говоря о развитии виноградарства и виноделия, стоит отметить, что впервые в Крым вина стали проникать еще в античный период. Греческие, римские и другие иностранные вина завозились на полуостров торговцами, в том числе в период греческой колонизации Северного Причерноморья.

В тоже время местное население занималось виноградарством и виноделием, причем достаточно успешно. Однако после присоединения Крыма к Российской империи в 1783 году множество хозяйств на полуострове опустело, что было связано с массовым выездом крымских татар в Турцию. На опустевшие земли стали прибывать переселенцы из других районов империи и постепенно хозяйство восстанавливалось.

В статье авторы делают акцент на важности вина в вопросе налаживания связей между народами и «коварных» свойствах, приписываемых этому продукту разными народами.

Библиография:

КОСЮРА В.Т. Основы виноделия // В.Т. Косюра, Л.В. Донченко, В.Д. Надыкта. – М.: ДеЛа принт, 2004. – С.70

ЛОТЫШЕВ И.П. География Кубани. Энциклопедический словарь. – Майоп: ОАО «Афиша», 2006. – С.31

СИДОРОВ А. Вино, которого нет // Индустрия напитков. – №2. 2018. – С.36-38

СПРАВОЧНИК по виноделию / Под ред. Валуйко Г.Г., Косюры В.Т. – Симферополь: Таврида, 2005. – С.62

СТЕПАНЧЕНКО А.П. Некоторые вопросы развития винодельческих традиций на Кубани в средневековую эпоху // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. – №3-4. 2010. – С.116-122.

СТЕПАНЧЕНКО А.П. Влияние товарного виноделия Азиатского Боспора на экономику Боспорского государства в античный период // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – №7 (33). 2013. Ч.1. – С.189-191

СТРУКОВА Е.В. Виноделие античного Херсонеса: история исследования // Причерноморье. История, политика, культура. – Вып. V(II). 2011. – С.117

ТВЕРИТИНОВ И.А. Социально-экономическое развитие Сочинского округа во второй половине XIX – начале XX вв.: Моногр. М-во образования РФ; Соч. гос. ун-т туризма и курортного дела. – Сочи: РИО СГУГиКД, 2000. – 187 с.

ЧЕРКАСОВ А.А. Провинциальный город Российской империи (1894-1917 гг.): проблема сохранения городского порядка (на примере г. Сочи)// Черноморская здравница. – №1. 2015. – С.12-19

РЕАЛЬНЫЕ И ФАНТОМНЫЕ ПОХОДЫ РУСИ В ВИЗАНТИЙСКУЮ ТАВРИКУ

A. Romensky

Real and Phantom Military Campaigns of Rus' in Byzantine Tauric

По общепризнанному мнению современных исследователей, византийский Херсон с его окрестностями являлся контактной зоной, средоточием столкновения и взаимного влияния двух миров – имперского, ромейского, и варварского, местом культурного синтеза, на основании которого вырабатывались оригинальные ценности [Сорочан и др. 2006: 273–274]. Город, являющийся центром византийской фемы в Юго-Западной Таврике, находился на перекрестке основных торговых магистралей, соединяющих центр раннесредневековой ойкумены – Средиземноморье с богатыми ресурсно регионами Восточной Европы. Не менее важен он был и по военно-стратегическим соображениям: именно стратиг Херсона наблюдал над активностью северных соседей Империи и доносил о них в столицу. Источники сохранили немало упоминаний о столкновениях херсонитов с хазарами, печенегами, венграми, русами, черными булгарами, но, несмотря на враждебный характер отношений с варварами, никому из них долгое время не удавалось захватить город [Константин Багрянородный 1989: 36, 42, 52; Лаврентьевская летопись 1926: 50–51]. Подчинить Херсон можно было двумя способами: нанести ущерб транзитной торговле и прервать снабжение города продуктами питания, как советовал поступить Константин Багрянородный в случае мятежа его жителей [Константин Багрянородный 1989: 274], либо проникнуть за мощную линию городских стен, что в раннем средневековье удалось только один раз – войску киевского князя Владимира [Милютенко 2008: 272–320; Сазанов и др. 2014: 63–231; Хапаев 2016: 303–344]. В 988 г. князь захватил город и ненадолго удерживал контроль над ним, возвратив Херсон вскоре после заключения соглашения с василевсами Византии. Этот военный инцидент, как и предыдущие конфликты не привел к длительному утверждению какой-либо из чужеземных держав в Юго-Западной Таврике. Херсон и «Климата» были не целью военных операций, но лишь средством давления на Константинополь

с целью получения дипломатических, политических, торговых, правовых преимуществ в Империи.

С момента организации государства в Восточной Европе Херсон стал важнейшим центром взаимодействия Византии и «тавроскифов». Первое упоминание о разорении русами побережья Крыма «от Корсуня и до Корча» содержится в Житии Стефана Сурожского, утраченный греческий «гиперархетип» которого, вероятно, относился к концу X в. [Ivanov 2006: 111]. Поздняя церковнославянская версия рассказывает о походе в Таврику новгородского князя Бравлина и чуде его исцеления перед гробницей Святого [Ivanov 2006: 161–163]. Армянский вариант содержит иные красочные подробности, называя главного героя Пролисом [Bozoayan 2006: 104–105]. Весьма вероятно, что перед нами не рассказ о реальных событиях IX в., а перенесение в прошлое более поздних реалий, сконструированное по шаблонам агиографического произведения. Бравлин-Пролис имеет больше всего черт сходства с князем Владимиром Святославичем, также пережившим чудо исцеления от внезапной болезни [Виноградов, Коробов 2017: 230].

Гораздо более достоверную информацию сохранили договоры Руси с Византией. Ряд их положений упоминают и о «Корсунской стране» (хорошим, который соответствует ромейским «Херсону и Климатам»). Договор 944 г. защищает право корсунян на рыбную ловлю в устье Днепра, обязует киевского князя не притязать на эту территорию и оберегать ее от вторжений черных булгар. Отказ от претензий на «Корсунскую страну» повторен и в договоре Святослава с Иоанном Цимисхием [Лаврентьевская летопись 1926: 50–51, 73]. Сам факт наличия этих обязательств и их письменная фиксация свидетельствуют о том, что русы проявляли интерес к византийской Таврике. Маловероятно предполагать намерение их долгосрочного утверждения в этом регионе: аннексия Херсона не отвечала их возможностям, да и потребностям раннесредневековой восточноевропейской политики. Однако сам город представлял удобную цель для нападения, что и продемонстрировал Корсунский поход князя Владимира Святославича.

Военную кампанию Владимира в Таврике следует рассматривать в одной связи с другими экспансионистскими акциями Руси X в. Активизация военных действий служила не только внешнеполитическим, но и внутренним целям. Война в обществе русов осмысливалась как способ «налезти дань», получить материальные ценности и ресурсы, с помощью которых киевские князья, подобно другим варварским правителям, содержали свою дружину и аппарат управления. Внешнеполитические цели состояли в укреплении торговых, правовых и политических преимуществ в отношениях с Империей. Удачно выбранный момент нападения во время обострения борьбы за власть

в Византии позволил в итоге добиться успеха. Около 985 г. русы предпринимают поход против приазовских «черных болгар» и заключают союз с ними; войско кочевников в дальнейшем подкрепляет силы осаждавших в походе на Корсунь. Киевский князь должен был озаботиться и нейтрализацией или умиротворением печенегов, чему послужил упомянутый в «Памяти и похвале Иакова Мниха» поход к порогам. Источники сообщают противоречивые сведения о времени Корсунской осады. Представляется, что она завершилась не позже весны-лета 988 г. После истощения продовольственных и водных ресурсов, организовав блокаду (контролируя район Западных ворот и Карантинной балки), русам удалось принудить херсонитов к сдаче. Присутствие «тавроскифов» в городе было весьма недолгим: к лету 988 г. стороны заключили соглашение, согласно которому Владимир, обязавшись принять христианство, оказывал василевсам Византии военную помощь и возвращал захваченные территории [Роменский 2017: 114–165].

Встречающиеся в историографии сведения о походах Руси в Таврику в XI в. опираются на малодостоверные источники. Не находит подтверждения гипотеза В. Г. Брюсовой о разорении Корсуня Владимиром Ярославичем в 1043–1044 гг. Маловероятными следует признать и восходящие к информации В. Н. Татищева и Э. Муральта сведения о походе на Херсон Владимира Мономаха и Глеба Святославича в 1077 или 1095 гг. [Храпунов 2018]. С утверждением Руси в Таматархе-Тмутаракани необходимость силового контроля за Юго-Западной Таврикой утратила актуальность. После возвращения тмутараканского анклава под контроль Романии Русь уже не имела достаточных ресурсов для активной наступательной политики в Северном Причерноморье.

Библиография:

ВИНОГРАДОВ А. Ю., КОРОБОВ М. И. Бравлин – бранлив или кро-ток? // *Slovene*. – М., 2017. № 1. С. 219–235.

КОНСТАНТИН БАГРЯНОРОДНЫЙ. Об управлении империей. Текст, перевод, комментарий. – М., 1989.

Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. – Ленинград, 1926. Т. 1. Вып. 1.

МИЛЮТЕНКО Н. И. Святой равноапостольный князь Владимир и крещение Руси. Древнейшие письменные источники. – СПб., 2008.

РОМЕНСКИЙ А. А. Империя ромеев и «тавроскифы». Очерки русско-византийских отношений последней четверти X в. – Харьков, 2017.

САЗАНОВ А. В., АЛЕКСЕЕНКО Н. А., ГЕРЦЕН А. Г., МОГАРИЧЕВ Ю. М. Средневековый Херсон X – XI вв. – М., 2014.

СОРОЧАН С. Б., ЗУБАРЬ В. М., МАРЧЕНКО Л. В. Жизнь и гибель Херсонеса. – Севастополь, 2006.

ХАПАЕВ В. В. Византийский Херсон на рубеже тысячелетий (вторая половина X – первая половина XI вв.). – Севастополь, 2016.

ХРАПУНОВ Н. И. Известия о «крымском походе» Владимира Мономаха в источниках нового времени // АДСВ. – Екатеринбург, 2018. Вып. 46. С. 241–260.

BOZOYAN A. La Vie Arménienne de Saint Étienne de Sougdaia // Zuckerman C. (Ed.). La Crimée entre Byzance et le Khaganat Khazar. – Paris, 2006. P. 87–108.

IVANOV S. A. The Slavonic Life of Stefan of Surozh // Zuckerman C. (Ed.). La Crimée entre Byzance et le Khaganat Khazar. – Paris, 2006. P. 109–170.

**ДЖОН ВИЛЬЯМ ХЕЙС И ЕГО «LATE ROMAN POTTERY»:
47 ANS APRÈS**

A. Sazanov

J.W. Hayes and his "Late Roman Pottery": 47 ans après

Аксиомой является то, что книга Дж. В. Хейса «Поздняя римская керамика», вышедшая в 1972 году - основополагающая в изучении краснолаковой керамики ранневизантийского времени. Несмотря на существенные корректировки в датировках и типологии краснолаковой керамики IV-VII вв. [Hayes 1972; Carandini et Alii, 1981; Mackensen 1992; Hayes 1992; Hayes 2008; Reynolds, Bonifay, Cau Ontiveros 2011; Cau, Reynolds, Bonifay 2011; Bonifay 2014], «хэйсовский» этап продолжается до сегодняшнего дня. В докладе делается попытка общей оценки современного состояния изучения этой группы материала, и предлагаются корректировки для форм, популярных в Северном Причерноморье.

Главный принцип типологии Дж. Хэйса – общее деление всего массива краснолаковой керамики ранневизантийского времени на группы в зависимости от региона или центра (ов) производства остается незыблемым. Изменения в этой общей схеме касаются увеличения мест производства и принципиально важного для региона Северного Причерноморья точного определения «LRC» как Phocæan Red Slip ware (PhRS) [Hayes 2008: 83-85]. Главными все более ощущающимися проблемами типологии и хронологии Дж. Хэйса, является типологическое деление (прежде всего, для группы «LRC»), основания для датировок сосудов (во многих случаях мешанные контексты), и имитационные формы, при хронологической синхронности затрудняющие отделение формы-образца от формы имитации.

Однако общей ревизии классификации Дж. Хэйса в силу ее глобальности и общепринятости пока не предвидится. Характерно сочетание вновь разработанных локальных типологий с указанием соответствий их форм с формами Дж. Хэйса, что продемонстрировано в монографии М. Бонифэ по поздней римской африканской керамике [Bonifay 2004:155, 156].

Для Северного Причерноморья первостепенное значение имеют сосуды группы «Late Roman C». В книге 1972 года Дж. Хэйс разделил их на формы

1-10 с дальнейшими буквенными подразделениями [Hayes 1972]. Типология и датировки Хэйса 1972 года повторены А. Карандини в популярном корпусе 1981 года. В группе «*Ceramica microasiatica*» форма Hayes 1 тип А отнесен к концу IV-началу V в, типы В, D-первым тремя четвертям V в., тип С-первой половине V в.(?). Форма Hayes 2 (LRC 2) датирована AD 370-450. Типы формы Hayes 3 (LRC 3) датированы следующим образом. Типы В и С – AD 460-475, типы D и E-концом V в., типы F, G, H – VI в. Типы формы 10 датированы: А и В- AD -570-начало VII в., тип С-первая половина VII в. [Carandini 1981:231, 232, tav. CXI-CXVII].

Последующие исследования несколько изменили первоначальную хронологию.

Для понимания хронологии формы Hayes 1 в Северном Причерноморье и Средиземноморье важны аналогии к этим сосудам из комплекса херсонесского колодца в квартале ХСVII (помещение 4) [Ушаков, Дюженко, Струкова 2015]. На наш взгляд, комплекс в целом имеет иную хронологию, кардинально отличающуюся от изложенной в статье авторов публикации. Наиболее вероятно следующая картина образования засыпи колодца. Примерно в 470-510/520 гг. колодец был единовременно засыпан почти на полную глубину материалами, в основном, из более ранних контекстов эллинистического периода, последней четверти IV в., и первой половины IV в.-360 гг. Видимо, вследствие проседания засыпи в середине-третьей четверти IXв. была сделана небольшая нивелировочная подсыпка.

Засыпь, сделанная в 470-510/520 AD содержала материалы следующих хронологических групп: первой половины IV-360 AD, второй половины IV-начала V в. и второй половины V-начала VI в. Для формы Hayes LRC 1 интерес представляет группа, датирующаяся первой половиной IV-началом 360 гг. В ней представлены типы LRC 1 A-D. Миски LRC 1 А (Рис. 1, 8- 11) имеют параллели с сосудами из контекстов второй-третьей четвертей IV в. [Крапивина, Домжальский 2008, Рис. 2, 8, 9; Carandini, Tortorici 1981, tav. CXI, 1, 4,5; Firat 2011, levha 98, 488; Domžalski 2013, fig. 14, 1, 3; 60 σχ.10, 108]. Миска, которая может быть атрибутирована или как переходная форма от LRC 1 А к В –С или как LRC 1 В(Рис. 1, 12) близка формам второй половины IV-начала V в. [Hayes 2008, fig. 37, 1233, 1235; Carandini, Tortorici, 1981, Tav. CXI, 2; 56,fig. 14, 585, Ζαχαριάδης 2008, σχ.10, 107; Сазанов 1999, Рис. 13, 6,9 ; Сазанов 2012б, с. 347, 348]. Миска LRC 1 В (Рис. 1, 13) имеет параллели в контекстах конца IV-сер. V в.[Domžalski 2013, fig. 14, 5, p. 41; Firat 2011, levha 95, 442, 443; Ζαχαριάδης 2008, σχ.11, 113]. Аналогии мискам LRC 1 Диз рассматриваемого комплекса (Рис. 1, 14-16) обнаружены в контекстах Танаиса конца IV-начала V в. [Arsen'eva T., Domžalski 2001, fig. 14, 588, 590],

а также в средиземноморских комплексах [Carandini, Tortorici 1981, tav. CXI, 6; Ζαχαριάδης 2008, σχ.12, 237]. Отметим, что самые поздние контексты датируются началом-серединой V в., что иногда позволяет датировать так всю форму LRC ID. В любом случае нижняя дата этой формы приходится на конец IV в.

Таким образом, в целом, форма Hayes LRC 1 относится ко второй – третьей четвертям IV-началу V в.

Дата формы LRC 2 остается без изменений- AD 370-450.

Форма LRC 3 1 А (Рис. 1, 18) зафиксирована в контексте Афинской агоры с монетами конца IV в. [Hayes 2008, fig. 38, 1252, p. 238].

Важные изменения необходимо внести в датировки форм LRC 3 В-Н и LRC 10. Для хронологии форм LRC 3 В-Е принципиальны последние анализы контекстов, датированных Дж. Хэйсом и другими исследователями AD 460-475. Речь идет о Deposit H-I 7-8:1 Агоры и Deposit D 6:1. Оба они оказались мешаными контекстами с разновременным материалом. При этом deposit H-1 7-8:1 содержал самые поздние монеты AD 1143-1180, 1245-1262 и 1382-1400. Если убрать эту явную «примесь сверху», то контексты, датированные Дж. Хэйсом AD 460-475 следует относить к первой половине VI в. [Sanders, Larson 2016].

В плане сосудов эволюционного ряда LRC 3-LRC 10 небезупречно типологическое деление, предложенное Дж. Хэйсом. Так, в тип LRC 3 С объединены разнотипные сосуды [Hayes 1972: fig. 67,3 NN 7,9, fig. 68, 3, N 13], также как в тип LRC 3 F [Hayes 1972: fig. 69, 3 N 17, N 19, 23-25]. Корректно выделение LRC 3 E, G, H, LRC 10 A-C.

Кроме того, хронологически важно, что LRC 3 В-С обнаружены в контекстах Ятруса первой половины V в (дата Б. Бетгера) или середины V в. (дата Дж. Хэйса), что, видимо и определяет нижнюю дату этих типов. [Bottger 1982: Taf. 36, 424; Hayes 1972:Fig. 67, 3, N 4 : Bottger 1982: Taf. 36, 417, Taf. 37, 422, 423]. LRC 3 С и Е наиболее адекватно относить ко второй четверти V-первыми десятилетиям VI в. LRC 3 D, видимо, рубежный, конца V-начала VI в.

С учетом имеющихся контекстов [Hayes 2008: 83-88; Reynolds 2011, Sanders 2016], тип F можно датировать временем от начала - первых десятилетий VI в. до конца VI в., типы G и H-второй четвертью-концом VI в. LRC 3 G переходит в LRC 10 A, самые ранние экземпляры которого зафиксированы в контекстах середины VI в. Они существуют параллельно во второй половине VI в. В контекстах последней четверти VI в. появляется LRC 10 B, переходящий в начале VII в. в LRC 10 C. Последний существует до AD 650-670.

Пользуясь случаем, отметим, что Фокея не была единственным местом производства LRC [Hayes 2008: 83]. Эта группа керамики производилась также в Эфесе, о чем свидетельствуют последние аналитические исследования [Ladstätter, Sauer 2005]. Дж. Хэйс также считает, что местами ее производства были Палестина (материалы К. Кенъон) и Сирия (типы G-H). Исходя из этого название «Phocian Red slip wares» видится преждевременным, и есть основания для возврата к старому наименованию всей группы как Late Roman C (LRC).

Для Северного Причерноморья особую важность имеет выделение группы «Pontic red Slip wares» (PRSW) и ее форм, наиболее полно сделанное на материалах Танаиса [Arsen'eva, Domžalski 2002: 422-428]. Здесь, однако, возникает главная проблема-доказательство того, что эти формы производились в Причерноморье. На сегодняшний день не обнаружено ни остатков печей и нет анализов, подтверждающих такую локализацию мест их производства. Определение основывается на визуальных характеристиках и находках этой группы керамики на причерноморских памятниках. В принципе производство этой группы посуды в Причерноморье вполне вероятно, но, из региона предполагаемого производства необходимо исключить Северное и Восточное Причерноморье, что ставит под вопрос корректность названия группы «Pontic red slip wares». Речь может идти только о регионе Южного Причерноморья.

Представляется достаточно очевидным, что сосуды этой группы имитировали африканские и кипрские формы и, соответственно, имеют примерно такую же хронологию, может быть, с небольшим запаздыванием.

Краснолаковые миски формы PRSW 1 (Рис. 2, 1-8) датируются временем от первых десятилетий IV в. до первых десятилетий V в. [Сазанов 2012: 135-138]. «Понтийская» имитация PRSW 2 африканской формы 32/58-94 (Рис. 1, 1) относится ко второй четверти IV-концу IV в. [Сазанов 1999, рис. 13, 15-17, рис. 15, 21; Крапивина, Домжалский 2008, рис. 1,3, 4; Domžalski 2011, pl. 2, 8, 9, p.165]. Форма PRSW 3 (Рис. 1, 2-5) датируется второй половиной/последней третью IV-серединой V в [Сазанов 2012а, с. 138-140]. PRSW 4 можно относить ко второй-третьей четверти IV – началу V в. (Рис. 1, 7), [Arsen'eva, Domžalski, 2002, fig. 13, 568], PRSW 7, имитирующую LRD 2 и ARSW 84 –к середине V-второй четверти VI в. [Bonifay 2014, fig. 9].

Таким образом, в целом схема Дж. В. Хэйса, предложенная почти 50 лет назад, выдержала проверку временем и стала классикой мировой ранневизантийской археологии [Cau, Reynolds, Bonifay 2011]. Ее дальнейшее развитие связано с выделением локальных фабрик и типологизации их продукции. Этот этап начинается на наших глазах. В перспективе мы будем иметь

типологию форм по местам их производства, однако эти локальные типы, по всей видимости, все равно будут объединены на более высоком уровне в более крупные деления. В результате, останутся большие группы, предложенные Дж. В. Хейсом «African red slip wares» (ARSW), «Late Roman C», «Cypriot Red Slip Wares» (Late Roman D – «LRD») и др. Как говорил на одном из своих докладов Дж. В. Хейс «allons cherchons!».

Библиография:

ARSEN'EVA T., DOMŻALSKI K. Late Roman Red Slip Pottery from Tanais / T.M. Arsen'eva, K. Domzalski // *Eurasia Antiqua*.- 2002.- v. 8. -P. 415–491.

BONIFAY M. Etudes sur la céramique romaine tardive d'Afrique / M.Bonifay.- Oxford, Archaeopress, 2004 (BAR IS 1301)- 521 p.

BONIFAY M. Céramique africaine et imitations : où, quand, pourquoi ? In : Morais (R.), Fernández (A.), Sousa (M. J.) éd. - *As produções cerâmicas de imitação na Hispania*. Porto/Madrid, 2014, pp. 75-91 (Monografías Ex Officina Hispana, 2).

BOTTGER B. Die Gefasskeramik aus dem Kastell Iatrus // Iatrus-Krivina. Spätantike Befestigung und frühmittelalterliche Siedlung an der unteren Donau. Berlin. Bd. II.1982.Ergebnisse der Ausgrabungen 1966-1973.1982.

CARANDINI A., TORTORICI E. Ceramica Microasiatica / A.Carandini, E.Tortorici // *Enciclopedia dell'arte antica classica e orientale*. Atlante delle Forme Ceramiche I, Ceramica Fine Romana nel Bacino Mediterraneo (Medio e Tardo Impero).- Rome, 1981.- P. 229-235.

CARANDINI et ALII, Atlante delle forme ceramiche. I. Ceramica fine romana nel bacino mediterraneo (Medio e Tardo Impero), Roma, 1981/

DOMŻALSKI K. Late Roman Pottery from Pompeiopolis /K. Domzalski // L. Summerer (ed.), *Pompeiopolis I. Eine Zwischenbilanz aus der Metropole Paphlagoniens nach fünf Kampagnen (2006-2010)* (Schriften des Zentrums für Archäologie und Kulturgeschichte des Schwarzmeerraumes 21). -Langenweissbach 2011.- P. 163-178.

DOMŻALSKI K. Terra sigillata, red slip and glazed wares from Jiyeh (Porphyreon) and Chhim in Lebanon: similarities and differences in supplying coastal and mountain customers / K.Domzalski // *Archeologia*.-2013.- v.64.-P. 23-51.

FIRAT M. Phokaiageç romadönemi mutfakkaplari.doktoratezi. T.c. ege üniversitesi sosyabilimlerinstitüsü klasikarkeolojianabilimdalı / M.Firat.-İzmir, 2011.-166 p.

HAYES J. W. Late Roman Pottery. London, 1972.

HAYES J.W. Excavations at Sarachane in Istanbul 2: The Pottery. Princeton University Press, 1992.

HAYES J.W. Roman pottery : fine-ware imports. The American School of Classical Studies at Athens / J.W.Hayes (The Athenian Agora : Results of Excavations conducted by the American School of Classical Studies at Athens ; 32). - Princeton, 2008.-343 p.

КРАПИВИНА В.В. ДОМЖАЛЬСКИЙ К. Позднеантичная Ольвия в свете находок краснолаковой керамики /В.В.Крапивина, К.Домжальский // Боспор и Северное Причерноморье в античную эпоху. Материалы юбилейного круглого стола, посвященного 10-летию конференции "Боспорский феномен".- Спб., 2008.-С. 73-81.

LADSTÄTTER S., SAUER R. Late Roman C-Ware und lokale spätantike Feinware aus Ephesos, in: Krinzinger 2005, 143–201. Krinzinger (Hrsg.), Spätantike und mittelalterliche Keramik aus Ephesos, DenkSchrWien 332 = AForsch 13 (2005).

MACKENSEN M. Die Spätantiken Sigillata und Lampentopfe von El Mahrine (Nordtunesien). Studien zur Nordafrikanischen Feinkeramik des 4 bis 7. Jahrhunderts, München, 1992.

CAU M.A., REYNOLDS P. , BONIFAY, M., An initiative for the revision of late Roman fine wares in the Mediterranean (c. 200-700): The Barcelona ICREA/ESF Workshop, in M.A. Cau, P. Reynolds and M. Bonifay (eds.), Late Roman Fine Wares 1: Solving problems of typology and chronology. A review of the evidence, debate and new contexts , (Roman and Late Antique Mediterranean Pottery 1), 2011. P. 1-13

REYNOLDS P., BONIFAY M., CAU ONTIVEROS M. A. Key contexts for the dating of late Roman Mediterranean fine wares: a preliminary review and 'seriation'. In : LRFW1. Oxford, Archaeopress, 2011, pp. 15-32 (Roman and Late Antique Mediterranean Pottery 1).

REYNOLDS P. A note on the development of Cypriot Late Roman D forms 2 and 9 , in Late Roman Fine Wares 1: Solving problems of typology and chronology. A review of the evidence, debate and new contexts , (Roman and Late Antique Mediterranean Pottery 1), 2011.

REYNOLDS P. Fine wares from Beirut contexts, c. 450 to the early 7th century. In M.Cau, P. Reynolds, M. Bonifay (eds.). Late Roman fine wares 1

(LRFW1), solving problems of typology and chronology. Archaeopress. Oxford, 2011. P. 57-66.

САЗАНОВ А.В. Керамические комплексы Северного Причерноморья второй половины IV — V вв./ А.В.Сазанов // Проблемы истории, филологии, культуры.-Магнитогорск, 1999.-Вып. VII.- С.224-293.

САЗАНОВ А.В. Азиатский Боспор в позднеримское время / А.В.Сазанов // ISEUM. Сборник статей, посвященный истории, религии и культуре Древнего мира.- Москва, 2012а.-С.120-181.

САЗАНОВ А.В. Хронология амфор мирмекийского типа (Zeest 72-Bottger I.5) римского времени /А.В.Сазанов // Древности Боспора. – 2012б. - Том 16. -С. 326-353.

SANDERS G, LARSON K. Latest Coins and LRC Form 3C. 2016. Рукопись.

УШАКОВ С.В., ДЮЖЕНКО Т.В., СТРУКОВА Е.В. Исследование за-
сыпи колодца ранневизантийского времени в северо-восточном районе Хер-
сонеса (квартал ХСVII, помещение 4) // Древняя и средневековая Таврика.
Сборник статей, посвященный юбилею Елены Александровны Паршиной.
И.Б. Тесленко (ред.-сост.). – Археологический альманах. — Т. 32. — Вида-
вець Олег Філюк Киев, 2015. — С. 108–156.

ZACHARIADES Σ. Η επιτραπέζια κεραμική από την οικοδομική νησίδα του
Υαλουργείου Στην παλαιοχριστιανική πόλη των Φιλίππων/Σ.Ζαχαριάδης.-
Θεσσαλονίκη, 2008.-439 p.

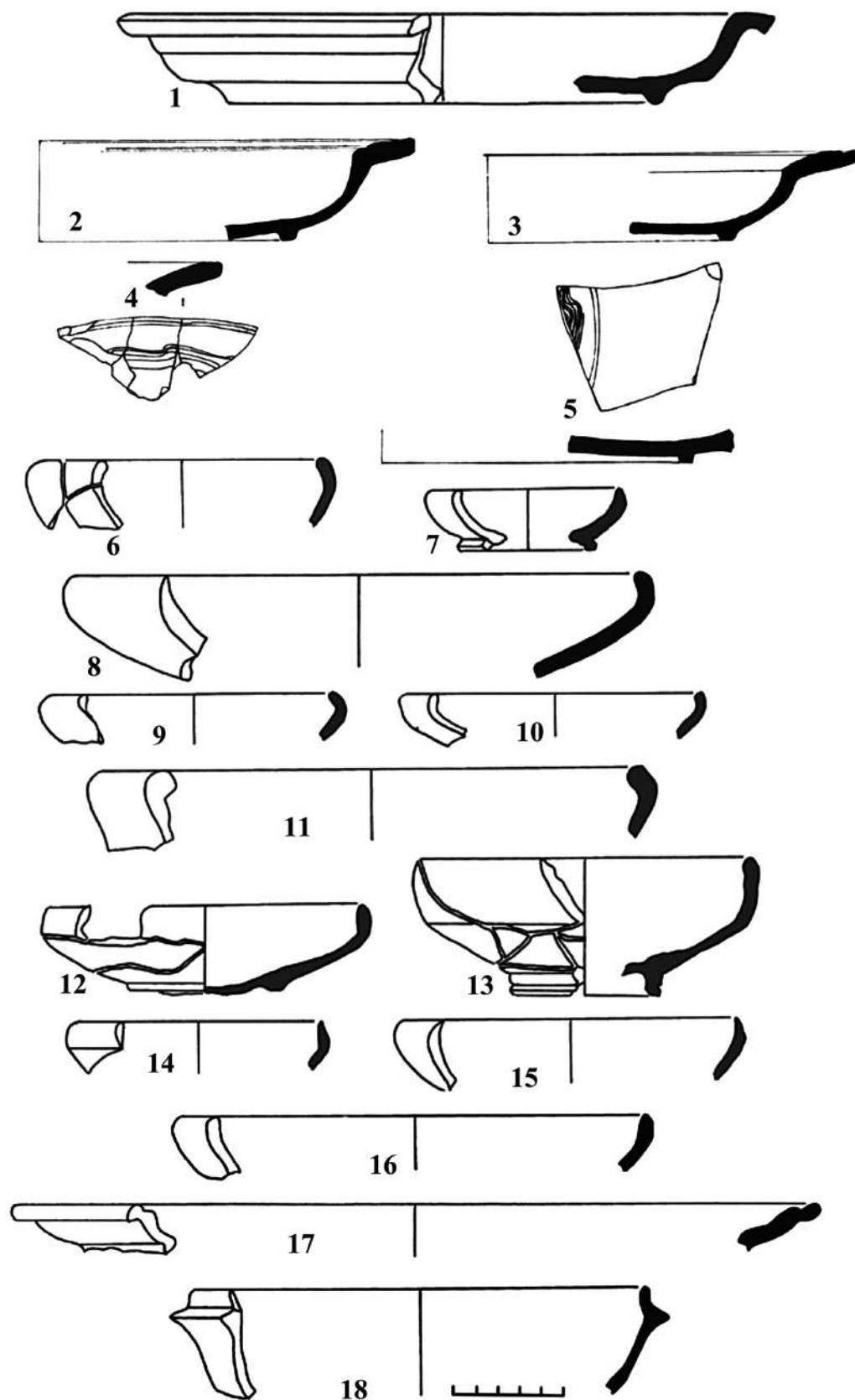

Рис. 1. Группа второй половины IV – начала V в.

1 – краснолаковые миски PRSW 2; 2-5 – PRSW 3; 6-7 – PRSW 4; 8-11 – LRC 1 A; 12-13 – LRC 1B; 14-16 – LRC 1 D; 17 – LRC 2 C; 18 – LRC 3 Form 1 A.

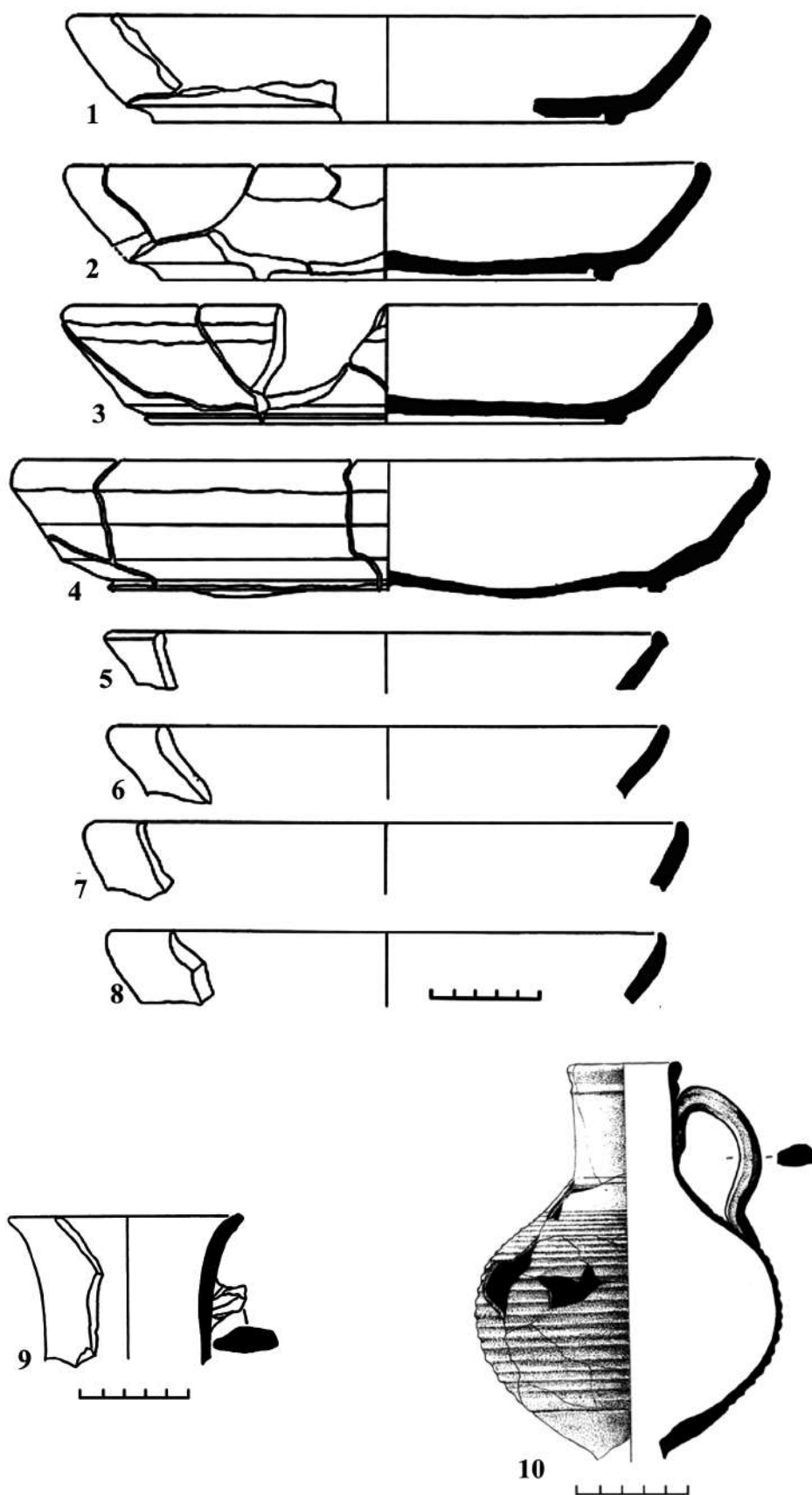

Рис. 2. Группа, датирующаяся в целом IV – началом V в.
 1-8 – краснолаковые миски формы PRSW 1;
 9 – третий тип краснолаковых кувшинов;
 10 – столовый кувшин.

ПОЛИВНАЯ ПОЛИХРОМНАЯ КЕРАМИКА С ОРНАМЕНТОМ СГРАФФИТИ ИЗ ХЕРСОНЕСА

L. Sedikova

Polychrome Sgraffito Wares from Chersonesos

Византийский Херсон (средневековый Херсонес) играл важную роль в коммуникациях средиземноморско – черноморского пространства во все периоды его существования. О его связях со столицей Византийской империи, городами и государствами Балкан, Малой Азии и Ближнего Востока написано большое количество трудов. Исторические выводы на эту тему, в значительной степени, основаны на данных археологии. Систематические раскопки, ведущиеся в Херсонесе уже более 190 лет, привели к появлению больших коллекций находок, позволяющих проследить экономические и культурные связи города с ближними и дальними соседями. Наиболее репрезентативными и хорошо сохранившимися слоями на херсонесском городище являются напластования последнего периода жизни города. Яркой, многочисленной и хорошо выделяемой коллекцией находок является поливная полихромная керамика с орнаментом сграффити, известная в литературе также как *Polychrome Sgraffito Wares*.

Эта группа представлена находками сосудов из красной глины с включениями частиц известняка и редкими – железистых минералов. Изделия покрывались ангобом, по слою которого наносился врезной орнамент. Отдельные элементы декора подцвечивались разноцветной поливой, чаще всего желтой и зеленой и коричневой, остальная часть покрывалась бесцветной или светло-оливковой глазурью. Формы сосудов – кувшины с широким горлом, миски с вертикальным бортиком и чуть отогнутым краем, блюда с косыми стенками и тарелки с округлыми стенками и почти горизонтально отогнутым бортиком.

Орнаментация геометрическая или растительная (чередующиеся цветные кружки, лепестки, розетки, сетчатые сегменты), а также сюжетная (рыбы, птицы, сирины и др.)

Среди херсонесского материала эту группу впервые выделил А. Л. Якобсон. Он датировал ее XIII в. и относил к местному производству [Якобсон 1979: 133- 140]. В корпусных изданиях керамики из Херсонеса подобные находки датировались XIII – XIV вв. [Романчук 2005: 101- 129; Залесская 2011: 195 – 212]. Полихромная сграффити керамика из раскопок VIII, X, ХСVII и L кварталов входила в комплексы находок, датируемых авторами раскопок в пределах середины - второй половины XIII в. [Рыжов 2005: 65; Голофаст, Рыжов 2003: 207-209; Ушаков 2005: 72; Седикова 2018: 412 -415, 428; Sedikova 2015: 276].

В 2000-х гг тезис о местном производстве этой группы керамики был поставлен под сомнение. Исследование химического состава нескольких образцов из Херсонеса не подтвердил их связь с местной продукцией [Waksman, Romanchuk 2007: 393-394].

Исследователи отмечали близость херсонесской полихромной керамики с орнаментом сграффити к продукции известного сирийского центра [Голофаст, Рыжов 2003: 207-209; Коваль 2005: 221-222]. Эти изделия условно называются керамикой порта Сент Симеон (PSS) или Аль Мины – по двум названиям главного порта Антиохии XIII века, латинскому и арабскому. Долгое время ее производство связывали с франкскими элитами периода владычества крестоносцев, однако современными исследованиями установлено, что керамика PSS продолжала производиться и после завоевания региона мамлюками [Blackman, Redford: 2005, 106].

Действительно, ряд морфологических признаков сближает херсонесские находки с изделиями из порта Сен-Симеон, однако у них есть существенные отличия в составе формовочных масс и технологических приемах.

Polychrome Sgraffito Wares, близкая к продукции порта Сен-Симеон, производилась в нескольких антиохийских центрах, в армянской Киликии [Redford 2004: 285; Redford 2014: 126-127], на Кипре [Wartburg 2007: 430] и импортировалась в различные районы Малой Азии, Кипра, Леванта, Италии, Крыма и Приазовья; попадала они и в древнерусские города [Коваль 2005: 222].

В настоящее время выявлено немало центров производства Polychrome Sgraffito Wares, однако, отнести херсонесскую группу к одному из них пока не представляется возможным. По всей вероятности, появление этой посуды в Крыму и, в частности, в Херсонесе, следует связать с коммерческой активностью венецианских купцов.

Библиография:

ГОЛОФАСТ Л.А., РЫЖОВ С.Г. Раскопки квартала X в северном районе Херсонеса // МАИЭТ. Вып. X- Симферополь, 2003.

ЗАЛЕССКАЯ В.Н. Памятники византийского прикладного искусства. Византийская керамика IX – XV вв. Санкт-Петербург, 2011

КОВАЛЬ В.Ю. Керамика средневековой Сирии в Восточной Европе // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X – XVIII вв. Киев, 2005

РЫЖОВ С.Г. Художественная керамика XII – XIII вв. из Херсонеса // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X – XVIII вв. Киев, 2005

РОМАНЧУК А.И. Глазурованная посуда поздневизантийского Херсона. - Екатеринбург. 2003

СЕДИКОВА Л.В. Керамический комплекс XIII в. из слоя разрушения усадеб 2 и 3 в квартале L херсонесского городища// МАИЭТ. Вып. XXIII - Симферополь, 2018.

УШАКОВ С.В. Поливная керамика из комплексов XIII в. северо- восточного района Херсонеса (квартал XCVII, помещения 1, 3, 11) // Поливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X – XVIII вв. – Киев, 2005

ЯКОБСОН А.Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики.- Л., 1979

BLACKMAN M.J, REDFORD S. Neutron Activation Analysis of Medieval ceramics from Kinet, Turkey, especially Port Saint Symeon Ware //Ancient Near Eastern Studies. 42. 2005

REDFORD S.W On Sāgīs and Ceramics: Systems of Representation in the Northeast Mediterranean// France and Holy Land. Frankish Culture at the End of the Crusades. – London, 2004

REDFORD S. Port Saint Symeon ceramics and Cyprus. Cypriot Medieval ceramics. Reconsiderations and New Perspectives. – Nicosia, 2014

SEDIKOVA L. Glazed Ware from the mid thirteenth-century destruction layer of Chersonesos// Medieval and Post Medieval ceramics in the Eastern Mediterranean. Fact and fiction. – Turnhout, 2015

WAKSMAN S.Y. ROMANCHUK A. Byzantine Chersonesos, an investigation of the local production of ceramics by chemical analysis // Çanak. 7. Late Antique and Medieval Pottery and Tiles in Mediterranean Archaeological Contexts.- Byzas. 2007

WARTBURG M.-L. VON. Chronology and stratigraphy of the Medieval Pottery of Cyprus: a critical review // Çanak. 7. Late Antique and Medieval Pottery and Tiles in Mediterranean Archaeological Contexts.- Byzas, 2007

**К АТТРИБУЦИИ И ДАТИРОВКЕ ХЕРСОНО-ВИЗАНТИЙСКИХ МОНЕТ
ТИПА «ДВА КРЕСТА» (АНОХИН 1977: 384)**

M. Stupko

**To the Attribution and Dating of the Kherson-Byzantine Coins
Type «Two Crosses» (ANOHIN 1977: 384)**

В сообщении рассматривается вариант уточненной датировки херсонского выпуска литых монет типа «крест на сфере – крест на Голгофе» IX в. О ценности монет как хронологических индикаторов мы уже писали в соавторстве с Е. Я. Туровским [Ступко, Туровский 2016: 261]. В свете этого становится очевидной важность максимального уточнения датировок отдельных серий херсонских монет и их корреляция с другими выпусками, как в частном случае рассматриваемого типа.

Впервые монету с двумя крестами публикует в 1890 г. А. В. Орешников (Рис. 1: 1) с прорисованным изображением [Орешников 1890: 44, №84]. Он же повторно публикует уже другой экземпляр (Рис. 1: 2) этого типа в Трудах Московского нумизматического общества за 1905 г. [Орешников 1905: 15. табл. X: 54], где дает следующее ее описание.

«54. Л. Крестъ четырехконечный съ перекрестіями, на ступеняхъ; по сторонамъ шарики; линейный ободокъ.

Обр. Крестъ четырехконечный съ четырьмя перекрестіями, стоящій на шарѣ (?); линейный ободокъ.

Табл. X, рис. 54. Экз. Историческаго Музея. Одинъ край монеты отломленъ. Впервые подобная монета была мною издана въ 7 вып. «Матеріаловъ Археологической Коммисіи въ «Обозрѣніи монетъ», подь №84 (съ рис.). Монета безыменная, но по характеру жобразеній крестовъ ее можно отнести къ началу X вѣка, къ эпохѣ Льва и Александра. Кресты на херсонскихъ монетахъ прекращаются при Романѣ II, послѣ котораго преобладаютъ, судя по изданнымъ нумизматическимъ матеріаламъ, монограммы. Описанная безыменная монета, мнѣ кажется, чеканная, но не литая, подобно остальнымъ».

В этих двух последовательных публикациях А. В. Орешников относит данный тип сначала ко времени правления Романа II, но впоследствии пересматривает датировку в пользу времени правления Льва VI и Александра.

И. И. Толстой в опубликованном посмертно десятом томе своего труда по византийским монетам [Толстой 1991: 33, №29] приводит тот же экземпляр Исторического музея, что опубликовал А.В. Орешников в 1905 г., при этом дополняет по датировке: «Орешников думал, что эту монету следует отнести к началу X века. Возможно, однако, что она изготовлена во время совместного царствования Константина VII и Романа I». Однако аргументов в пользу такой датировки не приводит. В первом сводном труде по нумизматике Херсонеса В. А. Анохин публикует экземпляр из коллекции Херсонесского музея №4786/1 (Рис. 1: 3), однако никакой атрибуции его не приводит [Анохин 1977: 116]. По положению в таблице он относит данный экземпляр к концу выпусков правления Василия I [Анохин 1977: табл. XXV, 384]. И. В. Соколова публикует экземпляр А. В. Орешникова [Орешников 1890] и так же избегает его атрибуции, относя его по умолчанию к анонимным выпускам XII – XIII вв. [Соколова 1983: 39-42, табл. XIII №8]. В. А. Сидоренко опубликовал сразу 7 экземпляров данного типа [Сидоренко 2013: 272, рис. 1: 1, 8-13], однако, он трактует наиболее сохранный экземпляр как маточник для изготовления форм последующих выпусков этого типа, а так же монет Романа II с крестом с поврежденным правым лучом. Е. Я. Туровский размещает данный тип так же как и В. А. Анохин в конце выпусков Василия I [Туровский, Горбатов 2013: 40, табл. 31: 388]. Из последних работ можно упомянуть М. М. Чорефа, который напротив, относит монету с двумя крестами к ранним выпускам Василия I [Чореф 2015: с. 73], как то особо не оговаривая причину такой атрибуции. Таким образом имеется довольно большой разброс мнений по датировке интересующего нас выпуска.

Рассмотрим теперь подробнее имеющуюся к настоящему моменту информацию о монетах типа «два креста», а так же смежных выпусках херсонских монет.

Применение современных методов и новых подходов при изучении монетного дела Херсонеса обеспечивает практически каждый год внесение корректив в атрибуцию и датировку монетных типов античного и средневекового периодов существования Херсонеса. Так, например, привлечение данных археологии, полученных современными методами, уже позволили откорректировать ряд датировок херсонесских монет. Значимые результаты дает применение статистического метода, с помощью которого становится возможным выявить монеты массового выпуска, небольшие серии монет и одноразовые выпуски ограниченного тиража. Однако стоит заметить, что

этот метод до сих пор незаслуженно оставался без внимания большинства исследователей. Встречаются лишь упоминания о редкости тех или иных выпусков. Так И. В. Соколова отмечает неизученность выпусков литых монет по годам [Соколова 1983: 39]. Е. Я. Туровский в каталоге «Монеты античного и средневекового Херсонеса» [Туровский, Горбатов 2013] применяет градацию раритетности по десятибалльной шкале, однако, основанной на конъюнктуре в среде нумизматов. Тем не менее, это сделано впервые и дает уже некую общую картину. В. А. Сидоренко так же отмечает значительную редкость монет с двумя крестами [Сидоренко 2013: 272].

Безусловно статистика конкретно херсонесских монет в абсолютных цифрах в силу ряда причин невозможна. В первую очередь это обусловлено полным отсутствием каких либо документальных источников по данному вопросу. Тем не менее использование относительных величин с применением описательных характеристик типа «много – очень много» и «мало – очень мало» дает вполне вмняемую картину объема выпусков монетных типов. Таким образом обработка нумизматической коллекции Херсонесского музея дала вполне вразумительный результат. В исследовании учтено 1020 экземпляров монет, принадлежащих ко времени правления Василия I (867 – 886 гг.) приемлемой сохранности. Все выпуски имеют четко отслеживаемую редукцию согласно закона Коперника – Грэшема, кроме типа с двумя крестами (Рис. 2). Хотя стоит оговориться, что В. А. Сидоренко приводит два экземпляра меньшего размера, чем все иные из известных (Рис. 1: 9-11), однако, степень редукции в рамках своей работы не приводит [Сидоренко 2013: 272, рис. 1: 12, 13]. Процентное соотношение типов монет времени правления Василия I рапределилось следующим образом.

1-й выпуск, тип «В+ - П+», 204 экз. – 20% (Рис. 2: 1);

2-й выпуск, тип «В – архангельский крест на Голгофе», 611 экз. – 60% (Рис. 2: 2);

3-й выпуск, тип «В – трилистниковый крест на Голгофе», 85 экз. – 8,1% (Рис. 2: 3);

4-й выпуск, тип «В в виде замочной скважины – трилистниковый крест на Голгофе» - 118 экз. – 11,6% (Рис. 2: 4);

5-й выпуск, тип «Трилистниковый крест на сфере – трилистниковый крест на Голгофе» - 3 экз. – <0,3%. (Рис. 2: 5)

Такие данные подтверждаются нумизматическим материалом, полученным при раскопках городского зольника Херсонеса в 2009-2012 гг., когда была получена весьма представительная выборка монет, в том числе исследуемого периода [НАО ГМЗ ХТ Ф.1, Оп.1, дела 4104: 24-28, 4158: 28-30, 4452: 29-73].

Штемпельный анализ выпусков, начиная со второго показывает следующую картину. Во втором выпуске появляется новый тип изначально с шестиконечным (архангельским) крестом на трех ступенях («Голгофе»). По мере редукции монет основной разновидности, верхние три луча креста превращаются сперва в треугольную, потом в грибовидную фигуру, а затем в Т-образную (Рис. 2: 2) [Сидоренко 2013: 274, рис. 2]. Следующим выпуском идет монета с новым оформлением с бетой без вертикальной гасты, формой похожей на снеговика и трилистниковым крестом (частным вариантом перекрещенного креста) на Голгофе, который так же постепенно деградирует в варианты костыльного креста с Т-образными лучами (Рис. 2: 3). Следом выпускается монета обновленного дизайна с бетой в форме замочной скважины, происходящей из редуцированных типов предыдущего выпуска. Крест на оборотной стороне снова оформлен правильными линиями и повторяет тип предыдущего выпуска (Рис. 2: 4). После нее, как мы считаем, выпускается монета с двумя крестами (Рис. 2: 5), на которой изображаются кресты трилистникового типа.

Серии монет правления Льва и Александра близки стилистически, но заметно отличаются в деталях оформления. Особенно это заметно по новому типу перекрещенного креста, который используется только в короткой серии монет «ΛЄ - крест», где лямбда снабжена сверху горизонтальной гастой (Рис. 2: 6). В последующих массовых выпусках с ординарной Λ, крест используется снова трилистниковый (Рис. 2: 7).

Теперь необходимо обратиться к одному важному событию в жизни Империи Ромеев, произошедшему в конце правления Василия Македонянина, которое, с нашей точки зрения, и позволит конкретизировать датировку типа монет с двумя крестами.

К концу IX в. накопились серьезные проблемы с практическим применением в юридической практике свода законов, известного под названием «Василик» [Каждан А. П. ВВXIV 1958: 56-66], состоявшего из 60 книг (!). Принимались различные попытки упростить использование столь объемного кодекса. Радикальным решением этого вопроса стало создание в 885 или, скорее, в 886 г. комиссией под руководством патриарха Фотия компактного законодательного сборника, призванного стать общедоступным. Он был назван «Исагогой», то есть «Введением» (И. П. Медведев отмечает, что «в истории науки он, впрочем, длительное время по недоразумению числился «Эпанагогой») и опубликован от лица царствующих императоров Василия, Льва и Александра [Медведев 2001: 176]. Содержание сборника традиционно включало основные аспекты права, но при этом имелось одно фундаментальное отличие. Сборник содержал «единственный в своем роде и не находя-

щий соответствия ни в древних источниках, ни в византийской правовой традиции публично-правовой раздел, касающийся власти светской и духовной и ее представителей – императора и патриарха.»[Медведев 2001: 177] То есть впервые идея симфонии императорской (мирской) власти и власти духовной получила законодательное подтверждение. Необходимо отметить, что идея теократического царства была сформулирована церковным историком Евсевием [Ostrogorsky 1969: 27-50] в IV в., впоследствии поддержана Юстинианом I и многими императорами в продолжение существования Империи.

Выход «Исагоги» безусловно имел огромное значение в восприятии подданных Империи. Это и могло иметь отражение в выпуске коммеморативной монеты типа «крест на сфере – крест на Голгофе» местными чиновниками Херсона, выражавшими таким образом лояльность власти и проводимой ей политике. В то же время еще одним поводом для выпуска памятной монеты именно в 886 г. может быть принята трагическая гибель базилевса 29 августа этого года.

Однако наследовавший престол Лев VI оказался яростным противником как самого патриарха Фотия, так созданной под его руководством «Исагоги», что было мотивировано впрочем причинами личного характера (Лев VI собирался заключить брак в четвертый раз, чем настроил против себя большую часть духовенства). Новый сборник законов серьезно препятствовал ему в осуществлении своих планов. Данные обстоятельства так же могли оказать решающее влияние на объем выпуска монет данного типа. Не исключено кроме того и изъятие значительной части тиража, что обуславливает ее исключительную редкость.

Таким образом в пользу атрибуции монет типа «крест на сфере – крест на Голгофе» как коммеморативного и привязки его именно к 886 году, говорят два важнейших события. Это в первую очередь придание идее симфонии мирской и духовной власти статуса закона и безвременная гибель правящего императора, от имени которого этот закон вышел.

Библиография:

АНОХИН В.А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. — XII в. н.э.). Киев, 1977. 176 с.

КАЖДАН А.П. Василики как исторический источник. //ВВ Вып.XIV. – Москва, 1958. С56-66.

МЕДВЕДЕВ И.П. Правовая культура Византийской империи. СПб, 2001. 576с.

НАО Гос. музея-заповедника «Херсонес Таврический» Ф.1, Оп.1, дело 4104.

НАО Гос. музея-заповедника «Херсонес Таврический» Ф.1, Оп.1, дело 4158.

НАО Гос. музея-заповедника «Херсонес Таврический» Ф.1, Оп.1, дело 4452.

ОРЕШНИКОВ А. Описание монет, найденных в Херсонесе в 1888—1889 гг. // МАР. Вып. VII. СПб, 1890. С 35-46.

ОРЕШНИКОВ А. Херсоно-византийские монеты // ТМНО. – Т. III (Отд. оттиск). – 1905. 15 с.

СИДОРЕНКО В. А. Церковное и муниципальное производства херсоно-византийских монет IX – начала XIII вв. // Византийский семинар ΧΕΡΣΟΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: «империя» и «полис». – Севастополь, 2013. С 267–293.

СОКОЛОВА И.В. Монеты и печати византийского Херсона: монография. – Л., 1983. – 176 с.

СТУПКО М.В., ТУРОВСКИЙ Е.Я. О хронологических индикаторах в слоях Херсона второй половины Хв. // Владимирский сборник. Материалы международных научных конференций «I и II Свято-Владимирские чтения». – Калининград, 2016. С 261-267.

ТОЛСТОЙ И.И. Византийские монеты. – Барнаул, 1991. Вып. X. 170 с.

ТУРОВСКИЙ Е.Я., ГОРБАТОВ В.М. Монеты античного и средневекового Херсонеса: каталог - определитель. – Симферополь, 2013. 160 с.

ЧОРЕФ М.М. История византийской Таврики по данным нумизматики (Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма ; suppl. 1). – Тюмень; Нижневартонск, 2015. 194 с.

OSTROGORSKY G. History of the Byzantine State. – Rutgers University Press, 1969. 346s.

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВЛАСТИ, ЭКСПЕРТНОГО СООБЩЕСТВА
И ГРАЖДАНСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ:
РОССИЙСКИЙ ОПЫТ И КРЫМСКАЯ СПЕЦИФИКА¹.**

A. Sungurov

**Interaction of Government, Expert Community and Civic Organizations:
Russian Experience and Crimean Specificity**

Сложные общественно-политические проблемы, которые необходимо решать представителям власти как в России, так и в любой стране мира, настоятельно требуют привлечения к выработке подобных решений представителей экспертного сообщества, политологов, социологов, специалистов по государственному управлению и местному самоуправлению. Эти процессы, в свою очередь, становятся объектом изучения уже специалистов по экспертизе и экспертным сообществам [Макарычев 2015; Глухова 2015] Этой тематике посвящены и наши недавние публикации [Сунгуров 2018а; Сунгуров 2018б].

Для начала, определимся с понятиями – определим, что мы понимаем под экспертизой как таковой. Сегодня можно выделить три процесса, которые обозначают этим термином. Прежде всего, это *нормативная экспертиза*, сутью которой является сопоставление, или иначе, оценка некоего документа, предмета или процесса, являющихся объектом экспертизы, на соответствие определенным критериям или требованиям. Собственно говоря, ранее, примерно до середины прошлого века (а у нас в стране – почти до самого конца советского политического режима) именно подобные действия понимались под экспертизой, а экспертами понимали людей, реализующих именно нормативную экспертизу.

Второй вид деятельности, который сегодня – начиная с середины прошлого века – тоже относят к экспертизе – это *экспертное участие в процессе принятия властных решений*, когда приглашаемые эксперты становятся фак-

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 19-011-00573

тически со-участниками этого процесса. Третий вид деятельности, участников которого сегодня также называют экспертами – это *экспертное участие в процесса реализации принятого решения*, при этом это решение о реализации того или иного проекта может быть принято сегодня уже не только властными структурами, но и «фабриками мысли» или иными более или менее оформленными группами заинтересованных в реализации проекта учеными или/и гражданскими активистами, а также иногда – журналистами и некоторым представителями власти. Такие группы собственно говоря, являются коалициями продвижения общественных интересов (advocacy coalition) в терминологии Пола Сабатье и Хенкса Дженкинс-Смита [Сабатье, Дженкинс-Смит 2008].

В данной работе мы будем рассматривать экспертную деятельность во втором из перечисленных выше трех смыслов – экспертное участие в процессе подготовки политико-управленческих решений. Как правило, такое участие реализуется в форме создания временных или постоянных экспертных и общественно-консультативных советов. Однако сегодня и в России и во всем мире становится правилом привлекать к участию в подобных советах не только специалистов, обладающих знаниями в определенной области, но и людей, представляющих те или иные группы интересов, а также представителей гражданских организаций, которые по идее должны отражать не только корпоративные интересы, но и интересы и проблемы тех или иных социальных групп, которых может затронуть планируемое политико-управленческое решение.

Иначе говоря, под стейкхолдерами, мнение которых необходимо учитывать в процессе выработки политико-управленческих решений, сегодня понимаю не только бизнес-корпорации, но и такие организации гражданского общества, как ассоциации инвалидов, родителей детей, больных той-или иной болезнью, а также экологические организации, группы защиты памятников культуры и т.д.

Сегодня, в соответствии с концепцией открытого правительства, многие решения органов исполнительной власти уже не могут приниматься без предварительного обсуждения на подобных общественно-консультативных советах. Тем не менее, наши исследования и исследования других авторов показывают, что деятельность подобных структур очень часто не приводит к повышению качества принимаемых решений. Одной из причин является сам состав подобных советов – их экспертная часть как правило формируется путем приглашения «статусных» экспертов – ректоров или деканов региональных университетов, которые, во-первых, и без того обременены многочисленными нагрузками и заботами, а во-вторых, хорошо понимают «правила иг-

ры» - власть предержащие регионального уровня заинтересованы прежде всего в поддержании публичного имиджа «контролирующей ситуацию власти», поэтому на заседаниях подобных советов не должны подниматься острые проблемы. Кроме того, постоянно приглашаемые «статусные» эксперты при необходимости готовы и подкрепить своим авторитетом и «экспертным знанием» уже принятое властью решение, иначе говоря, реализовать не инструментальную, а символическую экспертную функцию. Реальные обсуждения острых вопросов с участием экспертов все же имеют место, но либо при работе в закрытом, непубличном или «клубном» режиме, либо на уровне уже некоторых федеральных министерств. Имитационный характер деятельности подобных структур поддерживается и путем приглашения в такие советы уже «проверенных» экспертов, хорошо понимающие требуемые «правила игры».

Но, как уже упоминалось выше, в состав подобных консультативных общественных советов сегодня принято приглашать и представителей гражданских организаций (особенности деятельности представителей корпоративных интересов в этой работе мы рассматривать пока не будем). Здесь также существует практика приглашения представителей организаций, исходя из лояльности данному ведомству. Примером может являться частое включение в состав общественных советов УФСИН представителей ассоциаций ветеранов внутренних войск или подобных организаций. Именно для предотвращения подобных ситуаций, когда составы общественных советов при тех или иных агентствах исполнительной власти формировались исключительно руководителями этих агентств, было недавно введено правило, когда подобные представители общественности направлялись в эти советы по решению региональных Общественных палат.

Однако здесь необходимо учитывать процесс формирования самих Общественных палат на уровне субъектов РФ, когда одна треть их состава делегируется решением губернатора, а вторая треть – решением Законодательного Собрания региона. Последняя же треть образуется решением уже назначенных первых двух третей. Мы видим, что уже на стадии формирования Общественных палат существует достаточно много способов не допустить в ее состав людей с реально независимой позицией, способных при необходимости противостоять «административному ресурсу».

Сказанное выше не исключает, конечно, возможности существования самостоятельных общественных палат и (или) приглашения в состав общественных советов авторитетных и независимых гражданских активистов. И сегодня очень важно, чтобы при формировании общественных и экспертно-консультативных советов в Республике Крым и в городе Севастополе был бы творчески учтен как печальный, так и конструктивный опыт других россий-

ских регионов, чтобы свести число имитационных советов до минимально возможного уровня.

Библиография:

ГЛУХОВА Е.А. Практики интеграции экспертного знания в процесс принятия решений в рамках института Уполномоченного по правам человека. // Политическая наука. №3. 2015. С. 267-275.

МАКАРЫЧЕВ А.С. Государства, экспертные сообщества и режимы знания-власти. // Политическая наука. № 3. 2015. С. 9-26.

САБАТЬЕ П, ДЖЕНКИНС-СМИТ Х. Концепция лобби-коалиций: оценка. // Публичная политика: от теории к практике. – СПб.: Алетейя, 2008. – С. 94-154.

СУНГУРОВ А. Ю. Экспертное сообщество и власть: модели взаимодействия и проблемы гражданской ответственности. – Полис. Политические исследования. 2018. № 4. С. 130-142.
DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.04.10>

СУНГУРОВ А.Ю. Эксперты и экспертиза в России: от «объективного прибора» к активному гражданину. – Общественные науки и современность, 2018, №5. С. 61-72.

**ОБРАЗ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ
И РОССИЙСКО-ТУРЕЦКИЕ ОТНОШЕНИЯ
НА СТРАНИЦАХ КРЫМСКОТАТАРСКОЙ ГАЗЕТЫ
«ПЕРЕВОДЧИК-ТЕРДЖИМАН»**

N. Tikhonova

**The image of the Ottoman Empire and Russian-Turkish Relations
on the Pages of the Crimean Tatar Newspaper
«Interpreter-Terdzhiman»**

Крымскотатарская газета «Переводчик-Терджиман» непрерывно издавалась в Бахчисарае с 1883 по 1918 гг. и до 1905 г. являлась одним из ключевых проводников сведений о внутренней жизни российских мусульман. Помимо того, в газете также освещались иностранные известия и внешнеполитический курс России, в том числе, различные аспекты, связанные с Османской империей.

Актуальность исследования образа Османской империи и российско-турецких отношений на страницах данной газеты обусловлена целым рядом причин. Во-первых, издатель и главный редактор газеты «Переводчик-Терджиман» Исмаил Гаспринский (1851-1914) на сегодняшний день воспринимается в «тюркском мире» в качестве идеолога всемирного политического единства тюрков под эгидой Турции, что отрицательно влияет на потенциал выстраивания современных российско-турецких отношений на евразийском пространстве. При этом комплексный дискурс-анализ «Терджимана» свидетельствует об ориентации его редактора на иной вектор развития национальной программы для российских тюрков-мусульман.

Во-вторых, анализ внешнеполитического дискурса «Терджимана», активно выступавшего с позиции российско-турецкого сближения, мог бы способствовать укреплению отношений двух стран.

В-третьих, в Турции на сегодняшний день проживает самое крупное сообщество крымских татар, точная численность которого неизвестна, но, по сведениям самих представителей диаспоры, составляет порядка 3-5 млн. че-

ловек. При этом внутри диаспоры преобладает в целом негативное восприятие национальной политики Российской империи в отношении мусульман в целом, и крымских татар в частности [1, 2]. К примеру, антироссийские тенденции наблюдаются в контексте восприятия массовых волн миграции крымских татар, происходивших в 1780-90-е гг., в 1853-1856 гг., в 1901-1903 гг., а также после Октябрьской революции 1917 г. [2]. В то же время Османская империя представляется покровительницей российских мусульман, принявшей их на своей территории, предоставив все необходимые условия для благополучной жизни. Анализ «Терджимана» по данному вопросу позволяет, по меньшей мере, поставить под сомнение данное положение.

Информация об Османской империи занимала на страницах газеты «Терджиман» значительное место. В частности, в 1885 г. была опубликована серия заметок под заглавием «Жизнь и печать в Турции» [5], которая раскрывает как положительные, так и отрицательные аспекты общественно-политического положения страны. Кроме того, в течение всего периода издания в «Терджимане» периодически дублировались заметки из османской прессы, сообщалось как о положительных тенденциях - развитии литературы, образования, реформе языка и пр., так и об отрицательных - экономическом кризисе, восстаниях христианских народов, армянских погромах и др. [3, 5, 6, 10].

Важным аспектом для формирования образа Османской империи на страницах газеты служили также публикации, посвященные вопросу эмиграции российских мусульман [3, 10]. Регулярные сообщения об отрицательных результатах переезда мусульман в Анатолию и на Балканы; о множественных прошениях вернуться в российское подданство; о незаконной агитации российских мусульман к переезду со стороны османских подданных, зафиксированных на окраинах Российской империи и т. д., создавали скорее негативный образ Турции как страны потенциальной гражданской принадлежности.

Между тем освещение российско-турецких отношений на страницах «Терджимана» было направлено на формирование положительного образа обеих стран. В этой связи можно отметить солидаризацию редакции «Терджимана» с российской и турецкой прессой в случае их положительного представления российско-турецких отношений, и вступление в полемику с теми изданиями, которые высказывались в данном контексте отрицательно [7].

Отдельного внимания заслуживает освещение в газете «Восточного вопроса», в контексте которого редакция, говоря об Османской империи, пользовалась публицистическим штампом «больной человек Европы», однако критически воспринимала намерения европейских держав и России по будущему разделу Турции. Более того, в газете наблюдалось негативное отноше-

ние к самовосприятию России как покровительницы османских христиан, а Турции, соответственно, российских мусульман, поскольку такой подход угрожал развитию российско-турецких отношений [4].

При этом, в контексте продвижения идеи о необходимости сближения России и Турции важным аспектом представлялось наличие славянского и тюркского элемента в обеих странах; их культурно-историческая близость; наличие общих геополитических интересов и т. д. Вместе с тем, редакция использовала метод формирования образа «общего внешнего врага», в первую очередь, из стран Европы и Дальнего Востока [8, 9].

В целом дискурс-анализ «Терджимана» в диахроническом аспекте позволяет говорить о довольно критическом представлении в газете образа Османской империи как страны потенциальной гражданской принадлежности для российских тюрок-мусульман ввиду недостатков внутреннего устройства, в частности, экономической отсталости, напряженности межэтнических отношений, двойственности и незавершенности модернизационных реформ и т. д. Однако в контексте российско-турецких отношений редакция газеты стремилась сформировать в общественном мнении образ о союзническом потенциале Турции и необходимости сближения двух стран в противовес внешним врагам.

Таким образом, дискурс газеты «Терджиман», которая воспринимается на сегодняшний день одним из проводников идеи политического объединения «тюркского мира» под эгидой Турции, подтверждает не только отсутствие у нее подобных тенденций, но и то, что широко представленная на страницах газеты общетюркская проблематика, продвигавшая идею культурно-исторического родства всех тюркских народов мира, не имела политической направленности, и в социально-политических условиях рубежа XIX-XX вв., в которых издавалась газета, носила исключительно просветительно-культурологический характер.

Библиография:

KIRIMLI H. Kırım Tatarlarında Milli Kimlik ve Milli Hareketler (1905-1916). Ankara: TTK Yay., 1996. 167 p.

KIRIMLI H. Kırım'dan Türkiye'ye Kırım Tatar göçleri [Режим электронного доступа. URL: <http://www.kirimdernegi.org.tr/temel-bilgiler/kirim-dan-turkiye-ye-kirim-tatar-gocleri>].

Возвращение из Турции // Терджиман. Бахчисарай, 1903. №1. 7 янв.

Греко-турецкий конфликт и Россия // Терджиман. Бахчисарай, 1910. №6. 5 фев.

Жизнь и печать в Турции // Терджиман. Бахчисарай, 1885. №9. 8 мар.

Несколько дней в Стамбуле // Терджиман. Бахчисарай, 1885. №16. 10 мая.

Опровержение // Терджиман. Бахчисарай, 1911. Прибавление к №1. 1 апр.

Россия и Восток // Терджиман. Бахчисарай, 1883. №8. 10 июн.

Турция и Россия // Терджиман. Бахчисарай, 1911. №17. 22 апр.

Эмиграция // Терджиман. Бахчисарай, 1889. №2. 16 янв.

**ПОЗДНЕЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЕ ЛИТЫЕ В ФОРМАХ
СТЕКЛЯННЫЕ СОСУДЫ И ИХ ФРАГМЕНТЫ
ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ КОЧЕВНИКОВ АЗИАТСКОЙ САРМАТИИ**

M. Treister

**Late Hellenistic Mould-Cast Glass Vessels and Their Fragments
from the Nomadic Burials of Asian Sarmatia**

Чаша группы В, по классификации Д. Гроуза

Полусферическая чаша зеленовато-желтого полупрозрачного стекла была найдена в погребении № 8 кургана № 55/1954 могильника Калиновский в Нижнем Поволжье. Наружная ее поверхность ниже венчика оформлена вертикальными, сужающимися к низу каннелюрами (рис. 1, 1–2, 4–5), дно – 8-лепестковой розеткой (рис. 1, 3–4) [Шилов 1959: 487, рис. 57, 9; 488; Кропоткин 1970: 101, № 897, рис. 74, 10; Marčenko, Limberis 2008: 299].

Чаша относится к группе сосудов позднеэллинистического времени, вероятно, сиро-палестинского производства (Grose Group B), представленных находками из Греции, Малой Азии, Восточного Средиземноморья и Италии, датированными на афинской агоре временем не позднее середины II в. до н.э., в Телль-Анафе – не позднее последних десятилетий II в. до н.э., а чаши, [Weinberg 1961: 380–392, pl. 91, 1–4; 92, b–c; 93, b–c; Grose 1970: 21, profiles 36–38; 26–27, fig. 12; 1989: 194–195, 204, no. 211; 2012: 24–27, nos. G31–G38, figs. 3–4, pl. 3; Nenna 1999: 90–97, pls. 27–29, 48; Jackson-Tal 2004: 19–20, fig. 10; Triantafyllidis 2006: 151–153, fig. 7; Weinberg, Stern 2009: 23–24, 28, nos. 12–16, pls. 1–2; Avronidaki 2012: 133, 139–140, no. 103; Kelley 2012: 33, 62, 71, 85, 87, 111, 279, 294, 307, 319–321]. Укажем также на находки из поселения Мариса в Израиле, разрушенном или в 112/111, или 108/107 г. до н.э. [Jackson-Tal 2004: 19–20, 2005, 50, fig. 1, 7–8; 51]. То, что подобные чаши были в употреблении и в I в. до н.э., подтверждают сосуды из кораблекрушения второй четверти I в. до н.э. у о. Антикитера [Avronidaki 2012: 133], а также из датирующегося второй половиной I в. до н.э. – I в. н.э. слоя участка Е еврейского квартала Иерусалима [Gorin-Rosen 2006: 243–245, nos. G18–G21, pl. 10.2]. Стекланные кубки с вертикальными каннелюрами подражали по форме

и декору серебряным, о чем уже неоднократно писалось [см., например, Grose 2012: 25; Трейстер 2016: 218].

Ланцетовидная форма лепестков розетты на донце чаши из Калиновки очень близка лепесткам розетты (6-лепестковой) на донце происходящей предположительно из Сирии стеклянной чаши из коллекции Ж. Страусса [Weinberg 1961: 386, pl. 94, a]. 6-лепестковые розетты украшают донные части и некоторых других стеклянных чаш, предположительно из Сирии [Weinberg 1961, 386, pl. 93, c] и с Делоса [Nenna 1999, 93, no. C237, pl. 48].

Ближайшая параллель чаше из Калиновки – утраченная чаша с вертикальными каннелюрами и 8-лепестковой розеттой из узких ланцетовидных лепестков, из грабительских раскопок 1934–1935 гг. у ст. Даховской в Аддыгее [Лунин 1940: 38, № 1, 40, рис. 3–4; 48–49; Кропоткин 1970: 101, № 888 с ошибочной датировкой I в. н.э., рис. 73, 4; 74, 7; Marčenko, Limberis 2008: 299; 355, Nr. 72.2, Taf. 105, 1]. 8-лепестковые розетты с аналогичной формы лепестками представлены на двух фрагментах чаш с вертикальными каннелюрами из Иерусалима [Kelley 2012: 279, pl. 17, 18. 21] и на одном – с Делоса [Nenna 1999, 93, no. C236, pl. 28].

Таким образом, есть весомые основания для датировки чаши из Калиновки концом II – первой половиной I в. до н.э., что вполне соответствует и другому инвентарю из погребения датированному в рамках середины–второй половины I в. до н.э. [Мордвинцева, Трейстер 2007: т. 2, 36–37, № A101 с лит.]. Место изготовления сосуда определить трудно, поскольку находки чаш этого типа были довольно широко распространены, при этом, не преобладавая в каком-либо из регионов, однако, учитывая то, что большинство находок происходит из Восточного Средиземноморья, в том числе из Сирии, Финикии и Палестины, можно осторожно предполагать это происхождение чаш из Калиновки и Даховской.

Мозаичное стекло

Ранние образцы мозаичного стекла происходят из хорошо датированных комплексов, в частности, кораблекрушения у о. Антикитера [Avronidaki 2012: 132–133, 140–143, nos.104–109] и с о. Делос [Nenna 1999: 35–63; например, no. B14, pl. 61; nos. B42–43, pl. 46; no. B82, pl. 62; no. B81, pl. 63].

Форма чаши, фрагменты которой найдены в кургане № 26/1971 у х. Алитуб (рис. 2, 1) [Засецкая и др. 1999: 56–57, рис. 3, 2; цв. вклейка 3], не восстанавливается, но декор находит параллели среди кубков без ребра на тулове „*composite mosaic vessels: non-carinated forms: beakers*“ конца I в. до н.э. – начала I в. н.э., предположительно италийское изготовления [Grose

1989: 235 (ills.); 258–261, 332, nos. 572–573]. Очень близкий декор имеет фрагмент чаши из Тарса [Arveiller-Dulong, Nenna 2000: 146–147, no. 184]. Сопоставим декор и фрагмента из Ольвии [Пуклина 2016; 165, рис. 1, 3].

Также трудно восстановить форму чаши на кольцевом поддоне, найденной в погребении № 1 кургана № 1/1993 могильника Октябрьский-I (рис. 2, 2) [Мордвинцева, Мыськов 1999: 179, рис. 2, 2]. Очевидно, что она относится к группе сосудов „*composite mosaic vessels*“, однако точные параллели декору мне не известны.

Еще один фрагмент отогнутого наружу края с двумя концентрическими бороздками с внутренней стороны чаши (?) мозаичного стекла известен только по публикации и происходит из погребения № 1 кургана № 30/1965 у с. Жутово, датированного концом II – первой половиной I в. до н.э. Опубликованная В.П. Шиловым [1975: 145, рис. 55, 1]. Реконструкция глубокой чаши на кольцевом поддоне очень близка чашам из кораблекрушения у о. Антикифера [Avronidaki 2012: 141, no. 105] и собраний Музея Метрополитен и Британского музея (*network-glass, millefiori glass, ribbon glass*), датированных в целом II–I вв. до н.э. [Oliver 1968: 57, figs. 10–12].

В Северном Причерноморье и в сарматских погребениях Прикубанья находки фрагментов или целых сосудов мозаичного стекла довольно редки [см. Винокуров, Трейстер 2019: 49–52] и среди них нет точных параллелей публикуемым находкам из сарматских погребений в Нижнем Подонье и в бассейне р. Есауловский Аксай, что может служить косвенным подтверждением попадания сюда этих сосудов не через Северное Причерноморье.

Список сокращений:

JGS – Journal of Glass Studies

Библиография:

ВИНОКУРОВ Н.И., ТРЕЙСТЕР М.Ю. Фрагменты сосудов мозаичного стекла из раскопок цитадели городища Артезиан // Материалы III Международной научной конференции «Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока». М., ИВ РАН, 2019. Т.1. С. 46–49.

ЗАСЕЦКАЯ И.П., ИЛЮКОВ Л.С., КОСЯНЕНКО В.М. Погребальный комплекс среднесарматской культуры у хут. Алитуб // *Донская археология*. – Ростов-на-Дону, 1999. № 1–2. С. 51–60.

КРОПОТКИН В.В. *Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н.э. – V в. н.э.)*. – М., 1970.

ЛУНИН Б.В. Серебряная чаша с рельефным изображением и греческой надписью и стеклянная чаша из находок у станицы Даховской // *Известия Ростовского областного музея краеведения*. 1940. – Вып. 2. С. 27–49.

МОРДВИНЦЕВА В.И., МЫСЬКОВ Е.П. Курганы сарматской знати у поселка Октябрьский // *Археологические вести*. – СПб., 1999. Вып. 6. С. 179–191.

МОРДВИНЦЕВА В.И., ТРЕЙСТЕР М.Ю. Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье. II в. до н.э. – II в. н.э. – Симферополь, Бонн, 2007.

ПУКЛИНА О. Стеклянные полихромные сосуды из Ольвии // *Єривако*. – Киев, 2006. № 4(16). С. 164–167.

ТРЕЙСТЕР М.Ю. Боспорская (?) мастерская торевта позднеэллинистического времени // С.И. Лукьяшко (ред.). *Античная цивилизация и варварский мир Понто-Каспийского региона*. – Ростов-на-Дону, 2016. С. 215–225.

ШИЛОВ В.П. Калиновский курганный могильник // Е.И. Крупнов (ред.). *Древности Нижнего Поволжья. 1 (Материалы и исследования по археологии СССР, 60)*. – М., 1959. С. 323–523.

ШИЛОВ В.П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. – Л., 1975.

ARVEILLER-DULONG V., NENN, M.-D. Musée du Louvre. Département des antiques grecques, étrusques et romaines. Les verres antiques. I. Paris, 2000.

AVRONIDAKI C. The Glassware // N. Kaltsas, E. Vlachogianni, P. Bouyia (eds.). *The Antikythera Shipwreck, the Ship, the Treasures, the Mechanism. Exhibition Catalogue*. – Athens, 2012. P. 132–145.

GORIN-ROSEN Y. Glass Vessels // H. Geva (ed.). *Jewish Quarter Excavations in the Old City of Jerusalem Conducted by Nahman Avigad, 1969–1982. III: Area E and Other Studies; Final Report*. – Jerusalem, 2006. P. 239–265.

GROSE D.F. Hellenistic Glass from Tell Anafa in Upper Galilee // *JGS*. – Corning, 1970. Vol. 12. P. 17–27.

GROSE D.F. *The Toledo Museum of Art. Early Ancient Glass*. – N.Y., 1989.

GROSE D.F. The Pre-Hellenistic, Hellenistic, Roman, and Islamic Glass Vessels // A.M. Berlin, S.C. Herbert (eds.). *Tel Anafa II, ii: Glass Vessels, Lamps*,

Objects of Metal, and Groundstone and Other Stone Tools and Vessels. – Ann Arbor, 2012. P. 1–98.

JACKSON-TAL R.E. The Late Hellenistic Glass Industry in Syro-Palestine: A Reappraisal // JGS. – Corning, 2004. Vol. 46. P. 11–32.

JACKSON-TAL R.E. A preliminary survey of the late Hellenistic glass from Maresha (Marisa), Israel // Annales de l'Association Internationale pour l'Histoire du Verre 16, London, 2003. – Nottingham, 2005. P. 49–53.

KELLEY M. A Study of Late Hellenistic and Early Roman Glass in Jerusalem from excavated Sites: Understanding Local Production and the Economic Status of the Population from the Time of the Hasmoneans to Hadrian. Diss. – Jerusalem, 2012.

MARČENKO I.I., LIMBERIS N.J. Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Denkmälern des Kubangebietes // A. SIMONENKO, I.I. MARČENKO, N.J. LIMBERIS, Römische Importe in sarmatischen und maiotischen Gräbern (Archäologie in Eurasien. 25). – Mainz. S. 267–400.

NENNA M.-D. Les Verres (Délos. 37). – Paris, 1999.

OLIVER A. JR. Millefiori Glass in Classical Antiquity // JGS. – Corning, 1968. Vol. 10. P. 48–70.

TRIAANTAFYLLIDIS P. Late Hellenistic Glass from Kos, Dodecanese, Greece // JGS. – Corning, 2006. Vol. 48. P. 145–162.

WEINBERG G.D. *Hellenistic Glass Vessels from the Athenian Agora* // Hesperia. – Athens, 1961. Vol. 30. P. 380–392.

WEINBERG G.D., STERN E.M. Vessel Glass (The Athenian Agora 34). – Princeton, 2009.

**АМФОРНЫЙ КОМПЛЕКС ЗАСЫПИ БОЛЬШОЙ ЦИСТЕРНЫ
ИЗ РАСКОПОК БАЗИЛИКИ «КРУЗЕ» В ХЕРСОНЕСЕ**

S. Ushakov

**Amphora Complex of the Grain Bill Big Cistern
from the Excavation of Basilica «Cruze» in Chersonesos**

История древнего и средневекового Херсонеса слабо отразилась в нарративной традиции и эпиграфике. В большей степени о ней можно судить по археологическим памятникам. Среди них особое место занимают условно закрытые комплексы – заполнения колодцев и цистерн. Они позволяют судить о характере материальной культуры и о торговых связях в масштабах Крыма и всего Восточного Средиземноморья; локальная стратиграфия, отложения находок в грунте и их размеры отражают характер и особенности культурного слоя. Тарная керамика, краснолаковая посуда и монеты являются важными хроноиндикаторами.

Далее рассматривается комплекс одной из рыбозасолочных цистерн (3,05х5 в плане, глубиной 4,85 м), исследованной в 2011-2014 гг. под полом центрального нефа базилики. Засыпь содержала многочисленную и разнообразную керамику, предметы из стекла, металла, кости. Амфоры составляли около 20% от общего числа находок.

В качестве своеобразной «примеси снизу» присутствовали фрагменты амфор позднеклассического – раннеримского периодов. Основной массив находок представлен практически всеми типами сосудов, бытовавших в Херсонесе IV-VI вв. Основные типы (классы) амфор (вся предварительная работа по изучению амфор выполнена Т.В. Дюженко) следующие.

1. Мирмекийские (Зеест-72) [Зеест 1960: 111, табл. XXX, 72] с верхней хронологической границей типа IV в. [Сазанов 2012: 342, рис. 9].

2. С воронковидным горлом I-III вв. (рис. 1, 4, 14) [Уженцев, Юрочкин 1998: 103-106].

3. Светлоглиняные узкогорлые типов Е и F по Д.Б. Шелову (рис. 1, 1-3) [Шелов 1978: 18-19, рис. 9-10]. Амфоры типа F должны датироваться в пределах второй-третьей четвертях IV в. [Ушаков 2015: 293-298].

4. Типы III-IV (рис. 1, 9) по АДСВ-71; LRA-4 и LRA-5/6 по европейской классификации [Pieri 1998, fig. 1]. III тип бытует до середины VII и IV тип – VIII вв. [Антонова и др. 1971: 84-85, рис. 4,5]; общие хронологические рамки типа – IV-VII вв.

5. Желобчатые типа V по АДСВ-71 (рис. 1, 20) [Антонова и др. 1971: 85, рис. 6] V-VII вв.

6. Светлоглиняные амфоры с рифлением типа «набегающая волна» (рис. 1, 8,15) (LRA-1) посл. трети IV в. – 650-670 гг. [Романчук, Сазанов, Седикова 1995: 29-33, табл. 10, 12, 14-16].

7. Коричнево-, красноглиняные типа Зеест-95 (LRA-3) (рис. 1, 5-7, 23) [Зеест 1960: табл. XXXVIII, 95; Якобсон 1979: тип 6]. Существуют с IV в., бытуют в V – середине VII вв. [Kassab Tezgör, Lemaitre, Pieri 2003, № 26].

8. Коричневоглиняные южнопонтйские («Колхида») (рис. 1, 13). АДСВ-71, тип. I [Антонова и др., 1971: 82-83, рис. 1-2]; класс 1 [Романчук, Сазанов, Седикова 1995: 16-19, табл. 2-3, V в. – 650-670 гг.].

9. Зеест-100 (рис. 1, 10) [1960, табл. XXXIX, 100]; АДСВ-71, тип II [Антонова и др. 1971: 82-83, рис. 3]; Делакеу, C Sn p I [Kassab Tezgör 1999: 117-124; 2009: 121-140] IV-V/начала VI вв. [Kassab Tezgör 2010: 132].

Амфоры этих типов достаточно разнообразны. Так, среди венчиков амфор типа Газы (раскопки 2011 г.) представлены практически все варианты по А. Опайтуну как LRA 4A1, LRA 4A4, LRA 4B, LRA 4D [Орайт 2004: 20-22]. По фрагментам амфор типа V по АДСВ-71 можно определить 10 морфологических групп сосудов, 9 вариантов амфорных стенок, 5 вариантов венцов, 3 варианта доньев.

Т.В. Дюженко удалось также выделить так называемый «новый» тип малофракционных амфор с рифлёным туловом и валикообразным венчиком с характерной глиной – красной (реже оранжевого оттенка) с мелкими желтоватыми известковыми «дутиками».

Амфоры типа Делакеу представлены тремя вариантами венчиков: с выступающим двучастным гребнем и с желобком на верхней поверхности, с верхним боковым валиком, значительно выступающим по сравнению с нижним, с «оплывшей» формой боковых валиков небольшого диаметра (около 6 см).

Амфоры типа «набегающей волны» трёх групп (по фрагментам): розовоглиняные, светлоглиняные и условно ангобированные. Представлены варианты венчиков и ручек (LRA 1A4, LRA 1B1, LRA 1B2, LRA 1D) в пределах V в. – первой четверти VII в. [Орайт 2004: 8-10]. Амфоры, аналогичные типу IX по херсонесской классификации 1971 г. из Муригиоля происходят из слоя разрушения 586 г. [Орайт 2004: 26-27].

Особый интерес представляет верхняя часть небольшой редкой амфоры. Венчик небольшой, диаметром 7 см, в плечевой части максимальный диаметр около 22 см. Ручки профилированы двумя валиками, разделёнными желобком. Тулово с неглубоким рифлением. Керамическое тесто розовато-бежевое с примесью песка и редкими мельчайшими блёстками слюды. Глина «мягкая», черепок очень лёгкий. На тулове амфоры нанесены дипинти красной краской. Одно из них почти стёрлось, другое в виде буквы «М» сохранилось фрагментарно.

На некоторых фрагментах других сосудов разных типов также имеются дипинти (рис. 1, 15-17).

Соотношение разных групп амфор по глубинам цистерны меняется. Сопоставление профильных фрагментов амфор из раскопок 2012 и 2013 гг. даёт более или менее равное процентное соотношение. Типологически и хронологически амфорный состав засыпи 2014 г. соответствует материалу 2013 г. и представляет с ним единый массив.

Выборочное (процентное) сравнение находок разных амфор 2011 и 2012 гг. (рис. 2) можно распространить на весь комплекс. Наиболее многочисленную группу находок 2011 г. составили амфоры «набегающая волна» – 19,3 %, в 2012 г. их количество резко сокращается до 2,75 %. Значительное количество фрагментов красноглиняных желобчатых ангобированных амфор с 16,2 % в 2011 г. снижается до 1,6 % в 2012 г. Красноглиняные желобчатые амфоры, составившие в 2011 г. одну из представительных групп – 10,2 %, в 2012 г. представлены лишь единичными частями стенок. С 5 % до 1,6 % сократилось количество находок амфор типа Газы. На одном уровне сохранилось соотношение амфор типа Зеест-95 (4,7 % – 4,3 %). С 9,1 % в 2011 г. до 14,2 % увеличилось количество синопских амфор IV-V вв. (Делакеу и «carrotte»). В 2012 г. существенно увеличилось число фрагментов раннеклассического и эллинистического периодов – с 7,4 % в 2011 г. до 23,6 %. Возросло количество находок первых веков, в том числе амфор с воронкообразным горлом и амфор колхидского производства этого периода. Позднеримский материал с 6,7 % в 2011 г. увеличивается до 12,2 % в 2012 г.

Выводы: засыпь цистерны не представляет единого массива. Амфоры позднеклассического-эллинистического и римского времени (до IV в.), являются явной «примесью снизу». Почти все остальные сосуды (мирмекийские, узкогорлые светлоглиняные типа F) отражают время образования «прото-комплекса» керамики во второй половине IV в., который оказался в засыпи цистерны несколько позже.

Время образования основной части комплекса (его верхняя хронологическая граница) по амфорным находкам 2012-2014 гг. не выходит за пределы

середины V – начала VI вв. Окончательно цистерна была засыпана около середины/начала второй половины VI в. и тогда же была построена базилика.

К этому времени изменилась направленность торговых связей Херсонеса. Больше стало поступать товаров из Гераклеи (в амфорах типа E), Палестины (амфоры «Газы»). Появилась тара из Эгеиды («с мелким и частым рифлением» – глобулярные амфоры). Вероятно, разворачивалось местное производство (красноглиняные желобчатые амфоры типа V АДСВ-71).

Выводы носят сугубо предварительный характер и требуют уточнения и детализации на более широкой источниковедческой базе.

Библиография:

АБРАМОВ А.П. Античные амфоры. Периодизация и хронология // Боспорский сборник. 1993. №3. С. 4–135.

АНТОНОВА И.А., ДАНИЛЕНКО В.Н., ИВАШУТА Л.П., КАДЕЕВ В.И., РОМАНЧУК А.И. Средневековые амфоры Херсонеса // АДСВ. Вып. 7. Екатеринбург, 1971. С. 81-101.

ЗЕЕСТ И.Б. Керамическая тара Боспора. МИА. 1960. № 83.

РОМАНЧУК А.И., САЗАНОВ А.В., СЕДИКОВА Л.В. Амфоры из комплексов византийского Херсона. – Екатеринбург. 1995.

САЗАНОВ А.В. Хронология амфор мирмекийского типа (Зеест 72 – Böttger I. 5) римского времени // Древности Боспора. Т. 16. 2012. С. 326-353.

УЖЕНЦЕВ В.Б., ЮРОЧКИН В.Ю. Амфоры с воронковидным горлом из Причерноморья // ХСб. 1998. Вып. IX. С. 100-109.

УШАКОВ С.В. Об амфоре с «виллы Басилида» на хоре Херсонеса // *Stratum plus*. Археология и культурная антропология. – Санкт-Петербург; Кишинев; Одесса; Бухарест. 2015. №4. С. 293-298.

ШЕЛОВ Д.Б. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры. Классификация и хронология // КСИА. 1978. Вып. 156. С. 16-21.

ЯКОБСОН А.Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979.

ОРАИҢ А. Local and imported ceramics in the Roman province of Scythia (4th-6th centuries AD): aspects of economic life in the province of Scythia. Oxford, 2004.

KASSAB TEZGÖR D. Types amphoriques a Demirci pres de Sinope // Production et commerce des amphores anciennes en Mer Noire, 1999. P. 117-124.

KASSAB TEZGÖR D. Organisation interne de l'atelier et histoire du site de Demirci // Les fouilles et le materiel de l'atelier amphorique de Demirci pres de Sinope. *Varia Anatolica*. Istanbul; Paris. 2010. N XXII. P. 95-104.

KASSAB TEZGÖR D., LEMAITRE S., PIERI D., La Collection D'Ismail Karakan A Sinop // *Anatolia Antiqua*. N XI. 2003. P. 169-200.

**Федосеев Н.Ф.,
Пономарев Л.Ю.**

**ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ПОЗДНЕАНТИЧНЫХ СКЛЕПОВ
В «ХАЗАРСКОЕ» ВРЕМЯ
(НА ПРИМЕРЕ НЕКРОПОЛЕЙ КЕРЧЕНСКОГО ПОЛУОСТРОВА)**

**N. Fedoseev,
L. Ponomarev**

**On the Use of Late Antique Crypts in the «Khazar» Time
(on the Example of the Necropolis of the Kerch Peninsula)**

Памяти Николая Федоровича Федосеева

С середины – второй половины VIII в. Керченский полуостров стал осваиваться носителями салтово-маяцкой культуры и в первую очередь ими заселялись заброшенные античные городища и поселения, которые занимали наиболее благоприятные для проживания и ведения хозяйственной деятельности территории и являлись источником готового к использованию строительного материала. Помимо них привлекательными с утилитарной точки зрения оказались и позднеантичные некрополи. Практический интерес к ним обозначился, в основном, благодаря склепам, которые за короткий срок и без особых усилий можно было превратить в жилища или использовать в хозяйственных целях. В настоящее время к их числу можно отнести некрополь Кыз-Аул, некрополи Илурата и городища Белинское.

Впервые комплексы «хазарского» времени открыли на некрополе, расположенном на плато к югу от крепости Илурат. В южной его части М. М. Кубланов раскопал склеп № 19. На уровне верхнего горизонта заполнения его камеры были зафиксированы очажные пятна. Здесь же были найдены обломки причерноморских амфор и наконечник железной стрелы, позволившие датировать горизонт VII–VIII вв. [Кубланов 1983: 124-125]. Скорее всего, склеп стал использоваться как жилище, в пользу чего, помимо очагов, свиде-

тельствует устройство новой лестницы в дромосе, сооруженной из вторично использованных архитектурных деталей.

В качестве жилища или сезонного убежища использовался и склеп № 6 в южной части некрополя. На нижней площадке его дромоса, рядом со ступенью, был зачищен очаг, огороженный каменными плитками, который совершенно не вписывался в изначальную конструкцию. Кроме того, в заполнении камеры были найдены обломки одной или двух причерноморских амфор с мелким зональным рифлением [Кубланов 1971: 81].

В свою очередь склепы №№ 32, 213, 220, 225, сооруженные из каменных блоков, использовались для содержания мелкого рогатого скота. Об этом свидетельствуют привязи, вырубленные в их стенах [Кубланов 1979: 95, 97; Хршановский 2011: 386, 391, 396]. Кроме того, на плитах пола и нижних блоках стен склепа № 213 были прослежены «следы огня» [Хршановский 2011: 386], а в дромосе склепа № 225 устроили лестницу из плоских камней [Хршановский 2011: 396].

В качестве убежищ для пастухов или временных жилищ, возможно, использовались и некоторые склепы некрополя городища Белинское. В одном из них – склепе № 19, находок, датирующих этот период, не оказалось, но на стене были вырезаны крест и тамгообразный знак (Зубарев, Пономарев, Ефименок 2014: 260; Майко, Зубарев, Ярцев 2016: 320). Изображение креста в сочетании с тамгообразным знаком были обнаружены и в склепе № 23, в котором судя по наличию привязей в стенах, размещался мелкий рогатый скот. Здесь же были найдены разнообразные находки, характерные для памятников салтово-маяцкой культуры – костяные футляры-игольники, фрагменты котла с внутренними ушками, ножи, железная пряжка, бронзовые перстни с плоским щитком и подвеска серьги [Майко, Зубарев, Ярцев 2016: 320, 322-324; Зубарев, Майко, Ярцев 2017: 348-363].

Гораздо более информативными оказались результаты исследований Кыз-Аульского некрополя. Во второй половине VIII – первой половине X вв. на его территории разместилось салтово-маяцкое поселение, а склепы использовались для содержания мелкого рогатого скота. Такие комплексы удалось зафиксировать в четырех из десяти, раскопанных склепах, сооруженных из массивных известняковых блоков [Федосеев, Пономарев 2012: 491-525; Федосеев, Пономарев, 2017: 82-112; Федосеев, Пономарев, Гецко 2018: 240-293].

В стенах обеих камер склепа № 6 были вырублены привязи для мелкого рогатого скота, а на одном из блоков северо-восточной камеры вырезана тамга в виде перевернутого трезубца. Горизонты «хазарского» времени наиболее хорошо сохранились в северо-восточной камере. Ее заполнение состо-

ит из чередующихся, практически «стерильных» слоев суглинка, насыщенных костями грызунов и птиц. Их разделяют четыре горизонта, в виде золистых прослоек с включением сажи, древесных углей, пережженных костей животных, керамики, морских моллюсков и пачины. На уровне второго, третьего и четвертого горизонтов прослежены пятна костров и очагов. На уровне пятого горизонта устроен сырцово-каменный очаг. Верхнему – шестому горизонту соответствует каменная вымостка, фрагменты которой прослежены и в юго-западной камере. Датирующим материалом являлась керамика, бытовавшая в VIII – первой половине X вв. – пифосы с гладким и желобчатым туловом, причерноморские амфоры с бороздчатым и мелким зональным рифлением, салтово-маяцкие горшки и маслбойка.

В 60 м к северу от склепа № 6 был раскопан склеп № 7. В стенах обоих его камер вырублены привязи для мелкого рогатого скота. На двух блоках северо-восточной камеры вырезаны тамгообразные знаки. Один из них в виде двустороннего двузубца с прямоугольными чашечками. Два других в виде прямого креста и перевернутого трезубца. Все они находят многочисленные аналогии среди знаков и граффити «хазарского» периода. В заполнении северо-восточной камеры прослежено два слоя, разделенных «жилым» горизонтом, прослеженным в виде тонкой прослойки плотного суглинка с пятнами сажи. Ниже, в виде пятен золы и сажи, зафиксирован второй «жилой» горизонт, на уровне которого найдена зернотерка, обломки причерноморских амфор с бороздчатым рифлением и салтово-маяцких горшков. В слое отложившемся на полу камеры найдены обломки высокогорлого кувшина с плоской ручкой, свидетельствующие о том, что в хозяйственную инфраструктуру поселения склеп включили не ранее второй половины IX в.

В это же время для содержания мелкого рогатого скота стали использовать и однокамерный склеп № 9, расчищенный в 5,80 м к ССЗ от склепа № 6. Нижний слой его заполнения сформировался между третьей четвертью VII – и второй половиной IX вв. В верхних слоях, отложившихся не ранее второй половины IX в., найдены пифос (рис. 1, 9), причерноморские амфоры с бороздчатым и мелким зональным рифлением (рис. 1, 1–4, 6, 7; 2, 1–9), высокогорлые кувшины с плоской ручкой (рис. 1, 8; 2, 11), ойнохои скалистинского типа (рис. 1, 10; 2, 10), шаровидный горшок и кувшин с пальцевым вдавлением на верхних прилепах ручек (1, 13; 2, 12) и салтово-маяцкие горшки (рис. 1, 11, 12; 2, 13–16).

Последний, использованный в таком же качестве двухкамерный склеп № 10 раскопан в 7,50 м к западу от склепа № 9. В его стенах вырублены привязи для мелкого рогатого скота, а на полу северо-восточной камеры удалось зафиксировать пятна очагов. Керамика второй половины VIII – первой поло-

вины X вв. обнаружена, преимущественно, в верхнем слое заполнения и представлена причерноморскими амфорами с бороздчатым и мелким зональным рифлением, амфорой типа XV по АДСВ-1971, ойнохоями скалистинского типа и салтово-маяцкими горшками.

Таким образом, во второй половине VIII – первой половине X вв. склепы на позднеантичных некрополях были, преимущественно, приспособлены для содержания овец и коз. При этом, животные в них находились, скорее всего, только в осенне-зимний период, на что указывают остатки очагов, с помощью которых в холодные дни поддерживалась благоприятная для молодняка температура. Отдельные склепы (к примеру, на Илуратском некрополе) использовались в качестве жилых помещений, возможно, временного или сезонного характера.

К сожалению, нашла ли подобная практика применение в эпоху позднего средневековья, неизвестно. Но, в пользу такой возможности, свидетельствует то обстоятельство, что в новейшее время, вплоть до 50-х гг. прошлого столетия, некоторые склепы некрополя Илурата продолжали использоваться как укрытия для пастухов «во время непогоды» [Гайдукевич, 1950: 189].

Библиография:

ГАЙДУКЕВИЧ В.Ф. Боспорский город Илурат // СА. 1950. Т. XIII.

ЗУБАРЕВ В.Г., МАЙКО В.В., ЯРЦЕВ С.В. Новый склеп с раннесредневековыми материалами из раскопок некрополя городища Белинское // БИ. 2017. Вып. XXXV.

ЗУБАРЕВ В.Г., ПОНОМАРЕВ Д.Ю., ЕФИМЕНОК В.А. Новый склеп с полуциркульным перекрытием римского времени из раскопок некрополя городища «Белинское» // БИ. 2014. Вып. XXX.

КУБЛАНОВ М.М. Исследование некрополя Илурата // КСИА. 1971. Вып. 128.

КУБЛАНОВ М.М. Новые погребальные сооружения Илурата // КСИА. 1979. Вып. 159.

КУБЛАНОВ М.М. Раскопки некрополя Илурата. Итоги и проблемы // Научно-атеистические исследования в музеях: использование культовых предметов в атеистических экспозициях. Л., 1983.

МАЙКО В.В., ЗУБАРЕВ В.Г., ЯРЦЕВ С.В. Раннесредневековые материалы городища «Белинское» в Восточном Крыму // ДБ. 2016. Т. 20.

ФЕДОСЕЕВ Н.Ф., ПОНОМАРЕВ Л.Ю. Склеп № 6 на Кыз-Аульском некрополе // ДБ. 2012. Т. 16.

ФЕДОСЕЕВ Н.Ф., ПОНОМАРЕВ Л.Ю. Погребальный и жилищно-хозяйственный комплекс склепа № 7 Кыз-Аульского некрополя (Крым) // История и археология Крыма. 2017. Вып. V.

ФЕДОСЕЕВ Н.Ф., ПОНОМАРЕВ Л.Ю., ГЕЦКО П.П. Раннесредневековый жилой и хозяйственный комплекс в склепе № 9 на Кыз-Аульском античном некрополе (по результатам исследования 2016 г.) // История и археология Крыма. 2018. Вып. VII.

ХРШАНОВСКИЙ В.А. Склепы I – первой половины II вв. н. э. на Илуратском плато // ДБ. 2011. Т. 15.

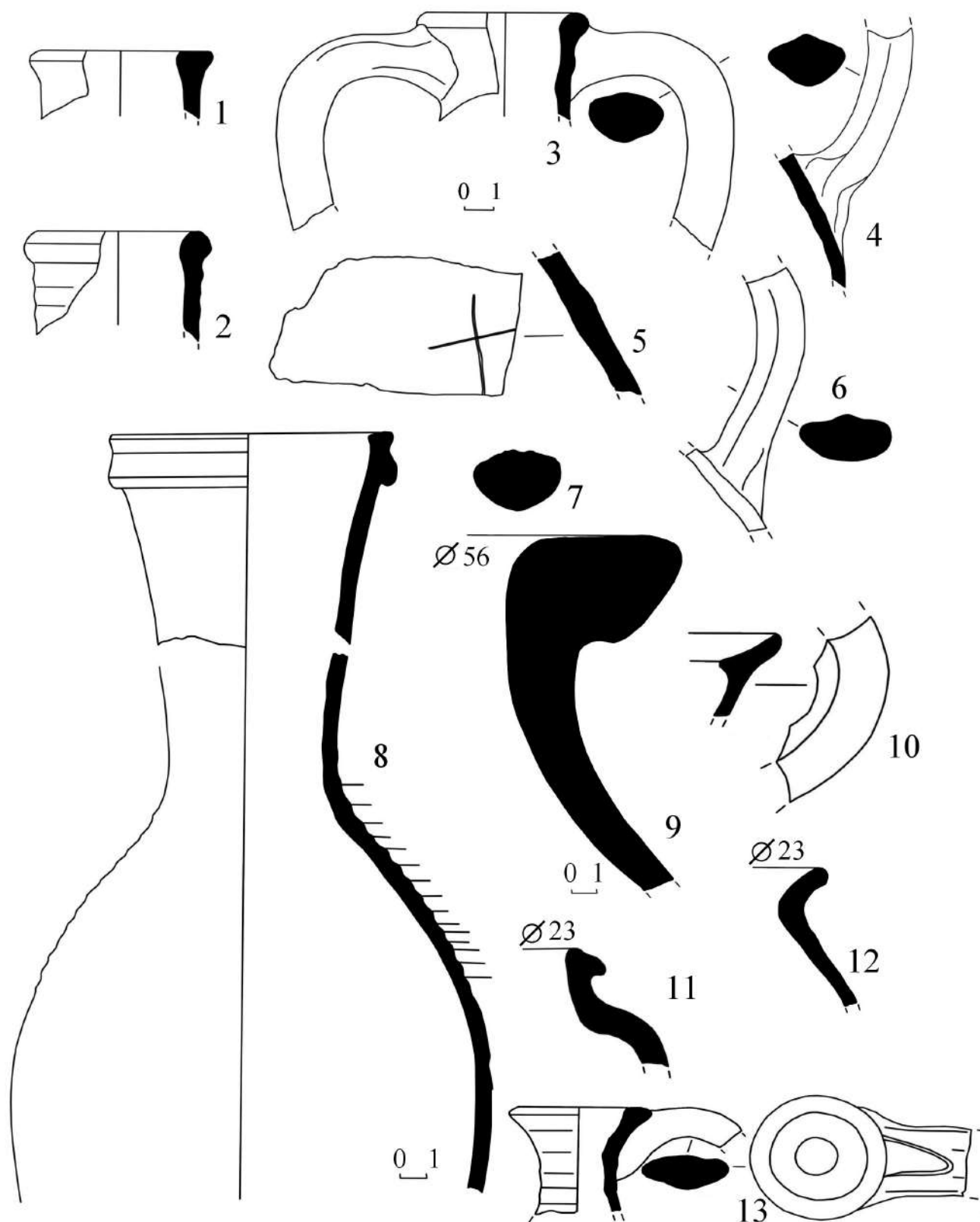
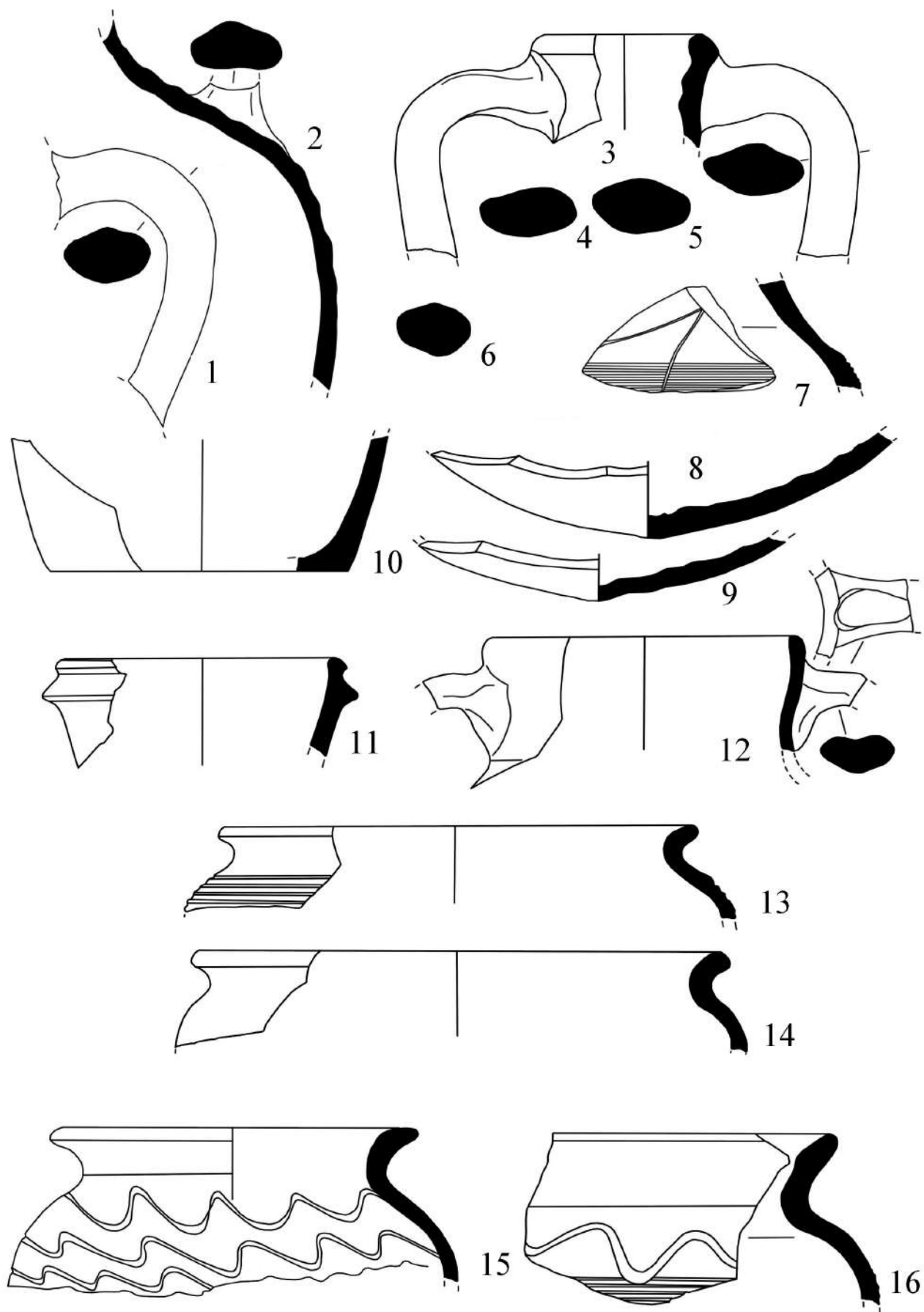

Рис. 1

0 1

Рис. 2

К ИСТОРИИ БРИТАНСКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ ПО КРЫМУ НА РУБЕЖЕ XVIII–XIX ВВ.¹

N. Khrapunov

On the History of British Travellers in the Crimea ca. 1800

Сегодня изучение записок путешественников стало одним из актуальных направлений историко-филологических исследований. Не последняя причина в том, что они позволяют понять, как формировались образы регионов и народов, влиявшие и до сих пор влияющие на действия политиков, чиновников и бизнесменов. К числу малоизвестных английских травелогов, известия которых остались неизвестны отечественной историографии, относятся сочинения Джорджа Эллиса, Джона Паркинсона, Джона Туэдделла и Филиппа-Йорка Ройстона [о них: Кросс 2005; Cross 2014]. Эти описания привлекли внимание читающей публики к Крымскому полуострову, недавно ставшему провинцией России, как части влекущего, загадочного, а временами и страшного Востока. Параллельно данные сочинения транслировали многие стереотипы британского мышления.

Джордж Эллис (1753–1815) прибыл в Петербург в 1786 г. и через два года издал описание народов Северного Причерноморья и Кавказа [Ellis 1788]. Вероятно, его можно назвать «виртуальным путешественником», который не ездил на юг, но обошелся материалами других авторов, имена которых перечислил в предисловии [ibid.: 1]. Эллис считал Крым настолько важным в экономическом отношении, что овладение им *«навсегда решило исход борьбы за господство между соперничающими дворами С.-Петербурга и Константинополя»* [ibid.: 9]. Но если северные степи были годны лишь для пастбищ, то защищенный горами юг благоприятен для земледелия. Здесь же были превосходные гавани, удобные для международной торговли [ibid.: 8–9]. Исторический опыт говорил Эллису, что его (Крыма) *«исключительное плодородие и преимущества для коммерции распознали давным-давно»* [ibid.: 4]. Так путешественник внес свой вклад в создание мифа о блестящих экономических перспективах Крыма, требовавших лишь энтузиазма, западных

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00053 «Крым в восприятии англичан конца XVIII – начала XIX в.».

технологий и капитала. Но прибывшие на полуостров отечественные и зарубежные предприниматели, помещики и колонисты быстро выяснили, что хотя античный царь Митридат VI Евпатор или средневековые генуэзцы получали здесь существенные доходы [ibid.: 5, 6–8], в Новое время возникли новые проблемы. Среди них – сложная логистика и внешнеполитические конфликты, нехватка рабочих рук и особое отношение мусульман к предпринимательству, отсутствие инфраструктуры и дешевого кредита [см.: Проблемы 2017].

Джон Паркинсон (1754–1840) начал карьеру преподавателя в Оксфордском университете, но вскоре принял пост гувернера Эдварда Уилбрахема-Бутла, которого готовили к карьере политика. В 1792–1794 гг. они совершили длительную поездку по Европе и западной Сибири. В 1793 г. путешественники посетили Крым. В дороге Паркинсон вел дневники [Parkinson 1971]. Отрывок, повествующий о Бахчисарае, был переведен на русский язык [Храпунов 2016]. Путешественник описал экзотический город, зажатый в долине между высоких скал, имевший нерегулярную планировку: *«дома и сады перемешаны таким образом, что проходя мимо, почти забываешь, что находишься в городе, и готов вообразить, что блуждаешь по беспорядочной деревне»* [Parkinson 1971: 194]. Здесь и там виднелись восточные фонтаны с питьевой водой. По словам путешественника, хотя на улицу выходят лишь глухие стены домов, их хозяева ценили балконы, вероятно, потому, что крымские татары *«по характеру своему ленивы и любят потворствовать своим слабостям; об этом можно догадаться, увидев, что повсюду они сидят на лаяжках и курят свои длинные трубки»* [ibid.: 194–195]. Представление о лениности крымских мусульман, характер которых напоминал героев руссоистских утопий, неиспорченных цивилизацией и ведущих простую жизнь на лоне богатой и щедрой природы, – традиционный мотив описаний Крыма [Проблемы 2017: 337–338; ср.: Храпунов 2018: 69]. Паркинсон рассказал о ханском дворце, превратившемся в гостиницу для знатных приезжих, его зале приемов, покоях хана и гаремном корпусе («особом доме» для ханских фавориток), их непривычной архитектуре и мебелировке, диковинных росписях, фонтанах и каминах, которые можно было спутать с креслом [Parkinson 1971: 193–196]. Путешественник попал в тот самый Восток, о котором, подобно большинству современников, знал, вероятно, по операм и переложениям арабских сказок.

Любитель древностей и юрист Джон Туэдделл (1766–1799) отправился в поездку по Европе и Ближнему Востоку в 1795 г., рассматривая ее как этап подготовки к карьере дипломата. Ему не довелось вернуться домой, а загадочное исчезновение дневников и рисунков Туэдделла вызвало скандал, в

котором не самую приглядную роль сыграл лорд Томас Элгин, британский посол в Османской империи, прославившийся тем, что вывез на родину статуи и рельефы Афинского акрополя. Правда, сохранились письма Туэдделла родным и близким [Remains 1815]. В 1797 г. Туэдделл оказался на юге. *«Крым, это, конечно, одна из самых упоительных стран мира»*, – писал он [ibid.: 201]. В его рассказе Южный берег был красивейшим местом с прекрасным климатом, где жили замечательные люди. *«Я провел десять дней в горах среди татар и был очарован их бескорыстием и гостеприимством»* [ibid.: 202]. Путешественника особенно интересовало культурное наследие эпохи, когда Крым был связан с европейской цивилизацией. Туэдделл писал отцу, что обнаружил *«огромное количество древностей и надписей, относящихся ко временам, когда владыками этого острова [Крыма – Н. Х.] были греки, а после них – генуэзцы»* [ibid.: 184]. Англичанин зарисовывал крымские виды и местных жителей в экзотических одеждах, копировал всех найденные им древние надписи. По его словам, целый ряд прекрасных рисунков выполнил для него *«художник на службе у профессора Палласа»* [ibid.: 185, 187–188, 202]. Знаменитый естествоиспытатель Петер-Симон Паллас, прославившийся работами по ботанике, а также описаниями путешествий по разным окраинам Российской империи, жил тогда в Крыму. Его художником был Христиан Гейслер, с картин которого впоследствии сделали гравюры, украсившие опубликованное академиком описание Крыма [Сытин 2014: 233–239]. По словам другого знаменитого путешественника, Эдварда Даньела Кларка, общавшегося с Палласом в 1800 г., Туэдделл подарил профессору расшифровки виденных им надписей, которыми тот воспользовался в своей книге [Clarke 1816: 119–120].

Филипп-Йорк Ройстон (1784–1808) совершил образовательную поездку за рубеж в 1806–1808 гг. Вернуться на родину ему было не суждено, но сохранились письма путешественника к отцу, лорду Хардуику [Perus 1838]. Здесь он вкратце описал пребывание в Крыму в 1807 г. Ройстон жаловался на лихорадку, вызывающую слабость и слепоту, которой он и его спутники заболели на Кавказе (ibid.: 162). Она стала причиной смерти секретаря Ройстона и трех из четырех слуг, за исключением «здорового негра», принадлежавшего его спутнику-американцу по фамилии Пойнсетт, который *«пусть и сильно страдал, но перенес климат лучше, чем любой из нас»* [ibid.: 168–169]. Опасные болезни считались свойством неведомых земель, а умение им противостоять – особенностью аборигенов [Храпунов 2018: 68; Проблемы 2017: 335]. Эта история подчеркивала экзотичность местностей, где побывал Ройстон, пусть в Каффе (Феодосии) его состояние и улучшилось. Тем не менее, описывая Карасубазар (Белогорск) путешественник (а также его редактор)

спутал его с Чуфут-Кале, благо и там, и здесь жили караимы [Pepys 1838: 170–171].

Читатель проанализированных травелогов должен быть увидеть в Крыму место между Западом и Востоком, где живописная природа может таить опасности, а загадочное и романтическое наследие ислама смешалось с памятниками античности. В целом это соответствовала образам, возникшим в общественном сознании той эпохи [см.: Храпунов 2018; Проблемы 2017: 329–352, 369–401]. Конечно, информативность сочинений Эллиса и Паркинсона, Туэдделла и Ройстона несравнима с записками Палласа или Кларка, но зато именно такие стандартные описания подтверждали сказанное учеными-энциклопедистами и тем самым способствовали утверждению стереотипного образа Крыма в общественном сознании. Так полуостров становился важным этапом большого образовательного путешествия («grand tour») британских аристократов. Правда, развитие крымского туризма прервалось из-за осложнения обстановки в Европе в годы Наполеоновских войн.

Библиография:

КРОСС Э. Британцы в Петербурге. XVIII век / пер. с англ. Н. Г. Беспя-
тых, Ю. Н. Беспярых. СПб., 2005.

ПРОБЛЕМЫ интеграции Крыма в состав России, 1783–1825 / ред.
Н. И. Храпунов, Д. В. Конкин. Севастополь, 2017.

СЫТИН А.К. Ботаник Петр Симон Паллас. 2-е изд. М., 2014.

ХРАПУНОВ Н. И. Бахчисарай Джона Паркинсона (1793 г.) // Боспор-
ские исследования. 2016. Вып. XXXII.

ХРАПУНОВ Н.И. «Восток в Европе»: Крым после присоединения к
Российской империи глазами иностранцев // Новое прошлое / The New Past.
2018. № 1.

CLARKE E.D. Travels in Various Countries of Europe, Asia, and Africa. Pt.
1: Russia, Tahtary, and Turkey. 4th ed. Vol. 2. London, 1816.

CROSS A. In the Land of the Romanovs: An Annotated Bibliography of
First-Hand English-Language Accounts of the Russian Empire (1613–1917).
Cambridge, 2014.

[ELLIS G.] Memoir of a Map of the Countries Comprahended between the
Black Sea and the Caspian. London, 1788.

PARKINSON J. A Tour of Russia, Siberia and the Crimea, 1792–1794 / ed.
W. Collier. London, 1971.

PEPYS H. The Remains of the Late Viscount Royston. London, 1838.

REMAINS of the Late John Tweddell / ed. R. Tweddell. London, 1815.

Храпунов Н.И.,

Храпунова С.Н.

**В ПОИСКАХ ВОСТОЧНЫХ УДОВОЛЬСТВИЙ:
ПРИКЛЮЧЕНИЯ СПУТНИКОВ ЕКАТЕРИНЫ II В 1787 Г.¹**

N. Khrapunov,

S. Khrapunova

**Looking for Oriental Pleasures:
The Adventures of the Companions of Catherine II in 1787**

Комплекс воспоминаний и писем, созданных спутниками Екатерины II в ее южном путешествии, исследован фрагментарно – глубже там, где речь шла о политических аспектах поездки, и поверхностнее в описаниях партикулярных приключений путешественников. Имевшие разные литературные достоинства и зачастую существенно переработанные после возвращения, записки спутников императрицы сформировали представление о Крыме как части загадочного и манящего Востока, полной противоположности «европейской цивилизации» [Храпунов 2017: 329–352; 2018: 63–78]. Этот Восток путешественники представляли в лучшем случае по переложениям сказок «Тысячи и одной ночи», а в худшем – по моцартовскому «Похищению из Сераля». В Крыму они искали подтверждения своим фантазиям. Созданные ими яркие романтические образы заложили основы представления о Тавриде, которые до сих пор существуют в общественном сознании. Не случайно, как полагают, Пушкин, сочиняя «Бахчисарайский фонтан», искал вдохновения не только в собственных воспоминаниях, но и в записках бельгийского остролиста Шарля де Линя и французского посла Луи де Сегюра.

После того, как поезд императрицы достиг Крыма, ее спутников ждал сюрприз – казачий конвой был заменен на татарский. Вид этих всадников был весьма экзотичен. Австрийский император Иосиф II писал: *«Обычно у них есть только холщовые штаны, в которых они садятся на коня. Можно представить, каково их ощущение в таких вот кюлотах, когда они вы-*

¹ Работа выполнена в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки РФ № FZEG-2017-0013 по теме «Российская империя и Крым: основные проблемы, концепции, понятия».

строены в ряд и обременены буклями и другим снаряжением. На зиму им выдают суконные кюлоты» [Joseph und Katharina 1869: 368].

Доверив свою жизнь своим новым подданным, Екатерина II немало подняла свой авторитет в их глазах, но заставила понервничать иностранцев, помнивших, что *«эти древние орды <...> долго наводили ужас на весь мир своей кочевой жизнью, набегами и грабежами» [Ségur 1827: 132].* Сегюр и де Линь полушутя-полусерьезно говорили о том, что татары вполне могли бы *«посадить августейшую Екатерину [II], а также могущественного римского императора Иосифа II на корабль и доставить в Константинополь, к радости и удовольствию его высочества [султана] Абдул-Хамида, верховного правителя правоверных! <...> К счастью, эта безумная мысль не пришла в голову честным сынам Магомета» [Ségur 1827: 192–193].* Де Линь попробовал описать эту психологию, когда рассказывал о своей поездке по южному берегу в обществе «дикаря» татарина: *«он, вероятно, ограбил бы или поколоти́л меня при встрече – но так как я вверен был в его руки, он бы пожертвовал жизнью, чтобы защитить меня» (Ligne 1809: 76).* Впоследствии татары отплатили своей новой повелительнице за доверие тем, что спасли ей жизнь. Когда лошади понесли и царский экипаж едва не разбился, его удержали находившиеся поблизости татары [Ségur 1827: 195–196; Ligne 1927: 108; Ligne 2013: 112–113].

Де Линь получил в подарок имение на южном берегу. Здесь он предавался восточной неге и мечтаниям, в которых реальность неотличима от волшебного сна [Ligne 1809: 59–75]. Наблюдая за жизнью крымских татар, он увидел в них персонажей руссоисской утопии, неиспорченных цивилизацией дикарей, не имевших нужды в труде и довольствовавшихся минимумом благ для счастливой жизни на лоне прекрасной природы. *«Они велели сказать мне, <...> что были счастливы до сего дня; а если перестанут быть такими, то сядут на два корабля, которые сами построили, и убегут к туркам, в Романию. Я велел им сказать, что я люблю ленивцев, но хотел бы знать, чем они живут. Они показали мне несколько овец, лежавших на траве, как и я сам – и я благословил ленивцев. Они показали мне свои фруктовые деревья <...> Я благословил ленивцев. Я обещал защищать их от притеснений» [Ligne 1809: 68].*

Рассказы бельгийца лежат у истоков популярного представления о «татарской лени», которое будет иметь экономические и политические последствия [Храпунов 2017: 337–338; 2018: 69]. Но при всей соблазнительности праздной жизни, для полного счастья следовало привнести в Крым толику западной цивилизации. *«Пресытившись почти всем известным, почему бы мне не поселиться здесь? Я обращаю этих татар-мусульман, научив их*

пить вино, и придав своему жилищу вид дворца, который будет издалека замечен мореплавателям; я выстрою восемь домов для виноградарей с колоннами и балюстрадой...» [Ligne 1809: 70].

Де Линь даже собрался завозить в Крым английских каторжников, в которых, по-видимому, увидел «носителей европейских ценностей» (то есть трудолюбия и хозяйственных технологий). Он имел все основания рассчитывать на поддержку британского правительства, которое после утраты североамериканских колоний лишилось привычного места ссылки антиобщественных элементов. Заметим, что использовать английских уголовников как «носителей просвещения» в дикой стране собирался и Иосиф II, когда присоединил к своим владениям Галицию. Впрочем, ничего из этих затей так и не вышло [Храпунов 2017: 339].

Восток представлялся местом, где действуют иные этические нормы. В Бахчисарае Екатерина II и ее спутники остановились в ханском дворце, наиболее привлекательной частью которого им показался, разумеется, гарем. О социальной его функции они, конечно, не догадывались, а потому *«сам вид и воздух этих кабинетов сладострастия пробудил мысли о любовных приключениях»* [Ségur 1827: 214]. Впрочем, Иосиф II жаловался, что, в отличие от других, его поселили *«в покоях, которые прежде занимал брат хана, женами которого были одни лишь старухи, вследствие чего мои мысли не могут быть особенно радужными»* [Joseph und Katharina 1869: 361].

Мусульманские правила женского поведения считали признаком невероятной мужской ревности. *«Эта страна действительно – страна из романа; но она не романтична, ведь женщины здесь спрятаны взаперти теми грубыми магометанами, что не знают песни Сегюра о счастье быть обманутым женой»*, – писал де Линь [Ligne 1809: 58]. Врач российской императрицы Мельхиор Вайкард рассказал историю, очевидно, навеянную стереотипом о том, что русские считают побои лучшим средством для решения любых проблем. Когда почтенный татарский священник подал Екатерине II жалобу на то, что русские солдаты не давали мусульманам молиться и оскорбляли их женщин, задирая им покрывала, Потёмкин приказал *«дать татарскому святому пятьдесят ударов по пяткам <...> У каждого есть свой собственный способ завоевать любовь и верность подданных!»* [Taurische Reise 1799: 147].

Впрочем, европейские аристократы вели себя не лучше русских солдат. Де Линь и Сегюр решили в тайне увидеть лица крымских татарок, когда те будут умываться у ручья на лесной опушке. *«Но, увы, какое разочарование! Среди них не было ни хорошеньких, ни молодых, ни даже сносных»*. Обманутые в лучших чувствах наблюдатели выдали себя и едва не стали жертвой

возмущенных татар [Ségur 1827: 214–216]. Впоследствии Екатерина II позволила своим спутникам спрятаться за ширмой, когда давала аудиенцию родственнице последнего хана. Восточная красавица покорила де Линя: *«она была прекрасна, как день, и имела больше бриллиантов, чем все наши дамы в Вене вместе взятые»* [Lettres 1809: 82]. Однако Иосифу II куда больше понравилась молоденькая служанка, которая, по его мнению, страдала от религиозных запретов, не позволявших ей показаться иностранцам, ведь иначе *«ей не была бы неприятна их благосклонность»* [Joseph und Katharina 1869: 372].

В России Иосиф II, временно отказавшись от императорского титула и став «графом Фалькенштейном», смог сбросить привычную маску аскета. Еще на Днепре он попал в неприятную историю, *«приласкав, так сказать, несколько больше, чем за подбородок»* крепостную девушку, что вызвало гнев ее хозяина. К счастью, на выручку императору пришел де Линь, разрядивший ситуацию при помощи выученных в России непарламентских выражений [Ligne 1927: 243–244]. Впоследствии императору удалось даже обнаружить известное преимущество восточных обычаев. Узнав о том, что каримам разрешено разводиться лишь тогда, когда красота их жен увянет, а зрение испортится, он заключил: *«Будь такой закон введен в Вене, посмотрели бы мы, сколько женщин надели бы очки, дабы избавиться от своих мужей»* [Joseph und Katharina 1869: 362].

Завершением эскапад Иосифа II стало поручение, данное им одному русскому офицеру и потом вызвавшее переполох у его начальников. Император велел подпоручику отправиться на Кавказ и приобрести там одну из прославленных черкесских красавиц [Донесение 1883: 268]. Покупка рабов представлялась европейцам одним из важнейших свойств Востока. При этом они сами были готовы занять «живую игрушку» и, кажется, в такой ситуации воспринимали рабство как род игры. Однажды Потемкин предложил Сегюру необычный подарок – прекрасную черкешенку, удивительно похожую на его собственную (и оставшуюся во Франции) жену. Ловкий дипломат благоразумно отказался от этого щедрого предложения, ведь *«такое проявление чувств покажется весьма странным мадам де Сегюр»*. Впрочем, в накладе он не остался, получив вместо того мальчика-калмыка, которого перед возвращением на родину «уступил» жене австрийского посла [Ségur 1827: 230–232].

Далеко не все эти истории реальны. Некоторые, очевидно, порождены безудержной фантазией путешественников, другие – шутками, которыми могли сыграть с ними спутники или местные жители. Но как бы то ни было, они свидетельствуют о том, что Крым воспринимали как экзотическую стра-

ну, где были возможны самые немыслимые ситуации в духе восточных сказок.

Библиография:

ДОНЕСЕНИЕ генерала М. В. Коховского для доклада князю Г. А. Потемкину-Таврическому // Записки Одесского общества истории и древностей. 1883. Т. 13.

ХРАПУНОВ Н. И. «Место, богатое воспоминаниями и иллюзиями»: образы Тавриды в сочинениях путешественников // Проблемы интеграции Крыма в состав России, 1783–1825. Севастополь, 2017.

ХРАПУНОВ Н. И. «Восток в Европе»: Крым после присоединения к Российской империи глазами иностранцев // Новое прошлое / The New Past. 2018. № 1.

JOSEPH II UND KATHARINA VON RUSSLAND. Ihr Briefwechsel. Wien, 1869.

LIGNE [Ch. J. de]. Lettres et pensées. 4me éd. Paris; Genève, 1809.

LIGNE Ch. J. de. Fragments de l'histoire de ma vie. Paris, 1927.

LIGNE Ch.-J. de. Correspondances russes. Paris, 2013.

SEGUR [L.-Ph.] de. Mémoires ou souvenirs at anecdotes. 3me éd. T. 3. Bruxelles, 1827.

TAURISCHE REISE der Kaiserin von Russland Katharina II. Koblenz, 1799.

**ВОСТОЧНОЕ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ:
НОВЫЕ ПОДХОДЫ К КОНСТРУИРОВАНИЮ РЕГИОНА
И МЕСТО В НЕМ РОССИИ**

I. Chiharev

**Eastern Mediterranean:
New Approaches to the Design of the Region
and the Place of Russia in it**

В землях, примыкавших к юго-восточной части средиземноморского бассейна, зародились первые ядра центральной цивилизации [Wilkinson, 1987], восточные страны и народы, включая те, что располагались в Крыму и Севастополе, оказали глубокое и разносторонне влияние на все Средиземноморье [Геостратегический атлас, 2018].

В дальнейшем Восточно-средиземноморский регион становился все более сложным и фрагментированным. К концу XX-началу XXI в. он оказался разделённым проектами Большого Ближнего Востока, Евросредиземноморья, амбициями региональных держав и очагами сопротивления вестернизации и американизации.

Сегодня регион снова начинает обретать свою идентичность, главным образом благодаря формированию российско-турецко-иранского треугольника, а также частичному «отступлению» ЕС и США. Одновременно складываются различные субрегиональные конструкции - например, Новое Восточное Средиземноморье «без великих держав» [Zorgbibe, 1997], включающее Грецию, Турцию, средиземноморские Балканы и Левант [The New Eastern Mediterranean, 2019] или Адриатико-Ионический регион, включающий Хорватию, ряд восточных итальянских регионов, а также не входящие в ЕС государства субрегиона - Сербию, Черногорию, Боснию и Герцеговину, Албанию [For A Prosperous and Intergated Adriatic and Ionian Region, 2014]. Также интересен польский проект «Трёх морей» [Gorka, 2018], выросший из проекта «Междуморья» - объединения восточноевропейских государств для совмест-

ного выхода к Балтийскому, Чёрному и Средиземному морям. Есть и проекты, тяготеющие к Каспию и Центральной Евразии [Средиземноморье, 2006].

Конкуренция этих и иных региональных подходов показывает, что Восточное Средиземноморье сегодня пребывает в поиске новой идентичности. В настоящей статье с будет предложен взгляд на идентификацию этого региона в условиях современных геополитических процессов.

Недавние исследования в рамках проекта «Геостратегический атлас Большого Средиземноморья» [Нечаев и др., 2019] показали, что регион Средиземноморья обретает своё историческое значение не благодаря морю как таковому, но «подключению» к нему крупного континентального цивилизационного проекта - от древних империй до современного Евросоюза. В контексте нашей статьи особый интерес вызывают евразийские континентальные проекты. В вводной части статьи уже контурно обозначено их многообразие. Однако опираясь на концепцию БС можно предложить совершенно иной масштаб рассмотрения средиземноморского Востока как восточного фланга примыкания к Средиземноморью евразийских пространств вплоть до Южной Азии и Дальнего Востока.

В постбиполярный период Ближний Восток перешёл под влияние США, тогда как постсоветское Причерноморье оказалось сферой влияния ЕС. Интеграция в ЕС Турции могла окончательно сделать Восточное Средиземноморье евроатлантическим регионом, однако заморозка этого процесса, наряду со сбоями интеграции в ЕС и НАТО балканских государств, а также Украины, Грузии и Молдавии оставили этот проект незавершённым. Тем не менее, проекты «Евросредиземноморья» и «Большого Ближнего Востока», продвигавшиеся соответственно США и ЕС, убедительно подтверждают выделяемые нами сущностные черты Большого Средиземноморья - притягивать крупные геополитические проекты и обретать свою идентичность благодаря им. У этого тренда есть своя «противофаза» - субрегиональная локализация. Как уже отмечалось, ответом на присутствие «внерегionalных» держав являются попытки ограничить Восточное Средиземноморье малыми и средними государствами, находящимися к востоку от Италии и до Босфора или ещё уже - Адриатико-Ионическим регионом. В любом случае, сторонники таких подходов предлагают избавить регион от влияния «великих держав». Очевидно, это связано со стремлением к безопасности и сохранению локальной идентичности, но цели подобных проектов недостижимы в условиях Средиземноморья. Оно представляет собой регион, значимый для глобальной безопасности и ключевой с геоэкономической точки зрения, благодаря своим природным ресурсам и транзитной роли.

Именно эти факторы оказываются решающими в новом «восточном развороте» региона. С нашей точки зрения, он происходит по пяти основным векторам - российскому, китайскому, турецкому, иранскому и восточноевропейскому. Восточное Средиземноморье сегодня должно рассматриваться в новом масштабе, включающем в себя геополитические, геоэкономические и гуманитарные процессы, происходящие в Евразии и в Африке. Его будущее развитие тесно связано с этими процессами и поэтому изолированное рассмотрение востока Средиземноморья как локализованного субрегиона нерепрезентативно с научной точки зрения и непродуктивно стратегически.

Россия занимает ключевое место в Большом Средиземноморье по историческим, географическим, геополитическим, геоэкономическим и геокультурным причинам. Исторически она (а также народы, проживавшие на ее территории и проходившие через неё), более тысячелетия оказывала влияние на Средиземноморье. Географически Россия непосредственно примыкает к Черноморской части Средиземноморского бассейна, занимает центральную локацию в Чёрном море, контролирует Азовское море, имеет военные базы в юго-восточном Средиземноморье. Геополитически она представляет собой наиболее сильного игрока в регионе, доминирует в сфере безопасности. В измерении «мягкой силы» Россия является лидером региональной дипломатии, поддерживает традиционные ценности, религиозный диалог и развивает классическую культуру. Россию нельзя назвать технологическим и экономическим лидером региона. Но ее возможности в новом масштабе геоэкономических процессов Восточного Средиземноморья могут заключаться в сопряжении различных транзитных проектов в рамках единой логики Евразийско-Средиземноморских транспортных путей - от северных морей и Арктики, АТР, Дальнего Востока и Южной Азии - в Средиземноморье и Северную Атлантику. При этом Россия может стать гарантом безопасности этих путей и участником международных консорциумов по их цифровизации.

Библиография:

Геостратегический атлас Большого Средиземноморья. Сайт проекта - rusrimland.ru Москва, Севастополь, 2018

НЕЧАЕВ В.Д., ЧИХАРЕВ И.А., ИРХИН А.А., МАКОВСКАЯ Д.В. Концепция геостратегического атласа Большого Средиземноморья. // Вестник МГУ, Серия 5, География, 2019, №1.

Средиземноморье-Черноморье-Каспий: Между Большой Европой и Большим Ближним Востоком. // ШМЕЛЕВ Н.П., ГУСЕЙНОВ В.А., ЯЗЬКОВА А.А. (ред.) М., 2006

BREGOLAT E. Russia in the Mediterranean and in Europe. // IEMed Mediterranean Yearbook, 2018

For A Prosperous and Intergated Adriatic and Ionian Region, Luxembourg, 2014

GORKA M. The Three Seas Initiative as a Political Challenge for the Countries of Central and Eastern Europe. / Politics in Central Europe, 2018, Vol.14 №3

The New Eastern Mediterranean. Theory, Politics and States in a Volatile Era. / Ed. by LISTAS S., TZIAMPIRIS A. Springer, 2019

WILKINSON, DAVID. Central Civilzation, Comparative Civilizations Review, 1987, No. 17.

ZORGBIBE CH. La Mediterranee sans le Grands? P., 1997

**МАТРЕГА – ГЕНУЭЗСКИЙ ГОРОД XIV–XV ВВ.
НА ТАМАНСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ**

V. Chkhaidze

Matrega – Genoa City on the Taman Peninsula in 14th–15th Centuries

С конца XII в. итальянские торговые города Генуя и Венеция стремились проникнуть к берегам Черного моря. Их попытки преуспеть на важнейшем направлении левантийской торговли поначалу были малоуспешны вследствие противодействия Византии. Однако с ослаблением империи генуэзцы в 90-е гг. XIII в. начали расширение своих территорий. Их торговые поселения переросли в колонии, в это время они уже имели прочные позиции в Предкавказье – в Матреге (греческая Матарха) и Копе. Захват Генуей Чембалло (Балаклавы) в 1357 г. и Солдайи в 1365 г. окончательно укрепил господство генуэзцев на Черном море.

Итальянские портоланы XIII–XV вв. неизменно называют Матрегу (Matrega), с производными Matreca, Manega, Matega, Matrigha, Matuga, La Matregua, Matryga [Фоменко 2007: С. 329].

Сведений источников о генуэзском владычестве в Матреге немного. Генуэзцы обосновались здесь не позднее начала XIV в. Во времена Латинской империи город посещали европейские и греческие купцы, прибывавшие из Константинополя за сушеной рыбой и следовавшие дальше до устьев Дона на барках. В период итальянской колонизации (XIII–XV вв.) роль Матреги сильно возросла – расположенный на проливе, отделяющем Крымский полуостров от Таманского, город имел важное стратегическое значение. Генуя, не удовлетворяясь возможностью пользоваться этим проливом, желала получить его в полное владение для защиты своих черноморских колоний, а также из политических соображений – с целью держать в подчинении соседние племена зихов (черкесов), которые обменивали здесь свои продукты на товары Запада. В статуте Каффы 1449 г. Матрега упоминается лишь один раз, причем отмечается, что ее жители не освобождаются от повинностей и налогов, установленных для других итальянских колоний на Черном море [ASLSP VII.2: Р. 637, № XLIX; Зевакин, Пенчко 1938: С. 108; Узлов 2004: С. 215].

Город был хорошо укреплен и защищен, так как черкесы часто посягали на колонию. Ко второй половине XV в. относится постройка в Матреге крепости, осуществленная при помощи Каффы [ASLSP VII.1: Р. 531–532, № DCCLXXXVII; 550, № DCCCXI; Узлов 2004: С. 215–216]¹.

Население Матреги состояло из греков, армян, черкесов и представителей других народов, в частности евреев понтийского происхождения (Tamanli) [Еманов 1991: С. 113].

В Матреге нередко находили приют неоплатные должники или опальные местные правители, как, например, татарский хан Нур-Девлет, свергнутый Менгли-Гиреем в 1468 г. [ASLSP VII.1: Р. 521; Зевакин, Пенчко 1938: С. 126] или нобиль Марко Джентиле, изнасиловавший гречанку в Каффе и укrywшийся от правосудия в Матреге в августе 1465 г. [Яровая 2010: С. 60–61].

Предкавказские колонии играли важную роль в торговом обороте Генуи, прежде всего через посредство Каффы, при этом Матрега и Копа являлись связующим звеном между Крымом и Кавказом, вплоть до Дербента, Шемахи, а также Хорезма [Еманов 2018: С. 141].

Матрега являлась важным портом на стыке Черного и Азовского морей. В середине XV в. источники фиксируют в Матреге президента, помимо него генуэзцы имели здесь свои торговые учреждения [Зевакин, Пенчко 1938: С. 80; Узлов 2004: С. 215–216]. К концу XV в. в Матреге возникает феодальное княжество (апанаж) – город стал феодем генуэзского рода нобилей-гибеллинов Гизольфи (Ghisolfi) [ASLSP IV: Р. CXXVII–CXXVIII, note 1; V: Р. 259; Зевакин, Пенчко 1938: С. 104].

В 1419 г. владельцем Матреги являлся Симон Гизольфи. Сын Симона – Винченцо женился на дочери и наследнице черкесского князька Берозоха по имени Биха-Ханум (Bichacanon; Bicha-khanim). Это известно из документа, датированного 1448 г. [Desimoni 1869: Р. 185], сведений о котором больше нет [Зевакин, Пенчко 1938: С. 106, сноска 2].

В 1424 г. при посредничестве своего брата Джано Галеаццо Симон заключил договор с генуэзцами, благодаря которому несколько раз получал помощь оружием и деньгами для защиты Матреги [ASLSP V: Р. 260]. От деда, не без вмешательства соседей, это владение перешло к Заккарию Гизольфи [ASLSP V: Р. 185], который фигурирует в документе как feudatario – «феодал» (владелец) [ASLSP VII.1: Р. 522]. Из этого следует, что семья Гизольфи владела Матрегой по династическому принципу.

¹ Эту крепость в 1711 г. видел Абри де ла Мотре и оставил такое ее описание: «Замок [Тамани] был, кажется, построен или починен генуэзцами; по крайней мере некоторые остатки оружия их консулов свидетельствуют об этом, как и в Каффе». Следует отметить, что генуэзскую крепость турки расширили и перестроили. При них она носила название Хункала – ее остатки, находящиеся к востоку от Таманского городища, под современной застройкой, исследовались лишь спорадически [Чхаидзе 2014: С. 395–396, рис. 1].

На гербе Гизольфи изображены три противозубчатых лазурных пояса в золотом поле [Яровая 2010: С. 187]. Около 1792 г. в Тамани аббатом Гаспаро Луиджи Одериго была обнаружена мраморная геральдическая плита. В настоящее время ее местонахождение не известно. В центре плиты – герб Гизольфи. Верху надпись: MCCCCLXXIII, Die XX Mandii – 1474, 22 мая и две литеры “Y” [Oderico 1792: P. 212, tav. XVI].

Заккария Гизольфи пытался вести самостоятельную экономическую политику и стремился к возможно большей независимости от Каффы. При этом он был устойчивым должником Генуи. Протекторы и консулы Каффы постоянно предписывали взыскать с него долги [ASLSP VII.1: P. 550, № DCCCXI; 733, № DCCCCXXXV]. Заккария действовал авантюристично: у всех соседей выпрашивал помощь ввиду непрочности своей власти и, получив ее, начинал ссоры с друзьями и недругами, стремясь всеми способами удержать власть – так в 1457 г. Матрега ненадолго была захвачена черкесским князьком Кадибельди [ASLSP VII.1: P. 514–515, 841–848. № 1015; Зевакин, Пенчко 1938: С. 97, 109, 126].

После захвата Константинополя турками в 1453 г. положение генуэзских колоний на Черном море значительно ухудшилось. В 1473 г. пала Каффа, а затем одна за другой были захвачены и все остальные колонии. Матрега была разграблена. Заккария Гизольфи еще несколько лет оставался в Матреге (известна его переписка с Иваном III в 1482–1491 гг.), после чего он перешел на службу к крымскому хану Менгли I Гирею [Памятники: С. 309, № 64].

За время многолетних археологических исследований Таманского городища открыты архитектурные остатки XIV–XV вв.: жилые и хозяйственные помещения, очаги и печи-тандыры, одновременный им керамический материал [Чхаидзе 2006: С. 197–198]. Из раскопок в Матреге известны находки генуэзских монет – аспров Каффы [Чхаидзе 2018: С. 114, рис. 1, 12–14].

Позднесредневековые слои Матреги все еще слабо изучены. В настоящее время проводится анализ, обобщение и публикация археологических материалов XIV–XV вв.

Библиография:

ASLSP IV: Atti della società Ligure di storia Patria. Vol. IV. Publicatio M. Civitali et. S. Varni. – Genova, 1866.

ASLSP V: Atti della società Ligure di storia Patria. Vol. V. Publicatio C. Desimoni et L.T. Belgrano. Genova, 1867.

ASLSP VII: Atti della società Ligure di storia Patria. Vol. VII.1 & 2. Publicatio P.A. Vigna. – Genova, 1871, 1879.

ODERICO G.L. Lettere ligustiche ossia osservazioni critiche Sulla Stato Geografico della Liguria fino ai tempi di Ottone il Grande con le memorie storiche di Caffa, Ed altri luoghi della Crimea possiduti un tempo da'Genovesi, e Spiegazione de'Monumenti Liguri quivi esistenti. – Bassano, 1792.

ПАМЯТНИКИ: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымскою и Ногайскою ордами и с Турцией. Том I. С 1474 по 1505 год. Изд. под ред. Г.Ф. Карпова / Сборник императорского русского исторического общества. Том XLI. – СПб., 1884.

ЕМАНОВ А.Г. Латиняне и нелатиняне в Кафе (XIII–XV вв.) // Из истории Византии и византиноведения. – Л., 1991. С. 107–116.

ЕМАНОВ А.Г. Между полярной звездой и полуденным солнцем. Кафа в мировой торговле XIII–XV веков. – СПб., 2018

ЗЕВАКИН Е.С., ПЕНЧКО Н.А. Очерки по истории генуэзских колоний на Западном Кавказе в XIII и XV вв. // Исторические записки. Том 3. – Л., 1938. С. 72–129.

УЗЛОВ Ю.А. К вопросу об итальянской колонизации Северо-Западного Кавказа в XIII–XV вв. // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Материалы II Судакской международной научной конференции. Часть II. – Киев; Судак, 2004. С. 213–219.

ФОМЕНКО И.К. Образ мира на старинных портоланах. Причерноморье. Конец XIII–XVII вв. – М., 2007.

ЧХАИДЗЕ В.Н. Матрега – золотоордынско-генуэзский город XIII–XV вв. на Таманском полуострове // Город и степь в контактной евроазиатской зоне. III международная научная конференция посвященная 75-летию со дня рождения Г.А. Федорова-Давыдова. Тезисы докладов. – М., 2006. С. 196–197.

ЧХАИДЗЕ В.Н. Османская крепость Хункала // Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения. Материалы международной конференции. – М., 2014. С. 395–398.

ЧХАИДЗЕ В.Н. Денежное обращение на Таманских островах в XIII – конце XV вв. // Нумизматические чтения Государственного исторического музея 2018 года. Материалы докладов и сообщений. – М., 2018. С. 110–115.

ЯРОВАЯ Е.А. Гербальдика генуэзского Крыма. – СПб., 2010.

DESIMONI C. Nuovi studi sull'Atlante Luxoro. – Genova, 1869.

**СООТНОШЕНИЕ ТЕРМИНОВ «ВИЗАНТИЯ»
И «ВОСТОЧНАЯ РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ» В СРАВНЕНИИ
С КИТАЙСКОЙ ДИНАСТИЙНОЙ ТРАДИЦИЕЙ**

D. Shulga

**The Correlation of the Terms «Byzantium»
and «Eastern Roman Empire» in Comparison
with the Chinese Dynastic Tradition**

В настоящее время название «Византия» часто встречается не только в европейской [напр., Vrhovski J., 2013], но и в азиатской исследовательской литературе [Баярсайхан, 2013; Го Юньянь, 2016; Cheng Linquan, Zhang Xiangyu, 2008; Го Юньянь 2015]. Автор далёк от намерения вытеснить его из употребления, однако хотел бы обратить внимание на его условность (об которой, разумеется, писали и до нас). Новизна заключается в том, что мы кратко рассмотрим в этой связи китайскую традицию наименования империй.

Основными причинами «переименования» Восточной Римской империи в Византию нередко называют перенос столицы, изменение господствующего языка с латыни на греческий, утрата города Рим. Стоит отметить, что подобные процессы не особенно уникальны, ведь параллели им мы ярко видим, например, в период Хань. Важно, что эта эпоха в истории Поднебесной во многом похожа на римскую как по времени [Комиссаров и др., 1997], так и по, например, взаимоотношениям с «варварами» (особенно на позднем этапе), о чем красноречиво читаем в «Вертограде полководца»: «Народы севера не живут оседло, они кочуют в поисках воды и трав, это способствует их набегам на юг. Ответные походы на север затруднены, ибо там горные хребты и пустыни, которые дают возможность для обороны. Для пропитания охотятся и пьют молоко, от холода их защищает кожаная одежда на меху, они стреляют в зверя на скаку, и этим добывают средства к существованию. На охрану рубежей должны быть отправлены лучшие воины и командиры, в это же время элитные войска должны быть готовы к защите. Необходимо создать

обширную сеть складов с провизией, возвести систему сигнальных башен, чтобы узнавать о перемещениях врага. Когда внутренние территории врага опустеют, надо стягивать силы, чтобы, пользуясь отсутствием войск неприятеля, нанести удар. Таким образом можно одолеть врага малыми затратами, не начиная масштабной кампании, расстроить планы противника» [Шульга, Мерзликин, 2016. С. 140–144]. В приведенном отрывке мы видим примерно те же меры по охране всё более уязвимых границ, которые предпринимали императоры эпохи домината (естественно, с поправками на местную специфику).

Точно также, как и в Средиземноморье, империя Хань пережила перенос столицы (из Сианя в Лоян). Именно это событие стало водоразделом между Западной и Восточной Хань (в отличие от Рима, империи не сосуществовали, а сменяли друг друга). Административный центр сместился в Китае не спроста – часть территорий на северо-западе были потеряны. Примечательно, что данные изменения не повлекли за собой возникновение какой-то дихотомии, вроде «Восточная Римская империя» – «Византия». А ведь мы говорим только об одной династии, в то время как термины 中国 («Чжунго», Срединное государство») и 天下 («Тянься», Поднебесная) были еще более стабильны. При этом было бы упрощением считать, что китайская культура пребывала неизменной – как и в Средиземноморье, сменяли друг друга господствующие религиозные и философские концепции, реформировалось до неузнаваемости государственное устройство, совершенно по-разному комплектовалась армия, к власти приходили инородческие по происхождению семейства (например, в эпохи Суй и Тан). И все же как на уровне династий, так и на уровне государства вообще мы соблюдаем «единство понятий». Переноса данную логику на Средиземноморье, можно, например, говорить не об отдельной Никейской империи, а скорее Никейском периоде Восточной Римской империи.

Во избежание недопонимания отдельно оговорим вопрос государств, вроде Трапезундской державы в Малой Азии или различных удельных царств Китая. В силу своего периферийного положения они, на наш взгляд, даже если пытались претендовать на общеимперские регалии (императорский статус правителей Трапезунда и всяческие Северные Хань в Китае), должны рассматриваться именно как локальные образования. При сохранении культурных и политических традиций «материнского» государства, подобные политии как раз и должны иметь отдельное название, в отличие от «Византии», в истории которой мы видим чёткую преемственность по отношению к Римской империи.

Библиография:

БАЯРСАЙХАН Д. Монгол-византийн олон талт харилцаа (XIII–XIV зуун) // *Historia Mongolarum*. – 2013 – № 396 (34). С. 33–48.

ГО ЮНЬЯНЬ. Лунь Мэнгуто Баяннээр туцзюэ бихуа мусо чуцзинь иньби дэ синчжи тэчжэн [郭云艳。论蒙古国巴彦诺尔突厥壁画墓所出金银币的形制特征 // *草原文物* 2016年第1期] Обсуждение золотых монет из тюркских погребений в Баян-Норе (Монголия) // Цаюань вэньу («Культурное наследие степи»). – 2016. – №1. С. 115–123.

ГО ЮНЬЯНЬ. Цайлунь чжунгофасяньдэ люмэй Байчжаньтин чжунци цзиньби [郭云艳。再论中国发现的六枚拜占庭中期金币 // *China Numismatics* 2015年第1期] Еще раз о шести средневековых Византии монетах в Китае // *China Numismatics*. – 2015. – №1. – С. 53–59.

КОМИССАРОВ С.А., ХАРРИС Д., ВАСЕНЬКИН В.В. Столкновение Римской и Ханьской империй (в контексте военной истории) // *Россия и Восток. Археология и этническая история: Материалы IV Междунар. науч. конф. «Россия и Восток: проблемы взаимодействия»*. Омск, 1997. С. 26–27.

ЦЗЯН ЛУ. Бэйфан дицью «нань сюнну» муцзан цзай таньтао [蒋璐。北方地区《南匈奴》墓葬再探讨 // *边疆考古研究* 2011年1期] Новые исследования погребений «южных сюнну» в Северном Китае. – 2011. – №1. – С. 244–253.

ШУЛЬГА Д.П., МЕРЗЛИКИН А.А. «Вертоград полководца» Чжугэ Ляна на стыке дисциплин. Новосибирск: Омега-принт, 2016. 147 с.

ЯН ГУАНЬХУА. Лоян Цзяньси Хэншаньлу Бэйвэйму фацзюэцзяньбао [杨冠华。洛阳涧西衡山路北魏墓发掘简报 // *文物* 2016年第7期] Отчет о раскопках гробницы эпохи Северная Вэй в лоянском районе Цзяньси на улице Хэншаньлу // *Вэньу* (культурное наследие). 2016. №7. С. 4–14.

ЯН ГУНЛЭ. Сычоу сисяо даочжи Лома диго цзинцзи шуайло шо юаньлю бяньси [杨共乐。丝绸西销导致罗马帝国经济衰落说源流辨析 // *Collected Papers of History Studies* 2011年1期] Критический анализ гипотезы о взаимосвязи торговли по Шёлковому пути и упадком Римской империи // *Collected Papers of History Studies*. – 2011. – №1. С. 69–74.

CHENG LINQUAN, ZHANG XIANGYU. Tomb of Kang Ye of the Northern Zhou in Xi'an, Shaanxi // *Chinese Archaeology*. 2008. Vol. 9. P. 23–38.

VRHOVSKI J. Apologeticism in Chinese Nestorian Documents from the Tang Dynasty: Notes on Some Early Traces of Aristotelianism in China // *Asian Studies*. – I (XVII), 2(2013). P. 53–70.

Шульга Д.П.,

Дудукин К.А.

НОВАЯ НАХОДКА ЗОЛОТОЙ МОНЕТЫ АНАСТАСИЯ I В ГОРОДЕ ЛОЯН (В КОНТЕКСТЕ ВЕЛИКОГО ШЁЛКОВОГО ПУТИ)¹

D. Shulga,

K. Dudukin

A New Discovery of the Golden Coin of Anastasiy I in Luoyang City (in the Context of the Great Silk Road)

Окрестности г. Лоян содержат немалое количество элитных погребений династии Северная Вэй (она же Тоба Вэй по имени некитайского кочевого этноса создателей, 386—534 гг. н.э.). При раскопках гробницы M926 (датируется промежутком 525–534 гг.) в районе Цзяньси г. Лоян была сделана весьма интересная нумизматическая находка. Китайским исследователям удалось обнаружить золотую монету восточноримского императора Анастасия I. Масса монеты 2,8 грамма (Ян Гуаньхуа, 2016: 12). Нельзя сказать, что до сих пор подобных артефактов не было, однако число их очень невелико (Комар, 2012: 559). На аверсе монета отчеканен портрет императора с выразительно выполненными глазами (рис.1 а). Несколько менее чёткое изображение в районе затылка – доподлинно не ясно, перед нами волосы или обод. Так или иначе, одеяние и головной убор августа украшены выступами, символизирующими драгоценные камни. В правой руке басилевса длинное копье. На реверсе монеты чётко просматривается ангел с крестом, который, впрочем, по манере исполнения весьма похож на дохристианские образы богини победы, отчего у китайских авторов он именуется «Богиня-Виктория» (рис. 1 б).

Что касается пути, по которому данная монета попала с территории Византии в Восточный Китай, то восстановить его можно лишь умозрительно. Учитывая время правления Анастасия (491–518 гг. н.э.), и то, что в 534 г. не стало и самой Тоба Вэй, можно заключить, что монета довольно быстро пре-

¹ Исследования выполнены при поддержке Министерства образования и науки РФ по Программе повышения конкурентоспособности ведущих российских университетов среди ведущих мировых научно-образовательных центров (Проект 5-100)

одолела примерно 10 000 км. Таким образом, данный нумизматический экземпляр застал один из пиков развития Лояна как столичного города, благополучие которого не в последнюю очередь базировалось на Великом Шёлковом пути. Аристократия и торговая элита Восточной Римской империи достаточно активно покупала для личного пользования и перепродажи продукты китайского экспорта, в т.ч. и шёлк. На примере монеты мы, с другой стороны, также видим, что представители китайской (в данном случае речь скорее об «окитаившейся» прослойке выходцев из кочевых народов, хотя в таковую инкорпорировались и собственно ханьцы) правящей верхушки считали почётным положить в качестве погребального инвентаря деньги далёкого Дацзинь (устоявшееся в Китае название для Рима и Византии). Научному сообществу очень повезло, что описываемый артефакт не стал жертвой злоумышленников (погребение было разграблено, очевидно, еще в средневековье).

Размещение монеты в гробнице указывает также и на её подлинность. Дело в том, что изготовление фальшивой монеты было не редким явлением на Шёлковом пути. Есть мнение, что иногда в этом даже не было злого умысла – византийские и иранские монеты выступали в качестве устойчивых денежных единиц, положение которых было прочнее от того, что Китай, при всей своей роли в международной торговле, начиная с III в. н.э. почти четыреста лет был раздроблен. И раздроблен эта, в отличие, например, от восточножюуского периода (771–221 гг. до н.э.), сопровождалась постоянным появлением и исчезновением царств и империй, из которых редкие (особенно на севере) переживали один век. Естественно, в таком «политическом климате» ценность иноземных монет, имевших стандартную массу и содержание драгоценного металла, существенно возрастала. Не менее очевидно, что это же побуждало многих изготавливать «аналоги» солидов кустарным способом, причем подобные «умельцы» могли действовать на пространствах от Средней Азии до Жёлтого моря. Подлинные и сомнительные монеты Восточной Римской империи распространены вдоль Шёлкового пути (современные Синьцзян-Уйгурский и Нинся-Хуэйский автономные районы, провинции Ганьсу, Шэньси и Хэнань, отчасти также юг Внутренней Монголии). Например, в районе г. Сианя яркая находка солида Юстиниана (авторы раскопок, впрочем, склонны считать монету принадлежащей к правлению Юстина) была сделана в гробнице (571 г. н.э.) осевшего в царстве Северная Чжоу согдийца Кан Е (Cheng, Zhang, 2008: 23). Данная золотая монета была введена нами в оборот в 2018 году (Шульга А.А., Шульга Д.П., 2018: 207).

Перемещение политического центра в Константинополь около 330 г. н.э., надо полагать, благотворно повлияло на развитие отношений Рима с восточными государствами. Как уже говорилось, китайский шелк был очень

популярен среди аристократов, и поставки весьма ценились. Однако Персидская династия Сасанидов (224–651 гг. н.э.), расположенная между Византией и Средней Азией, жестко контролировала торговлю шелком между Востоком и Западом, используя географические преимущества. Чтобы получить китайский шелк, в 298 году Римская империя и Персия достигли соглашения об открытии Нисибиса как торгового порта (в том числе для торговли шелком) между двумя странами. Однако порта оказалось недостаточно: с 408 по 409 г. н.э., чтобы расширить масштабы торговли, Византийская империя договорилась с Персией об увеличении количества портов до трёх. Такая ситуация сохранялась около двух веков.

Всего за прошедшие сто лет в Китае было найдено около сорока восточноримских монет, однако многие не имеют археологического контекста, так что практически невозможно установить, когда же они попали в Поднебесную. К тому же, значительная часть находок – довольно грубые изначально либо сильно потёртые. В 1931 году в Лояне была найдена копия византийской монеты. Впрочем, из-за сложной политической ситуации в Китайской Республике того времени, конкретные обстоятельства находки не ясны. Нумизматическая редкость была приобретена Королевским музеем Онтарио в Канаде.

В конце хочется отметить интересную особенность. Более десятка из указанных примерно сорока монет были найдены во рту умерших (несколько меньшее количество – в районе правой руки). Как мы уже отмечали при описании монеты из погребения Кан Е (Шульга А.А., Шульга Д.П., 2018), это могло быть следствием разложения мягких тканей тела усопшего и органической части убранства, в результате которого монета, например, с шеи закатывалась в район черепа. К подобному же смещению могла привести деятельность грызунов. Но, в то же время, большая выборка находок именно во рту наталкивает на размышления. Впрочем, чтобы последние имели под собой основания, необходимо вводить в оборот российской науки новые данные, чему и была посвящена настоящая работа.

Библиография:

КОМАР А.В. Куда «запаздывают» монеты? (К вопросу о роли монет в датировке раннесредневековых памятников Восточной Европы VI—VIII вв.) // Петербургский апокриф. Послание от Марка (Сер. «Библиотека Stratum plus»). Санкт-Петербург; Кишинев, 2011.

ШУЛЬГА А.А., ШУЛЬГА Д.П. Особенности развития погребальной архитектуры в зоне межкультурной коммуникации (на примере могилы Кан Е в Северном Китае) // Баландинские чтения. 2018. Т. XIII.

ЯН ГУАНЬХУА. Лоян Цзяньси Хэншаньлу Бэйвэйму фацзюэцзяньбао [杨冠华。洛阳涧西衡山路北魏墓发掘简报//文物2016年第7期] Отчет о раскопках гробницы эпохи Северная Вэй в лоянском районе Цзяньси на улице Хэншаньлу // Вэньу (культурное наследие). 2016. №7.

CHENG LINQUAN, ZHANG XIANGYU. Tomb of Kang Ye of the Northern Zhou in Xi'an, Shaanxi // Chinese Archaeology. 2008. Vol. 9.

Иллюстрации к статье Д.П. Шульги и К.А. Дудукина

Рис. 1. А – аверс золотой монеты Анастасия I из погребения M926 в г. Лоян;
Б – реверс золотой монеты Анастасия I из погребения M926 в г. Лоян.

**Ярмак О.В.,
Канах А.М.,
Нелина Л.П.,
Шкайдерова Т.В.**

**ЦЕННОСТНЫЙ АСПЕКТ ФОРМИРОВАНИЯ
НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ КРЫМА И СЕВАСТОПОЛЯ¹**

**O. Yarmak,
A. Kanakh,
L. Nelina,
T. Shkaiderova**

**Value Aspect of Formation of National-State Identity
of Student Youth of the Crimea and Sevastopol**

Отражением и индикатором интеграционных и консолидационных процессов в межэтническом пространстве является национально-государственная идентичность. В ходе исследования мы обратимся к понятию национально-гражданской идентичности, раскрываемых Л. М. Дробижевой таким образом: «понятия национально-гражданской идентичности включает не только лояльность государству, но и отождествление с гражданами страны, представления об этом сообществе, ответственность за судьбу страны и чувства, переживаемые людьми (гордость, обиды разочарования, пессимизм или энтузиазм). Так же, как и в республиканской, локальной, этнической идентичности здесь присутствуют когнитивные, эмоциональные и регулятивные элементы (готовность к действию во имя этих представлений и переживаний)» [1, 2]. Именно в данном ракурсе нами анализируется формирование национально-государственной идентичности крымской студенческой молодежи,

¹ Исследование проводится при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-06-00440\19 «Межнациональное и межрелигиозное согласие в студенческой среде Крыма и Севастополя: мониторинг и анализ уровня развития».

находящейся в переходном – пограничном – состоянии в связи с событиями Крымской весны.

В качестве одной из задач исследования перед научным коллективом поставлен анализ системы ценностного аспекта формирования национально-государственной идентичности крымской студенческой молодёжи.

Методология исследования базируется на подходах институционализма, сравнительном и конфликтологическом анализе. Новый институционализм позволяет исследовать рациональность выбора стратегии поведения в сложносоставном обществе. Сравнительный анализ применяется в исследовании для сопоставления содержательных особенностей показателей межнациональных и межрелигиозных отношений в Крыму и Севастополе. Конфликтологический анализ позволяет понять процессуальные, структурно-ролевые и функциональные особенности рассматриваемых в исследовании кейсов.

Объектом исследования является студенческая молодежь, обучающаяся в вузах Республики Крым и города федерального значения Севастополь. Актуальность обращения к молодежи как к объекту анализа обусловлена тем, что она всегда являлась наиболее подверженной влиянию извне группой. Молодежь социально активна, и поэтому ее зачастую задействуют в общественных мероприятиях, акциях как поддерживающего, так и протестного характера. Ядром молодежи благодаря своей организованности и сгруппированности является студенчество, выступающее предметом нашего исследования.

Эмпирическая модель данного мониторингового исследования была построена на комбинации двух методов: массового опроса и глубинного интервью. Выборочная совокупность массового опроса репрезентативна возрастному критерию, количеству обучающихся в вузах двух территориальных образований – Республики Крым и городу федерального значения Севастополь. Объем выборочной совокупности первой исследовательской волны 2017 года составил 1600 человек, размер ошибки выборки не превысил 3%. Исследовательский коллектив благодарит руководство вузов, принявших участие в данном исследовательском проекте.

При осуществлении анализа системы ценностных ориентаций студентов Республики Крым и города Севастополь была поставлена задача понять структуру ценностного сознания молодого поколения. В ядро ценностного сознания крымской молодежи вошли здоровье, свобода, интересная работа и желание добиться профессионально развиваться. Для крымской студенческой молодёжи также актуальны ценности любви, семейственности и друзья.

С помощью тех ценностей и смыслов, которые на данный момент господствуют в среде определенной социальной группы или общества в целом, студенческая молодежь осваивает социальный опыт и ретранслирует его на свои действия и их мотивы, обусловленные их личной ценностной системой. В связи с этим актуализация ценности здоровья в сознании современного студента, с нашей точки зрения, обуславливает важность инвайронментальных смыслов, в частности качества и уровня жизни, влияющих на здоровье человека. Наличие свободы в ценностном ядре крымской молодежи говорит о характерном для молодых людей стремлении быть свободным и не иметь «социальных ограничений». Профессиональная самореализация молодого человека отражается в ценностях интересной работы и профессионального роста. Присутствие таких общечеловеческих ценностей, как любовь, благополучная семейная жизнь, друзья говорят о традиционализме молодежи (рис. 1).

Рисунок 1. Распределение ответов на вопрос «Насколько важны для Вас следующие ценности?» (выбор варианта «10» - наиболее важно, в % к ответившим)

Оценки личностных качеств современного человека показали значимость в студенческом сообществе честности, ответственности, независимости и самоконтроля. Для треть опрошенных молодых людей актуальны эффективность, исполнительность, терпимость и лояльность (рис. 2).

Помимо оценки личностных качеств студентам предлагалось назвать качества, которые они ценят в других. Основным таким качеством оказалась

общность интересов, а самыми незначимыми - общность религиозных взглядов и этническое происхождение (рис. 3). Это свидетельствует о космополитичности современной крымской молодежи: для нее важны не национальные или конфессиональные особенности собеседника, друга или знакомого, а его идеи, взгляды, интересы и установки.

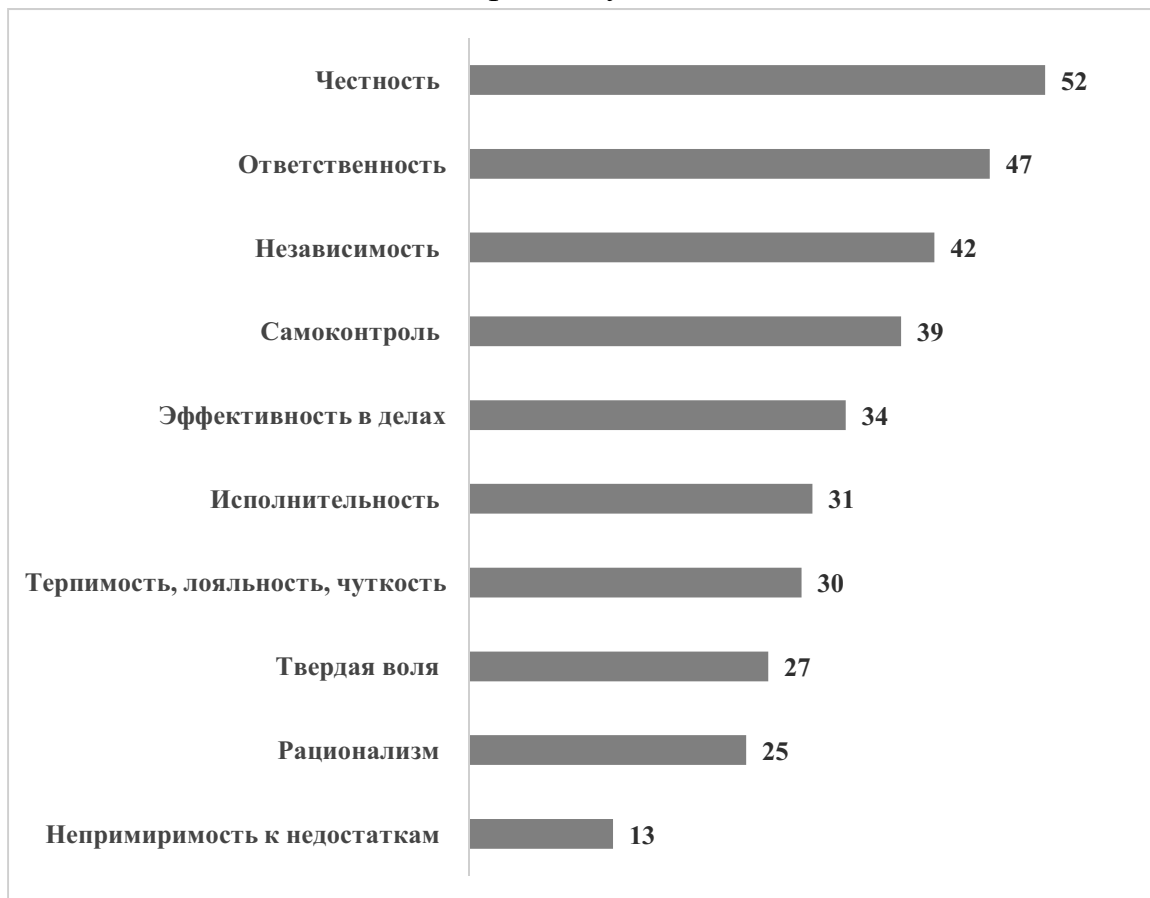

Рисунок 2. Распределение ответов на вопрос «Насколько важны для Вас следующие качества?» (выбор оценки 10 – наиболее важно, в % к ответившим)

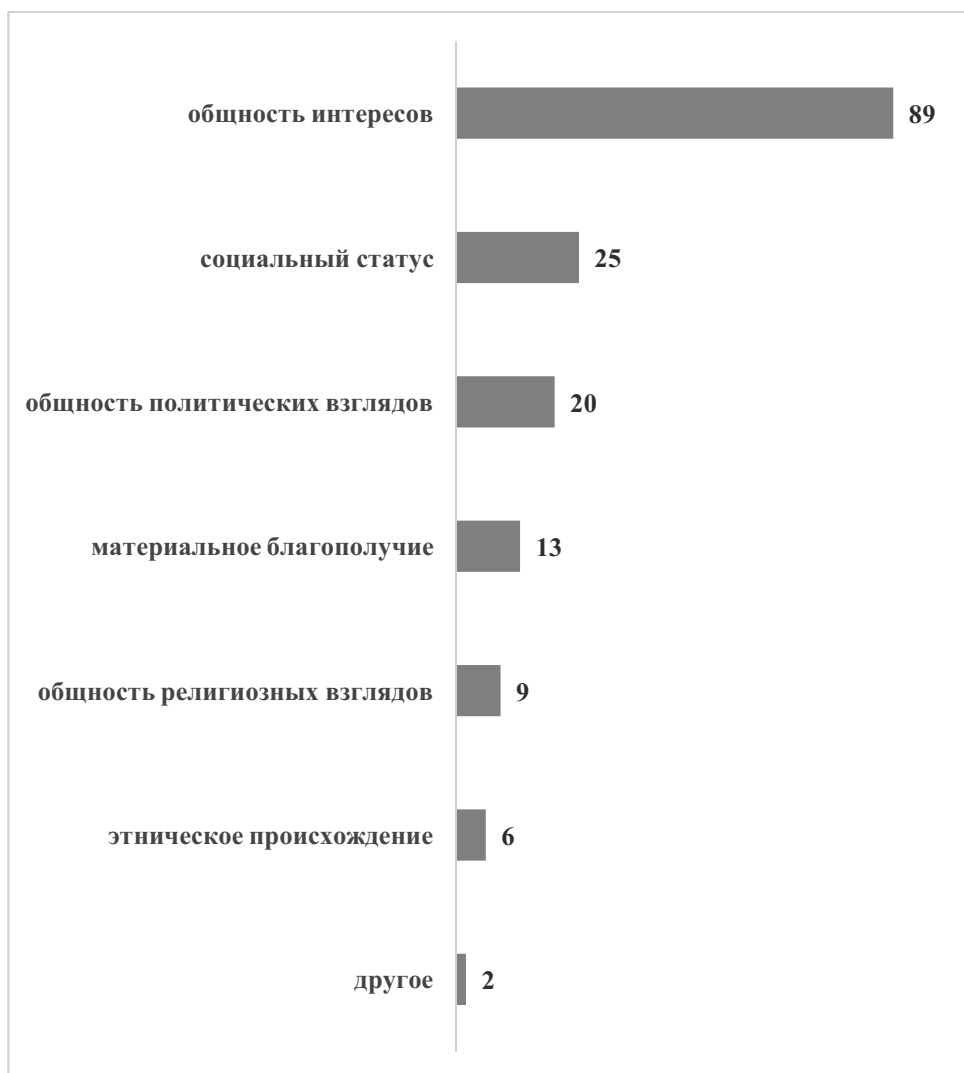

Рисунок 3. Распределение ответов на вопрос «Оценивая личность человека в целом, на какие характеристики Вы обращаете внимание, прежде всего?» (в % к ответившим, выбор не более 3-х вариантов ответа)

Полученные результаты, на наш взгляд, позволяют говорить о устойчивых межнациональных установках в ценностном сознании крымского студенчества, что особенно важно для Крыма как полиэтнического региона, где возможность взаимодействия и наличия социальных связей с представителями другой национальности или вероисповедания выше, чем в иных российских регионах.

Крымская студенческая молодежь ориентирована на собственную самореализацию, как профессиональную, так и личностную, на достижение достойного уровня качества жизни, в том числе посредством поддержки здоровья и материального обеспечения. В ценностном ядре сознания студенчества Крыма и Севастополя присутствуют и традиционные смыслы семейственности, любви и дружбы. Отсутствие в качестве ценностного критерия общих религиозных или национальных интересов, причастности к определенным религиозным и этническим группам свидетельствует о

слабости национального и конфессионального факторов при формировании ценностного компонента национально-государственной идентичности крымской молодежи.

Библиография:

ДРОБИЖЕВА Л.М. Национально-гражданская и этническая идентичность: проблемы позитивной совместимости. Режим доступа: civisbook.ru/files/File/Nacionalno-grajd.pdf. Дата обращения: 18.04.2019.

ДРОБИЖЕВА Л.М. Интеграционные процессы в полиэтническом российском обществе. Режим доступа: isras.ru/index.php?page_id=882. Дата обращения: 18.04.2019

ДРОБИЖЕВА Л.М. Потенциал межнационального согласия: осмысление понятия и социальная практика в Москве // СОЦИС. Социологические исследования, 2015, № 11 Режим доступа: socis.isras.ru/files/File/2015/2015_11/80-90_Drobizheva_.pdf. Дата обращения: 18.04.2019.

ИНГЛХАРТ Р., ВЕЛЬЦЕЛЬ К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. – М.: Новое издательство, 2011. – 364 с.

Российская идентичность в условиях трансформаций / Отв. ред. М.К. ГОРШКОВ, Н.Е. ТИХОНОВА. М., 2005.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ КОМИТЕТ
III Международной научной конференции
«Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и
политические связи Крыма со Средиземноморским регионом
и странами Востока» (6-8 июня 2019 г., г. Севастополь)

Председатель Организационного комитета

Наумкин Виталий Вячеславович,
Научный руководитель ИВ РАН, академик РАН, проф.

Заместитель председателя Организационного комитета

Прудников Виталий Владимирович,
научный сотрудник ИВ РАН, помощник директора ИВ РАН, к.и.н.

Члены Организационного комитета

Нечаев В.Д. *Ректор Севастопольского государственного университета, д.п.н., проф.*

Морозова Е.А. *Директор ФГБУК Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес- Таврический»*

Чихарев И.А. *Директор Институт общественных наук и международных отношений, к.полит.н.*

Аликберов А.К. *Зам. Директора ИВ РАН, Рук. Центра изучения Центральной Евразии. к.и.н.,*

Седикова Л. В. *Зам. Директора по научной работе ФГБУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес- Таврический»», к.и.н.*

Бойцова Е.Е. *Заместитель директора по учено-научной работе Гуманитарно-педагогического института СевГУ, к.и.н.*

Васильев Д.Д. *Зав. Отделом истории Востока ИВ РАН, проф.*

Лисовой Н.Н. *Заместитель Председателя Императорского Православного Палестинского Общества, д.и.н.*

Васильев А.Д. *Руководитель Центра Крымских исследований ИВ РАН, к.и.н.*

Татарков Д.Б. *Директор научно-образовательного центра "Центр морских исследований и технологий" СевГУ, к.и.н.*

Гинькут Н.В. Секретарь Оргкомитета, Ученый секретарь ФГБУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический»».

Лебединский В.В. Секретарь Оргкомитета, Руководитель Крымской подводной археологической экспедиции ИВ РАН, к.и.н.

Пронина Ю.А. Секретарь Оргкомитета, научный сотрудник ИВ РАН

Председатель Программного комитета

Седикова Лариса Васильевна

Зам. Директора по научной работе ФГБУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический»», к.и.н.

Заместитель председателя Программного комитета

Чихарев Иван Александрович

Директор Институт общественных наук и международных отношений,
к.полит.н.

Члены Программного комитета

Гинькут Н.В. Ученый секретарь ФГБУК «Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический»».

Лебединский В.В. Руководитель Крымской подводной археологической экспедиции ИВ РАН, к.и.н.

Татарков Д.Б. Директор научно-образовательного центра "Центр морских исследований и технологий" СевГУ, к.и.н.

Научное издание

**III МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«Исторические, культурные, межнациональные, религиозные
и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом
и странами Востока»**

6–8 июня 2019 г., г. Севастополь

**Материалы конференции
Том 1**

Ответственный редактор:

А.Д. Васильев

Составители:

Н.В. Гинькут, В.В. Лебединский, В.В. Прудников

Предпечатная подготовка:

И.А. Плигин

ISBN 978-5-98604-723-2

Подписано в печать 15.05.2019 г.
Формат 60х84/8. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 35,81. Тираж 500 экз.
Зак. № 891.

Отпечатано в типографии издательства «ПРОБЕЛ-2000»
Адрес: 109544, г. Москва, ул. Рабочая, д. 91, стр. 4.
Тел.: 8 (495) 287-06-19; e-mail: probel-2000@mail.ru